

POLSKIE TOWARZYSTWO RUSYCYSTYCZNE

przeгляд rusycystyczny

2023, nr 2 (182)

Katowice 2023

KOMITET REDAKCYJNY

Tadeusz Klimowicz — przewodniczący

Franciszek Apanowicz, Petar Bunjak, Jens Herlth, Jewgienij Jabłokow, Władimir Klimonow, Joanna Madloch, Daria Nevskaya, Kadisha Nurgali, Antoaneta Olteanu, Grzegorz Przebinda, Barbara Stempczyńska, Walerij Tiupa, Halina Waszkielewicz

ZESPÓŁ REDAKCYJNY

Piotr Fast (redaktor naczelny), Michał Głuszkowski (zastępca redaktora naczelnego), Justyna Pisarska, Joanna Darda-Gramatyka, Anna Paszkowska (sekretarz redakcji)

Adiustacja tekstów obcojęzycznych

Yevheniy Liashchevskiyi

Piotr Plichta

Korekta

Justyna Pisarska

ADRES REDAKCJI

Przegląd Ruscystyczny, 41-500 Chorzów, ul. Zjednoczenia 1/11

tel. +48 604 965 737; +48 505 300 667

e-mail: prz.rus@op.pl

<http://www.journals.us.edu.pl/index.php/PR>

Index 371866

ISSN 0137-298

WYDAWCY

**Polskie
Towarzystwo
Ruscystyczne**

Polskie Towarzystwo Ruscystyczne
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5/318
tel. 505 300 667, ptr.polska@gmail.com
www.peteer.pl

**UNIWERSYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH**

Uniwersytet Śląski
Instytut Literaturoznawstwa
Instytut Językoznawstwa
41-200 Sosnowiec
ul. Stefana Grota Roweckiego 5

SPIS TREŚCI

7	JAN CICHOCKI	Rusycystka niezwykła. O profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022)
14	WŁODZIMIERZ OSADCZY	Święta Ruś — o ukraińskim rusofilstwie
29	MARIA CYMBORSKA-LEBODA	Filozofia jako palimpsest. Emmanuel Lévinas i Dostojewski
53	NEL BIELNIAK	Emocjonalne postrzeganie Berlina początku lat 1920. w listach Aleksieja Gwozdzińskiego
66	MONIKA KNUROWSKA	Skolonizowany kolonizator. O bohaterze powieści Jurija Dombrowskiego <i>Dzierżawin</i>
81	PAULINA WÓJCIKOWSKA-WANTUCH	Starzec-mnich-cudotwórca jako bohater współczesnej prozy rosyjskiej
99	MACIEJ PIECZYŃSKI	Problematyka dehumanizacji w wirtualnym tekście najnowszej dramaturgii rosyjskiej
124	PAULINA CHARKO-KLEKOT	Pierwiastek ironiczny w dramaturgii Oli Muchiny
143	GRZEGORZ CZERWIŃSKI	Czy «klasyczny» znaczy «obiektywny»? O reportażach Dmitrija Sokołowa-Mitricza
165	NATALIIA MALIUTINA	Głos autorski w powieści Diny Rubiny <i>Maniak Gurewicz</i>
180	ANATOLIJ ZAHNITKO OLGA BOJKO	Pojęcie ŚWIATŁA w dyskursie fantazy Maxa Freia
208	PIOTR ZEMSZĄŁ	Językowe sposoby deprecjacji Ukrainy jako niezależnego państwa i jej delegitymizacji w dyskursie rosyjskiego radykalnego prawostawia
233	EROL TURASHBEK	Aksjologiczny potencjał terminologii astrologicznej
RECENZJE		
246	KAZIMIERZ PRUS	Mark Tjeplinskij, „Делать как должно...”: исповедь. Глазами другоро. Red.: I. W. Kozlik; przedmowa, komentarz, przypisy i postowie: I. W. Kozlik, Iwano-Frankiwnsk: Symfonia Forte, 2021.
V A R I A		
249	JAKUB WALCZAK	Błądzić jest rzeczą ludzką
256	NOTY O AUTORACH	

СОДЕРЖАНИЕ

- 7 ЯН ЦИХОЦКИ Необыкновенная русистка.
О профессоре Алиции Володзько-Буткевич (1940–2022)
- 14 ВЛОДЗИМЕЖ ОСАДЧЫ Святая Русь — об украинском русофильстве
- 29 МАРЬЯ Философия как палимпсест. Эммануэль Левинас и Достоевский
ЦИМБОРСКА-ЛЕБОДА
- 53 НЕЛЬ БЕЛЬНЯК Эмоциональное восприятие Берлина начала 1920-х годов
в письмах Алексея Гвоздинского
- 66 МОНИКА КНУРОВСКА Колонизированный колонизатор.
О герое романа Юрия Домбровского Державин
- 81 ПАУЛИНА Старец-монах-чудотворец как герой современной русской прозы
ВУЙЦИКОВСКА-ВАНТУХ
- 99 МАЦЕЙ ПЕЧИНСКИ Проблема дегуманизации
в виртуальном тексте новейшей русскоязычной драматургии
- 124 ПАУЛИНА ХАРКО-КЛЕКОТ Ироническое начало в драматургии Оли Мухиной
- 143 ГЖЕГОЖ ЧЕРВИНСКИ «Классический» означает ли «объективный»?
О репортажах Дмитрия Соколова-Митрича
- 165 НАТАЛЬЯ МАЛЮТИНА Авторский голос в романе Дины Рубиной *Маньяк Гуревич*
- 180 АНАТОЛИЙ ЗАГНИТКО Концепт СВЕТ в русскоязычном фэнтезийном дискурсе Макса Фрая
ОЛЬГА БОЙКО
- 208 ПЁТР ЗЕМШАЛ Языковые способы обесценивания Украины
как независимого государства и ее делегитимизации
в дискурсе российского радикального православия
- 233 ЕРОЛ ТУРАШБЕК Аксиологический потенциал астрологической терминологии

РЕЦЕНЗИИ

- 246 КАЗИМЕЖ ПРУС Марк Теплинский, *«Делать как должно...»: исповедь. Глазами другого*. Автор-сост. и редактор И. В. Козлик; предисл., коммент., прим. и послесл. И. В. Козлик, Симфония форте, Ивано-Франковск 2021.

VARIA

- 249 ЯКУБ ВАЛЬЧАК Человеку свойственно ошибаться
256 ОБ АВТОРАХ

TABLE OF CONTENTS

7	JAN CICHOCKI	Exceptional scholar: about Professor Alicja Wołodźko-Butkiewicz (1940–2022)
14	WŁODZIMIERZ OSADCZY	Holy Rus — on Ukrainian russophilism
29	MARIA CYMBORSKA-LEBODA	Philosophy as a palimpsest. Emmanuel Levinas and Dostoevsky
53	NEL BIELNIAK	Emotional perception of Berlin in the early 1920s in the letters of Alexei Gvozdinsky
66	MONIKA KNUROWSKA	The colonised coloniser. The orotagonist of Yury Dombrovsky's novel <i>Derzhavin</i>
81	PAULINA WÓJCIKOWSKA-WANTUCH	The elder-monk-miracle man as a hero of modern Russian prose
99	MACIEJ PIECZYŃSKI	The issue of dehumanization in the virtual text of the latest Russian drama
124	PAULINA CHARKO-KLEKOT	The ironic component in the dramatic works of Olga Mukhina
143	GRZEGORZ CZERWIŃSKI	Does “classic” mean “objective”? On early reportage by Dmitry Sokolov-Mitrich
165	NATALIIA MALIUTINA	The author's voice in Dina Rubina's novel <i>Maniac Gurevich</i>
180	ANATOLII ZAHNITKO OLHA BOIKO	Concept LIGHT in Russian fantasy discourse of Max Frei
208	PIOTR ZEMSZAŁ	Linguistic modes of depreciation of Ukraine as an independent state and its delegitimation in the discourse of Russian radical Orthodoxy
233	YEROL TURASHBEK	The axiological potential of astrological terminology
		REVIEWS
246	KAZIMIERZ PRUS	Mark Teplinskiy, “Делать как должно...”: исповедь. Глазами другого. Ed.: I. V. Kozlik; preface, commentary, notes, and afterword: I. V. Kozlik, Simfoniya forte, Ivano-Frankivsk 2021
		V A R I A
249	JAKUB WALCZAK	To err is human
256	ABOUT THE AUTHORS	

JAN CICHOCKI

Związek Literatów Polskich

RUSYCYSTKA NIEZWYKŁA PROFESOR ALICJA WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ (1940–1922)

19 września 2022 roku odeszła z tego świata Pani Profesor Alicja Wołodźko-Butkiewicz, jedna z najwybitniejszych postaci w dziedzinie badań nad współczesną literaturą rosyjską, przekładów literatury, redagowania i wydawnictw, erudycyjna eseistka, autorka książek i antologii, zasłużona nauczycielka akademicka. Od lutego 1987 roku była członkiem Związku Literatów Polskich, na naszym forum dała się poznać zwłaszcza jako świetna prelegentka, przybliżająca problemy polsko-rosyjskich związków literackich.

Była odznaczona Krzyżem Oficerskim Orderu Odrodzenia Polski (2005).

* * *

...Jesień 1962 roku. Warszawska rusycystyka wraz z całym wydziałem neofilologii UW rozpoczyna kolejny rok akademicki. W katedrze lingwistyki pojawia się młoda asystentka, świeżo upieczona absolwentka Uniwersytetu Łomonosowa w Moskwie. Magister Magda — tak w gronie najbliższych oraz wśród tych, którzy mieli szczęście znać ją bliżej, nazywano Alicję Joannę Wołodźko-Butkiewicz. Wtedy — mgr Alicja Wołodźko. Jej *entrée* na seminarium najnowszej literatury rosyjskiej było jak wystrzał armatni w cichej dolinie. Młodym adeptom rusycystyki zaproponowała analizę *Jednego dnia Iwana Denisowicza* autorstwa nieznanego wtedy jeszcze nie tylko w Warszawie Aleksandra Solżenicyna.

Młodszym czytelnikom warto bodaj w paru słowach przypomnieć wagę opublikowania w listopadowym zeszycie miesięcznika „Nowyj Mir” tej opowieści (pierwszy nakład 96 900 egz., i dodatkowy — 25 tysięcy). Był to pierwszy wydany drukiem utwór Aleksandra Sołżenicyna — późniejszego laureata literackiej Nagrody Nobla. Fabuła na pozór prosta: opowieść o zwyczajnym dniu zwyczajnego, statystycznego, niczym specjalnym niewyróżniającego się więźnia obozu Gułagu. Tak, ale pisarz potrafił w tym jednym dniu kołchoźnika Iwana Szuchowa skupić jak w soczewce cały koszmar sowieckich łagrów.

Nowela przyniosła Sołżenicynowi światową sławę i zdaniem badaczy wywarła wpływ nie tylko na literaturę, lecz także na historię ZSRR. Czytelnicy, nie tylko studenci Uniwersytetu, z oficjalnego popularnego miesięcznika dowiedzieli się i mogli dyskutować o *stranie Gułag*, w której znalazły się tysiące ludzi najczęściej niemających na sumieniu żadnej winy.

Anna Achmatowa po lekturze *Jednego dnia...* powiedziała Lidii Czukowskiej, pisarce i córce Kornieja Czukowskiego, akcentując poszczególne sylaby: „Tę nowelę koniecznie powinien przeczytać i nauczyć się na pamięć każdy spośród dwustu milionów obywateli Związku Radzieckiego”. Z kolei Wałam Szałamow, pisarz, który podobnie jak Sołżenicyn poznał łagrowe życie na własnej skórze, w liście do autora stwierdził: „Cała Pańska nowela — to ta długo wyczekiwana prawda, bez której nasza literatura nie może iść naprzód”.

A potem było tylko ciekawiej. Pani Magda, bo tak się do niej zwracaliśmy, przywiozła ze sobą z Moskwy liczne znajomości ze świata literatury — z pisarzami, krytykami literackimi, badaczami literatury, którzy zapraszani do Warszawy, przedstawiali swój dorobek, uczestniczyli w dyskusjach, prowadzili wykłady.

Alicja Wołodźko równie intensywnie jak dydaktyką zajmowała się pracą naukową. Pracowitość połączona z dociekliwością i talent młodej badaczki, były zaiste przeogromne. Na owoce nie trzeba było długo czekać. Na pierwszy ogień poszła twórczość prozaików i poetów, skupionych w nawiązującej do futuryzmu artystyczno-literackiej grupie OBERIU (skrót nazwy Zjednoczenie Sztuki Realnej), która od początku lat 20. aż do roku 1930, kiedy została zakazana, propagowała poezję i teatr absurdu. Oberiutami byli twórcy tej miary, co poeta Daniil Charms, malarz Kazimierz Malewicz czy dramaturg Jewgienij Szwarz. Jak odnotował niegdyś jeden z badaczy, [Pani Magda] „na temat oberiutów opublikowała wówczas w prestiżowym czasopiśmie rusycystów „Slavii Orientalis” pionierskie studium, które zyskało

w światowej slawistyce spory rezonans. Stanowiło rodzaj badawczego cymelium i przez długie lata było jednym z niewielu źródeł wiedzy na ten temat — wskazywano je powszechnie jako lekturę do zajęć z historii dwudziestowiecznej literatury rosyjskiej. Przed uzyskaniem stopnia doktora ogłosiła też artykuł — jeden z nielicznych w tamtych czasach — o mało znanej wówczas poetce Marinie Cwietajewej¹.

Z myślą o doktoracie Alicja Wołodźko rozpoczęła badania nad głównym nurtem rosyjskiej prozy lat 60. — powieścią wojenną. Jej dysertacja nosi tytuł *Rosyjska powieść wojenna 1956–1968*. Po jej obronie uzyskała tytuł doktora nauk humanistycznych. Promotor prof. Antoni Semczuk napisał: „autorka w tej pracy zawarła interesujące obserwacje o rozwoju literatury rosyjskiej w piętnastoleciu po ogłoszeniu odwilży politycznej i kulturalnej w ZSRR, temat wojny [...] pozwalał poczynić spostrzeżenia o wzrastającym w społeczeństwie krytycyzmie wobec przeszłości, o kształtowaniu się tam postaw kontestacyjnych, a następnie coraz wyraźniej opozycyjnych. [...] analiza prozy wojennej [...] pozwalała na obalenie wielu propagandowych mitów, [...] sygnalizowała też narastanie u elit umysłowych postaw negatywnych wobec rzeczywistości radzieckiej [...]”².

Oryginalnym osiągnięciem naukowym dr Alicji Wołodźko było wysunięcie i uzasadnienie tezy o trzeciej fali emigracji rosyjskiej, która — w odróżnieniu od poprzednich wychodźstw politycznych — była emigracją literacką. Badania te zaowocowały w 1995 roku rozprawą habilitacyjną *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji*. Monografia przedstawia dorobek pisarzy, którzy podczas brzeńiewowskiego „zastoju” — aż do połowy lat siedemdziesiątych wybierali miejsce dla siebie poza granicami Rosji. Twórczość takich pisarzy, jak Siergiej Dowłatow, Władimir Maksimow, czy Juz Aleszkowski nie była wtedy u nas znana. Tymczasem autorka pokazała wysoką wartość artystyczną tej literatury, przy całkowitym dystansowaniu się do kwestii politycznej jej autorów. Profesor Piotr Fast zaznacza przy tym, że „ważnym elementem tego studium jest także omówienie powiązań pisarzy rosyjskiego wychodźstwa z polską literaturą emigracyjną, w szczególności współpracy czasopisma ‘Kontinent’ z ‘Kulturą’ Jerzego Giedroycia. *Pasierbowie Rosji...* to nie tylko pionierska w na-

¹ P. Fast, *Odpowiedzialność za słowo. O czynach i sprawach Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz*, w: *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje*, red. P. Fast, L. Łucewicz, B. Stempczyńska, Śląsk-Stowarzyszenie Inicjatyw Wydawniczych, Katowice 2018, s. 26.

² Cyt. za tamże, s. 27.

szym kraju próba syntezy literatury rosyjskiej trzeciej fali emigracji rosyjskiej, ale najprawdopodobniej pierwsza praca z tego zakresu wolna od politycznych i ideologicznych zacierzewień”³.

Kiedy zastanawiam się nad gigantyczną zaiste erudycją Pani Magdy, przyszło mi na myśl anegdotyczne nieomal wspomnienie rozmowy z synem przyjaciela, znanym miłośnikom muzyki jako Pablopavo, a czytającym książki jako Paweł Sołtys, poeta i autor znakomitych zbiorów opowiadań. Mówił, że jako student rusycystyki, z wielką niepewnością wyznał Profesor Wołodźko-Butkiewicz, iż swoją pracę magisterską chciałby poświęcić trójce rosyjskich poetów, szerzej nieznanym, którzy swoje utwory wydają w *samizdacie*, więc pewnie będzie to niemożliwe. Jakież było zdumienie młodego człowieka, kiedy Pani Magda, która miała być promotorem pracy magisterskiej, z radością pochwaliła pomysł, dodając, że zna tych poetów osobiście, podczas studiów spotykała się z nimi na moskiewskich domówkach!

Prof. Ludmiła Łucewicz, którą przez wiele lat współpracowała i przyjaźniła się z Profesorem Alicją Wołodźko-Butkiewicz, za najciekawszą z Jej książek uważa *Od pieriestrojki do laboratoriów ne-literatury. Przemiany we współczesnej prozie rosyjskiej* (2004). „[...] monografia jest skonstruowana w ten sposób, że w jej centrum znalazły się najbardziej istotne w danym momencie zjawiska współczesnej literatury rosyjskiej niezwykle złożone procesy, towarzyszące jej bolesnej transformacji”⁴. Obszerny tom jest w istocie kompendium przemian, jakich doświadczała literatura rosyjska od połowy lat osiemdziesiątych zeszłego stulecia, to znaczy od ogłoszonego przez Michaiła Gorbaczowa hasła *pieriestrojki i głasnosti*. Umożliwiło to manifestacyjne odejście od przymusu realizmu socjalistycznego i pojawienie się mnóstwa utworów dotąd zakazanych, a będących często dziełami tej miary, co powieść Wasilija Grossmana *Życie i los*, czy utwory pisarzy przybyłych z emigracji, takich jak Sołżenicyn i Wojnowicz.

„Mam wrażenie, że książka Pani Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz przez długie lata będzie ciągle jednym z podstawowych kompendiów skutecznie uzupełniającym *Historię literatury rosyjskiej XX wieku* przygotowaną pod redakcją Andrzeja Drawicza”⁵ — konkluduje Piotr Fast.

³ Tamże, s. 29.

⁴ L. Łucewicz, *O pani profesor с любовью... (маленькие лирические заметки)*, w: *Literatura rosyjska: idee, poetyki, interpretacje...*, s. 21.

⁵ P. Fast, *Odpowiedzialność za słowo...*, s. 33.

Osiągnięcia naukowo-dydaktyczne Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz naturalną koleją rzeczy postawiły ją na czele rusycystyki UW — w roku 2002 na całą dekadę została dyrektorem Instytutu Rusycystyki i kierownikiem Zakładu Historii Literatury Rosyjskiej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej. Czy trzeba dodawać, że były to lata dla Instytutu korzystne? Wspomnieliśmy już wyżej, że dzięki Jej kontaktom, znajomościom i przyjaźniom w środowisku literackim Uniwersytet odwiedziali znaczący i ciekawi przedstawiciele rosyjskiej literatury i literaturoznawstwa. Było to dla studiującej młodzieży nieocenione.

Dzisiaj, kiedy zainicjowana od góry rusofobia, wzmożona przez bestialską agresję Rosji przeciwko Ukrainie, usuwa w cień dokonania naukowe Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz, kiedy z półek księgarń zniknęły nawet dzieła Tołstoja, Puszkina, Turgieniewa, Gogola i innych klasyków rozważania o losach polskiej rusycystyki stały się trudne. Być może uda się do nich powrócić podczas odwilży. Tym razem polskiej.

* * *

Do kanonu rusycystycznych lektur obowiązkowych weszły nie tylko opasłe monografie autorstwa Profesor Alicji Wołodźko-Butkiewicz. Bibliografia Jej prac obejmuje także kilkanaście opracowanych przez Nią antologii i prac zbiorowych, a także imponującą liczbę artykułów naukowych i popularyzatorskich oraz recenzji, wstępów i posłowi.

Ważnym doświadczeniem dla Niej, jako przyszłej tłumaczki literatury pięknej i redaktorki wydawnictw, stała się współpraca ze znanym tłumaczem i literaturoznawcą Sewerynem Pollakiem. Przez wiele lat była jego asystentką i sekretarzem literackim. Wspominała, że praca u boku Pollaka pozwoliła jej nie tylko w praktyce poznać warsztat tłumacza, ale także spotkać wielu wybitnych polskich i zagranicznych tłumaczy i pisarzy, między innymi Annę Achmatową, która przez kilka dni przejazdem gościła w Warszawie. Sama także coraz bardziej udanie i owocnie podejmowała się przekładów z języka rosyjskiego.

Alicji Wołodźko-Butkiewicz zawdzięczamy spolszczenie utworów — poza autorami o międzynarodowej renomie — pisarzy wtedy w Polsce nieznanych — Czyngiza Ajtmatowa, Jurija Druźnikowa, Anatolija Gładilina. Prawdopodobnie pierwsza na polski rynek czytelniczy wprowadziła tak poczytnych później autorów kryminałów i powieści

sensacyjnych jak Borys Akunin, Daria Doncowa, Aleksandra Marinina. Spod Jej pióra wyszedł polski przekład bestsellera Wasilija Aksionowa *Moskiewska saga*. W chwili, gdy w marcu 1987 roku składała ankietę członka ZLP, lista Jej przekładów i opracowań krytyczno-literackich liczyła już kilkadziesiąt pozycji. Po kilkuletniej współpracy z Państwowym Instytutem Wydawniczym — jako tłumacz literatury, autor wstępów i posłowi — ówczesny dyrektor tej księżnicy Andrzej Wasilewski zaproponował dr Alicji Wołodźko pracę etatową w PIW-ie. Propozycje przyjęła i nie zrywając całkowicie kontaktu z katedrą rusycystyki, w latach 1987–1992 była kierownikiem redakcji literatury rosyjskiej i radzieckiej oraz literatur słowiańskich.

Wiele miejsca w pracy literaturoznawczej Profesor Wołodźko-Butkiewicz zajmuje twórczość Michaiła Bułhakowa. W PIW-ie przygotowała do druku czterotomowe wydanie najważniejszych dzieł tego poczytnego w Polsce pisarza, zawierające m.in. *Mistrza i Małgorzatę* — jedną z najbardziej lubianych na świecie powieści. W nowej wersji ten wybór z Jej posłowiem PIW wydał w serii Biblioteki Klasyków w 2018 roku. Ponadto spolszczyła wraz z kilkorgiem współpracowników fundamentalne opracowanie Borisa Sokołowa *Michaił Bułhakow. Leksykon życia i twórczości* (2003), w którym znalazł się również obszerny rozdział Jej autorstwa: *Bułhakow w Polsce*.

Michał A. Kabata, dyrektor PIW, wspominał, że redaktor Wołodźko-Butkiewicz była niezwykle dobrze zorientowana nie tylko we współczesnej literaturze rosyjskiej, lecz również w literaturach republik ZSRR. Z Jej inicjatywy w serii współczesnej prozy światowej w PIW-ie ukazał się m.in. *Cesarski szaleniec* estońskiego poety Jaana Krossa i *Świece na wietrze* Grigorija Kanowicza — litewskiego pisarza i poety żydowskiego pochodzenia.

Kabata podkreślał, że Pani Magda odznaczała się klarownymi, precyzyjnymi i ostrymi sądami, była niezwykle skrupulatna i rzetelna w pracy redaktorskiej. I co bardzo ważne — mówił — zawsze była bardzo lojalną koleżanką.

Profesor Alicja Wołodźko-Butkiewicz obficie dzieliła się swą gigantyczną erudycją. Była wspaniałym i lubianym wykładowcą akademickim. Wypromowała kilku doktorów i setki magistrów rusycystyki. Miała dar łatwego kontaktu ze słuchaczami — jej prelekcje budziły wielkie zainteresowanie. Ze spotkań w Domu Literatury wspomnę przynajmniej dwa — z popularną autorką kryminałów Tatianą Polakową, która przed kilkoma laty gościła w Warszawie z okazji targów książki, oraz kijowskim dramaturgiem i prozaikiem Anatolijem Kry-

RUSYCYSTKA NIEZWYKŁA...

mem, autorem m.in. satyrycznych powieści *Rura* i *Ukraińska kabała*. Pani Magda prowadziła promocję tych autorów tak, jakby znała się z nimi „po duszom”, była doskonale zorientowana w ich twórczości, specyfice warsztatu pisarskiego, co pozwalało na dialog iście partnerski i przyjacielski. Bardzo pouczający dla słuchaczy.

Prof. dr hab. Alicja Wołodźko-Butkiewicz była znaczącym członkiem Związku Literatów Polskich. Bardzo lubianą i uważnie wysłuchiwaną koleżanką. Jej sądy w zakresie literatury cieszyły się niepodważalnym autorytetem. Pozostanie na zawsze w naszej pamięci.

WŁODZIMIERZ OSADCZY

 <https://orcid.org/0000-0001-9292-8313>

Katolicki Uniwersytet Lubelski

HOLY RUS — ON UKRAINIAN RUSSEPHILISM

The so-called russophilism of Ukrainians is an important identity and geopolitical element in the context of Eastern Europe. It would be a too far-fetched simplification to explain it only by the imperial policy of russification. The territories of modern Ukraine were the centre of historical Rus. Tsarist Russia built its national mythology on the basis of its tradition. Enlightened Ruthenian or Ukrainian elites were the co-creators of this mythology. The tradition of the Orthodox Church, also known as the Ruthenian Church, is bound not only because of the doctrine of faith but also by external shapes: language, common saints, common names, etc. Under Russia's rule, russophilism was a kind of natural state of mind for Ukrainians. The emergence of a strong russophile environment under the rule of Austria and Hungary testified to the deep roots of this kind of understanding of one's own identity. Despite the fight against russophilia in the 20th century, it remained deeply rooted in the consciousness of some of the inhabitants of Ukraine. This explains the current situation in this country, the war, and the social crisis.

Keywords: Ukraine, Russia, Galicia, Russophilism, Kyiv, the Orthodox Church

THE BASES OF AWARENESS

According to the historical tradition, all nations belonging to the East Slavic group refer to the tradition of former Ruthenia, called Kyivan Ruthenia after the capital in Kyiv. This name came to public circulation from the nineteenth-century Russian historical tradition dividing the history of the Russian state into periods: Kyivan Ruthenia, Muscovite Ruthenia, and St. Petersburg Ruthenia. After the fall of the Russian superpower in the middle of the thirteenth century its individual parts were in the orbit of influence of neighboring countries: Lithuania, Poland, and Hungary, while independent and political life was released from the Mongolian domination and was organized around the center in Moscow. It is worth emphasizing that the term “Kyivan Ruthenia,” widely used in Ukraine, filled with “anti-Rus-

sian” content, intended to emphasize the otherness and separateness of Kyiv from Moscow, was introduced by Russian historians. Vasily Kluchevsky, considered to be a liberal Russian historian, divided Russian history into the Dnieper, Upper-Volga, and All-Russian periods. He called the Dnieper period Kyivan Ruthenia.¹

Despite political divisions, fundamental cultural elements remained common for all parts of former and new lands inhabited by Eastern Slavs. All of them used the name Ruthenia (or Russia) for national self-determination. All of them were aware of the common religious and political tradition deriving from the baptism of the state by Prince Vladimir the Great, the adopted alphabet based on Cyrillic, the awareness of belonging to a common ecclesial tradition referred to as the “Ruthenian Church,” the cult of common saints derived from the Kyiv tradition (St. Vladimir, St. Olga, St. Boris, and Gleb), historical consciousness promoted by church centers recalling semi-legendary rules of the Rurik dynasty which was a political reality in Muscovite Ruthenia until the beginning of the seventeenth century. Regardless of political divisions in different countries, “Ruthenianness” was a common religious and cultural feature of eastern Slavs. These relations were completely different from western and southern Slavs. Educated residents of the Polish Republic, Hungary, and Moscow referred to the same historical tradition or the foundations of civilization, which were the basis of what can be defined as national identity, they considered themselves “Ruthenian people,” professed “Ruthenian faith,” read “Ruthenian alphabet.” Then, the term “Ruthenian world” was introduced, promoted by the Russophile intelligentsia under the rule of the Habsburgs in Austria and Hungary. Stressing their unity with Russia and the Russian tsar, the Ruthenians in Galicia and Hungarian Rus wanted to emphasize their importance and power by opposing Polish and Hungarian domination. Currently, this term has acquired a political meaning and is associated with the domination of Russia.²

From the perspective of Western Europe, Eastern Slav lands were also perceived as a homogeneous, unrecognized exotic area inhabited by rather unknown peoples, the rulers of whom were called “reges Russiae” (Rusciae) or “reges Ruthenorum.” Both terms Russia and Ruthenia were used in relation to all Ruthenian lands, both

¹ В. Ключевский, *Курс русской истории*, т. 1, Мысль, Москва 1987, p. 93.

² W. Osadczy, *Święta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawosławie w Galicji*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 2007, p. 209–210.

southern and northern.³ Ruthenians in the Polish-Lithuanian state began to pay attention to the political dimension of their community under the influence of Orthodox-Catholic religious polemics. The terms “Ruthenian people” and “Ruthenian land” started to be commonly used. They were identified with the sphere of influence of the Orthodox Church.

Russia which grew out of the Muscovite state took over the political and religious succession from the Kyiv Rurik dynasty and the Kyiv metropolitan capital, it retained sovereignty as the only part of the former Ruthenian state and in the eighteenth century, it transformed into a mighty empire. Imperial modernity was created on the basis of Europeanized “Ruthenian tradition” brought from Kyiv, and the Little Rus elite educated in the West became the driving force of Tsar Peter the Great’s reforms in the political, religious, and cultural spheres. Thanks to newcomers from Ukraine, a modern Russian church, Russian literature emerged, and also historical consciousness of cultural unity of all Ruthenian lands was strengthened.

No wonder, then, that in the period of the awakening of nationalism among eastern Slavs living in Russia and beyond its borders a desire to identify with Russian culture, as a common tradition whose roots reached ancient times, was discernible. Ukrainians, called Little Russians, as well as Belarusians and Russians, that is Great Ruthenians, were recognized in the light of the current scientific interpretation as a common Ruthenian ethnic space. One of the luminaries of Slavic science, professor Lubor Niederle, wrote:

They are very close in terms of language, very closely linked by historical fate, and over a long time have constantly had the same common religion and literature, thus we cannot regard all the groups together as one *Ruthenian* nation.⁴

The view did not raise objections from widely respected experts of Slavic studies such as Šafárik, and Palacky, it was reflected in textbooks and encyclopedias.⁵

³ F. Koneczny, *Dzieje Rosji*, Nakład Spółki Wydawniczej Warszawskiej, Warszawa 1917, p. 280–281.

⁴ У. Д. Биркбекъ, *Религіозное преслѣдованіе въ Галиціи (Австрійская Польша), Санктъ-Петербургъ*, пер. С. Тройкий, Синодальная типография, Санкт Петербург 1913, p. 66.

⁵ Т. Д. Флоринский, *Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства*, Типография Императорского Университета св. Владимира. Акционерного общества печати и издательского дела Н. Т. Корчак-Новицкого, Київ 1907, p. 36–39.

Leaders of the so-called “Ukrainophile movement” also professed these views. Prof. Mykhailo Drahomanov pointed out that

[...] even the majority of Ukrainian linguists and ethnographers recognize that the relations between Ukrainians and Great Ruthenians are not the same as the relations, for example, between Ukrainians and Czechs, Serbs and others, and that these relations are closer, and the genealogy of Ukrainians among Slavs cannot be as follows: parents — Slavs, sons — Czechs, Poles, Serbs, Ukrainians, Great Ruthenians, etc. but: grandparents — Slavs, the sons of Slavs — Czechs, Poles, Serbs, Ruthenians, the sons of Ruthenians — Ukrainians, Belarusians, Great Ruthenians.⁶

DEVELOPMENT AND DETERMINATION

The territories of the Republic of Poland, inhabited by Ruthenians, and annexed to Russia, were considered eternally Russian, due to their connection with the first capital of Rus — Kyiv. Moscow and then Russian rulers advanced the thesis about “the legacy of St. Vladimir,” which had to be restored under the rule of the tsars. Russian imperial aspirations to “unify” all Ruthenian lands, i.e. the Russian lands, were then supported by Kyiv Orthodox clergy who came up with the initiative of uniting with Moscow Ruthenia — as the center of Orthodox life. Metropolitan Iov Boretskyi of Kyiv and Bishop Isaia Kopynskyi of Przemyśl sent messages or traveled personally to Moscow, asking the tsar to take their land and its inhabitants under his “mighty hand.”⁷ The first textbook on the history of Rus *Synopsis* (1674), prepared by Kyiv monk Innokenty Gizel, presented the history of the “Slavic-Russian” nation as the common heritage of Ruthenians and Muscovites. The textbook had 30 editions in the Russian state and until the end of the 19th century, it was an official set text in all schools in Russia. The author believed that the unification of the Cossacks’ lands with Moscow was an act of historical justice and the unification of a single nation. What was previously artificially divided “was again made whole.”⁸ Similarly, the Russian literary language was codified thanks to the involvement of “Kyiv” scholars from clerical circles. In 1629, Archbishop Meletius Smotrytsky wrote a grammar book of the Old

⁶ М. П. Драгоманов, “Чудацькі думки про українську національну справу,” Вибране (“...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні”). М. П. Драгоманов, упоряд. Р. С. Міщук, Либідь, Київ 1991, р. 556.

⁷ P. R. Magocsi, *A history of Ukraine*, University of Toronto Press, Toronto 1996, р. 211.

⁸ A. Wilson, *The Ukrainians. Unexpected Nation*, Yale University Press, New Haven and London 2015, р. 55.

Church Slavonic language that generations of Russians and Ukrainians learned from. The symbiosis of Moscow and Little Rus became the civilization foundation of the future Russian Empire. At the same time, its elite created a Russian tradition that grew out of “Kyivan science,” reaching back to Orthodox and Old Russian sources rediscovered with the help of Western modernity.⁹

Representatives of the “Little Rus” elite organically entered the Russian state tradition and culture. For Razumovsky, Bezborodko, Gogol, and others creating a national community with the Russians was something completely logical and in line with historical tradition. Submission of the Cossacks to the superpower hand of the tsars, and then the occupation by Russia of subsequent Ruthenian lands as a result of the partitions of the Republic of Poland was for them the reunification of Ruthenia. Outstanding Ukrainian national activist Panteleimon Kulish wrote about it, it became the official narrative of Russian and then Soviet historiography. In 1874 Kulish published a monumental source book in three volumes *Исторія возсоединенія Руси*, which is a manifestation of the common historical fate of Russia and Ukraine.¹⁰ It suited the sensitivity and historical knowledge of a large part of the Ukrainian population.

Being in the orbit of Russian culture was a natural condition for the young Ukrainian intelligentsia. Love for the colorful folk tradition did not collide with the natural persistence in the orbit of Russian culture, Russian intellectual currents, or participation in the Russian social discussion on the repair of the state system. The greatest Ukrainian poet, considered a symbol of the national movement and an exponent of the people’s aspirations, Taras Shevchenko, along with beautiful poems referring to the best models of folk speech, left a considerable legacy in Russian, which he did not treat as foreign. The poet wrote his private diary in Russian too. From Russia’s perspective, Shevchenko’s poetry was perceived as regional, folk native literature, and not as a phenomenon of foreign literature. The Russian Nobel Prize winner, Ivan Bunin, wrote that Shevchenko’s poetry would forever remain the pride of Russian literature.¹¹ Being a Ukrainian in the

⁹ M. Heller, *Historia Imperium Rosyjskiego*, Książka i Wiedza, Warszawa 2005, p. 278–279.

¹⁰ Н. И. Ульянов, *Происхождение украинского сепаратизма*, Индрик, Москва 1996, p. 181–182.

¹¹ А. И. Миллер, *“Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении*, Издательство Алетейя, Санкт-Петербург 2000, p. 38.

Russian state did not equate to cutting off from “Ruthenianness” understood as “Russianness.”¹² Attachment to dumkas, the turbulent and colorful history of Ukraine, fascination with folklore, and even a sense of local patriotism was not incompatible with the feeling of belonging to the “great Ruthenian/Russian nation.” Ukrainians, in the light of the official state policy, belonged to the ruling nation, they did not differ from the Russians in a political sense, they did not experience any discrimination on the basis of their origin, as was the case with Jews or Poles. Polish writer Maria Dunin-Kozicka, mentioning social relations in Russia, emphasized that officially Poles were recognized as “foreigners of Polish origin,” while “Little Russians” were completely identified with Russians.¹³ After the introduction of civil liberties in Russia, the movement for the nationalization of the masses of the Little-Russian people proceeded too slowly. As the witnesses of the events recalled, national ideas were shared by part of the intelligentsia, while the folk people remained passive to Ukrainian propaganda. In one of the essays Ukrainian emigre historian Ivan Lysiak-Rudnicki described the celebrations of a ceremony in honor of Ivan Kotliarevsky, the founder of modern Ukrainian literature, in Poltava. A train carrying representatives of the Ukrainian intelligentsia went there from Kyiv. Later there was a joke saying that if the train had derailed, the Ukrainian movement would have been in a difficult situation because all the leaders had fitted in two cars.¹⁴

The Russophile movement began to develop with particular determination in Galicia and in Hungarian Russia under the rule of the Habsburgs in Austria and Hungary. Ruthenians belonging to the Eastern Church, generally the Uniate one, freed themselves of the cultural-political hegemony of Poles and Hungarians, with whom they had become close and largely assimilated over the centuries.

In Galicia, Russian intelligentsia coming from the Greek Catholic clergy environments, forced during the widespread revolutionary uprising in 1848 to determine its nationality, clearly distanced itself from Polishness. It defined itself as Ruthenian and manifested na-

¹² И. Лисяк-Рудницький, *Историчні есе*, Основи, Київ 1994, p. 147.

¹³ M. Dunin-Kozicka, *Burza od Wschodu*, Oficyna Wydawnicza „Volumen”, Warszawa 1990, p. 27.

¹⁴ И. В. Матухина, *Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века)*, РАН, Институт славяноведения, Москва 2003, p. 81–82.

tional unity with the Little Rus population in Russia. In later times, many of the signatories of this political declaration also recognized the broader cultural-civilizational community of “All Russia” as its natural national space.¹⁵

The lack of the tradition of the state stored in the memory left no specific reference points, which could be referenced in the reconstruction of nationality. For rousers of Ruthenians, the folk and church traditions, which clearly separated them from the Poles and Hungarians, were material for the creation of the foundations of national identity. During the construction of the so far non-existent official-literary language, shortages in the vocabulary were complemented with resources of the Church and Slavonic language. The construct created in this way began to be identical to the literary Russian language.

During the Convention of Russians Scholars convened at the time of the so-called Spring of Nations 1848 — a special forum where clerical Russian intellectuals were to work out the foundations of the national life of Ruthenians in Galicia — reverend Antin Petrushevych spoke about the development of the literary language: “Russians started from the head, and we will start from the legs, sooner or later we will meet and connect in the heart.”¹⁶

The manifestation of the cultural community with the inhabitants of Russia in Galicia and in Hungary required restraint and limitations due to political conditions. Both authorities in Vienna and local administration managed by Poles and Hungarians unfavorably perceived cultural identification of their Ruthenian subjects with hostile Russia. For mostly rural Ruthenian population in Austria-Hungary the awareness of unity with the mighty superpower, as a center of their culture and national identity, was the basis of pride and emancipation against hostile Poles and Hungarians having their developed political and social structures.

Conducting educational activities among the people, Russophile activists used the local tongue, which they regarded as a local variant of the Ruthenian language. At the same time, they taught the literary Russian language — as common to all Ruthenian tribes in Russia and abroad. Numerous reading rooms of the Russophile Kachkovs’kyi

¹⁵ P. R. Magocsi, *Galicia: A Historical Survey and Bibliographic Guide*, Harvard Ukrainian Research Institute by University of Toronto Press, Toronto 1983, p. 125.

¹⁶ “Изъ автобіографіи Николая Л. Устияновича,” *Литературный Сборникъ издаваемый Галицко-Русскою Матицею*, 1885, вып. I, p. 46.

Society conducted educational activities in this spirit; at the beginning of the twentieth century, there were 1,424 of them. Describing the design of one such reading room in Zabolotce village, the witness recalled that in the middle of the room, there was a bust of Ukrainian poet Shevchenko, and on the walls, there were portraits of Russian writers and poets Pushkin, Gogol, Dostoevsky, and local Russophile leader Naumovich.¹⁷

National literature developed on the basis of etymological spelling used in Russia referring to the tradition of the Old Church Slavonic language. The words written in accordance with these principles sometimes sounded differently in Russian and Ukrainian pronunciations, but graphically they look identical. The maintenance of etymological spelling was considered a priority matter in cultivating the cultural unity of the whole “Russian world.” Journalist Bohdan Didycki issued a guide for farmers “How a Little Russian can learn to read Great Ruthenian within an hour.” Basic differences occurring between the Russian and the Ukrainian languages comprised a different way of reading four letters. For example, ѣ sounded in Russian as “ye” and in Ukrainian as “I”. Thus the word “хлѣбъ” could be pronounced “chleb” and “chlib”. Some other regularities could be discerned, after mastering which texts written in Russian could be easily read in the Ukrainian style.¹⁸

THE ALTERNATIVE OF THE UKRAINIAN DIRECTION

The Russophile direction of development of the national movement of Ruthenians in Galicia referred to conservative cultural principles rising from the ecclesial tradition and rigid rules of the archaic spelling. Its representatives were prominent church activists and scholars, and higher Greek Catholic clergy. They were called the “old Ruthenian party”. Among its activists, there were: the father of historiography Denis Zubrytsky, reverend professor Yakov Holovatsky, rector of Lviv University and Dean of the Faculty of Humanities, historian and curator of cultural monuments reverend professor Antin

¹⁷ В. А. Бобринской, *Пражскій Съездъ. Чехія и Прикарпатская Русь, Типографія Т-ва «Свѣтъ»*, Санктъ-Петербургъ 1909, р. 75.

¹⁸ *Своежитъевые записки Богдана А. Дьдицкого*, ч. I, *Где-що до исторіи саморозвитія языка и азбуки Галицкой Руси*, Печать Савропигійского Института, Львовъ 1906, р. 9–12, 21–24.

Petrushevych, writer, political activist, social worker and folk activist reverend Ivan Naumovich, journalist Bohdan Didycki, representatives of the Greek Catholic Chapter and many other noble and widely respected national activists.

In the 70s of the nineteenth century a movement represented by the so-called “new Ruthenian party” — advocates of total separateness of Ukrainians, including Ruthenians in Galicia and Hungary, from Russians — became visible. This environment consisted mainly of young people popularizing the speech of the people, renouncing the archaic forms of the church culture, and referring to the secular, folk elements. They conducted educational activities in the folk tongue, for which they invented special phonetic spelling breaking with archaic grammar derived from the Old Church Slavonic tradition. Russophiles considered them ignorant and traitors of the national cause.¹⁹

Until the 80s of the nineteenth century, Russophiles dominated unbeatably the cultural-national life of Galicia and Hungarian Ruthenia. In the previous decade, they established 160 reading rooms, while Ukrainophiles only 6. Clerical leaders were respected by the peasantry. During the general election to the Austrian Parliament Russophiles won record 16 seats. They owned “Народный Домъ” (the National House) — the land for which Emperor Franz Joseph I gave to Ruthenians after the events of 1848, “Ставропигійській Інститутъ” (the Stauropegion Institute) deriving from the famous Orthodox fraternity founded in 1559, “Галицко-Русская Матица” (the Galicia-Ruthenia Matrix) — an educational organization existing since 1848. Moreover, a political organization “Русская Рада” (the Ruthenian Council) was established in 1870 referring its name to the Supreme Ruthenian Council from the time of the Spring of Nations. The views voiced by the Moscowphile party were elucidated by a large part of the Ruthenian press, including the most popular daily “СЛОВО.”²⁰

As nationalism grew, the gap between national “Russophile” and Ukrainian orientations widened. Rusophilism among the inhabitants of Galicia and Hungarian (Subcarpathian) Ruthenia was becoming more and more similar to official Russian nationalism. All “half meas-

¹⁹ W. Osadczy, *Święta Ruś...*, p. 93–94.

²⁰ J. Gruchała, *Rząd austriacki i polskie stronnictwa polityczne w Galicji wobec kwestii ukraińskiej (1890–1914)*, Uniwersytet Śląski, Katowice 1988, p. 27; O. Субгелний, *Україна. Історія*, Львів, Київ 1991, p. 281.

ures” were removed from public life. Taking advantage of their civil rights in the liberalizing Austro-Hungarian monarchy, supporters of the Russian national orientation proclaimed their national identity with the Russians, and even abandoned the Uniate Church and converted to Orthodoxy.²¹ Among the followers of the Russophile direction, the number of clergies decreased, for whom it was difficult to abandon their formal attachment to Catholicism in the Greek Catholic rite, and the representation of the secular intelligentsia increased. The Russian National Party, established at the beginning of the 20th century, published its magazines in Russian, printed the works of Russian writers, and even put forward demands to introduce the Russian language as the language of instruction at the University of Lviv. Russophile activists announced that they were no longer some “Ruthenes” without concrete awareness, but real Russians.²²

THE ELIMINATION OF RUSSOPHILISM

The Russophile orientation of the national revival of Ruthenians aroused concern, and even resentment and hostility of Austria’s political authorities and Polish ruling circles in Galicia. The Habsburgs were afraid of Russia’s growing activity among the Slavic peoples conducted within the framework of the pan-Slavic ideology. Poles harbored anti-Russian sentiments after the defeat of the January Uprising of 1863 and perceived Russia as the main threat to the Polish aspirations for independence. After the apostasy of one of the Galician Greek Catholic villages to Orthodoxy in 1882, a campaign against Russophiles and their elimination from political life began.²³ Metropolitan Archbishop Joseph Sembratovych, tolerating Moscow-ophile sentiments, was forced to resign. Representatives of the Ruthenian Russophile elites lost their state jobs and were moved to the Polish part of Western Galicia. In lawsuits, Russophiles were charged with the responsibility for high treason.

Formally in Galicia, as a Polish-Ruthenian province in terms

²¹ W. Osadczy, “‘Wszechruska’ idea w Galicji. Źródła rozwoju orientacji moskalfilskiej wśród Rusinów galicyjskich.” *Kwartalnik Historyczny*, 2009(CXVI), p. 51–69.

²² О. А. Мончаловский, *Житъе и дѣятельность Ивана Наумовича*, Типография Ставропигійського інститута, Львовъ 1899, p. 61.

²³ І. Чорновол, *Польсько-українська угода 1890–1894 рр.*, Львівська академія мистецтв, Львів 2000, p. 133–153.

of ethnicity, government subsidies were granted only to Ukrainian cultural and educational circles. Russophiles were deprived of support. The government began to introduce changes in the cultural life of Ruthenians strengthening the Ukrainian identity of the population. A phonetic version of the alphabet was adopted which cut off Ruthenians from the cultural roots common with Russians. The name "Ukraine" instead of the traditional "Ruthenia" was increasingly promoted, and the adjective "Ruthenian" sounding identical to "Russian" was replaced by adjectives "Russo-Ukrainian" or "Ukrainian."²⁴

On the eve of World War I Russophiles in Galicia and Hungary were seen as a fifth column of Russian policy in the monarchy. Indeed, quite indifferent to strong pro-Russian sentiments in the second half of the nineteenth century, Russia began to treat its "brothers" in "enslaved Ruthenia" as natural allies in the confrontation with the central states. One of the postulates encouraging Russia to take part in the war was the "end of the work of reunification of Ruthenian lands," that is the incorporation of the Austro-Hungarian lands inhabited by Ruthenians into the empire. Hence, the beginning of World War I became a veritable ordeal for Russophile activists in Galicia and in Hungarian Ruthenia. Thousands of people were interned in camps in Thalerhof in Austria and in Terezin in Czechia, and many of them died martyr's death for the professed worldview position.

After the constitution of the new order after World War I the Russophile national option was completely eliminated from Soviet Ukraine. Communist authorities supported the "progressive" Ukrainian national movement as one of the elements of combating monarchic-conservative Russophilism. In the lands of the reborn Polish Republic Russophilism remained in residual forms in Volyn and Polesie. Eastern Lesser Poland was the center of development of the Ukrainian movement and once powerful Russophile sentiments closed in a few organizations. On the other hand, in Carpathian Ruthenia in Czechoslovakia Russophilism was still an important trend of national life among local Ruthenians. The inhabitants of Subcarpathian Ruthenia in Czechoslovakia and the Lemko people in Poland expressed particularly strong Russophile sentiments. Reception of the Ukrainian consciousness was quite negligible, while

²⁴ Н. И. Ульянов, *Происхождение украинского сепаратизма...*, p. 233–234.

attachment to the old archaic forms was to be a guarantee of the survival of Ruthenian nationality under the rule of Czechs, Poles, and Romanians. The elimination of the name “Ruthenia,” “Ruthenian” and “Ruthenians” by the Polish government was vehemently opposed by the former Ruthenian institutions in Lviv and other cities of former Galicia.²⁵

THE AFTERMATH

The political situation in the twentieth century did not favor the development of Russophilism both in the Soviet Union which was demolishing the foundations of the former order and its ideological assumptions, as well as in national countries, such as Poland, with traditionally strong anti-Russian sentiments. Nevertheless, even in the unfavorable political situation Russophile circles were able to mobilize and unite organizationally. In Galicia, in the final period of the existence of Austria-Hungary a temporary renaissance of Russophilism took place. According to Polish Slavist Professor Marian Zdziechowski at that time Galician Ruthenians represented the only nation in Europe, whose intelligentsia was divided in beliefs to which nation it belonged: Russian or Ukrainian.²⁶

To a large extent, the victory of this or that direction depended on the current political situation. During the Russian occupation in 1914 the leader of Ukrainophilism Metropolitan Archbishop Andrey Sheptytsky declared his Russophile views in a servile letter addressed to Russian Tsar Nicholas II. He called the Russian occupation of Galicia historical justice and the ideal union of Holy Rus.²⁷

Ukrainian bishop Hryhoriy Khomyshyn from Stanyslaviv, who described himself as a representative of the Ukrainian national option, directly accused Metropolitan Sheptytsky of Russophilism. He charged him with wanting to come closer to Russian spirituality in order to carry out a mission in Russia and to create a union in the Russian Church. According to Bishop Khomyshyn, Archbishop Shep-

²⁵ И. Лемкин, *История Лемковины*, Юнкерс. Издание Лемко-Союза в С.Ш.А. и Канади, New York 1969, p. 133–234.

²⁶ W. Osadczy, *Święta Ruś...*, p. 96.

²⁷ Andrey Sheptytsky, Archbishop A. Sheptytsky's letter to Tsar Nicholas II, Kyiv, 10 September 1914, the original, handwritten by the metropolitan, Российский государственный исторический архив, F–821, Op. 12, D. 150, 22.

tytsky's fondness for Russia resulted from his Polish aristocratic origin and fascination with Russian noble culture, striving to unite the entire "Russian world" under the spiritual power of Rome. Sheptytsky was a Russophile, Bishop Khomyshyn writes, because

[...] his intention was the conversion of Russia by bringing our Greek Catholic rite closer to or even unifying it with the Synodal-Russian rite, which was tantamount to Russophilism, which we hated very much. And that is why the Metropolitan played a role of more than 100% Ukrainian, in order to hide his Russophilism and to gain permanent trust among the Ukrainian community, among secular patriots, and among the clergy, so that they would blindly accept what he did and introduced.²⁸

The Russophile outlook on life in more neutral colors was deeply rooted in the lands of Soviet Ukraine. Its natural centers had always been the southern and eastern regions of the republic using mostly the Russian language. In official humanities, Russophile interpretation of history and culture camouflaged in communist rhetoric remained. The Orthodox Church of the Moscow Patriarchate referred unreservedly to the idea of the Holy Rus as a common cultural and religious space of all Ruthenian nations.

The current Ukrainian crisis is largely a continuation of the old ideological dispute, which has also become a tool for the confrontation of powers on a global scale. This fact was pointed to by Samuel Philips Huntington, emphasizing the complex identity of contemporary Ukraine. He described this country as "clef" in terms of civilization. According to this author, Ukraine is in the orbit of the influence of Western civilization and the so-called "Orthodox" civilization. The connection with Orthodox Russia is of a civilization nature, shaped over the centuries, deeply rooted in the consciousness of the inhabitants of the East and South of Ukraine.²⁹ It was Orthodoxy with its reference to the idea of "Holy Rus," next to the Russified post-Soviet culture, that became a strong foundation for the persistence of Russophilia among Ukrainians in the present conditions.

²⁸ I. Pelechatyj, W. Osadczy (ed.), *Dwa Królestwa. Błogosławiony Męczennik Grzegorz Chomyszyn Biskup Stanisławowski*, transl. M. Siudak, Wydawnictwo AA, Kraków 2017, p. 212–213.

²⁹ S. P. Huntington, *The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*, Simon & Schuster, New York 1996, p. 166.

REFERENCES

- Birkbek Ul'yam D. *Religioznoye presledovaniye v Galitsii: (Avstriyskaya Pol'sha)*. Transl. Troiykiy, Sergey. Sankt Peterburg: Sinodal'naya tipografiya, 1913 [Биркбек Уильям Д. *Религиозное преследование в Галиции: (Австрийская Польша)*. Пер. Тройкий, Сергей. Санкт Петербург: Синодальная типография, 1913].
- I. Pelechatyj, W. Osadczy (ed.), *Dwa Królestwa. Błogosławiony Męczennik Grzegorz Chomyszyn Biskup Stanisławowski*, Transl. Siudak, Michał. Warszawa: Wydawnictwo AA, 2017.
- Bobrinskoy, Vladimir A. *Prazhskiy s'yezd. Chekhiya i Prikarpat'skaya Rus'*. Sankt Peterburg: Svet, 1909 [Бобринской, Владимир А. *Пражский съезд. Чехия и Прикарпатская Русь*. Санкт Петербург: Свет, 1909].
- Chornovol, Ihor. *Pol's'ko-ukrayins'ka uhoda 1890–1894 rr.* L'viv: L'viv's'ka akademiya mystetstv, 2000 [Чорновол, Ігор. *Польсько-українська угода 1890–1894 рр.* Львів: Львівська академія мистецтв, 2000].
- Didyts'kyu, Bohdan. *Svoezhyt'evy zapysky*. Ch. 1: *Hde shcho do istoriy samorazvytiya yazyka u azbuky Halys'koy Rusy. L'vov'*, 1906 [Дідицький, Богдан. *Своежытьевьи записки. Ч. 1: Где что до исторіи саморазвитія языка и азбуки Галицкой Руси.* Львовъ, 1906].
- Drahomanov, Mykhaylo P. "Chudats'ki dumky pro ukrayins'ku natsional'nu spravu." *Vybrane* ("...mий задум zlozhyty ocherk istoriyi tsyvilizatsiyi na Ukrayini"). R. S. Mishchuk. Ed. Kyiv: Lybid' 1991 [Драгоманов, Михайло П. "Чудацькі думки про українську національну справу." *Вибране* ("...мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні"). Р. С. Міщук. Ред. Київ: Либідь 1991].
- Florinskiy, Timofey D. *Slavyanskoeye plemya. Statistiko-etnograficheskiy obzor' sovremennago slavyanstva*. Kiyev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira. Aktsionernogo obshchestva pechati i izdatel'skogodela N. T. Korchak-Novitskogo, 1907 [Флоринский, Тимофей Д. *Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства*. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира. Акционерного общества печати и издательского дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1907].
- Gruchala, Jan. *Rząd austriacki i polskie stronnictwa polityczne w Galicji wobec kwestii ukraińskiej (1890–1914)*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1988.
- Heller, Michail. *Historia Imperium Rosyjskiego*. Warszawa: Książka i Wiedza, 2005.
- Klyuchevskiy, Vasiliy. *Kurs russkoy istorii*. T. 1. Moskva: Mysl', 1987 [Ключевский, Василий. *Курс русской истории*. Т. 1. Москва: Мысль, 1987].
- Koneczny, Feliks. *Dzieje Rosji*. Warszawa: Nakładem Spółki Wydawniczej Warszawskiej, 1917.
- Lemkin, Ivan. *Istoriya Lemkoviny*. Yunkers, Novyy York: Izdaniye Lemko-Soyuza v S.Sh.A. i Kanadi, 1969 [Лемкин, Иван. *История Лемковины*. Юнкерс, Новый Йорк: Издание Лемко-Союза в С.Ш.А. и Канаді, 1969].
- Magocsi, Paul Robert. *A History of Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press, 1996.
- Magocsi, Paul Robert. *Galicia: A Historical Survey and Bibliographic Guide*. Toronto: Harvard Ukrainian Research Institute by University of Toronto Press, 1983.
- Matukhina, Irina V. *Ukrainskiy vopros v Rossii (Konetskikh — nachalo XX veka)*. Moskva: RAN, Institut slavyanovedeniya, 2003 [Матухина, Ирина В.

- Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века)*. Москва: РАН, Институт славяноведения, 2003].
- Miller, Aleksey I. *“Ukrainskiy vopros” v politike vlastey i russkom obshchestvennom mnenii*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Aleteyu, 2000 [Миллер, Алексей И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении. Санкт-Петербург: Издательство Алетейя, 2000].
- Monchalovskiy, Osip” A. *Zhiťye i deyatel'nost' Ivana Naumovicha*. L'vov”: Tipografiya Stavropigiyskogo instituta, 1899 [Мончаловский, Осипъ А. *Житие и дѣятельность Ивана Наумовича*. Львовъ: Типография Ставропигийского института, 1899].
- Osadczy, Włodzimierz. “Wszechruska idea w Galicji. Źródła rozwoju orientacji moskalofilskiej wśród Rusinów galicyjskich.” *Kwartalnik Historyczny* CXVI, 2009, 2: 51–69.
- Osadczy, Włodzimierz. *Święta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawosławie w Galicji*. Lublin: UMCS, 2007.
- Sheptytsky, Andrey. *Archbishop A. Sheptytsky's letter to Tsar Nicholas II*. Kyiv, 10 September 1914. The original, handwritten by the metropolitan. Российский Государственный Исторический Архив, Ф-821, Оп. 12, Д. 150, 22.
- Sheptytsky, Andrey. *Archbishop A. Sheptytsky's letter to Tsar Nicholas II*. Kyiv, 10 September 1914. The original, handwritten by the metropolitan. Российский Государственный Исторический Архив, Ф-821, Оп. 12, Д. 150, 22.
- Subtel'nyu, Orest. *Ukrayina. Istorya*. Kyiv: Lybid', 1991 [Субтельний, Орест. Україна. Історія. Київ: Либідь, 1991].
- Ul'yanov, Nikolay I. *Proiskhozhdeniye ukrainskogo separatizma*. Moskva: “INDRIK”, 1996 [Ульянов, Николай И. *Происхождение украинского сепаратизма*. Москва: «ИНДРИК», 1996].
- Ustyanovich, Nikolay L. “Iz avtobiografii Nikolaya L. Ustyanovicha.” *Literaturnyy Sbornik” izdavayemyy Galitsko-Russkoyu Matitseyu*. .Issue I. L'vov”: Tipografiya Stavropigiyskogo instituta, 1885: 41–47 [Устиянович, Николай Л. “Из автобиографии Николая Л. Устияновича.” *Литературный Сборник издаваемый Галицко-Русскою Матицею* Вып. I. Львовъ: Типография Ставропигийского института, 1885: 41–47].
- Wilson, Andrew. *The Ukrainians. Unexpected Nation*. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

MARIA CYMBORSKA-LEBODA

<https://orcid.org/0000-0002-8666-3563>

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

ФИЛОСОФИЯ КАК ПАЛИМПЕСТ. ЭММАНУЭЛЬ ЛЕВИНАС И ДОСТОЕВСКИЙ

PHILOSOPHY AS A PALIMPSEST. EMMANUEL LEVINAS AND DOSTOEVSKY

The aim of the present article is to examine Levinas' texts with the intention of showing and verifying the realization of his idea of philosophizing as "deciphering of what has been hidden in palimpsest writing" (écriture). I discuss Dostoevsky's verbal and semantic layer ("word-sense") present in Levinas' palimpsest discourse. I offer an insight into the function of many of Dostoevsky's concepts, such as the notion of "insatiable co-suffering" with another human being, the dogma about the accountability of "everything and everybody"; negative (see the many aspects of the "Cain's answer" connected with the question of human reliance on himself only and a total lack of restraint) and positive formulas in relation with the Other, resulting in defining one's personality (by means of communion with Thou, love for one's neighbor and the effort to make one's image beautiful in the moral sense) that have been found in the pages of Levinas' writings. I show the means by which Dostoevsky's polyvalent formulas, correlated with The Bible and its heavily charged with meaning position (The Book of Genesis, The Book of Isaiah, The Gospel of St. Matthew, and others), get semantically enriched and absorbed, as key components, by Levinas' philosophical thinking and his hierarchy of values. I discuss the extent to which they determine his conceptualization of "subjectivity of ethical subject": the concept of "I" in the accusative ("me voici"), the "I" summoned to be responsible "for everything and for all men", to be a "guardian of one's brother" on one's way to "being-in-God". In the article I also focus on the productivity and significance of Levinas' methodological stance, which determines his philosophical hermeneutics and the palimpsest character of his discourse, i.e. their being orientated towards: 1) continuation and preservation of the "ancient", original sense and its creative growth in a new "ideological environment", 2) disclosing interrelation between "truth" and the philosophical method of emphasis and sublimation; this allows one to explain an important role of rhetorical figures and the increasing repetitiveness of topoi of thought in Levinas' discourse, which come from/send one thinking of Dostoevsky (as well as of myth, Shakespeare and others), but approach a new level of knowledge and understanding.

Keywords: palimpsest, Dostoevsky, The Bible, a hierarchy of values, the Other, "I" in the accusative, the ethical subject, ethics of the responsibility

L'être humain n'est pas seulement au monde, pas seulement *in-der-Welt-Sein*, mais aussi *zum-Buch-Sein* en relation à la Parole inspirée...¹

¹ E. Lévinas, *Entre nous. Essai sur le penser-à-l'autre*, Grasset, Paris 1991, c. 119.

«Никто не может оставаться в себе самом: бытие человека человеком, субъективность есть ответственность за других и предельная уязвимость»

Эммануэль Левинас²

I. «ФИЛОСОФИЯ КАК ПАЛИМПСЕСТ»

Формула в заглавии статьи относится, конечно, к философии, *первой философии*, самого Левинаса, к его ее пониманию и осмыслению. В вводной статье к одной из ранних работ мыслителя *De L'évasion* (1936), переиздавая ее, Jacques Rolland, в качестве первой фразы, приводит, в сущности, риторический вопрос: «Philosopher, est-ce déchiffrer dans un palimpseste une écriture enfouie?»³ («Философствовать не значит ли это дешифровать в палимпсесте скрытое, запрятанное письмо?»). Этот вопрос ставится в фундаментальной книге Левинаса *Humanisme de l'autre homme* (1972): «Означает ли философствование расшифровку скрытого в палимпсесте писания?»⁴. Такая концептуализация подсовывает нам ключ-инструментарий к прочтению целостного философского текста Левинаса именно как своего рода палимпсеста. Этот подход кажется целесообразным и продуктивным, если под понятием *палимпсест* иметь в виду не просто разновидность интертекстуальных отношений, но связь смысловых наложений и наслоений, скрытых и спрятанных, даже в том случае, когда они, казалось бы, очевидны, так как самим философом иногда названы. Ибо в этом и сказывается писательская и этическая стратегия Левинаса: назвать, наметить

² Э. Левинас, *Гуманизм другого человека // Время и Другой. Гуманизм другого человека*, пер. А. Парибка, Высшая религиозно-философская школа, Санкт-Петербург 1998, с. 239.

³ J. Rolland, *Sortir de l'être par une nouvelle voie // E. Lévinas, De l'évasion, introd. et annoté par J. Rolland*, Fata Morgana, Paris 1982, с. 13. См. также М.А. Lescourret, *Homo philosophicus // Levinas. De l'Être à l'Autre*, ред. J. Hansel, Presses Universitaires de France, Paris 2006, с. 25. М. Цимборска-Лебода, «Каинов ответ Богу» или *Ответственность (Я-для-Другого): от Достоевского до Левинаса // II Международный симпозиум Русская словесность в мировом культурном контексте*, ред. И. Волгин, Фонд Достоевского, Москва 2008, с. 218, 222. E. Lévinas, *Humanisme de l'autre homme*, Fata Morgana, Paris 1978, с. 108.

⁴ Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 237. Здесь и далее все выделения мои, кроме отмеченных случаев — М.Ц.-Л.). Где не указан переводчик, перевод мой — М.Ц.-Л.

след, ведущий на чужую территорию⁵, чтобы, ставя себя в позиции должника, выйти из этой территории обогащенным интеллектуальным кладом, который закопать нельзя. Для читателя/исследователя — это вызов: показать, что представляет собой этот мыслительный клад и как — в духе библейской притчи — Левинас его умножает. Дабы к этой проблеме перейти, скажем несколько слов о стратегии прямого названия должников: для Левинаса это прежде всего Габриэль Марсель, Мартин Бубер⁶ и именно Достоевский. Все они присутствуют в палимпсесте дискурса философа, но в разной степени. Что касается Достоевского, Левинас называет пять топосов палимпсеста, где «закопан» глубинный смысл текстов писателя; этот смысл выше и глубже эксплицитных цитат из Достоевского. Отсюда наша задача — выявить, как над смысловым «палимпсестом словес Достоевского» надстраивается дискурс Левинаса, учитывая его методологическую установку. Она появляется, в частности, в *Noms propres* (1975) и касается интерпретации, сулящей читателю обещание смысла отдаленного, древнего или более глубокого — смысла инспирированного, т.е. такого, который подсказывают имена собственные тех писателей и мыслителей, которые, по словам Левинаса, «помогают заговорить»⁷, являясь носителями словосмысла, сохранившегося, не подверженного эрозии.

Итак, назовем сначала явные отсылки к произведениям Достоевского, учитывая эксплицитные и скрытые цитаты из них, — это прежде всего к *Преступлению и наказанию* (2 отсылки), к *Бесам* (цитаты с адресом и без адреса) и чаще всего к *Братьям Карамазовым* (названные и неназванные). Прежде чем сосредоточиться на топосах из Достоевского в палимпсестной философии Левинаса, сделаем три замечания⁸, которые необходимы с герменевтической точки зрения. 1) Обращаясь к Достоевскому, Левинас предстает как любитель словесности, художественной литературы, прежде всего русской, содержащей «префилософскую константу», имеющей то превосходство над западной фи-

⁵ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 129.

⁶ Там же. См. также E. Lévinas, *Hors sujet*, Fata Morgana, Paris 1987, с. 29–32.

⁷ E. Lévinas, *Imiona własne*, przeł. J. Margański, Wydawnictwo KR, Warszawa 2000, с. 173.

⁸ Три эти положения впервые были мною акцентированы в работе 2008 г. (*Каинов ответ Богу...*), инспирированной Игорем Волгиным и его приглашением на конференцию, за что я ему признательна.

лософией (нередко оцениваемой критически), что в ней человек, другой человек, не является объектом тематизации, а предстает как уникальная субъектность, как Лицо. 2) Обнаруживая все это, как увидим дальше, в творчестве Достоевского, Левинас находит также и другое: образец литературы как «инспирированной речи», которая особым образом связана с Библией⁹ и ее завещанием, ее «этической правдой», «этическим свидетельством». 3) Как бы продолжая разговор с Филиппом Немо и положительно отвечая на его вопрос «можно ли читать как Библию Платона и другие великие тексты культуры?»¹⁰, Левинас разыскивает и умножает этический смысл произведений русского писателя, соотнося его с Библией и читая их через подобие с библейским текстом. Более того: он прочитывает Достоевского (см. далее) согласно герменевтическому принципу, применяемому к чтению именно Библии, соотнося значение одного фрагмента (*verset*) текста со смысловым целым¹¹. При этом любопытно: философ все это делает как бы в согласии с той трактовкой Священного Писания, которую мы находим в *Братьях Карамазовых*:

Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих. И названо все и указано на веки веков¹².

Такое осмысление совпадает с собственной авторской трактовкой Левинаса, считавшего, что в Книге Книг обнаружена «этическая полнота» и трансценденция, религиозная «глубина фундаментального опыта»; в ней «высказаны исконные вещи, которые *должны были* быть высказаны, чтобы человеческая жизнь имела смысл [...]»¹³.

Свидетельство подобного рода не только совпадений, но именно смысловых наложений или взаимного освещения смысловой позиции Достоевского библейским текстом, и наоборот,

⁹ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 119.

¹⁰ E. Lévinas, *Éthique et Infini*, Librairie Arthème Fayard et Radio-France, Paris 1982, с. 114.

¹¹ E. Lévinas, *De Dieu qui vient à l'idée*, Librairie Philosophique J. Vrin, Paris 1998, с. 145.

¹² Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Художественная литература, Ленинград 1970, с. 370.

¹³ E. Lévinas, *Éthique et Infini...*, с. 13, 15. Курсив Левинаса. Ср. также: «Мы, от Калифорнии до Урала, — люди западной культуры и Библией взращены [...]». Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 237.

находим в книге Левинаса *Гуманизм другого человека*. В философский дискурс вплетается краткая цитата из романа *Преступление и наказание* и отсылка к описанию сцены «встречи» (в Буберовском значении слова) Сони с Раскольниковым. Как мы помним, в этом эпизоде Соня вглядывается в отчаявшееся лицо Раскольникова, как, ссылаясь на Достоевского, отмечает Левинас — с «ненасытимым состраданием». Дело, однако, в том, что лексемы с «ненасытимым состраданием» у Достоевского появляются в описании первой встречи героя с Соней — точнее — его первого посещения Сони (и знакомства с ней)¹⁴, и выражают эмоциональную реакцию на реплику посетителя относительно Катерины Ивановны, которую Соня воспринимает в ее слабости другого, униженного человека. Эту эмоцию, или даже персональный атрибут героини Левинас переносит на отношение Сони к Раскольникову в сцене его второго прихода, *после убийства*. Ибо, действительно, это отношение насквозь пронизано состраданием и сочувствием¹⁵, и здесь уже не просто эмоция, а внутреннее длительное состояние, в таком его значении, в каком для *fobos* у Аристотеля устанавливает Гадамер¹⁶. В своем комментарии этого состояния (*сострадание* — для Сони равнозначно с переживаемым мучением) Левинас учитывает факт, что «*постыжение Другого есть герменевтика*» и он дан в своей целостности¹⁷; ставя акцент на слове *ненасытимое*:

¹⁴ См. Ф. Достоевский, *Преступление и наказание*, Художественная литература, Москва 1969, с. 337.

¹⁵ Ср.: «Экое страдание! — вырвался мучительный вопль у Сони»; «[...] он встретил на себе беспокойный и до муки заботливый взгляд ее; Тут была любовь [...]». Там же, с. 245.

¹⁶ Х.-Г. Гадамер, *Истина и метод. Основы философской герменевтики*, пер. М. Журиной и др., Прогресс, Москва 1988, с. 176.

¹⁷ Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 167. О понятии Другого и философии Другого см: К. Исупов, *Этика Другого // «Życie serca». Duch-dusza-ciało i relacja Ja-Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku*, ред. М. Сymborska-Leboda и др., Wydawnictwo UMCS, Lublin 2012, с. 281–288; А. Козырев, *Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М. М. Бахтина // Семинар Русская философия. Традиция и современность. 2004–2009*, Русский путь, Москва 2011, с. 307–328; J. Krasicki, *Fenomenologia i hermeneutyka innego w twórczości Fiodora Dostojewskiego // Epistemologia doświadczenia religijnego w XX-wiecznej filozofii rosyjskiej i żydowskiej*, ред. J. Dobieszewski, S. Krajewski, J. Mach, UNIVERSITAS, Kraków 2018, с. 237–262; М. Цимборска-Лебода, «*Каинов ответ Богу*»...

Он [Достоевский] не сказал неисчерпаемое сострадание», подчеркивая — лексемой *ненасытимое* — «бесконечность сострадания, которое в Соне вызывает Другой (человек)», возвращая это сострадание за пределы всякого возможного насыщения¹⁸.

Тем самым, думается, в данном эпизоде у Достоевского Левинас улавливает присутствие того смысла, который во Введении к книге *Entre nous...* определяется как «la gratuité du hors-de-soi pour l'autre»¹⁹ — «бескорыстие бытия вне-себя-ради другого», и трактуется как основание жертвенности на пути к святости. То есть, смысла имплицитно соотносимого в романе Достоевского с фигурой «святой грешницы», жертвующей собой.

Семантическая поливалентность комментируемой сцены заслуживает внимания также в контекстуальном плане. Особенно тогда, если комментарий Левинаса соотнести с вопросом, которым в своей книге задается Лев Шестов. Это вопрос о том, почему после убийства Раскольников отправляется, например, не к Разумихину, а именно к Соне, этой «несчастной девушке»²⁰. Многоаспектная глубинная интерпретация Левинаса, можно сказать, дает ответ на этот вопрос²¹.

Очевидно и другое. Левинас обнаруживает у Достоевского смысловой комплекс близкий ему самому и присутствие фундаментальных категорий, которые он вскрывает и истолковывает: это прежде всего поливалентный и многозначный смысл Лица, в наготе которого являет себя «крайняя нужда и тем самым мольба»²². Именно это значение прочитывает Левинас также в комментируемой им сцене; и в первую очередь, празничальное желание Другого (ответ на мольбу), противостоящее *для-себя-бытию*. Отметим при этом: не только оговоренная сцена, но вся первая часть *Преступления и наказания* есть для философа образец «высвечивания» категории Другого, смысловой объем и глубина которого у Левинаса могут быть поня-

¹⁸ *Гуманизм другого человека...*

¹⁹ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 11.

²⁰ L. Szestow, *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii*, пер. С. Wodziński, Czytelnik, Warszawa 1987, с. 140.

²¹ О знакомстве Левинаса с творчеством Шестова см. в его статье о Бланшо, и в связи с рассуждениями о Разуме — замечание о «ране Льва Шестова, возрастающей во всех его книгах, заданной необходимостью, в которой торжествует разум рассудительный и резонирующий». E. Lévinas, *Imiona własne...*, с. 181.

²² Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 169.

ты лишь при учете герменевтического принципа соотнесения конкретных фрагментов дискурса с его целостностью. И именно при такой установке понятие Лица в эпизоде у Достоевского обнаруживает свою метафизику: связь с идеей «посещения» (*visitation*) и Бесконечности. Ибо в Лице человека, по Левинасу, проявляется нездешнее, запредельное. «Запредельное, откуда приходит Лицо — пишет Левинас — значимо так, как след»²³. Поэтому *лицо* Раскольникова — убийцы, грешника, но сознающего свою падшесть²⁴, получившего дар сострадания, это, если перефразировать Левинаса, единственное окно, через которое, проскальзывает трансцендентное («*Le visage est, par lui-même, visitation et transcendance*»²⁵). И, очевидно, имплицитное присутствие подобного опыта Левинас прочитывает в интерпретируемом им фрагменте романа Достоевского, в котором лексема «лицо» приобретает существенное значение, а также ситуация *face à face*. В явленности (эпифании) Лица другого человека, по Левинасу, отражается Отсутствующий и его «божественное слово» («*parole de Dieu*»²⁶), его верховная заповедь. Последнее про-

²³ Там же, с. 183.

²⁴ Ср. с признанием героя: «у меня сердце злое» и сознанием нужды в другом: «Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть. И я смел так на себя надеяться, так мечтать о себе, нищий я, ничтожный я, подлец, подлец!» (Ф. Достоевский, *Преступление и наказание...*, с. 430, 535). Отсюда, видимо, согласно Вяч. Иванову, Раскольников со своей «недужной волей» тоже есть жертва. Вяч. Иванов, *Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика*, ред. А. Шишкин, О. Фетисенко, Пушкинский дом, Санкт-Петербург 2021, с. 75–76.

²⁵ E. Lévinas, *Humanisme de l'autre homme...*, с. 69; *Гуманизм другого человека...*, с. 190.

²⁶ Левинас пишет о «Бесконечности отсутствия» Бога как о модусе его присутствия/проявления в другом человеке, из чего отнюдь не вытекает, что Бог „*miął*”, прошел. См. T. Gadacz SP, *Znaczenie idei Boga w filozofii Lévinasa* // E. Lévinas, *O Bogu, który nawiedza myśl*, пер. M. Kowalska, Znak, Kraków 1994, с. 33. Ср. в этой связи: „*Valeur qui se nomme Dieu*” (*Humanisme de l'autre homme...*, с. 87). См. также, с. 95: критическое отношение к идеям и «slogans» высокого интеллектуального общества, в том числе к идее «смерти Бога». Мысль Левинаса — многозначна и многослойна; существенно в ней различие Бога и «некоторого бога» (*certain dieu*), с имплицитной отсылкой к Ницше, отмеченное графически. Ср. напр. замечание о страдании Бога: «*Dans notre souffrance Dieu souffre avec nous. Kénose de Dieu*». E. Lévinas, *Altérité et transcendance*, Fata Morgana, Paris 1995, с. 182; „В нашем страдании Бог страдает вместе с нами [...]. Кеноз Бога”. См. также в работе *Hors sujet* (с. 130), замечание, что лицо не есть символ запредельности, не доставляет «доказательства экзистенции Бога», но есть «условие [этичес-

ясняется философом через соотнесенность с Библией. Как сказано в Книге Исхода (гл. 33) — Лицо Бога спрятано, мы находим его только в следе. Но — пишет Левинас — «Бог, открываемый нашей христианской духовностью, сохраняет в себе Бесконечность своего отсутствия, и это сказывается даже в личностном плане»²⁷. Притом в освещении вопроса об эпифании и трансценденции Лица Левинас учитывает и христианскую перспективу, отсылая читателя к Новому Завету, который, как мы знаем, Соня, внемля просьбе Раскольникова, читает ему.

Когда я говорю с христианином, — пишет Левинас — я всегда цитирую, Евангелие от Матвея 25, отношение к Богу здесь представлено как отношение к другому человеку. И это не метафора: в другом есть реальное присутствие Бога. В моем отношении к Богу я слышу Божественное Слово. [...] Я не говорю, что другой есть Бог, но что в его Лице я слышу Слово Бога.

И далее:

Не существует сепарации между Богом и Словом: ибо это в форме слова, в форме этического призыва, или *призыва любить* осуществляется сошествие Бога²⁸.

кое] *incontournable* этого слова, его первое высказывание. Первая молитва, первая литургия. Именно лицо есть единственное, что может передать [traduire] трансцендентное». Трансценденция мыслится Левинасом неотделимой от этических *условий* ответственности за Другого. О понятии кенозы у Левинаса см. O. Bialer, *Doświadczenie kenozy w filozofii Lévinasa // Epistemologia doświadczenia religijnego w XX-wiecznej filozofii rosyjskiej i żydowskiej...*, с. 365–373. Не совсем ясно, почему автор статьи считает, что в интерпретации Евангелия от Матвея 25. Левинас выражает ироническое отношение к Евхаристии (там же, с. 365). Мотив установления Евхаристии появляется в Ев. от Матвея 26. Отсылкой на него из интервью мыслителя заканчивается указанная статья. (Не ясно также, почему высказывание философа приводится на основании английского перевода книги *Entre nous*, которая цитируется в оригинале в более ранних фрагментах работы, см. прим. 8). И, конечно, иронии в высказывании Левинаса, воспроизводящем слова Христа — нет. Вопрос об отношении Левинаса к христианству прекрасно освещает (в частности) статья: A. Peperzak, *Métaphysique et ontologie // Lévinas. De l'Être à l'Autre...*, с. 121–122.

²⁷ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 120. Любопытно сопоставить смысловую позицию Левинаса с высказыванием Вяч. Иванова — христианского мыслителя о том, что Бесконечность — это «постулат человеческого духа» (Вячеслав Иванов. Лидия Зиновьева-Аннибал, *Переписка 1894–1903*, т. 2, подг. текста, вступ. статья и коммент. Н. Богомолов, М. Вахтель, Д. Солодкой, Новое литературное обозрение, Москва 2009, с. 327).

²⁸ E. Lévinas, *Entre nous...*

Существенно в этой связи, что философ припоминает, по его выражению, «древний библейский сюжет» о сотворении человека по образу и подобию Бога и завет — быть Его подобием, придавая ему новый смысл; завет, согласно Бердяеву (и Вышеславцеву) не понятый западной философией и антропологией²⁹. Углубляясь в мысль Достоевского, Левинас прикасается к этой фундаментальной проблеме, когда он выдвигает положение о том, что в другом человеке, в его лице выражается завет святости (*le commandement de la sainteté*), посредством которого «Бог посещает мою мысль»³⁰, и, тем самым, призыв любви к ближнему. «Свободный человек — пишет философ — вверен ближнему, никто не спасается без других»³¹.

II. ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ И/ИЛИ КАИНОВА ЛОГИКА

Категория любви к ближнему, как мы помним, эксплицитно опровергается в значащем высказывании Ивана Карамазова³²:

Я никогда не мог понять как можно любить своих ближних. Именно близких-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних... Чтобы полюбить человека, надо чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо — пропала любовь³³.

Уже из предыдущих рассуждений очевидно, что Левинас полемизирует с этим утверждением, как и с другой формулой Ивана Карамазова, которая имплицитно отрицает любовь к ближнему. Эта знаменитая формула произносится в сцене встречи Ивана с Алешей:

²⁹ По мнению Левинаса, эта древняя анонсированная правда, о подобии, относится в первую очередь к «ты», а не к «я». E. Levinas, *De Dieu qui vient...*, с. 227. Ср. также: Н. Бердяев, *Проблема человека (К построению христианской антропологии)*, «Путь» 1936, № 50, с. 8.

³⁰ E. Lévinas, *Altérité et transcendance...*, с. 181.

³¹ Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 238.

³² Эту цитату припоминает Шестов, отождествляя позицию героя и автора романа, он делает заключение, что ни Иван Карамазов, ни Достоевский не верят в спасительную мощь идеи «любви к ближнему». (L. Szestow, *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii...*, с. 136–137). Он не различает голос автора и героя, и, как правило, говорит о мировоззренческой позиции самого Достоевского/автора, хотя иногда призывает, чтобы не отождествлять Достоевского с Алешей Карамазовым, позицию которого, в сущности, дискредитирует (там же, 138).

³³ Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, ч. I, II, с. 276.

Да я-то тут что? Сторож я, что ли, моему брату, Дмитрию? — раздражительно отрезал было Иван, но вдруг как-то горько улыбнулся. — Каинов ответ Богу об убитом брате...³⁴.

Знаменателен факт: эта двойная цитата, библейско-достоевская, является лейтмотивом текстов Левинаса. Можно сказать, он постоянно «работает» с этим топосом (в Бахтинском значении слова), эксплорируя его смысл, нюансируя³⁵ вопрос о любви к ближнему и агапической/каритативной любви.

В работе 1991 г. *Entre nous...* философ отмечает:

Ответ Каина искренен. В его ответе не хватает лишь этики, есть только онтология: я это я, он это он. Каждый из нас — это онтологически отъединенное бытие³⁶.

Рассматриваемый в этом контексте ответ Каина/Ивана являет собою отрицательную формулу самоопределения личности, отказ от этического отношения. Сам же Достоевский чаёт положительного самоопределения я через *ты*, по словам Вячеслава Иванова³⁷. Значимость категории *Ты* и ее присутствие у Габриэля Марселя и Бубера отмечается у Левинаса, хотя с некоторыми оговорками³⁸. Что касается Марселя, важно то, что философ написал отзыв на книгу Иванова о Достоевском (1932 г.)³⁹. Левинас же несколько раз возвращается к его *Метафизическому дневнику* (запись от 21 октября 1919 г.); а именно в связи с его критикой принципа *autarkia* (αυταρχία), самодостаточности *Я* и в связи с утверждением ценности подлинного духовного отношения,

³⁴ Там же, с. 270.

³⁵ Нюансирование и даже корректирование «операционных концентров» выражает, в частности, суть методологии Левинаса, определяет ритм его мысли (и даже эволюцию), руководимой «Желанием Бесконечного» и всегда сохраняющей верность положению «об отношении к другому как движению к Добру», открытой на этику как «более древнюю, чем онтология». E. Lévinas, *De l'existence à l'existant*, Librairie Philosophique J. Vrin, Paris 2013, с. 12.

³⁶ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 120.

³⁷ Вяч. Иванов, *Собрание сочинений*, т. IV, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1987, с. 439.

³⁸ E. Lévinas, *Hors sujet...*, с. 30; *Imiona własne...*, с. 134; *Altérité et transcendance...*, с. 111.

³⁹ См. В. Визгин, *Габриэль Марсель и русская философия // Семинар Русская философия. Традиция и современность. 2004–2009*, Русский путь, Москва 2011.

возникающего в контакте с Другим человеком⁴⁰. Нужда в таком отношении отрицается Иваном/Каином ради афирмации своей самодостаточности и отъединенности.

Фигура Каина, как знаковая, есть «общее место» культурного сознания XX в., ее приводит за Петером Вустом (немецким метафизиком) тот же Марсель⁴¹ (конечно, и Вяч. Иванов в поэме *Человек и не только*), а также Мартин Бубер в книге *Образы добра и зла*. Обращает на себя внимание оригинальность истолкования этой символической фигуры, резонирующей у Левинаса, а в качестве Бахтинского «ответного слова» («ответного смысла»), и нового контекста, имеющего связь с «Каиновым ответом». Так, согласно Буберу (об этом он пишет также в письме Льву Шестову 1932 г.), первичное грехопадение и зло начинается не с древа познания, а с «подлинного злодеяния», преступления Каина⁴², с чем Шестов, конечно, не соглашался, считая, что «не Достоевский написал настоящую критику чистого разума, а сам Бог, сказавши: ‘когда ты обретишь познание, ты умрешь’»⁴³.

Оставляя мнение Шестова без комментария, сосредоточимся на истолковании фигуры Каина и «Каинова ответа» у Левинаса. С его точки зрения, и, думается, также Достоевского — уже сам этот ответ «убийственен», ибо содержит отказ от ответственности за ближнего и от заботы о нем («Разве я сторож...»). В нем есть манифестация трезвого разумного эгоизма, как зла и проявления *не-любви* к Другому. И эта *не-любовь* — отсутствие любви — высвечивается Левинасом, когда он очередной раз, истолковывает библейско-достоевскую формулу «Каинова от-

⁴⁰ См. Г. Марсель, *Метафизический дневник*, пер. В. Быстров, «Наука», Санкт-Петербург 2005, с. 363–364. Levinas, *Entre nous...*, с. 71–74; *Imiona własne...*, с. 10; *Altérité et transcendence...*, с. 165; *De Dieu qui vient...*, с. 225. Подробнее: J. Hansel, *Autrement que Heidegger // Levinas. De l'Être à l'Autre...*, с. 42–45.

⁴¹ G. Marcel, *Wyć i mieć*, пер. D. Eska, PAX, Warszawa 1998, с. 338. «Современный человек, как говорит [Вуст], имеет на себе пятно Каина, люциперический знак назначает культуру [...]».

⁴² М. Бубер, *Образы добра и зла // Два образа веры*, пер. М. Левиной и др., АСТ, Москва 1998, с. 171. «Деяние первых людей относится к сфере преддверия зла, деяния Каина — к сфере зла, возникшего как таковое благодаря акту познания».

⁴³ *Переписка Льва Шестова с Борисом Шлëциром*, сост. О. Табачникова, УМСА-PRESS, Париж 2011, с. 80. См. также Appendix. Выдержки из письма Мартину Буберу от 22.09.1932, с. 165; Из воспоминаний Бенджамин Фондана о встречах с Шестовым: «Я расхожусь с Бубером [...] вот в чем: он бы хотел обойти первородный грех, наследственность и т.д.». Там же, с. 167.

вета», аккумулируя ее смысл и дополняя новыми значениями, а именно люциферианской составляющей в его ответе; она же выражается метафорой «la sobre froideur caïnesque»⁴⁴. Польский перевод: „chłodna Kainowa trzeźwość”⁴⁵ или „chłodna Kainowa ro-wściągliwość” утрачивает депонируемый в метафоре символический смысл. Трезвый холод ответа («раздраженно отрезал...») — у Ивана Карамазова как раз и содержит обе ценностные характеристики. То есть, трезвость и сдержанность разума, замкнутого на человеческую солидарность «геометрического рассудка»; но прежде всего он указывает на сродство с тем, кто «любви не имел» и согласно мифологеме Данте⁴⁶, которую акцентирует Флоренский, «весь во льду застыл». Значит — указывает на связь с Люцефером.

При этом князь Лжи появляется в рассуждениях Левинаса и более эксплицитно, когда сопоставляя ценность и анти-ценность, мыслитель пишет: «Зло выдает себя за *современника* и ровню Богу, за близнеца его: неопровержимая, люциферианская ложь»⁴⁷ (вспомним в этой связи о «двух безднах» в сердце человека у Достоевского — где Дьявол с Богом борется). Любопытен еще один случай Левинасовской расшифровки потаенного смысла «Кайнова ответа», соотнесенного с Достоевским — пример наложения двух смысловых позиций. В книге *Difficile liberté* (1963 г.) Левинас припоминает рабинистическую интерпретацию «Кайнова диалога с Богом» (не забывая, конечно, об ответе Ивана Карамазова):

Разве я сторож моего брата? Этот вопрос не является простой дерзостью. Он исходит от того, кто еще не почувствовал человеческую солидарность и кто

⁴⁴ E. Lévinas, *De Dieu qui vient à l'idée...*, с. 117; *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*б Kluwer Academic, Paris 1978, с. 24.

⁴⁵ E. Lévinas, *O Bogu, który nawiedza myśli...*, с. 134; *Inaczej niż być lub ponad istotą...*, przeł. P. Mrówczyński, Fundacja Aletheia, Warszawa 2000, с. 23.

⁴⁶ См.: «Полночный лед он [Люцифер] выбрал в долю, / мятежный, замкнутого Я, самодержавшую неволю». Вяч. Иванов, *Собрание сочинений*, т. III, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1979, с. 202. Подробнее: М. Cymborska-Leboda, «Biały kamyk» z *Apokalipsy św. Jana w misterium Wiacz. Iwanowa «Человек». Intertekstualność i dialogika // Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*, ред. R. Łuźny, D. Piwowarska, UNIVERSITAS, Kraków 1998, с. 293–304. Ср. также замечание Иванова о Кайне Байрона, сдружившемся с Денницей и кончившем убиением брата; и о Люциферовых типах Достоевского. Вяч. Иванов, *Достоевский. Трагедия. Миф...*, с. 11.

⁴⁷ Э. Левинас, *Гуманизм другого человека...*, с. 215–216.

думает (подобно как и современные философы), что каждый существует для себя и что все позволено⁴⁸.

Формула «все позволено» (если человек в своем дерзновении думает, что Бога нет) привлекается Левинасом также в связи с проблемой свободы/своеволия, отсылающей к Достоевскому. Она появляется в контексте размышлений об аксиологическом кризисе на Западе и («une rupture») о разрыве между миром и Богом, в следующей констатации:

Мир без Бога, мне думается, — это мир, в котором, по выражению Достоевского, «все позволено»; — это мир в его «равнодушии» и как раз свободе «того, кто не является сторожем своего брата»⁴⁹.

Речь идет о свободе *от*, а не *для-Другого*, свободе люциферической, назначенной Каиновым пятном, в терминах Вяч. Иванова — лживой, призрачной. И не случайно в связи с так концептуализированной свободой, как исходной точкой, Левинас употребляет то же выражение «*sobre froideur cainesque*», определяющее смысловую позицию, противостоящую этике ответственности.

Как мы видим, отталкиваясь от Библии и Достоевского, Левинас расширяет и обогащает смысловое поле «Каинова ответа», возводя его на новый уровень понимания и «практического» познания — его антропологических последствий. Библейская цитата «Разве я сторож брату моему?», с конкретной отсылкой к высказыванию Ивана Карамазова, появляется и в другом контексте, в связи с философской позицией Хайдеггера и размышлениями о свободе без ответственности⁵⁰; здесь экспонируется мысль:

Быть собой — условие или безусловность заложника — это всегда иметь избыток ответственности. Ответственность заложника в наиболее сильном ее значении. Ибо остается непонятым, что другой касается меня. Чем для меня Гекуба? Иначе говоря: «Являюсь ли я сторожем моего брата?» — такие вопросы являются непонятыми в порядке бытия⁵¹.

⁴⁸ E. Lévinas, *Difficile liberté*. Albin Michel, Paris 1976, с. 40–41. Lévinas, *Hors sujet...*, с. 18, *Humanisme de l'autre homme...*, с. 88.

⁴⁹ E. Lévinas, *Hors sujet...*, с. 18, *Humanisme de l'autre homme...*, с. 88.

⁵⁰ E. Lévinas, *Dieu, la mort et le temps*, ред. и примеч. J. de Rolland, Grasset, Paris 1993, с. 204–205.

⁵¹ Там же.

Накладывание мифа, Еврипида, Шекспира, Достоевского и Библии — вот еще одно свидетельство палимпсестности дискурса Левинаса. Знаменательна и значима в данном случае замена местоимения *him (he)* у Шекспира (*Гамлет*, действие II, 4 сцена, стих. 593–594) на *me* (меня) у Левинаса: («Que me Héscube?»): ответственность касается меня, не его; отказ от нее (у Ивана Карамазова) — это тоже «дело» я (мое). Палимпсестная цитата, приведенная в сорбонских лекциях, присутствует и в *opus magnum* Левинаса в *Autrement qu'êtré*, но с несколько иным обогащающим и углубляющим комментарием, или ответом на поставленные вопросы:

Почему Другой меня касается? Чем для меня Гекуба? Являюсь ли я сторожем моего брата? — эти вопросы имеют смысл только, если предположить, что Я заботится лишь о себе, являясь ни чем иным, как только заботой о самом себе⁵².

Ответ Каина в высказывании Левинаса выявляет индифферентизм и эгоизм жестокого Я. Отсюда в упомянутой книге лекций, как явное опровержение такой каинической позиции, звучит следующая констатация: «Если Каин не является сторожем брата своего, нужно [мне] ангажировать самого себя как сторожа своего брата»⁵³.

III. БЫТЬ ОТВЕТЧИКОМ, ИЛИ ЭТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ У ЛЕВИНАСА

Ангажированное Я, причастное к Другому, в понимании Левинаса — этический субъект, в своей *первичной религиозности*, в качестве «l'un-pour-l'autre en tant que l'un-gardien-de-son-frère»⁵⁴ (один для-другого как сторож-своего брата), актуализирует смысловую позицию Зосимы: быть «ответчиком» и известную заповедь (догмат) Достоевского⁵⁵. У Левинаса она приобретает неодинаковое языковое выражение (перевод), нюансирующее ее значение. Так, в *Éthique et Infini* (1982), появляясь два раза на протяжении короткого фрагмента высказывания, она звучит следующим образом, соответствуя оригиналу: «*Nous sommes*

⁵² E. Lévinas, *Autrement qu'êtré...*, с. 186. Lévinas, *Dieu, la mort...*, с. 213.

⁵³ E. Lévinas, *Dieu, la mort...*, с. 213. Lévinas, *Humanisme de l'autre homme...*, с. 10.

⁵⁴ E. Lévinas, *Humanisme de l'autre homme...*, с. 10.

⁵⁵ Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, с. 346, 356 и др.

tous coupables de tout et de tous devant tous, et moi plus que les autres»⁵⁶. В качестве же заключительного слова она обретает прибыльный смысл: «*Nous sommes tous responsables de tout et de tous devant tous, et moi plus que tous les autres*»⁵⁷. В книге *Entre nous...* слова русского писателя появляются в двух здесь приведенных формах, с ударением на асимметричность отношения Я–Другие. Этот смысл углубляется в интервью:

Одна из вещей наиболее важных для меня: это именно асимметрия и эта формула: *tous les hommes sont responsables les uns des autres et moi plus que tout le monde*. Это формула Достоевского, которую я цитирую еще раз, как вы видите⁵⁸.

Частоту этой формулы у Левинаса мне уже приходилось отмечать, однако не все случаи ее присутствия, которые должны быть учтены с углублением в семантические нюансы. Они же у Левинаса существенны в связи с его методологией, где *истина* и *метод* соотнесены, и где мы наблюдаем гиперболическую повторность, значащую, возвышающую идею до ее степени суперлятивной, до эмфазы⁵⁹, что соответствует стремлению философа выявить весь смысловой объем и потенциал фразы Достоевского. Ситуацию субъекта, выражаемую его формулой, мыслитель определяет словами «*la culpabilité absolue*» («абсолютная виновность»), «*la responsabilité absolue*» («абсолютная ответственность»)»⁶⁰. Он ставит акцент на второй части формулы Достоевского «а я больше всех»: рискнем утверждение, что в итоге ее сублимации вырастает рефлексия Левинаса об уязвимости и избранности этического субъекта (ср. с эпиграфом). Ее суть осуществляется на пути эмфатического освоения этой формулы, в качестве «глубинной правды» мысли русского писателя (ср.: «*Je rappelle toujours à ce propos Dostoïevski*»; «*Pensons à ma citation de Dostoïevski*»⁶¹) и интегрального элемента собственно

⁵⁶ E. Lévinas, *Éthique et Infini...*, с. 95. Курсив Левинаса.

⁵⁷ Там же, с. 98. Курсив Левинаса.

⁵⁸ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 115, 117. Знаменательным в этих отсылках/цитатах является «переход» от «мы» (*nous*) к «все» (*tous*), что указывает в первом случае на нашу причастность «догмату» о виновности/ответственности, во втором — на *общность*, универсальность ситуации.

⁵⁹ E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 142 («L'exaspération comme méthode de philosophie»).

⁶⁰ E. Lévinas, *Dieu, la mort...*, с. 220.

⁶¹ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 117.

Левинасовского мышления, о пробуждении человеческой субъектности, открытой на близость другому человеку, о человечности, качественность которой выражена хотя бы следующей, резонирующей Достоевским, мыслью: «человечность — это я в моем к-Богу-бытии»⁶².

Вопрос о том, что такое я, субъектность человека, как существенный и фундаментальный, появляется во многих работах Левинаса. Так, например, в *Autrement qu'être* он пишет: «Слово Я означает „вот я перед тобой“ [me voici], отвечая за все и за всех»⁶³. Мысль Достоевского, здесь не названная, включается в это определение и предстает в качестве его составляющей, соединяясь в памяти читателя с библейской отсылкой к Исаи (6, 8). Расширение этой мысли с прямым указанием на Достоевского находим в другом фрагменте сочинения. Левинас предлагает здесь свое понимание категории *субъектности субъекта*, открытого для всех и всего (être-sujet- à tout), предстающего в его безусловном аккузативе, в «me voici» («Я перед тобой»); что означает «послушание Хвале Бесконечного и Другому человеку». Цитата из *Братьев Карамазовых* («Chacun de nous est coupable devant tous pour tous et moi plus que les autres»), непосредственно следующая за этим рассуждением, и подтверждает данную формулу субъектности и, одновременно, освещается ею⁶⁴.

Стоит соотнести эти определения с другим, их дополняющим, а также проясняющим глубинную суть мысли русского писателя — указанием на условия, благодаря которым возникает возможность ситуации, в которой я становится *ответчиком*. Эта ситуация, в книге *De Dieu qui vient à l'idée* связывается с исконным дативусом «для Другого» (pour l'autre), где субъект являет себя как сердце, чувствительность и дарящие руки⁶⁵. Без них «чудесный аккузатив»: «вот ты имеешь меня перед собой [me voici], в качестве своего должника и слуги во имя Божие»⁶⁶ возникнуть не может. Лексемы «Во имя Бога» здесь крайне существенны, особенно если вспомнить слова Достоевского: «ибо коли Бога бес-

⁶² E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 255.

⁶³ E. Lévinas, *Autrement qu'être...*, с. 180–181. См: „moi, c'est à dire me voici pour les autres [...]”. Там же, с. 283. Курсив Левинаса.

⁶⁴ Там же, с. 228. Ср. в связи с этим диалогическую дискуссию с Левинасом (глава *Asymétrie*): A. Peperzak, *Métaphysique et ontologie ...*, с. 99–122.

⁶⁵ E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 119–120.

⁶⁶ Там же, с. 123.

конечного нет, то и нет никакой добродетели, да и не надобно ее тогда вовсе»⁶⁷. Левинас, конечно, помня это высказывание, дописывает или досказывает важное в его философском дискурсе значение, связанное с интенцией показать «как ожидание Бога преобразуется в близость другого человека, в мою ответственность заложника»⁶⁸. Другими словами — в Добро, исключающее равнодушие по отношению к Другому. В уже упоминаемом эссе о Марселе, Левинас указал на преемственность эксплицируемого им смысла:

Нервнодушие одного *для другого*. В облике духовности *Я*, пробужденной через *Ты*, в произведении Марселя, в сходстве с Бубером и всей философией, трактуемой как философия диалога, звучит новое (но какое старое) значение: значение Дара и Жертвенности⁶⁹.

«Нервнодушие» к Другому, конкретизируя, Левинас определяет как «пробуждение» *Я* через Другого. В интерпретации мыслителя это как раз и входит в семантическое поле ответственности за Другого, того Другого, которого, в нашем не скупом участии, надо накормить и одеть, даже отнимая хлеб от собственных уст. Однако *пробуждение* означает больше: «мою экспиацию за его [другого человека] страдание и, очевидно, за сделанные им вины»⁷⁰.

Нельзя ли поэтому сказать, в свете приведенного истолкования, что за ним, в его глубинном, невидимом слое, проскальзывает нечто отдаленное, представшее как новое и актуальное: смысл *ненасытмости* сострадания, который в связи с Достоевским, в своей книге вскрыл и акцентировал Левинас; учитывая факт, что в экспиации Раскольникова и его судьбе на каторге участвует Соня Мармеладова, и что это со-участие имеет ключевое значение.

Философское мышление Левинаса, как мы стремились показать, отмечено палимпсестными наложениями: осваивая *чужое*, углубляясь в него, философ открывает новые, потаенные перспективы смысла, соотнося его с современной ситуацией человека XX в., выявляя тем самым универсальность и пророческий потенциал творчества Достоевского. В 30-ые годы XX

⁶⁷ Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, с. 356.

⁶⁸ E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 89.

⁶⁹ E. Lévinas, *Imiona własne...*, с. 10; *Entre nous...*, с. 74.

⁷⁰ E. Lévinas, *Autrement qu'être...*, с. 186–187.

века это отмечал, в частности, Жак Маритен, подчеркивая значение Достоевского для человечества и христианской культуры⁷¹.

В апреле 1932 г. в Париже закрылась Франко-русская Студия, работавшая два года; третье ее заседание, 18 декабря 1929 г. было посвящено Достоевскому. Видные участники Студии — представители французской и русской интеллектуальной элиты, после докладов о Достоевском, отмечали связь (Гетовского) Вымысла и Правды, подчеркивая, что фиктивные персонажи Достоевского, особенно Алеша Карамазов — это не фикция, а для современного человека — идеал⁷² или предостережение. На последнем же Заседании Студии, главный ее организатор де Фохт (de Vogt) выразил сожаление, что в современном мире забыто понятие «ближнего»⁷³. Это была половина 1931 г., слова Всеволода Фохта предвещали кризис 30-ых годов; — последующие сочинения Левинаса выражали сознание «кризиса гуманизма» и напоминали о фундаментальном значении категории ближнего и человечности. Его сочинения открыли путь этике как «первой философии» и они значимы не только своей теоретико-методологической стороной, но также жизненно-практической. Не случайно он, повторим это, любитель книг (кроме Достоевского, также Гроссмана и др.) и словесности (знаток поэзии), деконструирует понятие философии. И вполне обосновано «Каинову ответу» Ивана Карамазова, философ противопоставляет другую, самую близкую и частотную формулу о виновности всех перед всеми, выявляя духовное измерение социальности, бытия-с-Другим, с одной стороны, и избранность Я, которое собственной незаменимой ответственностью созидает свою подлинную субъектность. По Левинасу, она противостоит той, которая связана с категорией *autarkia* и уже отмеченной Каиновой самодостаточности.

В очередное опровержение философом этой варьируемой идеи⁷⁴ вплетается положительный ответ Богу и утвержде-

⁷¹ J. Maritain, *Carnets de Notes*, Desclée de Brouwer, Paris 1965, с. 246.

⁷² *Le Studio Franco-Russe 1929–1931*, ред. L. Livak, G. de Tassis, Toronto Slavic Library, Toronto 2005, с. 114. Доклад на тему *Достоевский и Le Studio Franco-Russe* был мною прочитан на международной конференции в ИМЛИ в 2021 г.

⁷³ Там же, с. 520.

⁷⁴ Во *Введении* к книге *Humanisme de l'autre homme*, которое отсутствует в русском переводе, Левинас указывает на далекие последствия этой позиции,

ние первостепенного значения заповеди о любви к ближнему⁷⁵. «Пусть выход вне себя будет сближением к ближнему», — говорит философ. И далее:

Это пробуждение. Близость к ближнему, это моя ответственность за него. Быть близким, это быть сторожем своего брата, быть сторожем своего брата, это быть его заложником⁷⁶.

Как полагает Левинас, именно благодаря такому положению я — как заложника — в мире может существовать жалость, сострадание, прощение, близость⁷⁷ и, конечно, Добро. То есть ценности, утверждаемые Достоевским, прежде всего в поучениях Зосимы. Особенно тогда, когда он призывает человека быть благолепнее, заботиться о том, чтобы человеческий образ стал благолепен⁷⁸. Старинное же слово *благолепие* в своем аксиологическом значении, ассоциативно противостоит неблагочестивости, неуважению к святыне, к Божьему закону.

Напомним, что фразе о бдительности и внимательности в размышлениях Зосимы предшествует мысль о потребности

ее преемственность, которая оборачивается не просто безразличием к ближнему, но насилием над ним. Методологическая установка Левинаса, связь метода и истины, проявляется и здесь, а именно: в рефлексии о трансмиссии *каинического смысла*. Он, согласно мыслителю, находит свое продолжение в современности, его эхом является Зло, творимое нацизмом. Аксиологическое мышление философа и в этом случае выявляет ценностную полюсность (добра и зла), первенство этики над онтологией, ибо в Библии идея Блага возносится за пределы бытия. Отсюда поразительное сопоставление ценности и антиценности: чувствительности (добра, покаяния и прощения), отсылающей к *слезам библейского Иосифа* (ср. со слезинкой ребенка у Достоевского), как утверждения покаяния за нечестивые поступки, прощения и добра (Бытие: 50, 17), и гитлеровского свирепого насилия и жестокости. Той жестокости, которая, по словам Левинаса: «является не столь признаком Каиновой расы, сколь она есть дочь Гитлера или его адоптированная дочь». E. Lévinas., *Humanisme de l'autre homme...*, с. 211).

⁷⁵ В одном из высказываний философ подчеркивает, что эта заповедь, как правило, ставится на втором месте. E. Lévinas. *Altérité et transcendance...*, с. 106.

⁷⁶ E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 118.

⁷⁷ E. Lévinas, *Autrement qu'être...*, с. 186. См. дистанцию по отношению к этой идее Левинаса и его отсылки к Достоевскому, у Поля Рикёра. P. Ricoeur, *Parcours de la reconnaissance*, Gallimard, Paris 2044, с. 256. („Ici, Dostoïevski relaie Isaïe, Job, le Quohelet. Il y a là comme un crescendo: persécution, outrage, expiation [...]”).

⁷⁸ Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, с. 373.

приобретения человеком высшей ценности — *любви осмотри- тельной, деятельной — любви учительницы*. И только затем появляются важные для Левинаса рассуждения, апеллирующие к осознанию (в терминах Левинаса: пробуждению) и принятию догмата о виновности:

[...] ибо чуть только сделаешь себя за все и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что *ты-то* и есть за всех и за вся виноват⁷⁹.

Варьирование формулы Достоевского у Левинаса, над которой надстраивается его — великого моралиста XX века — мышление, проникнутое этической чувствительностью (*sensibilité*), об уникальности и уязвимости я, призванного к позиции *сторожа* и заложника — существенно и значимо с многих точек зрения, конечно, с аксиологической, но также и с герменевтической. Ибо имеет значение в каких контекстах его рассуждений эта формула появляется, и каким образом Левинас встраивает ее в много- ступенчатую смысловую и аксиологическую иерархию своего палимпсестного дискурса, развиваемого и дополняемого в оче- редных книгах, в согласии с излюбленным методом сублимации и эмфазы. Этот вопрос уже отчасти (в работе 2006/2008 гг.) был мною затронут, отчасти же требует дальнейших исследований. В частности, рассмотрения требует проблема перетолкования формулы Достоевского «красота спасет мир», которую сам пи- сатель подверг переосмыслению, как это замечательно показал Зеньковский⁸⁰. В постулируемой иерархии ценностей у Леви- наса — в его *сверхутопии* — высшую ступень занимает Добро⁸¹, которое не абстрактно, генерирует любовь и ответственность. Заслуживает ведь внимания, что перетолковывая внутреннюю форму слова *философия*, Левинас указывает тем самым на ее ан-

⁷⁹ Там же, с. 374.

⁸⁰ В. Зеньковский, *Проблема красоты в мирозерцании Достоевского*, «Путь» 1933, № 37. Именно Зеньковский выдвигает идею о том, что писатель «не досказал того, что ему открылось. А нам можно досказать его мысль до конца лишь в том случае, если мы поймем диалектику исканий Достоевского [...]». Там же, с. 60.

⁸¹ В сорбонских лекциях 1975–1976, опубликованных в книге *Dieu, la mort et le temps*, Левинас говорит об «ответственности в доброте» и объясняет, что это означает, т.е. что «быть ответственным в доброте — есть свидетельство этического акта: этика проникает [glisse] в я [...]». E. Lévinas, *Dieu, la mort...*, с. 206; говоря словами Достоевского, делает я благолепным.

тропологическую миссию — «нести мудрость любви»⁸², так как философия в определенном смысле — это „l'apparition d'une sagesse du fond de cette charité initiale [...], la sagesse de cette charité, la sagesse de l'amour”⁸³; «появление мудрости⁸⁴ из глубины изначальной *caritas* — мудрость этой *caritas*, мудрость любви».

Суть такого рода любви (вспомним *любовь учительницу* у Достоевского) Левинас выразил уже в работе *Totalité et Infini. Essai sur l'extériorité* (1971), *Całość i Nieskończoność*. Пусть нижеприведенная концептуализация любви, в которой звучит эхо учения Зосимы («Я есмь и я люблю»)⁸⁵, будет завершением наших рассуждений:

«L'amour vise Autrui, il le vise dans sa faiblesse... Aimer, c'est craindre pour autrui, porter secours à sa faiblesse»⁸⁶ «Любовь обращается к Другому и обращается к нему в его слабости. Любить — значит бояться за другого человека и нести помощь его слабости». Не в этом ли проявляется «конкрет Добра» („Le concret du Bien”), его аксиологическая высота (Hauteur)? Ибо: «Конкретность Добра состоит в том, что *другой человек является ценностью*»⁸⁷.

REFERENCES

- Bialer, Olga, “Doświadczenie kenozy w filozofii Lévinasa.” *Epistemologia doświadczenia religijnego w XX-wiecznej filozofii rosyjskiej i żydowskiej*, Kraków: Universitas, 2018.
- Berdyayev, Nikolay, “Problema cheloveka (K postroyeniyu khristianskoy antropologii).” *Put*, 1936, no. 50: 8 [Бердяев, Николай, “Проблема человека (К построению христианской антропологии).” *Путь*, 1936, no. 50].

⁸² E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 172.

⁸³ E. Lévinas, *Entre nous...*, с. 114.

⁸⁴ В *Noms propres* категорию мудрости Левинас соотносит с Богом, ссылаясь на 111 Псалом. В заключении же книги *De Dieu qui vient...*, отмечая, что «аргументы, которых не знает Разум» философия не обязана приписывать сердцу, он добавляет: она может подвергнуть рефлексии значение, которое имеет это слово. Там же, с. 269. Слово, или *словосмысл* у самого Левинаса, включенное в семантическое поле понятия *субъектности*.

⁸⁵ Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, с. 377. Ср. также (там же): «Любите все создания Божие».

⁸⁶ E. Lévinas, *Totalité et Infini. Essai sur l'extériorité*, Kluwer Academic, Paris 1971, с. 286.

⁸⁷ E. Lévinas, *De Dieu qui vient...*, с. 230.

- Buber, Martin. "Obrazy dobra i zła." *Dwa obraza very*. Transl. Levinaya, M. at al. Moskva: AST, 1998. 171 [Бубер, Мартин. "Образы добра и зла." *Два образа веры*, пер. М. Левиной и др. Москва: АСТ 1998].
- Cymborska-Leboda, Maria. "Biały kamiyk' z Apokalipsy św. Jana w misterium Wiacz. Iwanowa 'Человек.' Intertekstualność i dialogika." *Biblia w literaturze i folklorze narodów wschodniosłowiańskich*, Łużny, Ryszard, and Piwowska, Danuta. Ed. Kraków: Universitas, 1998.
- Dostoyevskiy, Fedor. *Braťya Karamazovy*. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura 1970 [Достоевский, Федор. *Братья Карамазовы*. Ленинград: Художественная литература, 1970].
- Dostoyevskiy, Fedor. *Prestupleniye i nakazaniye*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura 1969 [Достоевский, Федор. *Преступление и наказание*. Москва: Художественная литература, 1969].
- Gadacz SP, Tadeusz. "Znaczenie idei Boga w filozofii Lévinasa." Lévinas, Emmanuel. *O Bogu, który nawiedza myśl*. Transl. M. Kowalska. Kraków: Znak, 1994.
- Gadamer, Hans-Georg. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy hermenevtiki*. Transl. Zhurinskaya, M. at al. Moskva: Progress, 1988 [Гадамер, Ханс-Георг. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*, пер. Журиная, М. at al. Москва: Прогресс, 1988].
- Hansel, Joëlle. "Autrement que Heidegger. Levinas et l'ontologie à la française." *Levinas. De l'Être à l'Autre*. Hansel, J. Ed. Paris: Presses universitaires de France, 2006.
- Ivanov, Vyacheslav, *Dostoyevskiy. Tragediya. Mif. Mistika*. Shishikin A., and Fetisenko, O. Eds. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy Dom, 2021 [Иванов, Вячеслав, *Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика*. Шишкин, А., and Фетисенко, О. Ред. Санкт-Петербург: Пушкинский Дом, 2021].
- Ivanov, Vyacheslav, and Zinov'yeva-Annibal, Lidiya. *Perepiska 1894–1903*. T. 2. Bogomolov, N., Vakhtel', M., and Solodkoy, D. Eds. Moskva: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2009 [Иванов, Вячеслав, and Зиновьева-Аннибал, Лидия. *Переписка 1894–1903*. Т. 2. Богомолов, Н., Вахтель, М., and Солодкой, Д. Eds. Москва: Новое Литературное Обозрение, 2009].
- Isupov, Konstantin. "Etika Drugogo." «*Życie serca*». *Duch-dusza-cialo i relacja Ja–Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku*. Cymborska-Leboda, Maria at al. Eds. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2012 [Исупов, Константин. "Этика Другого." «*Жизнь сердца*». *Duch-dusza-cialo i relacja Ja–Ty w literaturze i kulturze rosyjskiej XX–XXI wieku*. Cymborska-Leboda, Maria at al. Eds. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2012].
- Krasicki, Jan. "Fenomenologia i hermeneutyka innego w twórczości Fiodora Dostojewskiego." *Epistemologia doświadczenia religijnego w XX-wiecznej filozofii rosyjskiej i żydowskiej*. Dobieszewski, J., Krajewski, S., and Mach, J. Eds. Kraków: Universitas, 2018.
- Kozyrev, Aleksey. "Esteticheskoye tseloye Drugogo. Otnosheniye Ya i Drugogo kak istok filosofii dialoga M. M. Bakhtina." *Seminar Russkaya filosofiya. Traditsiya i sovremennost'*. 2004–2009. Moskva: Russkiy put', 2011 [Козырев, Алексей. "Эстетическое целое Другого. Отношение Я и Другого как исток философии диалога М. М. Бахтина." *Семинар Русская философия. Традиция и современность*. 2004–2009. Москва: Русский путь, 2011].
- Lévinas, Emmanuel. *Altérité et transcendence*. Paris: Fata Morgana, 1995.

- Lévinas, Emmanuel. *Autrement qu'être ou au-delà de l'essence*. Paris: Kluwer Academic, 1978.
- Lévinas, Emmanuel. *Dieu, la mort et le temps*, étab. du texte, notes et postface de J. Rolland. Paris: Grasset, 1993.
- Lévinas, Emmanuel. *De Dieu qui vient à l'idée*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1998.
- Lévinas, Emmanuel. *Difficile liberté*. Paris: Albin Michel, 1976.
- Lévinas, Emmanuel. *De l'existence à l'existant*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 2013.
- Lévinas, Emmanuel. *De l'évasion*, introd. et annoté par J. Rolland. Paris: Fata Morgana, 1982.
- Lévinas, Emmanuel. *Entre nous. Essai sur le penser-à-l'autre*. Paris: Grasset, 1991.
- Lévinas, Emmanuel. *Éthique et Infini*. Paris: Librairie Arthème Fayard et Radio-France, 1982.
- Lévinas, Emmanuel'. "Gumanizm drugogo cheloveka." *Vremya i Drugoy. Gumanizm drugogo cheloveka*. Transl. Paribka, A. Sankt-Peterburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998 [Левинас, Эммануэль. "Гуманизм другого человека." *Время и Другой. Гуманизм другого человека*. Transl. Парибка, А. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1998].
- Lévinas, Emmanuel. *Hors sujet*. Paris: Fata Morgana, 1987.
- Lévinas, Emmanuel. *Imiona własne*. Transl. Margański, Janusz. Warszawa: Wydawnictwo KR, 2000.
- Lévinas, Emmanuel. *Inaczej niż być lub ponad istotą*. Transl. Mrówczyński, Piotr. Warszawa: Fundacja Aletheia, 2000.
- Lévinas, Emmanuel. *Humanisme de l'autre homme*. Paris: Fata Morgana, 1978.
- Lévinas, Emmanuel. *O Bogu, który nawiedza myśl*. Transl. Kowalska, Małgorzata. Kraków: Znak, 1994.
- Lévinas, Emmanuel. *Totalité et Infini. Essai sur l'extériorité*. Paris: Kluwer Academic, 1971.
- Le Studio Franco-Russe 1929–1931*. Livak, L. and Tassis, G. Eds. Toronto: Toronto Slavic Library, 2005.
- Lescourret, Marie-Anne. "Homo philosophicus." *Levinas. De l'Être à l'Autre*. Hansel, J. Ed. Paris: Presses Universitaires de France, 2006.
- Marcel, Gabriel. *Być i mieć*. Transl. Eska, Donata. Warszawa: PAX, 1998.
- Marsel', Gabriel'. *Metafizicheskiy dnevnik*. Transl. Bystrov, Vladimir. Sankt-Peterburg: Nauka, 2005 [Марсель, Габриэль. *Метафизический дневник*. Trans. Быстров, Владимир. Санкт-Петербург: Наука, 2005].
- Maritain, Jacques. *Carnets de Notes*. Paris: Desclée de Brouwer, 1965.
- Peperzak, Adrian. "Métaphysique et ontologie." *Levinas. De l'Être à l'Autre*. Paris: PUF, 2006.
- Perepiska L'va Shestova s Borisom Shlëtserom*. Tabachnikova, O. Ed. Parizh: YMCA-PRESS, 2011 [Переписка Льва Шестова с Борисом Шлётсером. Табачникова, О. Ed. Париж: YMCA-PRESS, 2011].
- Ricoeur, Paul. *Parcours de la reconnaissance*. Paris: Gallimard, 2004.
- Rolland, Jacques. "Sortir de l'être par une nouvelle voie." Lévinas, Emmanuel. *De l'évasion*. Paris: Fata Morgana, 1982.
- Szestow, Lew. *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii*. Transl. Wodziński, Cezary. Warszawa: Czytelnik, 1987.
- Tsymborska-Leboda, Mariya. "«Kainov otvet Bogu» ili Otvetstvennost' (Ya-dlya-Drugogo): ot Dostoyevskogo do Levinasa." *II Mezhdunarodnyy Simpozium rus-*

skaya slovesnost' v mirovom kul'turnom kontekste. Volgin, I. Ed. Moskva: Fond Dostoyevskogo, 2008 [Цимборска-Лебода, Мария. «Каинов ответ Богу» или Ответственность (Я-для-Другого): от Достоевского до Левинаса.» *II Международный симпозиум Русская словесность в мировом культурном контексте*. Волгин, И. Ed. Москва: Фонд Достоевского, 2008].

Vizgin, Viktor "Gabriel' Marsel' i russkaya filosofiya." *Seminar Russkaya filosofiya. Traditsiya i sovremennost'. 2004–2009*. Moskva: Russkiy put', 2011 [Визгин, Виктор. "Габриэль Марсель и русская философия." *Семинар Русская философия. Традиция и современность. 2004–2009*. Москва: Русский путь, 2011].

Zen'kovskiy, Vasiliy. "Problema krasoty v mirosozertsanii Dostoyevskogo." *Put' 1933*, no. 37. [Зеньковский, Василий. "Проблема красоты в мирозерцании Достоевского." *Путь 1933*, no. 37].

NEL BIELNIAK

<https://orcid.org/0000-0002-5101-1629>

Uniwersytet Zielonogórski

EMOCJONALNE POSTRZEGANIE BERLINA POCZĄTKU LAT 1920. W LISTACH ALEKSIEJA GWOZDINSKIEGO

EMOTIONAL PERCEPTION OF BERLIN IN THE EARLY 1920S IN THE LETTERS OF ALEXEI GVOZDINSKY

This article aims to look at the phenomenon of the first wave of Russian emigration through the prism of the so-called personal history and emotional experience. The anthropological turn in the humanities, which took place in the second half of the 20th century, contributed to an increase in the understanding of the importance of an individual and an interest in the culture of everyday life. Egodocuments play an important role in exploring these phenomena, thanks to which we learn about the specificity of the everyday life of Russian emigrants and the unique inner world of an individual. Alexei Gvozdzinski's letters offer such an opportunity to Elizaveta Miller, who recorded in his correspondence a far from harmonious existence in the German capital of the early 1920s. The Russian émigré petrified in his letters several weeks of life in Berlin, which were mainly marked by loneliness, poverty and being lost in an unfriendly, gloomy juggernaut, in which — unlike Constantinople or Rome (earlier stops on the émigré road) — he could not see anything positive and beautiful. His perception of the city was influenced by both subjective factors and stereotypical perceptions.

Keywords: first wave of emigration, Berlin, ego-documents, letters, personal history, everyman, emotions, emotional communities

Specyficzne poczucie alienacji, niepewności i wykluczenia wpisane jest w uchodźczą codzienność, co szczególnie dotkliwie odczuwali przedstawiciele tzw. pierwszej fali rosyjskiej emigracji, którzy — nie godząc się na nową polityczną rzeczywistość po 1917 roku — zmuszeni byli opuścić ojczyznę. W rezultacie rewolucyjnego chaosu poza granicami kraju znalazły się setki tysięcy¹ obywateli byłego Imperium

¹ W literaturze przedmiotu można znaleźć różne liczby emigrantów tzw. pierwszej fali: od kilkuset tysięcy (860 000) do kilku milionów (prawie 4 000 000). Por. I. A. Ndiaye, *Misja literatury emigracyjnej („pierwsza fala” emigracji rosyjskiej)*, „Acta Polono-Ruthenica” 2007, nr 12, s. 77; J. Sałajczykowa, *Prozaicy pierwszej*

Rosyjskiego. Co ważne, reprezentowali oni wszystkie warstwy społeczne, a na obczyźnie starali się stworzyć namiastkę rodzimej kultury. Wśród nich istotną rolę odgrywała inteligencja, która owładnięta poczuciem posłannictwa podjęła trud utrwalenia spuścizny narodowej. Ideę tę wcielano w życie na różne sposoby: jedni, jak Iwan Bunin w swym sławetnym wystąpieniu z 16 lutego 1924 roku (*Misja emigracji rosyjskiej; Миссия русской эмиграции*), uświadamiali rodakom ich misję; inni natomiast starali się podsumować i zrozumieć wydarzenia, w których (w głównej mierze wbrew woli) przyszło im uczestniczyć.

Stąd też wielu z nich (nie tylko pisarzy czy wybitnych osobistości, lecz przede wszystkim tzw. zwykłych ludzi) pozostawiło po sobie różnego rodzaju dokumenty osobiste nie tylko rejestrujące otaczającą ich realność i własne emocjonalne reakcje na nią, lecz także przesycone namysłem nad losem swoim i porzuconej ojczyzny. Tak liczne wśród emigracyjnych tekstów wspomnienia, autobiografie, pamiętniki czy listy poświadczały nierzadko także towarzyszące autorom poczucie rozdwojenia, wyobcowania czy też nieumiejętności (bądź niechęci) przystosowania się do nowych realiów. W początkowym okresie szczególnie rolę odgrywała korespondencja, sprzyjały jej bowiem czynniki typowe dla sytuacji emigracyjnej: dystans komunikacyjny i nieobecność². Utraciwszy ojczyznę i wielu bliskich, emigranci usilnie starali się przywrócić zerwane kontakty i zacieśnić więzi z krewnymi i przyjaciółmi, wymieniając w listach informacje o sobie, rodzinie lub znajomych, dzieląc się uczuciami, wrażeniami lub obawami. Przy czym trwałość korespondencji, jak też jej charakter i rozpiętość tematyczna uzależnione są, zdaniem Stefanii Skwarczyńskiej, od stopnia zażyłości łączącego nadawcę i odbiorcę. Im bardziej przyjazne i życzliwe są stosunki łączące dwie osoby, „tym bardziej rozszerza się zakres tematów dla korespondencji, tym bardziej nasiąka korespondencja ta wszystkimi odcieniami duchowego życia autora”³.

Dzięki zwrotowi antropologicznemu w naukach humanistycznych, który nastąpił w drugiej połowie XX wieku, wzrosło zarówno zrozu-

fali emigracji rosyjskiej 1920–1940, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, Gdańsk 2003, s. 14; L. Suchanek, *Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian*, „Slavia Orientalis” 2014, nr LXIII/2, s. 175.

² E. Rybicka, *Antropologiczne i komunikacyjne aspekty dyskursu epistolograficznego*, „Teksty Drugie” 2004, nr 4 (88), s. 50.

³ S. Skwarczyńska, *Teoria listu*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2006, s. 90–92.

mienie znaczenia osoby prywatnej, jak też zainteresowanie kulturą życia codziennego i tzw. historią osobistą⁴. To z kolei przyczyniło się do wzmożonej eksploracji piśmiennictwa przestrzeni prywatnej oraz wprowadzenia do obiegu czytelniczego różnorodnych źródeł autobiograficznych, w tym także tych, które wyszły spod pióra zwyczajnych obywateli, nieliteratów⁵.

Co istotne, zainteresowanie egodokumentami, jak podkreśla Jekatierina Lamina, jest zawsze równoznaczne z zainteresowaniem nie tylko specyfiką życia codziennego danej epoki, lecz także tym, jak funkcjonuje ludzka osobowość, jak manifestuje się w różnych okolicznościach:

Даже если речь идет о самом обычном человеке, который прожил мало, погиб на фронте или в лагере, не оставил после себя ни детей, ни внуков, а только несколько писем или фотокарточку. Но ведь он был ни на кого не похож — это была личность со своим внутренним миром, своими страхами, переживаниями и надеждами⁶.

Sposobność poznania historii osobistej jednego z nieprzebranej rzeszy rosyjskich emigrantów pierwszej fali oraz zgłębienia świata jego przeżyć wewnętrznych i emocji, jak też jego zmagania z rzeczywistością dają m.in. listy Aleksieja Gwozdinskiego do Jelizawiey Miller, w tym także te, w których uwiecznione zostało dalekie od harmonijnego trwanie ich autora w niemieckiej stolicy początku lat 1920., która była wówczas jednym z najważniejszych centrów rosyjskiej diaspory. W owym czasie w Niemczech mieszkało około miliona dwustu tysięcy rosyjskojęzycznej ludności, w samym zaś Berlinie jesienią 1920 roku

⁴ Fundamentalne znaczenie dla zrozumienia przemian zachodzących zarówno w życiu prywatnym, jak i mentalności europejskiej w ciągu stuleci (od Cesarstwa Rzymskiego do końca XX wieku) miało pojawienie się w latach 1985–1987 w paryskim wydawnictwie Éditions du Seuil pięciotomowej *Historii życia prywatnego (Histoire de la vie privée)*. To obszerne opracowanie stworzone w latach 1980. przez grupę francuskich, brytyjskich i amerykańskich uczonych pod kierunkiem uznanych historyków ze szkoły Annales — Philippe’a Arièsa i Georges’a Duby’ego — zostało przetłumaczone na wiele języków, w tym angielski, hiszpański, włoski, niemiecki, rosyjski i polski, przyczyniając się tym samym do powstania mnóstwa podobnych opracowań i projektów wydawniczych.

⁵ Nie do przecenienia jest rola, jaką odegrali holenderscy i francuscy badacze, by wymienić tylko takie nazwiska jak Arianne Baggerman, Rudolf Dekker czy Philippe Lejeune.

⁶ Е.Э. Лямина, *Своими словами: что такое эго-документы и как они помогают изучать историю. Зачем ученые читают чужие дневники и письма*, <https://postnauka.ru/longreads/156363> (10.09.2022).

przebywało około 560 tysięcy uchodźców z Imperium Rosyjskiego⁷. Sprzyjała temu zwłaszcza niska cena niemieckiej marki w stosunku do dolara i franka (głównych walut będących w posiadaniu emigrantów), co umożliwiło wielu z nich dostatnie życie. Nie należy oczywiście zapominać, że większość emigrantów żyła w trudnych warunkach socjalno-bytowych. Nie bez znaczenia była również terytorialna bliskość porzuconej ojczyzny, a także mające długą tradycję silne rosyjsko-niemieckie związki kulturowe⁸.

Jednak niezależnie od tych względnie korzystnych okoliczności rosyjscy emigranci jako bezpaństwowcy napotykali mnóstwo problemów natury politycznej, społecznej i ekonomicznej, nierzadko spychani byli na margines społeczeństwa. Jak zauważa Karl Schlögel, wszystkie kraje, które udzielały im schronienia, miały własne problemy, którym nie zawsze potrafiły sprostać. Dlatego też godzono się w nich z obecnością wychodźców, nie okazywano im jednak gościnności, traktowano ich bowiem jako obywateli drugiej kategorii⁹. W rezultacie w licznych dokumentach osobistych pozostawionych przez rosyjskich emigrantów odnaleźć można konstatacje o trudnościach adaptacyjnych oraz niepoehlebne opinie zarówno na temat samej niemieckiej stolicy, jak i jej mieszkańców. Syn Leonida Andriejewa, Wadim, który trafił do Berlina w kwietniu 1922 roku, tak wspominał pierwsze miesiące swojego pobytu:

Вначале мне казалось, что Берлин окружил меня каменным молчанием. Я не чувствовал в себе силы войти в жизнь и был полон смущения перед собственной душевной неустроенностью. Бродил по улицам, всматривался в лица прохожих, изредка знакомился с новыми людьми, но сразу же начинал их сторониться, и люди уходили, нисколько не заинтересованные моей хмуростью и отчужденностью¹⁰.

Zbliżony dla wielu przedstawicieli rosyjskiej diaspory sposób myślenia, doznawania świata i wyrażania emocji pozwala określić ją mia-

⁷ В. В. Сорокина (ред.), *Русский Берлин*, Издательство Московского университета, Москва 2003, s. 9.

⁸ М. Е. Попов, *Российская диаспора в Германии (1921–1923): численность, состав и материальное положение*, „Грамота” 2017, nr 12 (86), cz. 1, s. 155, www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/39.html (09.09.2022).

⁹ К. Шлэгель, *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*, przeł. Л. Лисюткина, Новое литературное обозрение, Москва 2004, s. 142–143.

¹⁰ В. Андреев, *Возвращение в жизнь*, https://royallib.com/read/andreev_vadim/istoriya_odnogo_puteshestviya.html#860160 (02.09.2022).

nem „wspólnoty emocjonalnej”. Barbara Rosenwein, specjalizująca się w metodologii i praktyce badań nad historią emocji, która zaproponowała tę koncepcję, zakłada istnienie „grup, w których ludzie przestrzegają tych samych norm ekspresji emocjonalnej i cenią — lub potępiają — te same albo bardzo bliskie sobie emocje”¹¹. A zatem wspólnota emocjonalna to, zdaniem amerykańskiej mediewistki, „grupa, w której ludzie mają wspólne interesy, wartości i cele. Jest to więc często wspólnota społeczna”¹².

O autorze interesujących nas listów wiadomo niewiele: urodził się w 1883 roku w Konstantynopolu, ponieważ jego ojciec był tam carskim dragomanem. W czasie studiów mieszkał w Petersburgu, tam też poznał Jelizawietę Miller i jej męża Władimira, z którymi podtrzymywał przyjazne (korespondencyjne) stosunki aż do 1946 roku. Z Millerami Gwozdinski widział się ostatni raz w 1914 roku, z początkiem I wojny światowej został bowiem wysłany na front, gdzie trafił do niemieckiej niewoli. Natomiast jego powrót do kraju pod koniec 1918 roku zbiegł się w czasie z wyjazdem Millerów. Gwozdinski kilka miesięcy spędził w Odessie, gdzie mieszkała jego ukochana siostra Marusia, lecz już wiosną 1919 roku, gdy miasto trafiło w ręce bolszewików, przeniósł się do Konstantynopola. Z kolei jesienią 1921 roku przez Rzym wyjechał do Berlina, gdzie przebywał wówczas jeden z jego braci. Pod koniec II wojny światowej Gwozdinski mieszkał w Polsce, a po zwycięstwie nad faszystowskimi Niemcami reemigrował wbrew zapewnieniom, które nieraz pojawiały się w korespondencji, że nigdy nie wróci do nowej Rosji. Przyczyną mogła być, zdaniem edytorki listów Olgi Demidowej, przymusowa repatriacja, natomiast w opinii adresatki korespondencji, chęć odnalezienia zesłanej na Kamczatkę siostry. Brak również danych, gdzie i kiedy zmarł.

Millerowie natomiast początkowo mieszkali w Danii i Anglii, następnie ponad ćwierć wieku spędzili we Francji, by ostatecznie w 1947 roku osiaść w RPA. Miller współpracowała tam zarówno z lokalnymi czasopismami, jak też z periodykami ukazującymi się w Nowym Jorku („Новое русское слово”) oraz pisała wspomnienia, które wraz z interesującą nas korespondencją przekazała archiwum Bachmetiewa przy Uniwersytecie Columbia w Nowym Jorku (Архив русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском

¹¹ B.H. Rosenwein, *Wspólnoty emocjonalne we wczesnym średniowieczu*, przeł. L. Grzybowska, J. Szafranowski, G. Urban-Godziek, Instytut Badań Literackich PAN, Warszawa 2016, s. 18.

¹² Tamże, s. 48.

университете — Бахметьевский архив)¹³. Tam też odnalazła ją Demidowa i ogłosiła drukiem w 1995 roku. Na publikację petersburskiej badaczki składa się 20 listów z lat 1919–1921, z których część została przez edytkę pominięta, część zaś nie dotarła do odbiorców, na co wskazują zamieszczone w nich uwagi, jak ta z 20 listopada 1920 roku: „Все же, судя по тому, что некоторые мои вопросы остались без ответа, я заключаю, что 1 или 2 моих письма не дошли до Вас”¹⁴. Spośród nich większość była adresowana do Jelizawiey, otwierający korespondencję list z 28 lipca 1919 roku — do obojga małżonków, zaś pismo z 7 czerwca 1921 roku — do Władimira. Znaczna część listów (15) została napisana w tureckiej stolicy, jeden powstał w Rzymie, a cztery — w Berlinie w okresie od 30 października do 22 grudnia 1921 roku. Samo już podtrzymywanie korespondencji przez ponad ćwierć wieku wskazuje na przyjacielski charakter relacji łączących epistolografa i adresatkę. Bliskość tę potwierdzają ponadto niejednokrotnie pojawiające się w listach Gwozdinskiego słowa świadczące o wspólnocie duchowej nadawcy i odbiorcy oraz o ich wzajemnym poszanowaniu i życzliwości, co z kolei sankcjonuje intymność i bezpośredniość listowych wypowiedzi¹⁵. Epistolograf kładzie na to nacisk m.in. w liście z 20 listopada 1920 roku:

Я слишком дорожу Вашей дружбой и глубоко люблю Вас, моего большого друга, чтобы говорить Вам то, что говоришь ежедневно при встрече с людьми, к существованию которых совершенно равнодушен. Сегодня я их встретил, завтра — нет, а может быть, и никогда больше не встречу — мне все равно! А как я был бы счастлив встрече с Вами! Лучше молчать, чем говорить Вам слова, лишённые смысла и чувства (s. 458).

¹³ O. P. Демидова (публ., вступ. ст. и комм.), *Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер*, „Минувшее. Исторический альманах” 1995, nr 18, s. 426–427.

¹⁴ Tamże, s. 458.

¹⁵ Warto zauważyć, że wykorzystanie lub pominięcie przez autora listu niektórych elementów strukturalnych tekstu epistolarnego również może wskazywać na stopień zażyłości pomiędzy nim a adresatem. Odejście od konwencji poprzez opuszczenie formy adresatywnej i bezpośrednie przejście do właściwej treści listu z jednej strony zbliża go do dialogu, z drugiej zaś — takie zjawisko, jak podkreśla Elżbieta Książek, „obserwuje się jedynie w listach do osób bliskich w sensie emocjonalnym. Silna więź emocjonalna pozwala na natychmiastowe przystąpienie do właściwego tematu bez jego inicjowania”. Wśród omawianych listów Gwozdinskiego tylko jeden (z 14 grudnia) został opatrzony formą adresatywną, w pozostałych brak jest jakiegokolwiek sygnału zapowiedzi pisanania. Zob. E. Książek, *Tekst epistolarny w świetle etykiety językowej*, Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, Kraków 2008, s. 54.

Mimo że Gwozdinski opisał w swojej korespondencji kilka zaledwie tygodni życia w niemieckiej stolicy, to udało mu się doskonale oddać panującą tam wówczas atmosferę i stan ducha rosyjskiej diaspory. Jest to poniekąd związane z taką cechą listu jak sytuacyjność, która stanowi o jego niepowtarzalności. List powstaje bowiem, jak zauważa Anita Całek, „w określonym miejscu i czasie, które tworzą jego kontekst, stanowi zatem aktualną, a równocześnie momentalną reakcję na rzeczywistość zewnętrzną oraz na stan wewnętrzny podmiotu”¹⁶. Przy czym owa rzeczywistość zewnętrzna jest zawsze rzeczywistością „w odbiciu przeżycia autora”¹⁷, uwzględniającą jego nastroje, emocje i odczucia.

Pierwsze doznania Gwozdinskiego z pobytu w Berlinie są nader niekorzystne: robi on na nim bardzo przykre, wręcz przygniatające wrażenie, dlatego też w liście z 30 października porównuje swoje odczucia do przejmującego obrazu „miriskussnika” Mstisława Dobużyńskiego z 1905 roku:

Помните картину Добужинского «Человек в очках» — большое окно, в которое глядит серый день, серое небо, бесчисленные серые крыши и трубы фабрик, а у окна стоит человек в сером костюме, очках; глаз как будто не видно, но чувствуется тяжелый, стальной, пронизывающий взор. Какой-то всемирной скукой веет от этого «человека в очках». Таков и Берлин. Кажется, я никогда не привыкну к этому городу; а жить тут надо, работать и зарабатывать, чтобы не подохнуть с голоду¹⁸.

Opis ten diametralnie różni się od deskrypcji wcześniejszych przystanków na emigracyjnej drodze Gwozdinskiego. Konstantynopol i Rzym wyłaniają się z jego korespondencji jako wspaniałe, malownicze i barwne miasta, w których mimo typowych dla wychodźców z Rosji trudności i zmartwień, takich jak brak pracy czy środków do życia, można jednak znaleźć wytchnienie i delektować się ich urodą¹⁹.

¹⁶ A. Całek, *Nowa teoria listu*, Biblioteka Jagiellońska–Księgarnia Akademicka, Kraków 2019, s. 83.

¹⁷ S. Skwarczyńska, *Teoria listu...*, s. 59.

¹⁸ О.Р. Демидова (публ., вступ. ст. и комм.), *Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер...*, s. 473. Przy wszystkich kolejnych cytatach pochodzących z tego wydania numery stron zostaną podane na końcu wyimka w nawiasie.

¹⁹ Tak przykładowo w liście z 20 września 1921 roku Gwozdinski wspominał turecką stolicę: „И теперь, даже здесь в Риме, я думаю порой о Константинополе с нежностью и печалью: это город, пребывание в котором не пропадет без следа. Два года, прожитые там, запечатлелись в моей памяти как ряд счастливейших дней моей жизни” (s. 471).

Niemожność dostrzeżenia atrakcyjności niemieckiej stolicy i jej przymiotów nie wynikała w wypadku Gwozdzkiego wyłącznie ze stereotypowego myślenia i skłonności do generalizacji. Nieżyczliwe nastawienie epistografa było bowiem silnie umocowane w przeszłości. Pobyt w niemieckim obozie jenieckim w czasie I wojny światowej był dla niego tak silnie traumatyzującym przeżyciem, że stał się wyraźną cezurą rozdzielającą jego życie na to sprzed niewoli i po niej. Wątek ten kilkakrotnie pojawia się w listach Gwozdzkiego, który w chwilach autorefleksji dochodzi do wniosku, że przyczyną towarzyszącej mu od pewnego czasu chwiejności emocjonalnej, przejawiającej się w naprzemiennym odczuwaniu ożywienia i wewnętrznego oświecenia lub niepohamowanej rozpacz i tęsknoty, są właśnie jego obozowe doświadczenia. Egzemplifikacją może być następująca uwaga pomieszczona w nieco wcześniejszym liście wysłanym z Konstantynopola 8 czerwca 1921:

Не знаю, продумал ли кто-нибудь из тех, кто сидел в плену, «проблему плена», а таковая, несомненно, существует, недаром немцы еще во время войны писали об особой Stacheldrahtpsychologie! Я утверждаю, что плен изувечил и искалечил мою душу, если не на всю жизнь, то, во всяком случае, надолго; и большинство из нас, пленных, вернулось домой, неся в себе более или менее заметные следы опустошительного влияния плена (s. 469).

Dlatego też nie mogą dziwić słowa epistografa, które pojawiły się w liście z Rzymu z 20 września 1921 roku bezpośrednio poprzedzającym jego przenosiny do Berlina w celu poprawy warunków bytowych: „Сколько раз в плену давал себе слово не ездить в будущем в Германию!.. Какая это отвратительная гримаса судьбы!” (s. 472).

Mimo tych uwarunkowań Gwozdzki nie uniknął jednak smutnego losu większości swoich rodaków, którzy doświadczyli szczególnego rodzaju wyobcowania określonego przez Iwonę Annę Ndiaye mianem „utruty Zachodu”. Zdaniem olsztyńskiej badaczki, na rosyjskich emigrantów, będących częścią innego obszaru lingwistyczno-kulturowo-religijnego, „ponownie zadziałał mechanizm przyciągania-odpychania w stosunku do Europy Zachodniej, od zawsze cechujący kulturę rosyjską, i regulował on, często przesadnie, samoidentyfikacyjną zachowawczość”²⁰. Przed 1917 rokiem Rosjanie postrzegali zachodnioeuropejską kulturę z reguły przez pryzmat kraju ojczystego, obcowali z nią bowiem przede wszystkim w trakcie podróży dla przy-

²⁰ I. A. Ndiaye, *Misja literatury emigracyjnej...*, s. 80.

jemności. Dlatego też skłonni byli widzieć w niej głównie wyjątkowość i świetność. Gdy jednak musieli po opuszczeniu Rosji osiedlać się w europejskich metropoliach, straciły one całkowicie swoją zdolność przyciągania. Dowodnie świadczy o tym choćby proza Vladimira Nabokova czy poezja Mariny Cwietajewej i Saszy Czornego, który w wierszu *W Szwajcarii Saksońskiej (В Саксонской Швейцарии)* z 1922 roku tak opisał niemiecką stolicę: „[...] Мы покинули мутный Берлин. / Весь окутанный облаком гари [...]”²¹.

Tym właśnie, jak się zdaje, należy tłumaczyć negatywne *a priori* nastawienie Gwozdinskiego do stolicy Francji, której nigdy wcześniej przecież nie widział, a mimo to tak ją osądzał w liście z 16 listopada tylko na podstawie pewnej intuicji, w której niezawodność wierzył:

Но город Париж... Бог с ним! Между Берлином и Парижем вовсе не так велика разница: те же ничего не говорящие моему глазу улицы, те же автобусы, трамы, метро и автомобили, запах бензина, и еще больше сутолоки и шума, и еще менее симпатичные люди (s. 474–475).

Berlin poznawany przez Gwozdinskiego z bliska nie nabrał z czasem uroku, nie pokazał swych dobrych stron, umacniając w świadomości epistolografa przekonanie o słuszności początkowego stereotypowego postrzegania niemieckiej stolicy jako kolosalnych rozmiarów nieprzyjaznego, brzydkiego murowanego molocha pozbawiającego mieszkańców sił i chęci do życia. Zdaniem psychologów, środowisko architektoniczne z jego bogatymi elementami wizualnymi ma ogromny wpływ na stan psychiczny człowieka, co bezpośrednio wpływa na jego zdrowie psychosomatyczne, zachowanie, rozwój intelektualny i społeczny. Oddziaływanie to może być tak pozytywne, jak i negatywne²², co można było zaobserwować na przykładzie rosyjskich emigrantów, u których przebywanie wśród gigantycznych berlińskich budowli powodowało dyskomfort psychiczny i wzbudzało asteniczne emocje. Dodatkowym czynnikiem działającym odstręczająco była również jednostajna, słotna jesienna pogoda, przepelniająca smutkiem i przygnębieniem. Wszystko to, potęgowane nieustającym brakiem pieniędzy, wywoływało u Gwozdinskiego dotkliwe poczucie zagubienia i wyobcowania, o czym tak wspominał w liście z 30 października:

²¹ С. Черный, *В Саксонской Швейцарии*, w: tegoż, *Собрание сочинений в пяти томах*, t. 2: *Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы 1917–1932*, Эллис Лак, Москва 1996, s. 82.

²² О. Р. Рябов, И. В. Николаева, *Эмоциональное восприятие архитектурной среды*, „Известия КГАСУ” 2016, nr 3 (37), s. 62.

Вся эта однообразная масса огромных каменных ящиков наводит на меня страх и уныние. Порой, когда в сумерки перехожу какую-нибудь огромную полутемную площадь (немцы сильно экономят в освещении города), мне делается страшно; страшно за свою оторванность от всего, затерянность и одиночество — в этом чужом и холодном городе, в темный и мокрый вечер (s. 473–474).

Autor listów, podobnie jak wielu jego rodaków przebywających wówczas w Berlinie, powielał także powszechnie spotykane wśród rosyjskich emigrantów wyobrażenia o autochtonach jako filistrach miłujących nade wszystko porządek i czystość, całkowicie natomiast pozbawionych wyczucia estetycznego, równie brzydkich i nieeleganckich jak ich miasto, co gorsza, z zapalem ozdabiających swe mieszkania mnóstwem bibelotów i dzierganych ozdób²³. Takie spostrzeżenia można odnaleźć na przykład w wierszu *Zabawki* (*Игрышки*) z 1921 roku cytowanego tu już Saszy Czornego czy we wspomnieniach Aleksandra Wertyńskiego, który w następujący sposób ocenia niemieckie poczucie piękna:

Берлин переполнен безвкусными вещами. [...] Это — потрясающее зрелище мешанской роскоши, обывательского понятия о красоте и эстетике. Невозможно описать всех этих голых красавиц в виде статуэток, раскрашенных в лилово-желтые тона, всех этих адово-красных Мефистофель и картинок из «красивой римской жизни». [...] Немецкий вкус тяжел и ужасен. Он во всем: в манере одеваться, обставлять свои дома, в еде, в развлечениях, в юморе. Надо долго жить в Германии, чтобы привыкнуть к этой стране²⁴.

Naturalną niejako kolejną rzeczą takie właśnie schematyczne przeświadczenie o drobnomieszczaństwie Niemców, ich złym smaku

²³ Warto zauważyć, że już Michaił Bakunin i Aleksandr Hercen pisali o niemieckim filisterstwie, które ucieleśnia mieszczańską miernotę i ciasnotę umysłową. L. Łuczewicz, *Авторский стереотип немца в 'Исповеди' Михаила Бакунина*, w: W. Supa (red.), *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia codzienności*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2013, s. 134.

²⁴ А. Вертинский, *Дорогою длиною... [мемуары, стихи и песни, письма]*, Издательство АСТ, Москва 2018, s. 161. Z kolei Sasza Czorny, odmalowując w swoim wierszu samotną rosyjską zabawkę zagubioną w morzu niemieckich tandetnych ozdób, ukazuje nieustannie towarzyszące rosyjskim emigrantom poczucie obcości i wykluczenia: „На резной берлинской этажерке / У окна чужих сокровищ ряд: / Сладкий гном в фарфоровой пещерке, / Экипаж с семейством поросят, / Мопс из ваты... Помесь льва с барашком / В золотой фаянсовой траве, / Бонбоньерка в виде дамской ляжки / И Валькирия с копилкой в голове... / Скучно русской глиняной игрушке / На салфетке вязаной торчат: / Справа две булавочных подушки, / Слева козлоногая печать”. С. Черный, *Игрышки*, „Жар-Птица” 1921, nr 4/5, s. 4, <https://www.prlib.ru/item/957372> (10.09.2022).

i przesadnym zdyscyplinowaniu wplata Gwozdinski w epistolograficzną tkanę. Dlatego też pismo z 30 października rozpoczynają następujące słowa:

Сижу в комнате с закрытым окном, с тем неприятно сухим воздухом, который получается от согревания его паровыми трубами, с безвкусными гравюрами на стенах, с благочестивой надписью над постелью: Gott sei mit mir; чистота, порядок, аккуратность... это — Германия, Берлин (s. 472).

Jedyną pociechą w tym obcym, ponurym mieście jest dla autora listów obcowanie z ojczystym językiem i najnowszą rosyjskojęzyczną literaturą. Gwozdinski jawi się bowiem jako człowiek inteligentny, odczytany, znający historię tak rodzimą, jak i powszechną, mający szeroką wiedzę o rosyjskiej i europejskiej kulturze i sztuce. Stąd też niejednokrotnie w korespondencji pojawiają się uwagi, świadczące o żywym zainteresowaniu i znajomości aktualnie ukazujących się pozycji wydawniczych. *Ad exemplum* w liście z 14 grudnia, dziękując Miller za przesłanie zbiorku Anny Achmatowej pod tytułem *Ziele przydrożne* (*Подорожник*, 1921), który został opublikowany kilka miesięcy wcześniej, Gwozdinski nie tylko wysoko ocenia twórczość poetki, lecz także podkreśla jej wyjątkowe znaczenie dla osamotnionych rosyjskich emigrantów:

[...] эта маленькая книжка хороша, очень хороша! С радостью читаешь эти чистые русские стихи; они пленяют ясными, четкими образами, тихой и светлой печалью и тем глубоким, глубоким душевным теплом, которое присуще только русской женской душе. Вы мне доставили большое, подлинное удовольствие этой книжкой (s. 475–476).

Reasumując, należy podkreślić, że dzięki znacznemu zwiększeniu się w ostatnich dekadach zainteresowania piśmiennictwem przestrzeni prywatnej, czego rezultatem jest m.in. wzrost liczby publikacji różnego rodzaju egodokumentów, zyskaliśmy nieocenioną możliwość zgłębiania epistolografii tzw. zwykłych ludzi, do których należał również Gwozdinski. Jego korespondencja, co istotne, zarówno odzwierciedla bagaż jego osobistych doświadczeń, jak też jest odbiciem stanu ducha całej generacji. Losy autora listów potoczyły się bowiem w sposób tragiczny i jednocześnie typowy dla Rosjanina z jego pokolenia, z wpisanymi weń wojnami, rewolucjami i emigracyjnym trwaniem na pograniczu kultur. Dlatego też uzewnętrzniane przez niego emocje i uczucia były zbieżne z doznaniem przedstawicieli rosyjskiej popaździernikowej emigracji. Emocje, będące fundamentalnym pierwiast-

kiem tożsamości społecznej, mogą bowiem jednocześnie polaryzować i integrować zbiorowe postrzeganie, gdyż, jak konstatuje Ryszard Nycz:

[...] żyjemy w społeczeństwach afektywnych, zawiązujemy emocjonalne wspólnoty, w których więzi społeczne i wspólnotowe doświadczenia zbudowane są raczej na podłożu wspólnego amalgamatu afektywnego (w większym stopniu zresztą negatywnego niż pozytywnego), aniżeli racjonalnego wyboru i uznania²⁵.

REFERENCES

- Andreyev, Vadim. *Vozvrashcheniye v zhizn'* [Андреев, Вадим. *Возвращение в жизнь*]. <https://royallib.com/read/andreev_vadim/istoriya_odnogo_puteshestviya.html#860160>.
- Całek, Anita. *Nowa teoria listu*. Kraków: Biblioteka Jagiellońska – Księgarnia Akademicka, 2019.
- Chernyy, Sasha. "Igrushki." *Zhar-Ptitsa*, 1921, no. 4/5: 2–4 [Черный, Саша. "Игрушки." *Жар-Птица*, 1921, no. 4/5: 2–4]. <<https://www.prlib.ru/item/957372>>.
- Chernyy, Sasha. *Sobraniye sochineniy v pyati tomakh*, vol. 2: *Emigrantskiy uyezd. Stikhotvoreniya i poemy 1917–1932*, Moskva: Ellis Lak, 1996 [Черный, Саша. *Собрание сочинений в пяти томах*, т. 2: *Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы 1917–1932*, Москва: Эллис Лак, 1996].
- Demidova, O'l'ga. Ed. "Pis'ma A.A. Gvozdinskogo Ye.L. Miller." *Minuvsheye. Istoricheskiy al'manakh*, 1995, no. 18: 426–477 [Демидова, Ольга. Публ., вступ. ст. и комм. "Письма А.А. Гвоздинского Е.Л. Миллер." *Минувшее. Исторический альманах*, 1995, no. 18: 426–477].
- Histoire de la vie privée en cinq volumes*. Ariès, Philippe, and Duby, Georges. Eds. Paris: Éditions du Seuil, 1985–1987.
- Książek, Elżbieta. *Tekst epistolarny w świetle etykiety językowej*, Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2008.
- Lyamina, Yekaterina. *Svoimi slovami: chto takoye ego-dokumenty i kak oni potogayut izuchat' istoriyu. Zachem uchenyye chitayut chuzhiye dnevniki i pis'ma* [Лямина, Екатерина. *Своими словами: что такое эго-документы и как они помогают изучать историю. Зачем ученые читают чужие дневники и письма*]. <<https://postnauka.ru/longreads/156363>>.
- Łuciewicz, Ludmiła. "Авторский стереотип немца в 'Исповеди' Михаила Бакунина." ["Avtorskiy stereotip nemtsa v 'Isповеди' Mikhaïla Bakunina."] *W kręgu problemów antropologii literatury. Antropologia codzienności*. Supa, Wanda. Ed. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2013: 127–141.
- Ndiaye, Iwona Anna. "Misja literatury emigracyjnej ('pierwsza fala' emigracji rosyjskiej)." *Acta Polono-Ruthenica*, 2007, no. 12: 77–93.
- Nycz, Ryszard. "Afektywne manifesty. Wstęp." *Teksty Drugie*, 2014, no.1: 9–13.

²⁵ R. Nycz, *Afektywne manifesty. Wstęp*, „Teksty Drugie” 2014, nr 1, s. 9.

EMOCJONALNE POSTRZEGANIE BERLINA...

- Ryabov, Oskar, Nikolayeva, Irina, "Emotsional'noye vospriyatiye arkhitekturnoy sredy." *Izvestiya KGASU*, 2016, no. 3 (37): 62–67 [Рябов, Оскар, Николаева, Ирина, "Эмоциональное восприятие архитектурной среды." *Известия КГАСУ*, 2016, no. 3 (37): 62–67].
- Rosenwein, Barbara H. *Wspólnoty emocjonalne we wczesnym średniowieczu*. Transl. Grzybowska, Lidia; Szafranowski, Jerzy; Urban-Godziek, Grażyna. Warszawa: Instytut Badań Literackich PAN, 2016.
- Rybicka, Elżbieta. "Antropologiczne i komunikacyjne aspekty dyskursu epistolograficznego." *Teksty Drugie*, 2004, no. 4 (88): 40–55.
- Popov, Maksim. "Rossiyskaya diaspora v Germanii (1921–1923): chislennost', sostav i material'noye polozheniye." *Gramota*, 2017, no. 12 (86), pt 1: 154–157 [Попов, Максим. "Российская диаспора в Германии (1921–1923): численность, состав и материальное положение." *Грамота*, 2017, no. 12 (86), pt 1: 154–157]. <www.gramota.net/materials/3/2017/12-1/39.html>.
- Sałańczykowa, Janina. *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003.
- Shlëgel', Karl. *Berlin, Vostochnyy vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdu dvumya voynami (1918–1945)*. Transl. Lisutkina, L. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2004 [Шлëгель, Карл. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945)*. Пер. Лисюткина, Л. Москва: Новое литературное обозрение, 2004].
- Skwarczyńska, Stefania. *Teoria listu*. Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2006.
- Sorokina, Vera. Ed. *Russkiy Berlin*. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2003 [Сорокина, Вера. Ред. *Русский Берлин*. Москва: Издательство Московского университета, 2003].
- Suchanek, Lucjan. "Emigracja. Emigrantologia. Komisja Emigrantologii Słowian." *Slavia Orientalis*, 2014, no. LXIII/2: 173–189.
- Vertinskiy, Aleksandr. *Dorogoyu dlinnoyu... [metuary, stikhi i pesni, pis'ma]*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2018 [Вертинский, Александр. *Дорогою длиною... [мемуары, стихи и песни, письма]*. Москва: Издательство АСТ, 2018].

MONIKA KNUROWSKA

<https://orcid.org/0000-0002-6983-9395>

Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

SKOLONIZOWANY KOLONIZATOR. O BOHATERZE POWIEŚCI JURIJA DOMBROWSKIEGO *DZIERŻAWIN*

COLONIZED COLONIZER. ON THE MAIN CHARACTER OF YURY DOMBROVSKY'S *DERZHAVIN*

This article aims to draw attention to the possibility of analyzing Yury Dombrovsky's debut novel *Derzhavin* using methods and tools developed on the ground of postcolonial theory and research, in particular, based on the metaphor of „internal colonization” developed by Alexander Etkind. Dombrovsky's construction of the space, time and place of the piece of work's action and, above all, the main character's silhouette provide an opportunity to explore the links between power and literary text.

Keywords: Yury Dombrovsky's *Derzhavin*, Alexander Etkind, the disintegration of empire, colonizer, a victim of colonization

W przedmowie do najnowszego wydania debiutanckiej powieści Jurija Dombrowskiego *Dzierżawin* (Державин) z 2018 roku Dmitrij Bykow wyraża zdziwienie faktem, że ten utwór został opublikowany w 1939 roku; chociaż, jak pisze, „na peryferiach imperium” („на окраине империи”), w Kazachstanie, to jednak w ZSRR¹. Powieść *Dzierżawin* jest utworem niedokończonym. Pracę nad jego drugą częścią uniemożliwiło pisarzowi aresztowanie — w 1939 roku, tuż po ukazaniu się dzieła drukiem, Dombrowski został skazany i wywieziony na Kołymę na cztery lata; było to jego trzecie aresztowanie. W opublikowanym po latach (w 1973 roku) w czasopiśmie „Простор” szkicu *Drewniany dom na ulicy Gogoła* (Деревянный дом на улице Гоголя), zawierającym między innymi historię powstania powieści *Dzierżawin* i kilka uwag na temat tytułowego bohatera Dombrowski

¹ Przedmowa Dmitrija Bykova w książce Jurija Dombrowskiego *Державин, или Крушение империи*, <https://ru-bykov.livejournal.com/3415670.html> (9.09.2022).

bez ceremonii stwierdza, że nie dokończył utworu, ponieważ wówczas, w latach 30. XX wieku, zabrakło mu sił i umiejętności, aby uchwycić i zrealizować główną ideę dzieła — „przeobrażającą moc sztuki, twórczości”². Po raz pierwszy urywek powieści o Gawrile Dzierżawinie ukazał się w 1937 roku w czasopiśmie „Литературный Казахстан” (nr 7–8). W 1938 roku w tymże czasopiśmie pojawiła się kolejna część utworu pod tytułem *Rozpad imperium* (*Крушение империи*), zaś „Социалистическая Алма-Ата” opublikowała (również w 1938 roku) fragment zatytułowany *Wojewoda sybirski* (*Симбирский воевода*). W postaci książki powieść została wydana w 1939 roku w Alma-Atie, a w 1992 roku weszła w skład pierwszego tomu sześciotomowego wydania dzieł Dombrowskiego³. Wydanie z 2018 roku opatrzone przedmową Dmitrija Bykowa nosi tytuł *Dzierżawin lub Rozpad imperium* (*Державин, или Крушение империи*).

Zamiarem Dombrowskiego nie było napisanie biografii Dzierżawina. Uczynił to Władysław Chodasiewicz, który swoją książkę o poecie wydał w 1931 roku w Paryżu. Dombrowski natomiast wybrał określony wycinek z życia Dzierżawina, aby móc poruszyć zagadnienia, które nurtowały go od samego początku drogi twórczej, takie jak konflikt między jednostką a władzą, konfrontacja historii ze współczesnością, kwestia sumienia, wyboru i odpowiedzialności. Lektura utworów autora *Kustosza* przekonuje, że jednostka obdarzona sumieniem i talentem nie może służyć sztuce, nauce i jednocześnie władzy. Dombrowski zamierzał, jak sam stwierdził, udowodnić w ujęciu artystycznym tezę Aleksandra Puszkina głoszącą, że geniusz i zbrodniarz nie mogą łączyć się w jedno:

На пушкинский вопрос: гений и злодейство — две вещи совместные ли? — я задумал твердо ответить: нет! Ни в коем случае! Молодой Державин подходил для этого как нельзя более [...] ⁴.

Zdaniem Bykowa proza historyczna i biograficzna w Rosji zawsze była najlepszym (a nierzadko i jedynym) sposobem wypowiedania się na tematy współczesne. Jako przykład Bykow podaje prozę Jurija

² Ю. Домбровский, *Деревянный дом на улице Гоголя*, w: tegoż, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 1, Издательский центр Терра, Москва 1992, s. 302.

³ L. Kalita, *Dzierżawin — debiut prozatorski Jurija Dombrowskiego*, w: B. Stempczyńska (red.), *Książki nieznane, książki zapomniane...*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 1999, s. 127.

⁴ Ю. Домбровский, *Деревянный дом...*, s. 302.

Tynianowa⁵. Dombrowski uczestniczył w seminarium prowadzonym przez Tynianowa, będąc słuchaczem Wyższych Kursów Literackich. Od Tynianowa, jak sam przyznał, przejął naczelną zasadę twórczości, zawierającą się w stwierdzeniu autora *Śmierci Wazyra-Muchtara*: „Jako powieściopisarz zaczynam tam, gdzie kończy się dokument”⁶.

Zdziwienie Dmitrija Bykowa faktem wydania powieści Dombrowskiego o Dzierżawinie w 1939 roku należy uznać za uzasadnione, bowiem utwór ten ma charakter wyraźnie antyimperialny i antykolonialny. Celem niniejszego artykułu jest zwrócenie uwagi na możliwość odczytania utworu Dombrowskiego z wykorzystaniem metod i narzędzi wypracowanych na gruncie teorii i badań postkolonialnych, w szczególności w oparciu o metaforę „kolonizacji wewnętrznej”⁷ opracowaną przez Aleksandra Etkinda. Skonstruowana przez Dombrowskiego w powieści przestrzeń, miejsce akcji utworu i przede wszystkim sylwetka głównego bohatera, dają możliwość badania powiązań pomiędzy władzą i tekstem literackim, wyrażających się, zgodnie z ustaleniami Ewy Thompson, „w tonie i komentarzu narratora, w kreśleniu postaci literackich czy utrwalaniu w pamięci czytelnika przestrzeni geograficznej”⁸.

Akcja powieści rozgrywa się na przełomie 1773 i 1774 roku między innymi na terenie Kazania, Samary, Symbirska i Orenburga. Tereny

⁵ Przedmowa Dmitrija Bykowa...

⁶ Ю. Домбровский, *РетлендБэконСоутгемптонШекспир*, w: tegoż, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 3, Издательский центр Терра, Москва 1992, s. 280. Zob. również S. Poręba, *Jurij Dombrowski*, w: P. Fast, L. Rożek (red.), *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*, Śląsk, Katowice 1994, s. 62.

⁷ „Внутренняя колонизация есть применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства. Это особый тип отношений между государством и подданными, при котором государство относится к подданным как к покоренным в ходе завоевания, а к собственной территории — как к захваченной и загадочной, требующей заселения и «окультуривания», направляемых из одного центра”. А. Эткнд, Д. Уффельманн, И. Кукулин (red.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сборник статей*, Новое литературное обозрение, Москва 2012, s. 4. Zob. również: „[...] внутренняя колонизация означает процесс культурной экспансии, гегемонии, ассимиляции в пределах государственных границ, реальных или воображаемых. Колонизация есть осуществление власти, структурированное различиями — географическими, лингвистическими, культурными”. А. Эткнд, *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*, Новое литературное обозрение, Москва 2016, s. 18.

⁸ E. Thompson, *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*, przeł. A. Sierszulska, Universitas, Kraków 2000, s. VI.

te objęte są powstaniem chłopskim pod wodzą Jemieliana Pugaczowa – w tłumieniu tego żywiołowego buntu bierze udział młody podporucznik Pułku Preobrażeńskiego Gawrił Dzierżawin. Narrator pisze o żyjących na tym obszarze Tatarach, raskolnikach, Kozakach jaickich, którzy mieli ukrywać Pugaczowa, o zbiegłych chłopach pańszczyźnianych i żołnierzach dezertkach. W 1552 roku Iwan IV Groźny przypuścił szturm na Kazań, zdobył miasto i przyłączył je do Moskwy. Kolonizacja (z perspektywy badań postkolonialnych) wypełnia m.in. misję cywilizacyjną. Jak podają historycy,

[...] we wszystkich swych działaniach Iwan IV uważał się za głowę monolitycznej cywilizacji religijnej, nigdy zaś za przywódcę wojskowego czy politycznego. Przedsięwzięta przez niego w 1552 roku kampania przeciwko Tatarom, muzułmanom, była swego rodzaju procesją religijną, szturmem na Jerycho⁹.

Kazań został zaanektowany całkowicie, a jego zdobycie traktowano jako zesłane przez Boga zwycięstwo chrześcijańskiego monarchy. Trzy miesiące później [miasto zostało zaatakowane w październiku 1552 roku – M.K.] w listach do wodzów nogajskich Iwan IV raz za razem powtarzał, że Kazań jest moskiewską jurta od niepamiętnych czasów, a on jedynie ukarał jego mieszkańców za nieposłuszeństwo. Z nieskrywaną dumą opisywał rzeź mężczyzn, wzięcie w niewolę kobiet i dzieci oraz fakt, że chanowi Jadygerowi okazano łaskę – nie powieszono go, lecz zabrano do Moskwy i obdarowano włościami¹⁰.

Kazań został jedną z wielu kolonii zarządzanych przez rosyjskiego namiestnika. Po jego zdobyciu rozpoczęła się rosyjska kolonizacja regionu (miasto stało się ośrodkiem rosyjskiej kolonizacji Powołża)¹¹. Car Iwan IV Groźny pisał o swoim niezadowoleniu z nowych poddanych, żyjących na stepach Kozaków – kazańskich, azowskich, krymskich i in. – niepokornych i siejących zamęt¹²; uważał ich za rozbójników. XVII i XVIII wieku muzułmanie tatarscy i baszkirscy podnosili liczne bunty i, jak zauważa Michael Khodarkovsky, „razem z innymi niechrześcijanami to oni byli główną siłą w dwóch największych powstaniach w Rosji – w powstaniu Stienki Razina w latach 60. XVII wieku i Jemieliana Pugaczowa wiek później”¹³. Powstanie pod przywództwem Pugaczowa Aleksander Etkind wprost nazywa

⁹ J. Billington, *Ikona i topór. Historia kultury rosyjskiej*, przeł. J. Hunia, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 2008, s. 63.

¹⁰ M. Khodarkovsky, *Na granicach Rosji. Budowanie imperium na stepie, 1500–1800*, przeł. B. Malarecka, PIW, Warszawa 2009, s. 115.

¹¹ A. Эткінд, *Внутренняя колонизация...*, s. 115 i 174.

¹² M. Khodarkovsky, *Na granicach Rosji...*, s. 60.

¹³ Tamże, s. 197.

wojną między imperium i skolonizowanymi narodami zamieszkującymi stepy¹⁴.

Dombrowski przedstawia w powieści kilka miesięcy z życia tytułowego bohatera. Młody i ambitny Dzierżawin zostaje jednym z najbliższych podwładnych generała Aleksandra Bibikowa stojącego na czele tajnej komisji śledczej, mającej rozwinąć działalność w Kazaniu, powołanej przez carycę Katarzynę II w celu rozpoznania sytuacji i pojmania Pugaczowa. Wybór Dzierżawina nie jest przypadkowy — podporucznik ma tatarskie korzenie, pochodzi z Kazania i jego niewątpliwy atut stanowi, jak mniema Bibikow, znajomość regionu i jego mieszkańców. W Kazaniu nadal mieszka w ich rodowym ubogim majątku matka Dzierżawina, Fiokła Andriejewna. Po przyjeździe do miasta, pomimo wysiłków podjętych w celu niewyróżniania się pośród miejscowych (Dzierżawin „przebiera się”, zakłada kupiony w Moskwie za trzy ruble prosty chłopski kożuch; „простой мужицкий нагольный тулуп”)¹⁵ spotyka się on z jawną wrogością jako przedstawiciel władzy; zarówno chłopci, jak i miejscowe elity traktują go jak obcego. Dzierżawin staje się figurą obcego (чужой среди своих), którą Etkind łączy z sytuacją wewnętrznego kolonizacji¹⁶. Niemniej młody oficer szybko i skutecznie wchodzi w rolę kolonizatora, jest głęboko przekonany o słuszności swojej misji, o konieczności stosowania przemocy wobec buntowników, ślepo wierzy w wielkość imperium i w potęgę armii carskiej. Dla Dzierżawina bunt chłopów stanowi wykroczenie przeciwko prawu carskiemu i boskiemu. W języku władzy reprezentowanym w utworze przez Dzierżawina czy generała Bibikowa, w ich raportach, rozkazach, protokołach z przesłuchań aresztowanych sprzymierzeńców Pugaczowa, a także w listach Katarzyny II do generałów zbuntowani Kozacy, chłopci opisywani są jak bestie i zwierzęta. Narrator przedstawia tok myślenia Dzierżawina:

Матушка Фекла Андреевна пишет из Казани, что мужики совсем перестали платить оброк. Как прислали в октябре воз мороженой пtiцы да полтора-ста рублей, так больше ничего не шлют. Хитрят мужики, жмутся, прячут в солому ружья да топоры, ждут своего царя. Ну погодите, бестии! Будут вам вместо царя кнуты да глаголь. Церемониться ведь с вами не станут!¹⁷.

¹⁴ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 280 i 360.

¹⁵ Ю. Домбровский, *Державин*, w: tegoż, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 1, Издательский центр Терра, Москва 1992, s. 28.

¹⁶ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 90–91.

¹⁷ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 18.

Etkind cytuje opis wrażeń z podróży do guberni orłowskiej (w 1854 roku) prawnika i senatora Kastora Lebiediewa¹⁸ porównującego chłopów do pokonanego dzikiego plemienia. Jak piszą o chłopach Aleksander Etkind, Dirk Uffelmann i Ilja Kukulin, „этот народ был своим, он говорил на «нашем» языке и был источником «нашего» благополучия — и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ”¹⁹. Orientalizacja²⁰ chłopów, konstruowanie różnic, dystansu kulturowego odgrywała w imperium rosyjskim szczególnie ważną rolę, albowiem, jak zauważa Etkind, chłopci pańszczyźniani, w odróżnieniu od czarnoskórych niewolników w Stanach Zjednoczonych, chodzili do cerkwi, modlili się w tej samej cerkwi wraz ze swoimi panami, a duchowni głosili równość przed obliczem Boga, potępiali przemoc i nieludzkie traktowanie²¹.

Dombrowski dekonstruuje imperium, przedstawia jego rozpad m.in. udzielając głosu subalternowi²², wykluczonym; nie tylko chłopom pańszczyźnianym, ale i np. kupcom, szeregowym żołnierzom. Język władzy ma charakter monologiczny²³; władza imperialna nie wchodzi w dialog. Imperium narzuca swój język pokonanym. Ewa Thompson podaje liczne przykłady języka przemocy imperium w literaturze rosyjskiej, kiedy „podbici są kulturowo głusi i niemi”²⁴, a władza nadaje sobie kulturowy przywilej reprezentowania ujarzmionych grup społecznych i narodów. W powieści *Dzierżawin* Dombrowski

¹⁸ „Крестьяне [...] очень недалеко от домашних животных. Этот старик не мытый, никогда не чесанный, босоногий; эта женщина полубожаженная, мальчишки грязные, растрепанные, валяющиеся в грязи и на соломе, все это нечеловеческие фигуры! Все они, как будто вне черты государственной жизни, как будто незаконные дети России, как будто побежденные мечом победителей им не соплеменных; как будто записки советов и комитетов, все эти дела в судах и палатах не об них, не для них”. А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 170–171.

¹⁹ А. Эткинд, Д. Уффельманн, И. Кукулин (red.), *Там, внутри. Практики внутренней колонизации...*, s. 15.

²⁰ „[...] orientalizacja, czyli stworzenie czyjegoś nieprawdziwego obrazu w celu usprawiedliwienia swych działań, osiągnięcia pewnych korzyści”. Ł. Gemziak, *Imperium (wciąż) niezbadane: Rosja a perspektywa postkolonialna*, „Dialogi Polityczne” 2011, nr 14, s. 210.

²¹ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 162.

²² „В России субалтерном был народ, а за него говорили все, хором и вразнобой: писатели, ученые, чиновники, священники”. А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 307.

²³ Тамże, s. 376.

²⁴ E. Thompson, *Trubadurzy imperium...*, s. 172.

prezentuje żołnierzy, oficerów, duchowieństwo i burmistrzów, którzy z własnej woli wstępują w szeregi armii Pugaczowa. Dzierżawin spędzający tuż po przyjeździe do Kazania (z rozkazu generała Bibikowa) dużo czasu na podsłuchiwanie rozmów chłopów w oberżach i na ulicach miasta, obserwowaniu ich zachowania i nastrojów, często słyszy o duchownych i włodarzach miast witających Pugaczowa chlebem i solą, uznających w nim cara Piotra III, oficerach porzucających garnizony lub poddających miasta i twierdze bez jednego wystrzału. Walczący w oddziałach Pugaczowa, którzy, jak zaznacza narrator, często nie znają rosyjskiego, wykazują zrozumienie dla losu żołnierza służącego w armii carskiej, zmuszonego do walki ze „swoimi”:

Да ай солдату сладко живется? — отозвался на его голос старик с мягкими, как лен, волосами и глазами почти небесной голубизны. — Эх ты, Аника-воин! Ты у меня спроси. Я сам в солдатах почти двадцать пять лет прослужил, так все прошел, и там, скажу, такая же честь: в зубы, да взащей, да в ухо, да опять в зубы. Вот и вся наука. — Он поглядел на черного мужика. — Ты вот поживи с мое, а потом и вякай. А я тебе скажу так, кого солдатская вошь не ела, да кто под шпицрутенами не прыгал, тот и вовсе ничего не знает. И такое мое мнение, что они и вовсе стрелять не должны²⁵.

Dzierżawin Dombrowskiego, „jeszcze młodzieniec, ogarnięty nieposkromionym pragnieniem zrobienia za wszelką cenę kariery u boku cesarzowej”²⁶ jest (do momentu kryzysu) bodaj jedyną postacią w utworze, która nie wątpi w prawidłową strukturę państwa; w strukturze tej również upatruje możliwość poprawy swojego losu. Kluczowym, wręcz obsesyjnie powtarzanym przez młodego oficera słowem jest „kariera”. Dzierżawin czuje się nieszczęśliwy i skrzywdzony przez los; uważa, że prześladuje go pech, dziesięć lat służby w armii nie przyniosło mu ani pieniędzy, ani stopni wojskowych, ani zaszczytów czy sławy, porównuje się z rówieśnikami z możnych i wpływowych rodów, którzy już zrobili karierę, dlatego w powstaniu Pugaczowa widzi swoją szansę na sukces. W rozmowach z generałem Bibikowem Dzierżawin starannie dobiera słowa, nieustannie zapewniając dowódcę o swojej wierności i lojalności, sławiąc potęgę armii carskiej („Сила и верность непобедимого воинства нашей премудрой матери достаточно по своим воинским подвигам известны”)²⁷ i wpędzając swego przełożonego w osłupienie. Doświadczony generał

²⁵ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 110–111.

²⁶ S. Poręba, *Jurij Dombrowski.....*s. 64.

²⁷ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 42.

już podczas pierwszego spotkania z podporucznikiem bezbłędnie odgadł jego główną słabość:

Юнцу — Бибиков это почувствовал с первой же минуты свиданий — можно довериться. Он пойдет на всякий риск, на любое сложнейшее, безнадежнейшее предприятие, он шутя рискнет своей головой, если только в случае удачи можно рассчитывать на какое-нибудь, пусть самое незначительное, продвижение по службе. Он честен, добр, горяч, но, пожалуй, нет такого жестокого, кровавого и просто бесчестного дела, которое он отказался бы взять на свою ответственность, если того потребует ближайший начальник. Поистине странное поколение, загадочное, чудовищные люди появляются и растут в конце восемнадцатого столетия!²⁸

Dzierżawin szczerze wierzy w to, w co przestał już wierzyć generał. Rozmyślania Bibikowa, naznaczonego przez Katarzynę II (po ucieczce z pola walki lub śmierci innych generałów) na dowódcę armii walczącej z oddziałami Pugaczowa pokazują człowieka śmiertelnie zmęczonego życiem i służbą, rozczarowanego i jednocześnie obdarzonego przenikliwym umysłem. W swych dociekaniach, którymi z nikim nie może się podzielić, generał odkrywa sekret powodzenia Pugaczowa: „Пугачев не завоевывал — он освобождал”²⁹. W momencie rozpoczęcia powieści generał Bibikow ma 45 lat. Jego kariera ściśle związana jest z podbojami imperium rosyjskiego:

[...] он — солдат и привык в точности выполнять боевые приказы. Его посылали на усмирение польских конфедератов — он шел туда, не моргнув глазом. Его заставляли пороть, вешать, приводить к присяге непокорных крепостных — он делал это³⁰.

Bibikow czyta nieskładne manifesty carycy, napisane topornym językiem, napuszone, rażące sztucznością i porównuje je z manifestami przygotowanymi przez Pugaczowa i jego dowódców, których język zapada w serca prostych ludzi. Groźbom rządu petersburskiego Pugaczow przeciwstawia wolność, równość i kawałek ziemi dla każdego, kto się do niego przyłączy. Dzierżawin patrzy na generała z uwielbieniem, podziwia jego sukcesy i osiągnięcia, które sam Bibikow wolałby wymazać z pamięci, jak na przykład stłamszenie buntu chłopów pańszczyźnianych w Kazaniu (bunt wybuchł dziesięć lat przed powstaniem Pugaczowa). Własne doświadczenie, rozczarowanie

²⁸ Tamże, s. 40.

²⁹ Tamże, s. 37.

³⁰ Tamże, s. 16–17.

i zgorzknienie nie przeszkadza mu jednak w wykorzystaniu zapału i gorliwości stojącego u progu kariery młodego oficera. Dzierżawin, Bibikow, oficerowie³¹, pisarze, urzędnicy pośredniczą we władzy, są rzecznikami imperium, stosują przymus i przemoc w różnych formach, aktywnie wspierają władzę w procesie kolonizacji wewnętrznej i zewnętrznej. Jak pisze Etkind, do 1762 roku szlachta miała obowiązek służby krajowi (w instytucjach wojskowych czy cywilnych). Piotr III zniósł ten wymóg, lecz kariera w gwardii, a następnie w administracji gubernialnej pozostała typową ścieżką awansu dla elity szlacheckiej. Propagując na prowincji czy peryferiach styl życia i kulturę stolicy, centrum władzy, szlachta kontynuowała proces kolonizacji wewnętrznej imperium³². Tych wszystkich przedstawicieli władzy, namiestników Etkind nazywa administratorami imperium³³. W celu wzmocnienia pośredniej władzy imperium w latach 40. i 50. XIX wieku Ministerstwo Spraw Wewnętrznych przyjęło na służbę filozofów, orientalistów i szczególnie dużą liczbę pisarzy³⁴.

Podporucznik Dzierżawin z entuzjazmem, werwą i sumiennością przyjmuje i wykonuje wszystkie polecenia i rozkazy generała Bibikowa, ryzykuje życie, jadąc do Samary w pojedynkę i nie wiedząc, czy nad miastem sprawują kontrolę wojska rządowe, czy oddziały Pugaczowa; „jako oficer śledczy bohater wykazuje się nie tylko odwagą i skrupulatnością w wypełnianiu swoich obowiązków, ale wręcz okrucieństwem wobec schwytanych buntowników, wśród których ma opinię najsurowszego śledczego”³⁵. Dzierżawin wykonuje zadania nie licujące z godnością oficera — podsłuchuje, knuje intrygi, szpieguje:

Соглядатай, лазутчик... шпион. Ладно, он готов взять любое из этих названий, не дрогнув. Его не так-то легко вогнать в краску! Прежде всего он солдат. А для солдата на войне всякое звание почетно. Шпион? Если надо, он будет шпионом³⁶.

Если от него потребуют, он снимет сан со всех попов и закует в цепи самого архиерея. Он будет производить точнейшие следствия, не спать ночами,

³¹ Ewa Thompson, między innymi, zwraca uwagę na tę kwestię: „Obecność wojskowych w literaturze rosyjskiej wciąż pozostaje jednym z zaniedbanych tematów w rosyjskiej krytyce literackiej. Gdyby usunąć postaci noszące stopnie wojskowe ze sztuk Czechowa czy powieści Dostojewskiego i Tolstoja, ich fabuły załamałyby się”. E. Thompson, *Trubadurzy imperium...*, s. 80.

³² А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 152.

³³ Tamże, s. 176.

³⁴ Tamże, s. 241.

³⁵ L. Kalita, *Dzierżawin — дебют прозatorski...*, s. 128.

³⁶ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 57.

расшифровывая каждый намек и оговорку, а если и этого будет мало, — он кликнет заплечных мастеров, и секретные писцы затупят свои перья, списывая стопы бумаг. И порки он станет производить сам, совсем так, как предписывает ему ордер: будет ходить перед толпой, размеряя силу и количество ударов, и поучать непослушных. Может быть, после этого ему придется прибегнуть к виселице и топору, колесу и глаголю. Он и этим не погнушается. Ритуал смертных казней сейчас проработан до мельчайших подробностей [...]»³⁷.

Имя его [Державина — М. К.] передавалось из уст в уста, из камеры в камеру, и часто ему без пыток удавалось выудить показания тех арестованных, которые у другого следователя молчали бы и под пыткой. Он никогда не уставал писать протоколы допросов, и выражения его бумаг были точными и ясными и не могли вызвать никаких перетолкований. [...] На чудовищное возрастание бумаги, исписанной пыточными речами, он смотрел как на вырастание своей карьеры³⁸.

Szczegółowy opis pracy Dzierżawina i tajnej komisji śledczej zajmuje w powieści kilka stron. Narrator przedstawia procedurę prowadzenia śledztwa, sposób postępowania z aresztowanymi, „obróbkę” zeznań, przepełnione więzienie w Samarze i sekretne miejsce — piwnicę w więzieniu, w której nieustannie wrzała woda, syczało rozgrzane żelazo, słychać było świst bicza i dźwięk łamanych kości, a sprawna ręka kata umiejętnie regulowała poziom bólu poskręcanego ludzkiego ciała. Dzierżawin nie ma najmniejszych wątpliwości co do słuszności swojego postępowania do momentu spotkania z burmistrzem Samary Iwanem Chalewinem. Burmistrz Chalewin przebywa w samarskim więzieniu, gdzie przesłuchuje go Dzierżawin, próbując ustalić przyczyny zdrady, której Chalewin dopuścił się, świadomie przyłączając się do Pugaczowa i oddając mu miasto bez walki. Jak słusznie zauważa Liliana Kalita,

Chalewin reprezentuje w powieści typ rzecznika wolności człowieka, opowiada się za przyznaniem małym narodom prawa do swobodnego istnienia, jest przeciwny rządowi jedynowładcy i administratorów³⁹.

Burmistrz Chalewin, podobnie jak Dzierżawin, należy do klasy administratorów imperium, dlatego wywołuje zaciekawienie śledczego. Zapytany przez Dzierżawina o to, jak on, człowiek wykształcony, mógł zbratać się z buntownikami, tłumaczy swoje zachowanie:

³⁷ Tamże, s. 59.

³⁸ Tamże, s. 75.

³⁹ L. Kalita, *Dzierżawin — debiut prozatorski...*, s. 128–129.

Образованность, — сказал он, издеваясь. — А что вы с вашей образованностью сделали? Дворцы да тюрьмы. Виселицы на каждой улице поставили. Посадили бабу во дворце, а она двадцать миллионов крестьян под ногой своей держит, ибо что ей бедность человеческая, что ей нужда народа, если она сама в золоте ходит. А из чего вся сия роскошь происходит? Из куска недоеденного, из тряпки, у хлебобоба отнятой. Вы, сударь, каждый день мясо едите и бургундское у вас на столе, а поэтому крестьяне ваши одну воду пить должны. Вы шелка носите, поэтому крестьяне ваши в дерюгах ходят. У вас излишки, у них нет необходимейшего⁴⁰.

Retrospekcja przedstawia wydarzenia poprzedzające przejście Samary przez jednego z dowódców armii Pugaczowa, atamana Arapowa, działania podjęte przez burmistrza Chalewina po ucieczce z miasta żołnierzy garnizonu wraz z jego dowódcą, rozmowy burmistrza z przedstawicielami duchowieństwa i kupiectwa, mające na celu omówienie szczegółów powitania armii Pugaczowa. Rozmowy te pokazują prawdziwe oblicze Chalewina: nie przyłączył się do powstania ze strachu, lecz dał wyraz swoim przekonaniom. Najdobitniej poglądy burmistrza pokazuje scena, kiedy przy pomocy służącego Miszki zdejmuje ze ścian i nakazuje spalić obrazy przedstawiające władców, królów i carów, włącznie z portretem Katarzyny II:

Выбросить, — крикнул Халевин, — к черту выбросить, нет над нами императрицы Екатерины Алексеевны, нет над нами тех мучителей, кои кровь человеческую как воду проливают и братьев своих, по рождению им равных, рабами держат⁴¹.

Nieoczekiwanie dla siebie samego Dzierżawin zaczyna nie tylko słuchać, ale i słyszeć Chalewina, słyszeć jego głos — głos Innego w znaczeniu, jakie temu pojęciu nadał Emmanuel Levinas. Krach kariery śledczego rozpoczyna się w momencie, gdy Dzierżawin wchodzi w dialog z Innym. Przesłuchania zamieniają się w rozmowy. Dochodzi do spotkania Innego, które dokonuje się poprzez epifanię twarzy, poprzez relację „twarzą w twarz” z Innym⁴². Dzierżawin zaczyna rozmyślać o zasadzie równości głoszonej przez Chalewina akurat w momencie, gdy czuje potrzebę pisania wierszy. Ze swoich prób poetyckich jest bardzo niezadowolony⁴³; porównuje się z Aleksandrem

⁴⁰ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 135–136.

⁴¹ Tamże, s. 98, podkreślenie moje — M. K.

⁴² S. Górzna, „Inny” w filozofii Emmanuela Levinasa, *„Ślupskie Studia Filozoficzne”* 2012, nr 11, s. 57–69.

⁴³ W powieści wiersze te nie zostały zamieszczone. Dombrowski podkreślał, że Dzierżawin przedstawiony przez niego w utworze jeszcze nie jest ukształtowanym

Sumarokowem i Michaiłem Łomonosowem, co wywołuje u niego jeszcze większe rozdrażnienie. W przypadkowo znalezionym czasopiśmie odkrywa odę Sumarokowa o marności ludzkiego życia, która wraz ze słowami Chalewina o równości i wolności robi na nim piorunujące wrażenie. Sumarokow pisze o nieuchronności śmierci, o sławie i władzy, które są uludą i snem. Chalewin śni się Dzierżawinowi, zajmuje jego myśli. Podporucznik zaczyna dostrzegać i rozumieć własną niejednoznaczną sytuację i krzywdzący porządek w państwie. Dzierżawin obserwuje Chalewina, dostrzega jego emocje i rozumie motywy postępowania. Interesująco prezentuje się scena, w której, już po ukończeniu śledztwa, gdy los Chalewina został przesądzony, podporucznik Dzierżawin proponuje mu rozmowę, rozmawia z nim jak „człowiek z człowiekiem” („Допрос ныне закончен, но я хотел бы поговорить с вами не как следователь, а как разговаривают человек с человеком”)⁴⁴. W czasie tego spotkania „twarzą w twarz” Dzierżawin sugeruje burmistrzowi możliwość uwolnienia; w detalach opisuje plan ucieczki, który za parę chwil zrealizuje Chalewin. Dzierżawin udowadnia zasadę równości ludzi, dokonując nieoczekiwanej i zaskakującej z punktu widzenia fabuły zamiany ról: kat i ofiara zamieniają się miejscami. Aby uciec, Chalewin wymierzył śledczemu potężny cios w głowę. Uciekając, kątem oka widzi zakrwawioną i uśmiechniętą twarz Dzierżawina.

Od tego momentu zaczyna się upadek kariery oficera komisji śledczej. Pozwalając zbiec oskarżonemu o zdradę państwa, Dzierżawin podważył porządek, prawo; dokonał przestępstwa. Jednak największa tragedia bohatera polega na rozdarciu wewnętrznym, którego doświadczył. W swych ustaleniach dotyczących administratorów imperium Aleksander Etkind dla charakterystyki sytuacji będącej ich udziałem przywołuje termin „rozdwojenie kolonialne”. Właśnie ta klasa społeczna niosła na swoich barkach brzemień imperium, którego najczęściej nie była w stanie udźwignąć:

От отчаянного чиновника из *Медного всадника* до его подлого коллеги из *Записок из подполья*, от ненадежных Башмачкина, Ковалева, Поприщина до таких оплотов здравого смысла и имперской верности, как Максим

w pełni twórcą; pisarz pokazuje pierwsze kroki Dzierżawina jako poety. Por. Ю. Домбровский, *Деревянный дом...*, s. 295. Rozwój kariery Dzierżawina jako nadwornego poety Katarzyny II i jego służbę u boku kolejnych carów, a także karierę urzędnika zajmującego wysokie stanowiska w imperium szczegółowo opisał Władysław Chodasiewicz we wspomnianej biografii poety.

⁴⁴ Ю. Домбровский, *Державин...*, s. 134.

Максимумч, Каренин, старший Аблеуов, — раз за разом и текст за текстом имперская элита не выдерживала имперского бремени. Осуществляя владычество над себе подобными, элита внутренней колонизации переживала его как разрыв внутри собственной субъективности. Напряженные отношения этих людей с государством, частью которого они были так же, как нос был частью майора Ковалева, определяли их двойственные отношения к самим себе. Где бы ни застала этих имперских менеджеров их литературная служба, в столице или в глуши, — неочевидная и непостоянная, но острая как лезвие колониальная граница разрежала этих посредников надвое, оставляя их наедине со своим двойником. [...] От Державина до Менделеева среди них были лучшие люди России; много было и других. То был стеновой хребет империи, ее несущий каркас, ее растущий позвоночник⁴⁵.

Dzierżawin po wydarzeniach związanych z oskarżeniem i ucieczką Chalewina stara się nadal sumiennie wykonywać swoje obowiązki, jednakże zadania, których się podejmuje: poszukiwania Pugaczowa wśród raskolników, a także wyzwolenie z rąk Pugaczowa miasteczka Jaik, kończą się jego porażką, a samowolnie podjęta decyzja o wyzwoleniu miasta okazuje się dla podporucznika katastrofą. Grozi mu surowa kara za naruszenie dyscypliny wojskowej. W dodatku umiera generał Bibikow, jedyna osoba mogąca mu pomóc. W krótkim czasie, w ciągu zaledwie kilku miesięcy, Dzierżawin przebył drogę od administratora, osoby dzierżącej władzę do ofiary imperium. Jak pisze Dombrowski:

Державин ловчил, хитрил, интриговал, а в результате совсем запутался, рассорился со всеми, насвоевольничал, а тут и его покровитель Бибииков умер, и новый генерал обещал повесить поручика на одном суку с Пугачевым⁴⁶.

Podporucznik staje się zbędny, laury zbierają inni, jak na przykład gubernator Kreczetnikow, który celowo nie udzielił pomocy Dzierżawinowi w jego zamiarze odbicia miasta z rąk buntowników.

Bohaterowie prozy Dombrowskiego — Dzierżawin, Gribojedow, Puszkina, Küchelbecker, a także Byron czy Szekspir — nieuchronnie wchodzi w konflikt z władzą imperialną. Pisarz stawia ich w sytuacji wyboru. Podobny los spotyka postaci utworów, których fabuła osadzona jest w realiach państw totalitarnych: ZSRR (*Kustosz, Wydział spraw niepotrzebnych*) i faszystowskich Niemiec (*Małpo-*

⁴⁵ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 378–379.

⁴⁶ Ю. Домбровский, *Деревянный дом...*, s. 295.

lud przychodzi po swoją czaszkę), a także samego Dombrowskiego. Pod wieloma względami przedstawione w twórczości autora *Kustosza* carskie imperium i imperium radzieckie są bliźniaczymi formami władzy. Dla mieszkańca imperium, jak pokazuje przykład Dzierżawina „granica między karierą a zesłaniem jest porażająco niestała”⁴⁷.

REFERENCES

- Billington, James. *Ikona i topór. Historia kultury rosyjskiej*. Transl. Hunia, Justyn. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2008.
- Bykov, Dmitriy. “Yedin Derzhavin. Predisloviye k knige Yuriya Dombrowskogo ‘Derzhavin, ili Krusheniye imperii’” <<https://ru-bykov.livejournal.com/3415670.html>> [Быков, Дмитрий. “Един Державин. Предисловие к книге Юрия Домбровского ‘Державин, или Крушение империи’” <<https://ru-bykov.livejournal.com/3415670.html>>].
- Dombrovskiy, Yuriy. *Sobraniye sochineniy v shesti tomakh*. T. 1. Moskva: Izdatel'skiy tsentr Terra, 1992 [Домбровский, Юрий. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 1. Москва: Издательский центр Терра, 1992].
- Dombrovskiy, Yuriy. *Sobraniye sochineniy v shesti tomakh*. T. 3. Moskva: Izdatel'skiy tsentr Terra, 1992 [Домбровский, Юрий. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 3. Москва: Издательский центр Терра, 1992].
- Etkind, Aleksandr. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2016 [Эткинд, Александр. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2016].
- Etkind, Aleksandr, Uffel'mann, Dirk, and Kukulin Il'ya. Eds. *Tam vnutri. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii. Sbornik statey*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012 [Эткинд, Александр, Уффельманн, Дирк, and Кукулин, Илья. Eds. *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. Сборник статей*. Москва: Новое литературное обозрение, 2012].
- Gemziak, Łukasz. “Imperium (wciąż) niezbadane: Rosja a perspektywa postkolonialna.” *Dialogi Polityczne*, 2011, no. 14: 207–219.
- Górzna, Sylwia. “‘Inny’ w filozofii Emmanuela Levinasa.” *Śląskie Studia Filozoficzne*, 2012, no. 11: 57–69.
- Kalita, Liliana. “Dzierżawin — debiut prozatorski Jurija Dombrowskiego.” *Książki nieznanie, książki zapomniane...* Stempczyńska, Barbara. Ed. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1999: 126–135.
- Khodarkovsky, Michael. *Na granicach Rosji. Budowanie imperium na stepie, 1500–1800*. Transl. Malarecka, Bogumiła. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2009.

⁴⁷ А. Эткинд, *Внутренняя колонизация...*, s. 255.

- Khodasevich, Vladislav. *Derzhavin*. Moskva: Mysl', 1988 [Ходасевич, Владислав. *Державин*. Москва: Мысль, 1988].
- Poręba, Stanisław. "Jurij Dombrowski." Fast, Piotr, and Rożek. Lucyna. Eds. *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*. Katowice: Śląsk, 1994: 61–76.
- Thompson, Ewa. *Trubadurzy imperium. Literatura rosyjska i kolonializm*. Transl. Sierszulska, Anna. Kraków: Universitas, 2000.
- Ziółek, Paweł. *Idea imperium*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1997.

PAULINA WÓJCIKOWSKA-WANTUCH

Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie

 <https://orcid.org/0000-0002-0074-2827>

СТАРЕЦ-МОНАХ-ЧУДОТВОРЕЦ КАК ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ

THE ELDER-MONK-MIRACLE MAN AS A HERO OF MODERN RUSSIAN PROSE

This article presents selected literary works by writers of contemporary Russian literature, whose hero is an elder monk or miracle man. In their works, writers such as Lyudmila Petrushevskaya, Evgeniy Vodolazkin, Tikhon Shevkunov and Maya Kucherskaya refer to the genres of religious literature such as patericon, hagiography, and the apothegm. The author's interest in the character, directly referring to the tradition of Fyodor Dostoyevsky and elder Zosima, from the novel *The Brothers Karamazov*, is an expression of longing for national values related to the spiritual culture of Russian Orthodoxy and a reflection of the dialogue between religious and secular literature that is taking place today.

Keywords: monk, starets, spirituality, orthodoxy, contemporary Russian literature, hagiography, Petrushevskaya, Shevkunov, Vodolazkin, Kucherskaya

Миру кажутся безумными, несуразными, анекдотичными истинные подвижники духа, которые за чем-то уходят от людей в непроходимые пустыни, залезают на столпы, становятся юродивыми, годами стоят на коленях на камне, не спят, не пьют, не едят, подставляют оскорбляющим другую щеку, любят врагов, вменяют себя ни во что.

Архимандрит Тихон *Несвятые святые*¹

Одним из персонажей, выделяющихся на фоне новейшей литературы, можно считать старца-монаха. Этот герой неожиданно вторгся в массовое сознание благодаря широко читаемым и признанным произведениям Майи Кучерской, Евгения Водолазкина, архимандрита Тихона (Шевкунова), Дмитрия Балашо-

¹ Архимандрит Тихон, «*Несвятые святые*» и другие рассказы, ОЛМА Медиа групп, Москва 2012, с. 143.

ва, Олеси Николаевой и других современных писателей. Русский старец-монах снова появился в литературе XXI века, продолжая традицию русской классической прозы XIX века и восстанавливая неоагиографическую тенденцию в русской литературе, наличие которой в начале XX века отмечает среди прочего Анна Возняк². Присутствие его в сегодняшнем литературном дискурсе отмечает Дмитрий Бычков, автор монографии *Агиографический дискурс в современной русской прозе*³.

Похоже, что старец-монах, как и «лишний человек» или фольклорный Иван-дурак является одним из тех образов, который идентифицируется как типично русский и определяется словами «православный» и «народный». Обратим внимание на то, что Андрей Синявский в работе *Иван-дурак — очерк русской народной веры* называет старцев идеалом русской святости и ставит вместе с юродивыми в один ряд Божиих подвижников⁴. Предположительно, «юродство» и «старчество» являются двумя столпами русского православия, создают его локальный колорит и, как пытается доказать Эва Томпсон в работе *Understanding Russia: the Holy Fool in Russian Culture* (1987), формируют национальный характер⁵. Важно помнить, что феномен «старчества», под которым мы подразумеваем особый вид духовного наставничества, опирающегося на авторитет монаха-аскета, принадлежит не исключительно русской народной культуре, но прежде всего культуре церковной. Своими корнями «старчество» уходит к древнехристианскому движению египетских монахов. Постепенно под влиянием исихастской⁶ практики

² A. Woźniak, „Russkij inok”, czyli o monastycyzmie w prozie Aleksego Riemizowa, „Roczniki Humanistyczne” 1996, t. XLIV, z. 7, s. 269–271. На тему неоагиографических мотивов в русской литературе см.: U. Wójcicka, *Hagiografia staroruska w kręgu pisarzy rosyjskich XIX wieku (z badań nad tradycjami piśmiennictwa staroruskiego w nowożytnej literaturze rosyjskiej)*, Wydawnictwo Uczelniane WSP, Bydgoszcz 1983; M. Ziolkowski, *Hagiography and Modern Russian Literature*, John Wiley&Sons, Princeton 1988.

³ Д. Бычков, *Агиографический дискурс в современной русской прозе*, Издательство АГТУ, Астрахань 2015.

⁴ А. Синявский, *Иван-дурак. Очерк русской народной веры*, Аграф, Москва 2001, с. 146–147.

⁵ E. Thompson, *Zrozumieć Rosję. Święte szaleństwo w kulturze rosyjskiej*, tłum. E. Litak, Teologia Polityczna, Warszawa 2019, с. 267–268.

⁶ Огромное значение для развития «старчества» на Руси имела деятельность монаха Нила Сорского (1433–1508), автора *Устава скитской жизни*. См.: J. Kuffel, *Hezychazm Rusi Moskiewskiej. Metoda interpretacji na podstawie*

«старчество» приобрело в России общенародные черты и стало уникальной практикой — институтом, соединяющим религиозный мир с миром светским⁷.

Массовый, народный культ старцев нашел отражение в русской литературе XIX и XX вв. в произведениях Федора Достоевского, Льва Толстого, Николая Лескова, Алексея Ремизова и прочих, а также в живописи Михаила Нестерова, Виктора Васнецова и Бориса Кустодиева. Старец Зосима — герой романа Достоевского *Братья Карамазовы*, стал образцом старца-монаха в литературе. Интересное замечание по поводу продолжительного существования этого типа героя в литературной традиции делает Иоанна Новаковска-Оздоба. Исследовательница утверждает, что старец Зосима обладает мифотворческим потенциалом и реализует древнейший, еще дохристианский, архетип старого мудреца⁸, разнообразно трансформированный в культуре всего мира. На связь старца с языческим прообразом намекает также Василий Розанов:

В том смысле и значение старчества и состоит, что, воскресив в себе как бы волхва древнего, который с волею небесною дружен, старец входит в жизнь людей добрым волшебством, с магическою заклинательною силою: заклинательною против дурного и как бы открывающего рог изобилия для хорошего⁹.

Что касается мифотворческого потенциала, еще более интересным кажется вопрос, почему именно в новейшем литературном дискурсе заново возрос интерес к фигуре старца-монаха. Во-первых, ответ можно искать в истории русской культуры, а точнее, Православной Церкви. В советские времена культ старцев затих на несколько десятков лет из-за гонений, направленных против Церкви, но не исчез совсем. Свобода вероисповедания, которая наступила после распада СССР (отметим, что массовое возвращение в Церковь, связанное с кризисом марксистского мировоззрения, началось еще

wybranychabytków literatury przekladowej i oryginalnej, Promo, Kraków 2013, 610 с.

⁷ Э. Николаев, Н. Ротач, *Социокультурные аспекты старчества и старческого служения*, «Отечественный опыт» 2010, № 7, с. 140–143

⁸ J. Jacobi, *Psychologia C.G. Junga*, przedm. C.G. Jung, tłum. G. i G. Glodek, Wydawnictwo Zysk i Spółka, Poznań 2014, с. 145–148, 167–168.

⁹ В. Розанов, *Около церковных стен*, Республлка, Москва 1995, с. 290.

во время Перестройки¹⁰) способствует возрождению не только официальной Церкви, но и народной массовой духовности, в том числе и культа старцев¹¹. Литература чувствительно реагирует на любые общественные перемены. Отсюда и бурное оживление в области религиозной литературы, предназначенной для верующих православных, которая выходит в православных издательствах, а также появление религиозной темы в светской, мейнстримной литературе.

Во-вторых, возвращению старца-монаха-чудотворца в качестве литературного героя способствует состояние российской литературы, ищущей духовных ориентиров, моральных ценностей, порядка и авторитетов после постмодернистского кризиса. Как отмечают критики Ольга Лебедушкина, Наталья Иванова, Валерия Пустовая и Сергей Чупринин¹², в конце 90-ых годов XX и в начале XXI века наступил ренессанс фольклорных жанров: сказки, притчи, мифа и жития. Вместе с ними трансформировались образы народных героев, возрос интерес к славянским богам и православным, русским святым. Обращение к фигуре русского монаха можно также считать признаком традиционалистского мышления, видом актуализации национальных мифов, связанных с народной православной верой. В этом контексте верно замечает Наталья Ковтун:

Разочарование в проекте глобализма и художественных перспективах постмодернизма породили ностальгию по ценностям национального, желание

¹⁰ Явление религиозного возрождения и массового прихода интеллектуалов в церковь в 80. годы описывает в сборнике *Несвятые святые* архимандрит Тихон (Шевкунов) в главе *Начало*. См.: Архимандрит Тихон, *Несвятые святые...*, там же, с. 9–19.

¹¹ Подробнее на тему «старчества» в XX веке: М. Громько, *Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века*, Паломник, Москва 2015; Л. Ильюнина, *Золотая цепь старчества. Русское старчество XX века*, Искусство России, Санкт-Петербург 2012.

¹² О. Лебедушкина, *Шехерехада жива, пока...*, «Дружба народов» 2007, № 3, <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2007/3/1e12.html> (30.11.2021); Н. Иванова, *Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности*, «Знамя» 2006, № 11, <https://magazines.gorky.media/znamia/2006/11/ultra-fiction-ili-fantasticheskie-vozmozhnosti-russkoj-slovesnosti.html> (30.11.2021) С. Чупринин, *Еще раз к вопросу о картографии вымысла*, «Знамя» 2006, № 11, <https://magazines.gorky.media/znamia/2006/11/eshhe-raz-k-voprosu-о-kartografii-vymysla.html> (30.11.2021). В. Пустовая, *Свято и тать*, «Новый мир» 2009, № 3, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/3/svyato-i-tat.html (30.11.2021).

устойчивости, сильного героя, способного указать выход из исторического тупика, предотвратить экологическую катастрофу¹³.

Заметим, что произведения, повествующие о старцах-монахах, написанные в течение последнего двадцатилетия, относятся к разным литературным жанрам. Среди них документальный рассказ (архимандрит Тихон [Шевкунов] *Несвятые святые*, Олеся Николаева *Небесный огонь*), беллетризованная биография (Дмитрий Балашов *Похвала Сергию*), притча и анекдот (Майя Кучерская *Современный патерик*), роман (Евгений Водолазкин *Лавр*), роман в стихах (Олеся Николаева *Августин*), рассказ о чудесном (Людмила Петрушевская *Завещание старого монаха*). Главное, что все вышеупомянутые тексты объединяет ориентация на житие святого как источник.

Хронологически первым из текстов, выбранных мной для анализа, следует считать рассказ Людмилы Петрушевской. Общеизвестная автор чернушных рассказов и пьес, а сегодня «главная сказочница русской словесности»¹⁴, поэтесса и певица, в 2000 году написала рассказ, озаглавленный *Завещание старого монаха*. Впервые этот текст был напечатан в журнале «Октябрь», потом еще десять раз входил в разные сборники¹⁵. В рассказе изложена история чуда, произошедшего по благословению монаха Трифона, одного из обитателей бедного монастыря. Людмила Петрушевская кратко характеризует героя, подчеркивая именно те черты, которые вписывают Трифона в каноничный образ старца-монаха. В соответствии с древними сказаниями о святых подвижниках, Трифон является очень добрым, смиренным, кротким и милосердным человеком: «[...] он с Богом разговаривал [здесь и далее курсив мой – П.В.-В.] постоянно»¹⁶, «Старый монах бродил без усталости по дорогам, заходил в села, в городки, стоял на солнцепеке или на морозе, ма-

¹³ Н. Ковтун, *Русская традиционалистская проза XX–XXI вв: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие*, Флинта: Наука, Москва 2017, с. 13.

¹⁴ О. Лебедушкина, *Шехерехида жива, пока...*, <http://magazines.russ.ru/druzhba/2007/3/le12.html> (30.11.2021).

¹⁵ В 2003 и 2018 гг. название этого рассказа стало заглавием сборника. Л. Петрушевская, *Завещание старого монаха*, Вагриус, Москва 2003; Л. Петрушевская, *Волшебные истории. Завещание старого монаха*, Эксмо, Москва 2018.

¹⁶ Л. Петрушевская, *Волшебные истории...*, с. 10.

ленький и иссохший, и шептал молитву [...]»¹⁷; «Монах и спал там же, где просил, в ямке, как собачонка, не уходя с одного места по несколько суток»¹⁸. Отец Трифон хочет помочь несчастной женщине и ее больному ребенку. Он дает матери мальчика завет, чтобы она весь месяц молилась на том месте, где его в будущем убьют. Согласно завету, два разбойника вскоре убивают Трифона в лесу, но оказывается, что спасительная жертва монаха приносит благо не только чудесно выздоровевшему мальчику, но и всем жителям местности. Чудо приводит также к покаянию убийц Трифона, которые прячутся в трифоновом монастыре. Дополнительно в рассказе изображено рождение массового культа святого старца, к которому надеясь на очередное чудо обращаются массы как праведных или неправедных людей:

[...] целые процессии тронулись по верхней дороге, везли больных, шли попросить у святого Трифона кто жениха, кто богатства, кто освобождения из тюрьмы, а кто и Божьего наказания обнаглевшему соседу.

Монахи из горного монастыря поставили часовню у святой могилы, к ним стал стекаться народ, тут же мэр города построил гостиницу для приезжих из других мест, наладилась продажа воды из ручья, елку оградил, за вход брали плату, но все это не коснулось монастыря. Монахи его жили все той же жизнью, ничего не ели, а все добро раздавали бедным¹⁹.

Стоит обратить внимание, что в приведенном фрагменте Людмила Петрушевская сопоставляет действительность светских людей (материальную) с построенным по другим ориентирам, духовным и неземным миром монахов. Старец Трифон является реализацией модели героя праведника²⁰, воплощающего нравственный идеал Петрушевской. Как отмечает Дарья Рыкова:

Идеальным, по Петрушевской, считается человек тихий, кроткий, смиренный, но стойкий внутренне, переносящий страдания и, в то же время, сво-

¹⁷ Там же, с. 10.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 18.

²⁰ В характере типа героя-праведника автором диссертации рассматриваются также главная героиня рассказа *Я люблю тебя* и Аня из рассказа *Стена*. См.: Д. Рыкова, *Творчество Людмилы Петрушевской. Проблема авторского идеала в контексте христианской культурной традиции*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Ульяновск 2007, с. 14–15.

бодный. Подобные качества определяли героев древнерусской литературы христианской направленности²¹.

Еще одной писательницей, обратившейся к теме духовности и старчества, является представительница младшего поколения Майя Кучерская, автор отмеченных критикой и вызвавших бурное обсуждение романов *Бог дождя* (2006) и *Тетя Мотя* (2012), а также биографии Николая Лескова *Прозванный гений* (2021) вышедшей в серии ЖЗЛ. Книга *Современный патерик. Чтение для впавших в уныние* была издана впервые в 2004 году в журнале «Знамя» а потом многократно переиздавалась²², вызывая прямо противоположные оценки у читателей и критиков. О книге, награжденной Бунинской премией, положительно высказываются Ирина Родянская и Сергей Чупринин в отличие от Алексея Бакулина, который в рецензии, озаглавленной *Чужебесие*, написал: «Никогда еще так не жалел о потерянном времени, как после прочтения книги Майи Кучерской»²³. Сама писательница в интервью заявляет, что писала книгу с намерением освоить православную тему для современного читателя:

«Патерик» – именно такое пробивание головой (и она у меня до сих пор болит) стены, стоящей между верующими и неверующими, церковными и нецерковными людьми. Попытка сказать и тем, и другим: «всюду жизнь»²⁴.

Однако произведение Кучерской оказалось слишком пародийным для некоторых верующих, ожидающих текста, который бы продолжил традицию древних патериков, как, например, египетский *Лавсаик* (V в.), *Римский Патерик* (X в.) или русский *Киево-печерский Патерик* (XI в.). Майя Кучерская намеренно нарушает условности агиографического жанра и обращается к эстетике пародии вместо религиозного пафоса. В предисловии к книге подчеркивает нарочитую литературность текста:

Книжку, которую читатель держит в руках, следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные историче-

²¹ Там же, с. 14.

²² М. Кучерская, *Современный патерик: Чтение для впавших в уныние*, Время, Москва 2005, 2007, 2008.

²³ А. Бакулин, *Чужебесие*, <http://www.pravpiter.ru/pspb/n155/tao19.htm> (30.11.2021).

²⁴ М. Кучерская, *Все наши письма — автопортреты души*, беседовал К. Мильичин, 08.08.2017, litkarta.ru/rus/dossier/vse-nashi-pisma/dossier_677/ (30.11.2021).

ские персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небылицы²⁵.

Итак, в *Современном патерике* преобладает стилизация под фольклорный рассказ. Тексты собраны в пятнадцать циклов, составленных по тематическому или жанровому признаку. Жанр небылицы (волшебной истории) и анекдота перемешан с жанром жития святого и притчи. Возобновляется Майей Кучерской также жанр апофегмы, восходящий к византийскому источнику *Apophthegmata Patrum* (IV–VI в.)²⁶. В *Современном патерике* представлен коллективный герой, собирательный образ православной братии, которую составляют монахи, монахини, приходские батюшки, старцы, молодые послушники и прихожане и т.д. Несомненно, патерик Майи Кучерской отличается от древнего образца шутливый, пародийный характер и такой же способ описания героев. Фигуры богомольных старцев перемешиваются с юмористическими образами батюшек-людоедов, гомеопатов, пьяниц, и клептоманов. Все портреты лишены свойственного агиографии пафоса:

Рассказывали про авву Аверкия, что часто он натыкался на стены и разные предметы, имея много синяков на теле и даже лице, ибо ум его был занят созерцанием²⁷.

Один батюшка был людоедом. Приходит к нему человек на исповедь, а домой уже не возвращается. Приходит молодая пара венчаться — и исчезает навеки [...]. Только в посты все было благополучно, люди у него исповедовались, крестились, соборовались без всяких исчезновений²⁸.

Сказывали об отце Иеремии, что при нем состоял специальный келейник, который каждый час менял авве носовые платки, — так много тот плакал²⁹.

Относительно последнего приведенного фрагмента, заметим, что в тексте идет речь о «духовном плаче», то есть, об особом

²⁵ М. Кучерская, *Современный патерик...*, с. 5.

²⁶ Русское заглавие: *Изречения египетских отцов, Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов*. Апофегма, т.е. краткое и меткое наставительное изречение или нравоучительная сентенция. См.: *Православная энциклопедия*, Патриарх Московского и всея Руси Кирилл (ред.), <https://www.pravenc.ru/text/75770.html> (дата обращения 30.11.2021).

²⁷ Там же, с. 8.

²⁸ Там же, с. 18.

²⁹ Там же, с. 9.

виде благодати, которая очищает душу человека, приближая его к Богу. «Слезы монаха – это ступени в Царствие Небесное, а также раскаяние за греховность всего рода человеческого»³⁰. Следует особо подчеркнуть, что прием писать с юмором о святом и серьезном автор использует в сборнике очень часто. Свободу смешивать непостижимо глубокое с неприкрыто абсурдным отмечает в своей рецензии на книгу в «Новом мире» Ирина Роднянская³¹. Следовательно, это позволяет причислить *Современный патерик*, не только к агиографической, но и к сатирическо-пародийной литературной традиции.

Можно предположить, что если центральным для *Современного патерика* является желание в увлекательной форме объяснить монастырскую, противоположную мирской, логику читателям, «впавшим в уныние» и одновременно сделать церковную тему близкой неверующим, то образы старцев-монахов и прозорливых монахинь полностью этому желанию автора подчинены. Поэтому образы героев *Современного патерика* выстроены традиционно, по православной схеме, но притом «освоены» для современного дискурса. Старцы-монахи Майи Кучерской, с одной стороны, святые, но, с другой, смешные, не идеальные, близкие несовершенству обыкновенного человека — одним словом, «несвятые-святые».

Архимандрит Тихон (Шевкунов), в миру Георгий Александрович Шевкунов, именно так озаглавил свой сборник монастырских рассказов. Книга *Несвятые святые* изданная в 2011 году, стала настоящим бестселлером – она переведена на 13 иностранных языков (в том числе и на польский³²), выдержала 24 издания (до 2019 года) и была продана в количестве более чем 3 000 000 экземпляров в России. В 2012 году сборник вышел в финал премии «Большая книга» и победил в читательском голосовании. Учитывая эту никем не ожидавшуюся популяр-

³⁰ *О чем плачут афонские старцы: игумен Ватопедского монастыря — о благодати духовного плача*, UNIAN Информационное агентство, 14.11.2017, <https://religions.unian.net/afon/2241491-o-chem-plachut-afonskie-startsy-igumen-vatopedского-monastyrya-o-blagodati-duhovnogo-placha.html> (30.11.2021).

³¹ И. Роднянская, *Книжная полка Ирины Роднянской*, «Новый мир» 2004, № 8, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/8/knizhnaya-polka-iriny-rodnyanskoj-4.html (30.11.2021).

³² Archimandryta Tichon, *Nieświęci święci i inne opowiadania*, przeł. K. Tur, Wydawnictwo Bratczyk, Hajnówka 2014.

ность книги православного священника, ее надо рассматривать не только как литературный, но и культурный феномен. Алексей Варламов отмечает:

Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен. Разгадка чуда, может быть, в самих героях книги — старцах, подвижниках, святых людях. Может быть, это их воля, их воздействие³³.

Несмотря на наличие фантастических³⁴ эпизодов, сборник *Несвятые святые* имеет документальный, автобиографический характер, он ориентирован на традицию церковной литературы, в том числе, на творчество протоиерея Алексея Лисняка, автора сборника рассказов *Праздник жизни* (2003). По определению Евгения Абдулаева, книга архимандрита Тихона является примером православной «бородатой литературы», к которой тоже следует причислить роман *Флавиан* (2012) о. Александра Торика и поэзию о. Сергия Крутлова³⁵. Направленность на проповеднический и нравоучительный характер текста отличает ее от вышеупомянутых литературных, «безбородных»³⁶ произведений Людмилы Петрушевской, Майи Кучерской или романа *Лавр* Евгения Водолазкина. С другой стороны, все указанные тексты, в том числе и сборник *Несвятые святые*, обладают таинственной и светлой атмосферой чуда, описывают «иную реальность мира ангелов и бесов»³⁷. Поэтому сборник архимандрита Тихона Майи Кучерская определяет термином «православные сказки», особенно подчеркивая структурные сходства между этими жанрами.

[...] его истории полны не только экзотического материала, но и мистики. Это всегда привлекало массового читателя, неизменно тянущегося к чудесному и таинственному.

³³ А. Варламов, *Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен*, «Русская народная линия» 26.12.2012, <http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=14935> (30.11.2021).

³⁴ Речь идет о рассказах, в которых автор описывает вмешательство потусторонних сил (ангелов и бесов) или логически необъяснимые совпадения а также чудеса происходящее по благославлению старцев. Такие случаи представлены в главах: *Начало*, *При ангела Хранителя*, *Черный пудель*, *Случай на дороге*, *Свеча* и др.

³⁵ Е. Абдулаев, *Литература «бородатая» и «безбородная»*, «Дружба народов» 2017, № 12, с. 215–218.

³⁶ Применяю определение Евгения Абдулаева, под которым подразумевается светская, безрелигиозная литература. См. Е. Абдулаев, *Литература «бородатая» и «безбородная»...*, с. 218.

³⁷ Определение автора статьи П.В.-В.

СТАРЕЦ-МОНАХ-ЧУДОТВОРЕЦ...

Словом, архимандрит Тихон написал самые настоящие православные сказки. О богатырях-батьюшках, бесстрашно сражающихся с советскими чиновниками, саму Фурцеву отправивших чуть не на три буквы, и с врагом человеческого рода лицом к лицу. Для миллионного читателя не так важно, правда это или нет. Важно, что побеждает добро. И пусть Бог временами выглядит в «Несвятых святых» довольно мстительным – но ведь и в сказках «плохиши» всегда наказаны³⁸.

Возвращаясь к теме героев сборника, архимандрит Тихон повествует о жизни монахов, обитавших в Псково-Печерском монастыре, среди которых старец Иоанн Крестьянкин (главный герой сборника), отец Гавриил, отец Нафанаил, отец Антипа, отец Серафим, схигумен Мелхиседек, наместник Алипий, Матушка Фрося и многие другие. Это реальные лица, лично знакомые автору, поэтому истории убедительны, даже если приводятся примеры чудотворений старцев, их прозорливости и видений³⁹. Как известно, жанр жития прямо требует свидетельств божественной благодати, которой обладают святые, и с помощью которой совершаются чудеса. Всех описываемых Шевкуновым старцев-монахов объединяют черты, традиционно отличающие святых отшельников т.е. смирение перед Богом и людьми, покаяние в грехах, аскетизм и погружение в молитву. Примером может служить описание духовных подвигов отца Серафима:

Все годы жизни в монастыре отец Серафим довольствовался лишь самым малым. И не только в еде, во сне и в общении с людьми. Например, в бане он никогда не мылся под душем, ему хватало двух–трех шаек воды. Когда послушники спросили у него, почему он не использует душ, ведь там воды сколько угодно, он буркнул, что под душем мыться — все равно что шоколад есть⁴⁰.

Отличаются монахи друг от друга «человеческим» — у отцов разные характеры (Нафанаил определяется как вредный, Гав-

³⁸ М. Кучерская, «Несвятые святые: Архимандрит Тихон подарил читателям сказку», Ведомости 28.12.2012, https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/28/nalevo_skazki_govorit (30.11.2021).

³⁹ Случай схигумена Мелхиседека самый показательный. Монастырскому столяру, игумену Михаилу явилась Матерь Божия и указывая на разбросанную мебель сказала: «Ты монах, мы ждали от тебя главного — покаяния и молитвы. А ты принес лишь это...». После видения игумен Михаил совсем поменял образ жизни, оставил работу и принял великую схиму и имя Мелхиседек (высшую степень отречения от мира). Архимандрит Тихон, *Несвятые святые...*, с. 105–113.

⁴⁰ Там же, с. 78.

риил жестокий) и способности (Алипий — бывший фронтовик, защищает обитель, не давая властям закрыть ее). Особое внимание уделяет автор Иоанну Крестьянкину, известному по всей России старцу-духовнику. Архимандрит Тихон пишет о нем, что это «один из очень немногих людей на земле, для которых раздвигаются границы пространства и времени, и Господь дает им видеть прошлое и будущее, как настоящее»⁴¹. Он был не просто мудр, а еще одарен даром познания будущего, поэтому способен давать советы незнакомым ему людям.

Важно отметить, что одним из главных героев сборника является и сам автор. Он растворяется в пространстве рассказов, когда в центр повествования ставит других монахов, однако именно его глазами мы видим окружающую действительность и его личный опыт становится основой сюжета. Архимандрит Тихон является выпускником ВГИК, это человек образованный, тонко чувствующий, талантливый, который искал Бога со студенческих лет и нашел Его в Псково-Печерском монастыре. Несомненно, это герой истинно верующий и смотрящий на мир сквозь призму Евангелия.

Евангельскую основу имеет также снискавший успех у читателей роман Евгения Водолазкина *Лавр. Неисторический роман*, о котором автор говорит, что это «олитературенное житие святого целителя»⁴². Модернистский и неомифологический⁴³ текст писателя-филолога и знатока Средневековья сравнивают с романом Умберто Эко⁴⁴. Книга была издана в 2012 году и получила важнейшие литературные премии: «Ясная Поляна» в номинации «XXI век», «Большая книга» и «Национальный бестселлер» (финал). Роман был переведен более чем на тридцать языков. По версии газеты «Guardian» он вошел в топ-10 лучших книг мировой литературы о Боге⁴⁵. Причин успеха можно назвать много: увлекательный сюжет, разыгрывающийся во времена Средневековья; интереснейший, стилизованный под древнерусский язык

⁴¹ Там же, с. 40.

⁴² «Школа злословия», Евгений Водолазкин, Эфир 26.06.2013, <https://www.youtube.com/watch?v=EbIZtY31bD8> (30.11.2021).

⁴³ О. Неклюдова, *Карта контекстов. Роман Е. Водолазкина «Лавр»*, «Вопросы литературы» 2015, № 4, с. 119–130.

⁴⁴ Е. Водолазкин, *Париж я люблю бесконечно — как всякий русский*, беседа К. Гулина, RFI 19.03.2018 <https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20180319-pisatel-evgenii-vodolazkin-parizh> (30.11.2021).

⁴⁵ *Top 10 novels about God*, «The Guardian», <https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god> (30.11.2021).

романа; универсальная тематика бессмертия, времени, любви, пути, покаяния. Павел Басинский называет роман филологическим и одновременно «глубоко русским»⁴⁶. На национальный элемент и введение церковной темы обращает внимание также Алена Солнцева⁴⁷.

Интересно, что роман Евгения Водолазкина рассказывает историю жизни одного человека, но в действительности мы имеем дело с четырьмя разными героями. Когда целитель Арсений меняет имя, меняется и он сам. Монах Иннокентий при поступлении в Белозерский монастырь спрашивает Арсения: «Сколько же жизней ты будешь проживать отныне одновременно?»⁴⁸. Личность героя напоминает мозаику⁴⁹, рассыпавшуюся на части:

Я более не ощущаю единства моей жизни, сказал Лавр. Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена⁵⁰.

Существенно, что Водолазкин создает образ своего персонажа на основе реальных прототипов — Ксении Петербургской и Варлаама Керетского⁵¹ в сюжет включены многочисленные мотивы из житий православных святых (например, Василия Блаженного или Арсения Новгородского)⁵².

На протяжении романа мы наблюдаем как герой достигает истинной святости, стремится к совершенству. Процесс формирования личности святого отражен в мысленных диалогах героя с усопшей Устиной. Итак, Арсений, с историей которого мы знакомимся в первой из четырех книг, «Книге познания», представ-

⁴⁶ П. Басинский, *Светящаяся тьма*, «Российская газета» 26.11.2021, <https://rg.ru/2012/11/26/basinskij.html> (30.11.2021).

⁴⁷ А. Солнцева, *Большая книга: увенчанный «Лавр»*, РИА новости 27.11.2013, <https://ria.ru/20131127/980106974.html> (30.11.2021).

⁴⁸ Е. Водолазкин, *Лавр. Неисторический роман*, АСТ, Москва 2017, с. 374.

⁴⁹ А. Д. Маглий, *Жанровое своеобразие романа Евгения Водолазкина «Лавр»*, «Вестник московского университета». Сер. 9. Филология, 2015, № 1, с. 181.

⁵⁰ Е. Водолазкин, *Лавр...*, с. 401.

⁵¹ В интервью, которое взяла у писателя Татьяна Толстая в программе «Школа злословия» на канале НТВ, Евгений Водолазкин указывает на Ксению Блаженную, Варлаама Керетского, https://www.youtube.com/watch?v=_kvSfr6DbCo (30.11.2021).

⁵² См.: А. Камалова, *Духовность и святость в романе Евгения Водолазкина «Лавр»*, «Acta Polono-Ruthenica», № XXIII/4, Olsztyn 2018, с. 19–32.

ляет собой тип праведника, мудреца, целителя, работающего для блага людей, но не до конца понимающего суть Евангелия. Арсений совершает великий грех, вследствие которого погибают Устина и младенец. В «Книге отречения» герой принимает имя Устин и становится удаляющимся от мира аскетом и юродивым, унижающим себя перед людьми и Богом:

Насколько же я гадок [...]. И даже собаки, раз они ушли не хотят иметь со мной дела. И самому мне мерзко мое грязное и посиневшее тело⁵³.

Герой знает о своем ничтожестве, мучает тело во имя искупления грехов, однако, несмотря на молитву, духовные подвиги и служение людям, не может найти покоя. Следующее имя, Амвросий, герой принимает в честь своего спутника в Иерусалим. Объехав всю Европу, паломники переносят тяжелые испытания. Итальянец Амброджио погибает мученической смертью. Последнее имя, которым нарекается герой, — это Лавр. В этот момент он становится отшельником, который смирился с самим собой, искупил свой грех и достиг внутренней покоя. Старец Лавр служит людям, пророчествует, исцеляет, изгоняет бесов. Его смерть является доказательством его великого смирения и святости. Перед кончиной Лавр завещал старцу Алипию:

Когда я покину мое тело, им же согрешил есмь, не церемоньтесь с ним особенно. Привяжите к ногам веревку и тащите его в болотную дебрь на растерзание зверям и гадам⁵⁴.

Похороны состоялись согласно последнему желанию монаха Лавра, но попрощаться с ним пришла «вся Русская земля» а люди рыдали и обливались слезами.

Следует еще добавить, что героя романа *Лавр* сопровождают другие герои, подобные ему. Делу травника учится Арсений у Христофора, путешествует с братьями Гуго и Жаном, советов ищет у старца Иннокентия, юродствует с Фомой и Карпом. Отсюда можно сделать вывод, что путь Арсения к святости универсален и мог быть, был и будет повторен еще многими.

В заключение отметим, что в отличие от *Современного патерика* Майи Кучерской, роман *Лавр* Евгения Водолазкина сохра-

⁵³ Е. Водолазкин, *Лавр...*, с. 203.

⁵⁴ Там же, с. 433.

няет серьезность и пафосную атмосферу, свойственную агиографической литературе, возобновляя классический библейский мотив покаяния и искупления грехов и продолжая литературную традицию Федора Достоевского. Учитывая слова автора, высказанные в программе *Школа злословия* на канале НТВ, он неслучайно обратился к герою, который живет по совсем другим принципам, чем современный гражданин России. Персонаж святой-монах, олицетворяющий духовную жизнь, является противоположным культуре потребительства и знаком протеста против современного культа успеха⁵⁵.

Указанные мною примеры никак не исчерпывают темы героя старца-монаха в современной литературе⁵⁶. В этом ключе можно тоже рассматривать и последний роман Евгения Водолазкина *Оправдание Острова* (2021) о жизни праведников Ксении и Парфения и сборник православных рассказов Олеси Николаевой *Небесный огонь* (2012). Кроме того, на жанр жития святого ориентированы романы *Дурочка* (1998) Светланы Василенко и *Даниэль Штейн, переводчик* (2006) Людмилы Улицкой, а также биография Льва Толстого *Бегство из рая* (2010) авторства Павла Басинского.

Подытоживая сказанное, отметим, что возвращение героя старца-монаха-чудотворца в современный литературный дискурс оказывается выражением тоски по национальному и одновременно духовному. Авторы, представляющие крайне разные поэтики, актуализируют традиционный образ старца-монаха и рассматривают его в качестве идеала по контрасту с современной потребительской, материальной культурой. Таким образом литература заново осваивает церковные темы после вызванного историческими обстоятельствами перерыва, и этот процесс, по замечанию Евгения Абдулаева, является двусторонним:

Если говорить о литературе, то диалог все же происходит. То с одного, то с другого края возникают попытки заполнить зияющую середину. То «бородатая» литература отходит от стиля семинарских прописей и благостного неославянофильства и пытается говорить более «скромным» языком

⁵⁵ Е. Водолазкин, «*Школа злословия*»...

⁵⁶ Важно отметить, что тема не чужда русской новейшей кинематографии. Вспомним знаменитый фильм Павла Лунгина *Остров* (2006). Сценарий был написан Дмитрием Соболевым по схеме: преступление — раскаяние — искупление. Фильм рассказывает историю юродивого монаха — отца Анатолия (в этой роли Петр Мамонов).

современной литературы. То «безбородая» оставляет свой скепсис, иронию и интерес к устройству быта детородных частей⁵⁷.

В этом диалоге между православной и художественной литературой самым значимым является всплеск интереса массовой культуры к духовному миру человека. Итак, обращение к фигуре старца-монаха-чудотворца в литературе XXI века можно считать одним из способов затронуть тему духовного формирования и совершенствования личности на почве русской православной культуры.

REFERENCES

- Abdulayev, Yevgeniy. "Literatura 'borodataya' i 'bezborodnaya'." *Druzhba narodov* 2017, no. 12: 215–218 [Абдулаев, Евгений. "Литература 'бородатая' и 'безбородная'." *Дружба народов* 2017, no. 12: 215–218].
- Arkhimandrit Tikhon. *Nesvyatyue svyatyue' i drugiye rassказы*. Moskva: OLMA Media group, 2012 [Архимандрит Тихон. *'Несвятые святые' и другие рассказы'* Москва: ОЛМА Медиа групп, 2012].
- Bakulin, Aleksey. "Chuzhebesiye" [Бакулин, Алексей. "Чужебесие"] <<http://www.pravpiter.ru/pspb/n155/ta019.htm>>.
- Basinskiy, Pavel. "Svetyashchayasya t'ma." *Rossiyskaya gazeta*, 26.11.2021 [Басинский, Павел. "Светящаяся тьма." *Российская газета*, 26.11.2021] <<https://rg.ru/2012/11/26/basinskiy.html>>.
- Bychkov, Dmitriy. *Agiograficheskiy diskurs v sovremennoy russkoy proze*. Astrakhan': Astrakhanskiy universitet, 2015 [Бычков, Дмитрий. *Агиографический дискурс в современной русской прозе*. Астрахань: Астраханский университет», 2015].
- Gromyko, Marina. *Obrashcheniye k startsam v dukhovnoy zhizni russkikh XX veka*. Moskva: Palomnik, 2015 [Громько, Марина. *Обращение к старцам в духовной жизни русских XX века*. Москва: Паломник, 2015].
- Il'yunina, Lyudmila. *Zolotaya tsep' starchestva*. *Russkoye starchestvo XX veka*. Sankt-Peterburg: Iskusstvo Rossii, 2012 [Ильюнина, Людмила. *Золотая цепь старчества*. *Русское старчество XX века*. Санкт-Петербург: Искусство России, 2012].
- Jacobi, Jolande. *Psychologia C.G. Junga*. Transl. Glodek, Grażyna & Gregor. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2014.
- Kamalova, Alla. "Dukhovnost' i svyatost' v romane Yevgeniya Vodolazkina 'Lavr'." *Acta Polono-Ruthenica* 2018, no. XXIII/4: 19–32 [Камалова, Алла. "Духовность и святость в романе Евгения Водолазкина 'Лавр'." *Acta Polono-Ruthenica* 2018, no. XXIII/4: 19–32].
- Kovtun, Natal'ya. *Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI veka: genesis, mi-fopoetika, konteksty: ucheb. posobiye*. Moskva: Flinta: Nauka, 2017 [Ковтун,

⁵⁷ Е. Абдулаев, *Литература «бородатая»...*, с. 216.

- Наталья. *Русская традиционалистская проза XX–XXI вв: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие*, Москва: Флинта: Наука, 2017].
- Kucherskaya, Mayya. “Nesvyatyye svyatyye: Arkhimandrit Tikhon podaril chitatel'nyam skazku.” *Vedomosti* [Кучерская, Майя. “Несвятые святые: Архимандрит Тихон подарил читателям сказку.” *Ведомости*] <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2012/12/28/nalevo_skazki_govorit>.
- Kucherskaya, Mayya. *Sovremennyyu paterik: Chteniye dlya vpravshikh v unyuniye*. Moskva: AST, 2008 [Кучерская, Майя. *Современный патерик: Чтение для вправших в уныние*. Москва: АСТ, 2008].
- Kuffel, Józef. *Hezychazm Rusi Moskiewskiej. Metoda interpretacji na podstawie wybranych zabytków literatury przekładowej i oryginalnej*. Kraków: Wydawnictwo PROMO, 2013.
- Lebedushkina, Ol'ga. “Sheherekhada zhiva, пока...” *Druzhba narodov* 2007, no. 3 [Лебедушкина, Ольга. “Шехерехада жива, пока...” *Дружба народов* 2007, no. 3. 30.11.2021] <<https://magazines.gorky.media/druzhba/2007/3/sheherezhada-zhiva-poka.html>>.
- Magliy, Anna. “Zhanrovoye svoeobrazie romana Yevgeniya Vodolazkina ‘Lavr’.” *Vestnik moskovskogo universiteta*. vol. 9. Filologiya, 2015, no 1: 181 [Маглий Анна. “Жанровое своеобразие романа евгения водлазкина ‘Лавр’.” *Вестник московского университета*. Vol. 9. Филология, 2015, no 1].
- Neklyudova, Ol'ga “Karta kontekstov. Roman Ye. Vodolazkina ‘Lavr’.” *Voprosy literatury* 2015, no 4: 119–130 [Неклюдова, Ольга. “Карта контекстов. Роман Е. Водлазкина ‘Лавр’.” *Вопросы литературы* 2015, no 4: 119–130].
- Nikolayev, Eduard, and Natal'ya Rotach. “Sotsiokul'tyrnyye aspekty starchestva i starcheskogosluzheniya.” *Otechestvennyy opyt* 2010, no 7: 140–143 [Николаев, Эдуард и Наталья Ротач. “Социокультурные аспекты старчества и старческого служения.” *Отечественный опыт* 2010, no 7: 140–143].
- Petrushevskaya Lyudmila. *Volshebnyye istorii. Zaveshchaniye starogo monaha*. Moskva: Eksmo, 2018 [Петрушевская Людмила. *Волшебные истории. Завещание старого монаха*. Москва: Эксмо, 2018].
- Rodnyanskaya, Irina. “Knizhnaya polka Iriny Rodnyanskoj.” *Novyy mir* 2004, no. 8 [Роднянская Ирина, “Книжная полка Ирины Роднянской”. *Новый мир* 2004, no. 8. 30.11.2021] <https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2004/8/knizhnaya-polka-iriny-rodnyanskoj-4.html>.
- Rozanov, Vasilii. *Okolotserkovnykh sten*. Moskva: Respublika, 1995 [Розанов, Василий. *Около церковных стен*. Москва: Республика, 1995].
- Sinyavskiy, Andrey. *Ocherkrusskoj narodnoy very*. Moskva: Agraf, 2001 [Синявский, Андрей. *Очерк русской народной веры*. Москва: Аграф, 2001].
- Solntseva Alena. “Bol'shaya kniga: uvenchannyy ‘Lavr’.” *RIA novosti*, 27.11.2013 [Солнцева Алена. “Большая книга: увенчанный ‘Лавр’.” *РИА новости*, 27.11.2013. 30.11.2021] <<https://ria.ru/20131127/980106974.html>>.
- Thompson, Ewa. *Zrozumieć Rosję. Święte szaleństwo w kulturze rosyjskiej*. Transl. Litak, Eliza. Warszawa: Teologia Polityczna, 2019.
- “Top 10 novels about God”. *The Guardian*, 30.11.2021 <<https://www.theguardian.com/books/2017/dec/06/top-10-novels-about-god>>.
- Varlamov, Aleksey. “Dumayu, etot uspekhn bol'she nikem ne mozhet byt' povtoren.” *Russkaya narodnaya liniya*, 26.12.2012 [Варламов, Алексей. “Думаю, этот успех больше никем не может быть повторен.” *Русская народная линия* 26.12.2012] <<http://www.bigbook.ru/smi/detail.php?ID=14935>>.

- Vodolazkin, Yevgeniy. *Lavr. Neistoricheskiy roman*. Moskva: AST, 2017 [Водолазкин, Евгений. *Лавр. Неисторический роман*. Москва: АСТ, 2017].
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Parizh ya lyublyu beskonechno — kak vsyakiy russkiy’. Besedovala K. Gulina.” RFI, 19.03.2018 [Водолазкин, Евгений. “Париж я люблю бесконечно – как всякий русский’. Беседовала К. Гулина”. RFI, 19.03.2018] <<https://www.rfi.fr/ru/rossiya/20180319-pisatel-evgenii-vodolazkin-parizh>>.
- Vodolazkin, Yevgeniy. “Shkola zlosloviya.” Efir, 26.06.2013 [Водолазкин, Евгений. “Школа злословия.” Эфир, 26.06.2013] <<https://www.youtube.com/watch?v=EbIZtY31bD8>>.
- Woźniak, Anna. “Russkij inok’, czyli o monastycyzmie w prozie Aleksego Riemi-zowa.” *Roczniki Humanistyczne* 1996, t. XLIV, no 7: 269–271.

MACIEJ PIECZYŃSKI

<https://orcid.org/0000-0002-7746-954X>

Uniwersytet Szczeciński

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ В ВИРТУАЛЬНОМ ТЕКСТЕ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДРАМАТУРГИИ

THE ISSUE OF DEHUMANIZATION IN THE VIRTUAL TEXT OF THE LATEST RUSSIAN DRAMA

Post-Soviet Russian-language dramaturgy is text-centric and literature-centric. The most important point of reference for its creators is the widely understood text. Both literary and cultural texts. In their works, playwrights replace performative representation with retrospective storytelling. The center of interest is not so much the surrounding reality as its cultural image. In recent years, this image has become more and more virtual. Dramaturgy willingly uses information technology. Dialogues resemble online chats, and the characters' relationships evoke associations with contact maintained via social networking sites. The reduction of the presented world to the level of virtual space results in the degradation of humanity. The protagonist of a contemporary drama, immersed in the space of the Internet, loses contact with the world around him. This in turn leads either to a complete demoralization or even to a complete dehumanization. In the discussed texts, man becomes his own digital simulacrum. Dehumanization is either literal or metaphorical. In the first case, the hero either loses his human nature or is not human at all. He ends up in the virtual world, turning into a character from a computer game, as in the play *Net* by Valery Pechevkin. Or maybe he's part of that world himself — a video blogger with a camera instead of a hand, or an intelligent personal assistant named Siri. The protagonists, addicted to the Internet, and immersed in virtual space, are metaphorically dehumanized. The characters of the plays *Journal of Alona Chizhuk* by Julia Voronova and *Grisha* by Inga Vosk communicate with each other only through chats and social networking sites. The man described by contemporary Russian-language playwrights often uses an online nickname instead of his name, and treats sex, usually virtual, as an escape from reality, losing the ability not only to love but even to feel physical pleasure. The intertextual, text-centric "new drama" is slowly giving way to a new phenomenon that can be described as the Internet "new-new drama." It is also text-centric, but at its center is virtual text.

Keywords: Russian drama, dehumanization, virtual world, postmodernism, simulacra

Постсоветская русскоязычная драматургия является художественным воплощением постмодернистской концепции «текстового мира»¹. Современные авторы, даже в перестроечное

¹ В статье речь идет о русскоязычной, не о русской драматургии, потому что анализирую пьесы не только русских, но также украинских и белорусских

время имея весьма ограниченные способности попасть на подмостки репертуарных театров, довольно часто адресовали свои пьесы скорее читателю, нежели зрителю. Развернутые ремарки, вместо того, чтобы выполнять роль сценических подсказок, становились самостоятельными, прозаическими текстами. Представление вытеснялось рассказом, настоящее время — прошедшим. Кроме того, драматурги вели интертекстуальный диалог с отечественной традицией, обращаясь к классике русской литературы. В их творчестве действительность замещается культурой, согласно констатации Жака Деррида, будто «внетекстовой реальности вообще не существует».

Стремительное развитие информационных технологий не могло не повлиять на форму и содержание новейшей русскоязычной драматургии². Надежда Маньковская и Виктор Бычков утверждают, что «квазикомпьютерный период» в литературе связан с переходом от постмодернистской интертекстуальности к стиранию границ между текстом и реальностью³. Однако, с другой стороны, также в постмодернизме происходит стирание границ между текстом и реальностью. Точнее — текст поглощает реальность. Уход от постмодернистской интертекстуальности не означает отказа от постмодернистской пантекстуальности. Внеязыковая, эмпирически постигаемая действительность исчезла. Вначале уступила место диалогу с литературной традицией. Потом диалог с литературной традицией уступил место диалогу с современностью Интернет-пространства. Онтологические основы драматургического творчества не меняются. Мир остается текстом, копией без подлинника, симуляцией реальной действительности. Однако, это уже не литературный, только виртуальный текст. Интернет — это ведь тоже культура. Если в 1999 году Григорий Заславский писал о «бумажной», то есть несценической, нете-

авторов, которые пишут по-русски и выступают на драматургических фестивалях в России.

² О виртуальном мире русской драматургии автор настоящей статьи писал уже здесь: М. Pieczyński, *Виртуальный мир новейшей русскоязычной драматургии*, „Acta Neophilologica” 2022, т. 2, № XXIV, <https://czasopisma.uwm.edu.pl/index.php/an/article/view/7806> (11.04.2023).

³ В. Бычков, Н. Маньковская, *Виртуальная реальность как феномен современного искусства*, «Эстетика. Вчера. Сегодня. Всегда» 2006, вып. 2, с. 43 (05.12.2022).

атральной, литературной драматургии, так называемой новой драме⁴, то в начале 2020-ых годов безусловно следует заговорить о «виртуальной» новой-новой драме. Интернет является или местом действия, или главной темой, его пользователи — персонажами. Их диалоги напоминают общение в соцсетях. Общение происходит также на линии автор—читатель, так как тексты часто содержат гиперссылки. Следовательно, без доступа к Интернету адекватное прочтение «виртуальной» пьесы становится невозможным.

Как ни парадоксально, в некотором смысле после отказа от реального во имя виртуального именно последнее является единственной возможной действительностью. Алекс Петланд пришел к выводу о том, что современная привычная социальная реальность трансформируется за счет цифровой реальности⁵. В итоге формируется гибрид миров «оффлайнового» и «онлайн-нового». Как замечают Ольга Кислова и Алла Николаевская, в трактовке дополненной таким образом реальности произошел «социологический поворот». События в Интернете становятся не менее важными, чем события в реальном мире. Виртуальное перестает быть синонимом фиктивного⁶. Сеть все реже является местом, куда человек прячется от жизни. Наоборот — все чаще становится центром этой жизни. Именно поэтому вызывает повышенный интерес драматургов. Погружение в онлайн-пространство все меньше общего имеет с эскапизмом, зато все больше с реализмом.

Молодые драматурги это «поколение, воспитанное сетью». Именно так Маргарита Гриня озаглавила свою статью, посвященную пьесам, прочитанным вовремя фестиваля молодой драматургии «Любимовка» в 2017 году⁷. «Мы увидели, как выглядит взросление в мире, переполненном интернетом, чатами,

⁴ Г. Заславский, «Бумажная» драматургия: авангард, арьергард или андеграунд современного театра?, «Знамя» 1999, № 9, <https://znamlit.ru/publication.php?id=918> (16.12.2022).

⁵ B. N. Waber, A. Pentland, *Augmented Social Reality* // В. N. Waber, A. Pentland (ред.), *International Symposium on Wearable Computers (ISWC)*, Boston 2007, <http://vismod.media.mit.edu/tech-reports/TR-613.pdf> (31.10.2022).

⁶ О. Кислова, А. Николаевская, *Концепция дополненной реальности: от технологии к социологии*, «Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна» 2016, с. 51.

⁷ М. Гриня, *Поколение, воспитанное сетью*, <https://lubimovka.ru/blog/402-pokolenie-vospitannoe-setyu> (31.10.2022).

соцсетями, влогами, ютубом» — отмечает критик. Именно Любимовка, как своего рода кузница драматургических талантов, является лучшим показателем современных тенденций развития русскоязычной драмы.

Виртуализация привела не только к онтологическим, но также и к аксиологическим переменам в современном мире и его культурном, в том числе и драматургическом, образе. Говоря словами Фридриха Ницше, произошла переоценка ценностей. Ее итогом является дегуманизация. Обесценивается как человек вообще, так и драматургический персонаж в частности. Как замечает Наталья Зарубина, все больше стало распространяться убеждение, что прогресс техники подчиняет человека машине и заставляет в той или иной мере уподобляться ей, из-за чего человек теряет собственно человеческие свойства⁸. По наблюдению Клауса Шваба, технологический уклад меняет не только то, «что» и «как» мы делаем, но и то, кем мы являемся⁹. Социальные сети, цифровые платформы для ведения бизнеса, образовательных, творческих практик являются инфраструктурой, отчуждающей человека от предпосылок, процесса, результата деятельности. Гуманистический антропоцентризм подменяется технократизмом. При этом, утверждает Зарубина, социальные, культурные, духовные, этические детерминанты не рассматриваются¹⁰. Юрий Клейберг констатирует, что современные IT-технологии и чрезмерное пользование Интернетом ускоряют процесс деструктивной десоциализации, трансформируют и дегуманизируют личность, которая зачастую не может восстановить уже освоенные ценности, нормы и роли в полном объеме¹¹. Ольга Крюкова добавляет, что незрелая личность, погружена в пространство Сети, испытывает проблемы с самоидентификацией. Как доказывает исследовательница, в постинформационном обществе у человека, как ни парадоксально,

⁸ Н. Зарубина, *Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию*, «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» 2021, № 4, с. 61.

⁹ К. Шваб, *Четвертая промышленная революция*, пер. с англ. ООО «Переведем.ру», А. Меркурьева (ред.), Эксмо, Москва 2016, с. 208.

¹⁰ Н. Зарубина, *Тенденции дегуманизации в цифровом обществе...*, с. 66.

¹¹ Ю. Клейберг, *Десоциализация и дегуманизация личности в ситуации социальной турбулентности: психолого-девиантологический дискурс*, «Вестник Краснодарского университета МВД России» 2017, № 1 (35), с. 150–158.

больше комфорта, но меньше уюта, больше социальных связей, чаще виртуальных, но меньше привязанностей, больше открытости, но меньше возможности для уединения¹².

Дегуманизация в «новой-новой драме» осуществляется на двух уровнях: метафорическом и дословном. Причем в обоих случаях имеем в виду не человека вообще, только персонажа пьесы, то есть конкретный образ человека, созданный культурой. К метафорическому уровню причисляю тех героев, которые подвергаются посредственной дегуманизации. Посредственная дегуманизация не означает полной потери человеческой сущности. Персонажи остаются художественными образами людей в буквальном смысле этого слова — живых существ, которые теоретически могут функционировать как в онлайнном, так и в офлайнном измерении. Их дегуманизация заключается в том, что они слишком глубоко погружены в Сеть. Постоянное пребывание в онлайнном пространстве мешает им адекватно воспринимать окружающую, офлайнную, действительность. Интернет для них перестал быть всего лишь полезным орудием, средством к осуществлению цели, став самоцелью, ценностью самой по себе, главной точкой отсчета и опорой. Физически живя в мире офлайн, психически, духовно, нравственно они уже находятся в пространстве онлайн. Зато с дословной дегуманизацией мы имеем дело, когда персонаж пьесы либо не является человеком, только продуктом информационных технологий, либо человеком перестает быть, из реального мира попадая в мир Интернета, становясь, например, героем компьютерной игры. Тексты, вписывающиеся в данную категорию, тематически напоминают научную фантастику с элементами антиутопии. Образ метафорической дегуманизации отражает реальные проблемы погружения реального человека в нереальный мир. Образ дословной дегуманизации строится как спекуляция о том, к чему могут привести эти реальные проблемы в ситуации неограниченного и неконтролируемого развития информационных технологий. Это предупреждение перед возможной онтологической угрозой. «Человек онлайнный» может утратить не только интеллектуальную и эмоциональную связь с офлайнной действительностью, но также саму эту действительность.

¹² О. Крюкова, *Человек в цифровом мире: проблема дегуманизации личности*, «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» 2019, с. 381.

Образ дословной дегуманизации наглядно представлен в пьесе *Краб в смешной кепке* харьковского драматурга Александра Середина¹³. Уже само название подсказывает, что главный герой — это животное. Тем не менее, он ведет себя как человек, что у остальных персонажей не вызывает никакого удивления. Без препятствий функционирует среди людей. Краб является хозяином дома, в котором живет Девочка с камерой вместо руки — популярная видеоблогерша. Она снимает фильм о жизни своих соседей и самого хозяина и выкладывает в Интернете. Ее имя указывает на то, что также она лишена некоторых, как раз физических, свойств человека. Камера ей нужнее руки, так как единственное, чем она занимается, это подготовка видеоблога. Подписчики заменяют ей друзей и близких, а качество ей жизни зависит исключительно от количества лайков.

Краб мечтает о том, чтобы стать человеком. Следовательно, кажется, что пьеса дает надежду на регуманизацию. Герои, живущие в мире дегуманизации, все-таки по крайней мере декларируют стремление вернуться в мир гуманизма. Однако Краб не желает стать носителем никаких отвлеченных, духовных, нравственных, философских человеческих ценностей. Не завидует людям глубины внутренних переживаний. Краб хочет стать человеком просто потому, что хочет, чтобы у него был пупок. «Он мне очень нравится. Он очень красивый» — объясняет Краб. Значит, его привлекает тело, не дух. Причем, ему интересна как раз та сторона телесности, которая никак не связана с более или менее возвышенными чувствами. Пожалуй, единственная известная метафора, отсылающая к данной части тела, — это выражение «перерезать пуповину» как порвать с тем, кто дал жизнь, с «источником» жизни. Пупок может таким образом символизировать разрыв человека с его изначальной сущностью, с действительностью, которая его породила. Однако в целом, мечта Краба звучит абсурдно. Особенно для Девочки с камерой вместо руки, которая рассматривает дело с точки зрения того, в чем нуждаются потребители поп-культуры. Она, узнав о том, что Краб хочет стать человеком, намеревается снять об этом сюжет, потому что «люди любят такие истории, где мужчина хочет стать женщиной, женщина мужчиной, а краб человеком. Они будут сочувствовать тебе и присылать деньги» — так отвечает

¹³ А. Середин, *Краб в смешной кепке*, <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016> (04.12.2022).

на сомнения хозяина дома, который боится, что зрители влога будут над ним смеяться. Однако, когда Девочка узнает причину мечты, внезапно теряет интерес. Ведь пользователям Интернета нужны узнаваемые и близкие большинству эмоции, а этих нет в бессмысленной и довольно лаконичной истории Краба.

Что характерно, персонажи пьесы Середина практически безымянны. У них нет обычных, человеческих имен и фамилий. В списке действующих лиц, кроме Краба в смешной кепке и Девочки с камерой вместо руки, выступают: Вдовец с длинными волосами, Женщина, не говорящая по-русски, Китаец, Мальчик (Спутник), а также Сири (Звезда). Не только Краб не является человеком. Сири это облачный персональный помощник и вопросно-ответная система для пользователей смартфонов. В современном мире очень тяжело функционировать без помощи искусственной интеллигенции. В сеттинге пьесы Середина это почти невозможно. Персонажи обращаются к Сири за помощью. Когда Краб превращается в кровожадного монстра и начинает убивать соседей, об этом сообщает именно виртуальный помощник. Рассказ ведется от имени Сири в форме подачи информации о «результатах поиска» в Интернете:

СИРИ: Вот что мне удалось найти по запросу «Что делать, если огромный кровожадный Краб ест Женщину, которая разговаривает на непонятном языке, и Мужчину, у которого смешные длинные волосы, а в это время Девочка, у которой камера вместо руки, снимает это на видео, чтобы выложить потом в Интернет.

Девочка наконец тоже гибнет. Ее убивают китайцы-массажисты за то, что она снимала, как они нелегально откачивали человеческий жир. Videоблогерша в их присутствии случайно включила запись. И так, в некотором смысле причиной ее смерти была рука-камера. Девочка пыталась еще защищаться с помощью Сири. Вполне возможно, что искусственный интеллект смог бы спасти жизнь видеоблогерши. Однако в роковой момент ее смартфон разрядился. Таким образом, реальный мир одержал победу над виртуальным. Интернет начинает управлять все новыми сферами нашей жизни, но без этой жизни и человеческого в ней участия он не функционирует. Как зарядка, так и все нужные кнопки находятся в руке пользователя. В виртуальном мире человек подвергается дегуманизации. Однако это происходит вследствие решений, которые он принимает. Именно человек включает

компьютер или смартфон, не обратно. Только тогда, становясь пользователем Интернета, теряет свою идентичность, самостоятельность мышления и попадает в зависимость от информационных технологий. Знание получает благодаря поисковикам и персональным помощникам, общается посредством соцсетей, секс и любовь находит на сайтах знакомств или пользуется порнографией. Говоря словами Виктора Пелевина, превращается в «человека переключаемого», *homo zappiens*. Вспомним, что именно так дух Че Гевары в романе *Generation П* назвал зрителя, сознанием которого руководит телевидение. Однако пульт держит все-еще человек. В том же смысле, чтобы записать ролик для публикации в видеоблоге нужна не только камера, но также рука, а затем и Девочка-видеоблогерша. В этой руке все еще находятся ключи для дверей либо в виртуальный, либо в реальный мир.

Сири выключается, Девочка погибает, зато Краб не только не получает наказание за преступление, но и делает карьеру. После того, как он убил и съел жителей своей квартиры, стал успешным бизнесменом и получил награду за «лучший стартап года», о чем становится известно посредством ролика из Ютуба. В мире, в котором действительность замещается Интернетом, ценность человека определяется уже не нравственным качеством, но количеством лайков, просмотров и подписчиков. Кроважадный Краб в смешной кепке «в свои 32 года уже вошел в первую сотню Forbes». Пафос гуманизма вытесняется иронией дегуманизации.

Дословной дегуманизации подвергаются также персонажи пьесы *Net* Валерия Печейкина¹⁴. Название точно определяет онтологический статус сеттинга. Неслучайно пользуюсь термином, который чаще употребляется в отношении компьютерных игр, чем в литературоведческих анализах. Заглавный «net» является не только пространством коммуникации героев, но также местом, в котором они живут. Офлайн замещается онлайн в буквальном смысле. Согласно вводной ремарке, над сценой висят два экрана. В центре находится огромная веб-камера, которая записывает речь и действия персонажей. Сюжет строится вокруг электронной переписки. Саша Вайс пишет Диме Билану, Ольга Обухова — своему сыну Петру, Сергей Иванов — Влади-

¹⁴ В. Печейкин, *Net*, <https://theatre-library.ru/authors/p/pecheykin> (05.02.2022).

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ...

миру Путину. Не дожидаясь ответов, все трое приходят в Интернет-кафе, откуда буквально попадают в виртуальный мир. На Обухова бросается огромный червь — он же вирус троян. В мире Интернета все кажется реальным. Обухова встречает своего сына Петра, который настолько погрузился в виртуальном пространстве, что «растворился в ЖЖ». Единственное его занятие — это комментирование постов в социальных сетях. У него нет времени на общение с матерью. Даже когда она посещает его онлайн-мир, он ее не замечает. Мать, добиваясь разговора с сыном, выключает ему компьютер. Однако, Петр — это прежде всего ребенок XXI века. Следовательно, без доступа к Сети задыхается как человек предыдущего столетия без воздуха. Офлайн означает смерть. Петр умирает, потому что Обухова «отключила его сердце от Интернета».

Остальные герои внезапно оказываются в мире компьютерных игр. Саша Вайс превращается в Расмана, Сергей Иванов — в Super Mario. Сашу преследуют привидения Blinky, Pinky и Inkey. Она всерьез боится смерти:

ВАЙС. Послушайте, вы можете лишить жизни человека!

ТРЕТИЙ. Что? Ты — это несколько жалких пикселей в рамке флэш-плеера.

ВАЙС. Я — человек.

ВТОРОЙ. Ты — Расман.

Героиня пьесы, превращаясь в героя популярной компьютерной игры, не умирает, а всего лишь теряет свою человеческую сущность. Подвергается непосредственной и окончательной дегуманизации. Как и Петр Обухов, она растворяется в виртуальном мире. А всем этим миром управляет за письменным столом демиург — системный администратор Mailer Daemon.

Разоблачение угроз виртуализации действительности лишено традиционного, антиутопического пафоса. Дословная дегуманизация представлена в пародийной форме. Буквальный эскапизм человека, фантастическим способом попавшего в мир Интернета, высмеивается. Текстам вписывающимся в данную категорию присуще игровое начало. «Смешна» не только кепка Краба, но и вся его абсурдная история. Комической является также ситуация персонажей, которые вдруг превращаются в героев популярных компьютерных игр.

Однако кажется, что большая часть пьес посвященных теме виртуализации, представляет собой образ не дословной, а ме-

тафорической дегуманизации. Чаще всего человек погружается в Сеть психически, не физически. Интернет пленяет его сознание, диктует способ его мышления, формирует его мировоззрение. На место *homo sapiens* появляется *homo zappiens*. Согласно теории, выдвинутой призраком Че Гевары в *Generation II*, когда человек включает телевизор (в современной версии — Интернет), превращается в субъект, управляемый монтажно-режиссерской группой (в современной версии — вообще создателями, администраторами, пользователями Интернета). Таким образом, в виртуальный мир не переносится он, только его сознание. Человек независимый от Интернета — «офлайновый человек», «субъект номер один» по Пелевину — верит, что реальность это материальный мир. Человек зависимый от Интернета, т.е. «онлайновый человек», «субъект номер два» верит, что реальность — это реальный мир, который показывают по Интернету. Чаще всего именно так воспринимают действительность герои новой-новой драматургии.

Итак, процесс метафорической дегуманизации наблюдаем в пьесах, герои которых не являются ни животными, ни монстрами из компьютерных игр, зато их психика, сознание, интеллект полностью погружены в виртуальный мир. В списке действующих лиц пьесы Юлии Вороновой *Дневник Алены Чижук. А еще почта, ЖЖ и фейсбук*, кроме заглавной Алены, вместо имен, появляются адреса электронной почты¹⁵. Вводная ремарка содержит фразу «Все совпадения с реальными людьми случайны, а события вымышлены», которая обычно появляется как предупреждающая надпись в кинофильмах. Ее цель — избежать возможной ответственности за распространение ложной информации или за диффамацию. Однако в случае пьесы Вороновой данный прием можно толковать также как манифестацию отказа от действительности в пользу виртуальной реальности. Пьеса разделяется на части — дневниковые записи главной героини а также сообщения электронной почты и посты в Фейсбуке остальных героев. Дневник, как более традиционная форма, имеет автора, имя которого известно. Виртуальные высказывания подписаны либо адресами электронной почты, либо ссылками на профиль в социальных сетях. Человек, становясь поль-

¹⁵ Ю. Воронова, *Дневник Алены Чижук. А еще почта, ЖЖ и фейсбук*, <https://lubimovka.ru/%5C%22lyubimovka-god/383-marked-2017%5C%22> (05.12.2022).

зователем Интернета, обезличивается, теряет свое имя. Взамен реальной, получает виртуальную идентичность. Как справедливо отмечено в афише постановки пьесы в режиссуре Алексея Размахова, это «история взросления девушки, рассказанная ей самой через социальные сети». Развитие Алены «от молодой девочки, полной любви и надежд, до взрослой женщины, научившейся решать свои проблемы самостоятельно, показано как путь от длинных откровений до фотографий еды на фейсбуке»¹⁶. Действительно, дневник ведет шестнадцатилетняя девчонка Алена в 1988–1989 годах. В Сети, в 2001 году, «растворяется» уже двадцативосьмилетняя Елена. Имя взрослой героини не появляется в списке действующих лиц, зато выступает в названии профиля в Фейсбуке, а также в содержании электронных сообщений. Богатство внутреннего мира Алены замещается внешним образом Елены, который она публично демонстрирует в соцсетях. Эволюция от дневника к Интернету не сопровождается нравственным самосовершенствованием. Алена просто последовательно рассказывала о своей жизни, описывала свои переживания. Зато образ Елены как будто раздваивается. Она переписывается со своим любовником и отдельно с его женой, которая для Елены была другом детства. Конечно, жена о романе мужа не знает. Еще другое лицо героиня показывает в публичных постах в социальных сетях.

Почти та же степень онтологической зависимости от виртуального мира выступает в пьесе *Гриша* Инги Воск¹⁷. Все диалоги ведутся посредством Интернета. Герои переписываются через WhatsApp или общаются по Skype. В перерывах между разговорами слушают музыку на Вконтакте. Текст изобилует смайликами, которые не просто дополняют, а заменяют действия. Когда Анна хочет сказать своим друзьям, что они «свиньи», вместо этого слова отправляет им эмоджикон с изображением свиньи. Симпатия к собеседнику выражается смайлом либо виртуальным поцелуем. Когда взволнованный Эдик курит, чтобы успокоиться, свою эмоцию усиливает эмоджином «сигарета». Несколько страниц пьесы состоят из одних только смайликов, которые четырехлетний Гриша отправляет своей маме. Мальчик является

¹⁶ ДНЕВНИК АЛЁНЫ ЧИЖУК. А ЕЩЁ ПОЧТА, ЖЖ И ФЕЙСБУК, <https://teatrcdr.ru/dnevnik-aleny-chizjuk/> (05.12.2022).

¹⁷ И. Воск, *Гриша*, <https://litteratura.org/dramaturgy/3032-inga-vosk-grisha.html> (05.12.2022).

ярким примером деструктивного влияния компьютерных игр на детей. Он постоянно матерится не только на зомби, которых убивает в виртуальном мире. «Че ты пиздишь, дед!» — кричит на дедушку, когда тот путает зомби с монстрами. Дедушка не обижается. Наоборот — он даже хвалит своего внука: «Он перед тем как сам играть — смотрит прохождение игры. В интернете. Понимаешь, какой умный?». В случае Гриши имеем дело не только с дегуманизацией, но также со связанными с ней деморализацией и интеллектуальной деградацией. Конечно, непосредственной причиной этих негативных процессов является зависимость от Сети. Деморализация заключается в языке и поведении четырехлетнего ребенка, который под влиянием компьютерных игр матерится и оказывает неуважение членам своей семьи. Похвала деда, в свою очередь, указывает на интеллектуальную деградацию. Об умственных способностях ребенка свидетельствуют не столько положительные оценки в школе, сколько умение пользоваться Интернетом. Причем, речь идет скорее о довольно примитивной хитрости, нежели об интеллигентности. Гриша не в состоянии самостоятельно пройти игру, поэтому пользуется виртуальной «шпаргалкой». Уже с детства учиться обманывать, избегать какого-либо труда, достигать целей кратчайшим и не самым честным путем.

В пьесе Инги Воск даже чувство ревности возникает из-за погружения в виртуальный мир. Анна обнаруживает, что ее муж Виктор последние пять месяцев смотрит порнофильмы. Она проверила «Просмотренные» и «Запросы». Как выяснилось, Виктор искал на YouTube роликов на темы: «лесби секс», «эротический массаж», «позы». Даже супружеская измена происходит в пространстве Интернета. Муж уже не чувствует полового влечения к жене, но не намеревается найти себе любовницу. Порнография для него интереснее настоящего секса. Виктор не нуждается ни в других женщинах, ни в женщинах вообще, только в виртуальных образах женщин.

Именно сексуальность является той сферой человеческой жизни, образ которой в современных пьесах подвергается самой радикальной дегуманизации. Виктор — это типичный пример героя, чья половая активность во многом имеет виртуальный характер. В данном контексте следует обратить внимание на проблему порнографии. В монодраме Алексея Битюцких *Леша, который устроился на работу, на которой не платят* данная

тема разрабатывается уже на уровне структуры¹⁸. Пьеса состоит из трех частей, названных «порнографическими или эротическими сценами». Таня, от имени которой ведется рассказ, работает порно моделью в Интернете. В тайне перед своим мужем Лешей раздевается перед веб-камерой. Уход в виртуальный мир порнографии приводит к трагедии. Таню в Интернете увидел лучший друг Леши. Заставил женщину заниматься с ним сексом перед веб-камерой, шантажируя, что в противном случае все расскажет ее мужу. Тот все-таки все узнал. Таня перестала ему изменять, но было уже слишком поздно, чтобы избежать последствий. Леша попытался совершить самоубийство. По словам Тани, он повесился, «слава Богу, что неудачно». Итак, виртуальная измена привела к реальной измене и почти к настоящей смерти реального человека.

Автобиографический моноэпос (жанровое определение автора) *Улисс* Виталия Ченского — это монолог тридцатилетнего интеллигента, сексуальная жизнь которого практически ограничивается порнографией и мастурбацией¹⁹. Здесь следует сделать одно существенное замечание. Мастурбация необязательно стимулируется современными технологическими средствами, однако все-таки с виртуальным миром ее роднит то, что она обусловлена процессом замещения действительности ее симулякром. В текстах новой-новой драмы она является не просто элементом сексуальной жизни, а способом избежать ответственности за контакт с другим человеком, попыткой создать альтернативную, самодостаточную сексуальную реальность, симуляцию половой жизни.

Пьеса Ченского лишена трагического тона или поучительно-го пафоса. Ченский не разоблачает угроз, связанных с виртуализацией половой жизни. Наоборот — уход от реальности в сторону эротических фантазий представляет как поиск свободы. Виталий жил в Киеве ввремя двух революций — Оранжевой и Достоинства. Однако он совершенно не интересовался политикой. С ироническим отстранением относился к историческим событиям, которые происходят на его глазах. Все вокруг, даже девушки, с которыми он встречался, ожидали от него проявления какой-то гражданской позиции, каких-то определенных

¹⁸ А. Битюцких, *Леша, который устроился на работу, на которой не платят*, <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016> (5.12.2022).

¹⁹ В. Ченский, *Улисс*, <https://2022.lubimovka.ru/chenskiy> (05.12.2022).

взглядов. От этих требований Виталий освободился, погружаясь в мир виртуального секса. В своем монологе, с некоторой долей самоиронии, он описывает собственную сексуальную эволюцию. Причем все ее этапы связаны не столько с половым актом, сколько с его симуляцией. Эволюция состояла в переходе от увлечения телесностью до отказа от нее в пользу ее отвлеченных образов. В жизни Виталия естественная страсть уступила место симулякрам секса. В юности, в советскую эпоху, из-за дефицита сексуальных образов, он мастурбировал на портрет жены Пушкина, Натальи Гончаровой. Этот «период инфантилизма» быстро прошел и в воображении молодого мужчины появились реальные женщины. Потом Виталий вошел в мир порнографии, что и обусловило настоящий переворот в его отношении к половой жизни. Поменял также «технику». Раньше мастурбировал с помощью подушки, которая создавала иллюзию контакта с женским телом. Теперь решил «повзрослеть», то есть «научиться делать это рукой». Виталий признается в том, что он «не очень уверенный самец». Новая техника позволила ему получить больше контроля не только над физическими, но также и над психическими ощущениями:

В подушке есть почти человеческая непредсказуемость [...]. Она постоянно меняет форму [...]. Каждый раз приходится немного повозиться, чтобы «построить новые отношения». Ручная дробка, напротив, всегда одинакова [...]. Мастурбация рукой в этом плане предполагала гораздо большую степень абстрагирования, и женщины в данном процессе было гораздо меньше.

Сексуальная эволюция героя сопровождается его дегуманизацией. Независимо от комического оттенка данного фрагмента, его глубоко трагический смысл налицо. Виталий в начале отказался от женского тела в пользу его виртуальных образов. Потом решил избежать вообще какой-либо иллюзии контакта с женским телом. Более того — его пугает перспектива знакомства с женщиной. Он боится «строить новые отношения». Что характерно, в подушке его смущала не «женская», а вообще «человеческая непредсказуемость». Следовательно, Виталий бежит не просто от половых контактов, а от отношений с другими людьми. Независимость, к которой стремился, принесла ему одиночество.

Сексуальная эволюция Виталия связана не только со все большей потерей связи с действительностью, но также с интеллектуальной и культурной деградацией. Начиная с увлечения

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ...

женой великого классика русской литературы, через работу собственного воображения, кончая грубой порнографией. Характер образов, которыми возбуждается герой, тоже указывает на постепенную дегуманизацию. Он открыто заявляет: «Порно помогает мне забыть о недостатках знакомых девушек. С его помощью я корректирую мою эротическую реальность». Итак, порнография — это не отражение, только симуляция сексуальной действительности. Как и Виктору из пьесы Инги Воск, так и Виталию из моноэпоса Ченского не нужны женщины, только лишённые подлинника образы женщин. Об этом еще нагляднее свидетельствует нижеуказанная рефлексия героя, которой поделился со своими виртуальными друзьями в форме поста в Фейсбуке:

Вот смотришь, бывает порно. Вроде возбуждаешься, всё нормально... Но в то же время понимаешь, что довольно часто на экране какие-то неприятные по сути люди. Не то, чтобы они были развратные. Нет. У нас время свободное. Просто чувствуешь, что как личности они не очень. Я, например, не хотел бы с ними встретиться в реальной жизни. Грубые в общении, не интересные собеседники. А то и кошелёк могут украсть. Всё-таки не хватает в этом жанре хороших и добрых пар. Интеллигентных, тактичных, сострадательных, заботливых. Такого, по настоящему доброго порно не хватает, от которого и на душе тепло бы становилось. А не только в трусах тесно...

Конечно, цитированный фрагмент — это шуточный комментарий, пародия на «жанр» порнографии, а также сатира на тех, кто требует от культуры поучительного, нравственного, дидактического пафоса. Однако, под внешним комизмом текста можно прочесть серьёзный подтекст. Если порнография — это идеальный образ секса, в котором люди лишены физических недостатков, зритель такого рода фильмов должен мечтать с играющими в них актрисами встретиться вживую. Понятно, не для того, чтобы с ними подружиться, а для того, чтобы исполнить свои эротические фантазии. Но Виталий даже этого не хочет. Для удовлетворения своих сексуальных потребностей ему вообще не нужен человек. Не только его душа, но даже его тело. Сексуальная эволюция героя заканчивается полной дегуманизацией и торжеством эгоизма. Единственным человеком, который заслуживает интереса, внимания и уважения Виталия, является он сам. Благодаря мастурбации и порнографии он становится самодостаточным, но вместе с этим одиноким, неуверенным

в себе мужчиной, замкнутым даже не в мире своего воображения, только в пространстве симуляций.

Виртуализация сексуальности свойственна также главному герою пьесы *Dark Room*²⁰. Его зовут tester1998, почти так же, как автора. Пьеса была прочитана на Любимовке в 2021 году. В программе фестиваля автор выступал под псевдонимом tester98. Своего имени не раскрыл даже в интервью для фестивального блога. Согласился ответить на вопросы только по электронной почте. Так по крайней мере утверждают организаторы Любимовки. Сегодня уже известно, что пьесу написал белорусский драматург Микита Ильинчик. Так или иначе, схожесть псевдонима автора и героя подчеркивает автобиографический характер произведения. В вышеупомянутом интервью tester98 утверждает, что пьеса основана на реальной истории подростка, с которым автор познакомился на сайте знакомств. Таким образом, *Dark Room* — это своеобразный вариант документальной драмы, построенной не на разговорах вживую с реальными людьми, только на виртуальной переписке с пользователем Интернета. Онлайн-версия техники вербатим. Независимо от творческого процесса, имеем дело с монологом подростка, который вырос в детском доме, после чего был передан в приемную семью. На дегуманизацию указывает уже анонимность как персонажа, так и самого автора. Tester1998 и tester98 звучат даже не как художественный псевдоним. Эти имена напоминают скорее никнейм, то есть сетевое имя пользователя конкретного чата, форума, блога или социальной сети в Интернете. Автор не раскрывает ни героя, ни своей тождественности. Она не имеет существенного значения. Ведь, пользуясь термином Ролана Барта, tester-автор это всего лишь скриптор, который не сочиняет, только переписывает виртуальный текст чьего-то рассказа. Зато tester-герой — это не реальный подросток, даже не литературный образ этого подростка, только пользователь Интернета, который рассказывает о своей подростковой жизни. Его монолог изобилует гиперссылками, которых невозможно расшифровать в режиме офлайн. Tester1998 иногда мастурбирует на кровати Джесси — умершей дочери своих приемных родителей. Потом вытирается страницами выдернутыми из ее дневника. В своем воображении, или наяву, граница реальностей точно неопреде-

²⁰ Tester98, *Dark Room*, <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/855-shortlist-2021> (05.12.2022).

ленна — разговаривает с Джесси. Угрожает девушке, что посмертно лишит ей девственности. Точнее — что, одетый в ее платье, переспит с мальчиком, который ей нравился при жизни. Джесси тоже погружена в виртуальный мир. Даже после смерти она спрашивает, сколько лайков у нее на Фейсбуке. Тоскует не по реальной, а по виртуальной жизни.

Сексуальная жизнь подростка целиком зависит от виртуального мира. Tester1998 решается на побег из дома. Ничего не известно о том, чтобы приемные родители плохо к нему относились. В тексте нет даже намеков на какие-нибудь семейные проблемы. На самом деле причиной побега была жажда эротических впечатлений. Tester1998 отправился в поиск сексуальных партнеров с помощью сайтов знакомств таких как Planetromeo, Hornet, Grindr или Tinder. С помощью Google находит гей-клубы в Лондоне. В отличие от Виталия из пьесы Ченского, он не только мастурбирует, но также занимается сексом с другими людьми. Однако это не означает, что ему удастся построить нормальные, здоровые межличностные отношения. Герой открыто заявляет:

Секс он как бы убивает время, убивает мысли. Сам факт убийства — это что-то через силу. Убить трудно, это такое секундное перешагивание через себя. Ради того, чтобы получить дозу отключения от реальности. Это затягивает. Потому что очень сложно думать. Хочется раствориться. Не думать. Отключиться. Секс — это рынок сбыта. Надо понимать кто твой клиент, что ему нравится. Это математика. Важно выстроить стратегию. Подобрать реквизит. выстроить кадр и мизансцену. Это театр.

Казалось бы, для деморализованного подростка-эгоиста, для которого нет ничего важнее развлечения, именно исполнение эротических фантазий должно быть источником пусть временного и поверхностного, но все же счастья, или по крайней мере удовольствия. Однако Tester1998 занимается сексом только затем, чтобы убить время и мысли. Неслучайно именно убить. Данная метафора здесь очень точно отражает психическое состояние героя новой-новой драмы. Сексуальность принято считать проявлением жизнеутверждения. Особенно это касается сексуальности запрещенной, грешной, необузданной, стихийной — той, которую, ссылаясь на ницшеанский имморализм, можно вписать в дионисийское начало. Результатом освобождения телесности от традиционных ограничений теоретически должно быть торжество гедонизма, радости жизни, основанной

на наслаждении. Лишена нравственных тормозов реальность, в которой человек выбирает не между добром и злом, а между приятным и неприятным, на первый взгляд кажется миром, от которого не хочется бежать. Однако для героя современной драмы секс — это не жизнь, только смерть. Точнее — убийство той жизни, которая его окружает. Tester1998 не ищет ни физического наслаждения, ни позитивного настроения. Единственное, в чем он нуждается, — это отключение от настоящей действительности. Являясь средством эскапизма, секс становится элементом виртуальной, искусственной жизни, симуляцией межличностных отношений. Театром, в котором нет тела, а есть всего лишь реквизиты тела, нет чувств, а есть симулякры чувств. Кроме того — рынком сбыта. Виртуальной проституцией, в которой продается даже не тело, только лишенный подобия образ тела. В конечном итоге tester1998 начинает зарабатывать порно моделью — «дрочит в зуме и получает за это донаты на свой раурал». Его сексуальная эволюция ведет от сайтов знакомств до мастурбации перед веб-камерой. Человек, живущий «вне добра и зла», «убийца» реальных времени и мыслей, не становится сильным, жизнерадостным сверхчеловеком. Теряет человеческое как в традиционно-нравственном, так и в ницшеанском, имморальном, дионисийском смысле. Остается всего лишь пользователем Интернета, умеющим функционировать исключительно в онлайн-пространстве. Недаром мы знаем только его никнейм — ведь офлайн-версия Testera не существует. Тем более, что даже автор пьесы в начале применял исключительно сетевое имя пользователя.

Лучик и Zenop — это никнеймы Ванды и Северина, героев пьесы *Философы, или Великая оргия* Валерия Печейкина²¹. Они познакомились через дейтинг-приложение. Договорились о сексе. Встретились вживую только для этой одной цели. Однако в реальной жизни они не в состоянии осуществить решений, принятых в ходе виртуального общения. Оказывается, Ванда и Северин не только никогда не занимались сексом, но вообще не знают, что такое секс, потому что они философы, погруженные в мир отвлеченных понятий, следовательно — жизнь в ее практической, физической форме совершенно их не интересует. Они во всем сомневаются. Теоретически Ванда и Северин — это

²¹ В. Печейкин, *Философы, или Великая оргия*, <https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016> (05.12.2022).

женщина и мужчина. Однако, на самом деле они даже в этом неуверенны. Северин удивляется, почему Ванда его называет мужчиной — ведь он в приложении не указывал пол. Это пародия на постмодернизм и гендерные теории. Ванда и Северин отрицают традиционное понимание пола лишь в плане теории, на словах — на деле у них нет кризиса половой идентичности. Зато можно у них диагностировать кризис идентичности вообще. Ванда встречается с Севериным вживую, так что, кажется, может быть уверена, что имеет дело с мужчиной. Тем более, после того, как он разделся, что — как узнали философы — необходимо для будущего секса. Северин настолько погружен в виртуальный мир Интернета и отвлеченный мир философии, что не понимает, как Ванда, увидев его голое тело, узнала в нем мужчину, если в его дейтинг-приложении нет такой информации. Проблемой является не столько половая идентичность, сколько онтологическая зависимость этой идентичности от онлайн-пространства. Метафорическая дегуманизация здесь заключается в том, что человек со своим телом, интеллектом, душой, вытесняется пользователем Интернета, лишенным тела, собственного интеллекта и души, с никнеймом вместо имени. И со свободно придуманным полом вместо естественного. Полом, который становится фактом только тогда, когда о нем сообщается посредством виртуальной коммуникации. Фактом, который все-таки вызывает сомнения. Ведь в Интернете можно придумать себе какую-либо альтернативную идентичность.

Неслучайно именно философы столь зависимы от онлайн. Как замечает Оксана Елхова, виртуализация представляет собой процесс замещения реальности ее симуляционным образом²². Интернет — это симуляция действительности. Философия (особенно постмодернистская, так как у постмодернизма онтологическая доминанта) — это теоретическая спекуляция на тему действительности. Общим местом является отвлеченное восприятие мира. В постмодернистской философии метафизика присутствия вытесняется метафизикой отсутствия. Действительность и ее образы вытесняются симулякрами. В Интернете метафизика присутствия изначально невозможна. Пользователь Сети — это человек-симулякр, лишенный своей человеческой сущно-

²² О. Елхова, *Иллюзия присутствия в виртуальном мире*. «Вестник Башкирского университета» 2015, т. 20, № 4, <https://cyberleninka.ru/article/n/illyuziya-prisutstviya-v-virtualnom-mire> (06.12.2022).

сти, обреченный на дегуманизацию по своему же собственному желанию. А также лишенный контакта с внелитературной, внекультурной, непосредственно воспринимаемой действительностью как таковой. Мир философской мысли так же виртуален, оторван от реальной жизни, как и общение в социальных сетях или компьютерные игры. Степень погруженности Ванды и Северина в глубину отвлеченных размышлений аналогична степени погруженности пользователей Сети в Интернет-среду. Общим местом является безусловно эскапизм. Непрактичность философов ярко отражается в карикатурном образе их ежедневной жизни. В доме Ванды нет ни ванной комнаты, ни туалета. Она даже не знает значения этих слов. Место обычных комнат занимают библиотеки. Философы, отрицающие пол, традицию, причинно-следственную связь, оторванные от реальной жизни даже в ее самых обыкновенных проявлениях, легче погружаются в виртуальное пространство симулякров, в котором все возможно и все дозволено. Это своего рода современные лишние люди. Говоря словами чеховского Лопухина, легкомысленные, неделовые, странные люди. Однако в *Вишневом саде* помещики уходили в прошлое, вытесняясь деловыми капиталистами и энергичными социалистами. В современном мире наоборот — лишние люди кажутся наиболее востребованными эпохой. Философы, все-таки, встретились в определенной цели. Не зная, как ее достичь, обращаются за помощью к профессионалам. Сексу философов обучают заказанные для этой цели проститутки — Мария и Август. Половой акт имеет мало общего с настоящей физической любовью даже не потому, что осуществляется как платная услуга. Дело в том, что когда Северин занимается сексом с Августом, ничего не чувствует, зато оргазм испытывает, или имитирует, Ванда. В данной сцене пародийно изображаются главные тезисы постмодернистского мировосприятия. Жак Деррида считал, что если письмо это знак, оторванный от значения, то голос сохраняет это идеальное единство означающего и означаемого²³. Однако поведение Ванды этому противоречит. Один человек занимается сексом, другой издает звуки удовольствия. Голос отрывается от источника, как письмо от своего автора. Возможна также менее философская, более дословная трактов-

²³ Ж. Деррида, *Голос и феномен*, пер. С. Кашина, Н. Суслов, Алетейя, Санкт-Петербург 1999, https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/derrida_zhak_golos_i_fenomen/54-1-0-673 (16.12.2022).

ка. Секс Северина с Августом — это просто порнография, точнее — порнографический перформанс, в котором Ванда соучаствует, как обычный зритель порнофильма, и мастурбирует. Так или иначе, обе интерпретации указывают на ту же самую проблему дегуманизации. Человек, в результате чрезмерного увлечения отвлеченным, виртуальным миром, либо философской спекуляции, либо Интернета, либо порнографии — теряет связь со своей телесностью.

Эту связь конечно, сохраняют проститутки. Их проблема другая — они воспринимают действительность исключительно сквозь призму дословной, грубой физичности. Только ее понимают, только о ней умеют разговаривать. В их случае дегуманизация имеет очевидный, так сказать, традиционный характер, независимый никаким образом от виртуального мира. Они просто отказываются от своего человеческого достоинства, продавая свои тела. Однако *Философы* — это отнюдь не социальная, документальная драма, посвящена маргинальному миру проституции. Мария и Август — это скорее фон для философов. Печейкин, кажется, целенаправленно создал столь яркие, стереотипные и даже карикатурные образы философов и проституток, чтобы эти, очевидно крайне разные, группы контрастно противопоставить друг другу. При этом, уже само название пьесы указывает на то, что все-таки главной темой является отвлеченность философов, не пошлость проституток.

Для Ванды и Северина смерть — это философское понятие и ничего больше. Мария и Август вообще о ней ничего не знают, потому что им интересно только то, что происходит в данный момент с их телами, а пока что они живы. Когда философы сообщают, что «приходит смерть», проституткам кажется, что речь идет об их коллеге по профессии. Ведь, если «приходит», значит — у нее есть ноги, значит — она носит колготки. Настоящая смерть достигает Марию — ее вдруг убивает Август. На вопрос Северина, почему убил человека, отвечает: «Для начала скажите мне, что такое человек». Таким образом, Август становится философом. То есть человеком, который ничего не понимает и все подвергает сомнению. Ванда и Северин не осуждают убийцу. Наоборот — торжественно принимают его в свой круг. Осуществляется полная, окончательная дегуманизация. Человек без какой-либо причины убивает другого человека, после чего ставит под сомнение ценность человеческой жизни и задум-

мывается о том, что такое человек, а те, которые должны на этот вопрос ответить, потому что профессионально занимаются поиском смысла человеческой жизни, гордятся своим незнанием и непониманием мира.

Наконец следует заметить, что виртуализация способствует дегуманизации не только героя, но также автора. Обезличивается, обесценивается не только образ человека, создаваемый драматургом, но также образ самого человека, создающего этот образ. Постмодернистская метафора «смерть автора» получает свое радикальное развитие. По Ролану Барту, писатель не пишет оригинального произведения, только переписывает то, что уже написано до него, пользуясь чужими цитатами. В некоторых случаях автор «умирает», сознательно отказываясь от авторства в пользу компьютерных технологий. На фестивале молодой драматургии «Любимовка» два раза — в 2018 и 2020 годах — произошли читки пьес, созданных с помощью искусственного интеллекта. Первая из них, *Lorem ipsum*, — это набор текстов, написанных на выбранные темы компьютером, генератором текстов²⁴. Дизайнер по профессии Екатерина Августеняк создала таким образом пьесу-каталог, пытаюсь осмыслить перенос ничего не значащего текста-картинки, служащего для демонстративного заполнения сайта, в пространство звучащего драматического текста²⁵. *Фо хер*, в свою очередь, — это синтез литературного текста с компьютерным кодом. При создании пьесы драматург Ольга Казакова использовала стихотворение десятилетнего Бенджамина Жиру, страдающего синдромом Аспергера. Нейронная сеть проанализировала стихотворение Жиру и сгенерировала новый текст²⁶.

Виртуализация драматургии не означает отказа от литературного текста в пользу аудиовизуальных спецэффектов. Влияние Интернета не усиливает сценичности пьес. Информационные технологии скорее помешали переходу от литературоцентризма в сторону постдраматического театра (понимаемого соглас-

²⁴ П. Руднев, *Глазами робота*, https://ptj.spb.ru/blog/glazami-robota/?fbclid=IwAR2JquNhHcjN3jkFctcm97Jn_2lB5Li9Nqq5dbpjCWtW57--xATMVW2DN1c (04.12.2022).

²⁵ О. Емец, *Пьеса в виде «рыбы»*, <https://lubimovka.ru/blog/584-pesa-v-vide-ryby> (04.12.2022).

²⁶ В. Черкасова, «Практика» выпускает спектакль о человеке и технологиях, <https://oteatre.info/teatr-praktika-ya-novaya/> (04.12.2022).

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ...

но теории Ханса-Тиса Лемана), т.е. в сторону театра, который уже не нуждается в языковых средствах выражения. Даже использование генераторов текстов свидетельствует о том, что главная задача драматурга — это написать (пусть даже с помощью искусственного интеллекта) литературный текст, а не только техническую подсказку для режиссера. Конечно, Интернет принес в драматургию технологические новинки, такие как смайлики или гиперссылки. Однако, воспринять их можно только посредством текста. Также процесс дегуманизации указывает на текстоцентричный характер новой-новой драмы. Автор и герои обезличиваются, скрываются под никнеймами пользователей, растворяются в соцсетях, в комментариях, постах, блогах. Единственное постоянство в переменчивом мире Интернета, единственное, что наверно и безусловно существует, — это текст.

REFERENCES

- Bityutskikh, Aleksey. *Lesha, kotoryy ustroilsya na rabotu, na kotoroy ne platyat* [Битюцких, Алексей. *Леша, который устроился на работу, на которой не платят*]. <<https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016>>.
- Bychkov, Victor. Man'kovskaya, Nadezhda. "Virtual'naya real'nost' kak fenomen sovremennogo iskusstva." *Estetika. Vchera. Segodnya. Vsegda* 2006, no. 2 [Бычков, Виктор. Маньковская, Надежда. "Виртуальная реальность как феномен современного искусства." *Эстетика. Вчера. Сегодня. Всегда*, 2006, no. 2].
- Chenskiy, Vitaliy. *Uliss*. [Ченский, Виталий. *Улисс*]. <https://2022.lubimovka.ru/chenskiy>.
- Cherkasova, Valeriya. «Praktika» vypuskayet spektakl' o cheloveke i tekhnologiyakh [Черкасова, Валерия. «Практика» выпускает спектакль о человеке и технологиях»] <<https://oteatre.info/teatr-praktika-ya-novaya/>>.
- Derrida, Zhak. *Golos i fenomen*. Transl. Kashina, S., and Suslov, N. Sankt-Peterburg: Aleteya, 1999 [Деррида, Жак. *Голос и феномен*, пер. Кашина, С., and Суслов, Н., Санкт-Петербург: Алетея, 1999].
- Dnevnik Aleny Chizjuk. A yeshchyo pochta, zhzh i feysbuk* [Дневник Алены Чижук. *А еще почта, жж и фейсбук*] <<https://teatrcdr.ru/dnevnik-aleny-chijuk/>>.
- Grinya, Margarita. *Pokoleniye vospitannoye set'yu* [Гриня, Маргарита. *Поколение, воспитанное сетью*] <<https://lubimovka.ru/blog/402-pokolenie-vospitannoe-setyu>>.
- Kislova, Ol'ga. Nikolayevskaya, Alla. "Kontseptsiya dopolnennoy real'nosti: ot tekhnologii k sotsiologii." *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina*, 2016 [Кислова, Ольга. Николаевская, Алла. "Концепция

- дополненной реальности: от технологии к социологию.” *Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна*, 2016].
- Kleyber, Yuriy. “Desotsializatsiya i degumanizatsiya lichnosti v situatsii sotsial’noy turbulentnosti: psikhologo-deviantologicheskij dyskurs.” *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, 2017, no. 1 (35) [Клейбер, Юрий. “Десоциализация и дегуманизация личности в ситуации социальной турбулентности: психолого-deviantologicheskij dyskurs.” *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii* 2017, no. 1 (35)].
- Kryukova, Ol’ga. “Chelovek v tsifrovom mire: problema degumanizatsii lichnosti.” *Bol’shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost’, sotrudnichestvo*, 2019 [Крюкова, Ольга. “Человек в цифровом мире: проблема дегуманизации личности.” *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество* 2019].
- Pecheykin, Valeriy. *Filosofy, ili Velikaya orgiya* [Печейкин, Валерий. *Философы, или Великая оргия*] <<https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016>>.
- Pecheykin, Valeriy. *Net* [Печейкин, Валерий, *Net*] <<https://theatre-library.ru/authors/p/pecheykin>>.
- Rudnev, Pavel. *Glazami robota* [Руднев, Павел, *Глазами робота*] <https://ptj.spb.ru/blog/glazami-robota/?fbclid=IwAR2JquNhHcjN3jkFctcm97Jn_2lB-5Li9Nqq5dbpjCWtW57--xATMVW2DN1c>.
- Seredin, Aleksandr. *Krab v smeshnoy kenke* [Середин, Александр. *Кrab в смешной кенке*] <<https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/285-uchastniki-lyubimovki-2016>>.
- Shvab, Klaus. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Transl. Merkur’yeva, Anna. Moskva: Bombora 2016 [Шваб, Клаус, *Четвертая промышленная революция*. Transl. Меркурьева, Анна. Москва: Бомбора 2016].
- Tester98. *Dark Room* <<https://lubimovka.ru/lyubimovka-god/855-short-list-2021>>.
- Yelkhova, Oksana. “Illyuziya prisutstviya v virtual’nom mire.” *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, t. 20, nr. 4 [Елхова, Оксана. “Иллюзия присутствия в виртуальном мире.” *Вестник Башкирского университета*, 2015, t. 20, no. 4] <<https://cyberleninka.ru/article/n/illyuziya-prisutstviya-v-virtualnom-mire>>.
- Yemets, Olya. *P’yesa v vide “ryby”* [Емец, Оля. *Пьеса в виде “рыбы”*] <<https://lubimovka.ru/blog/584-pesa-v-vide-ryby>>.
- Voronova, Yuliya. *Dnevnik Aleny Chizhuk. A yeshche pochta, ZHZH i feysbuk*. [Воронова, Юлия. *Дневник Алены Чижук. А еще почта, ЖЖ и фейсбук*] <<https://lubimovka.ru/%5C%22lyubimovka-god/383-marked-2017%5C%22>>.
- Vosk, Inga. *Grisha*. [Воск, Инга. *Гриша*] <<https://litteratura.org/dramaturgy/3032-inga-vosk-grisha.html>>.
- Waber, Benjamin. Pentland, Alex. *Augmented Social Reality* <<http://vismod.media.mit.edu//tech-reports/TR-613.pdf>>.
- Zarubina, Natal’ya. “Tendentsii degumanizatsii v tsifrovom obshchestve: k obosnovaniyu gumanisticheskogo podkhoda k tekhnologicheskomu razvitiyu.” *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiyе nauki*, 2021 [Зарубина, Наталья. “Тенденции дегуманизации в цифровом обществе: к обоснованию гуманистического подхода к технологическому развитию.” *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*, 2021].

ПРОБЛЕМА ДЕГУМАНИЗАЦИИ...

Zaslavskiy, Grigoriy. “Bumazhnaya’ dramaturgiya: avangard, ar’yergard ili andegraund sovremennogo teatra?” *Znanya*, 1999, no. 9 [Заславский, Григорий. “Бумажная’ драматургия: авангард, арьергард или андеграунд современного театра?”. *Знамя*, 1999, no. 9] <<https://znamlit.ru/publication.php?id=918>>.

PAULINA CHARKO-KLEKOT

Uniwersytet Śląski w Katowicach

<https://orcid.org/0000-0002-1265-6934>

PIERWIASTEK IRONICZNY W DRAMATURGII OLI MUCHINY

THE IRONIC COMPONENT IN THE DRAMATIC WORKS OF OLGA MUKHINA

This article looks into the presence of irony in the artistic output of Olga Mukhina. This notion is not only a literary device in the playwright's plays, but above all, a way of thinking of the postmodern man. The ironic component and the accompanying categories of carnivalisation and play are used by Mukhina to highlight the impression of the instability of the postmodern world, for instance, through illogical, seemingly incoherent and ironic dialogues of the characters. The following works were analysed: *Tanya-Tanya*, *You and Flying*.

Keywords: Olga Mukhina, contemporary Russian drama, new drama, irony

Ola Muchina (ur. 1970, Moskwa), mimo niewielkiej liczby napisanych sztuk teatralnych, uważana jest za jedną z wybitniejszych postaci w dramaturgii współczesnej Rosji. „В середине девяностых, когда в театре шла только классика, Оля Мухина была первым живым молодым человеком — к тому же девушкой, — чья пьеса появилась на московской сцене” — pisała o niej Jelena Kowalska¹. Paweł Rudniew z kolei nazywa Muchinę pierwszym repertuarowym dramaturgiem teatru postsowieckiego — jedną z niewielu, jeśli nie jedyną osobą, która zdobyła sławę i uznanie zarówno wśród krytyków, jak i widzów². Adaptacja sceniczna jej sztuki *Таня-Таня* (Tania-Tania, 1994) rozemocjonowała rosyjską scenę teatralną lat 90. XX wieku. Utwór wystawił najmodniejszy i najbardziej pożądaný moskiew-

¹ О. Мухина, *Жизнь как фигурное катание*. Беседу вела Елена Ковальская, „Colta”, 2.06.2017, <https://www.colta.ru/articles/theatre/15018-zhizn-kak-figur-noe-katanie> (27.03.2023).

² П. Руднев, *Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950-е–2010-е*, Новое литературное обозрение, Москва 2018, s. 294.

ski teatr tamtych lat — Pracownia Piotra Fomienki (ros. Мастерская Петра Фоменко). Reżyserii podjął się (razem z Andriejem Prichodką) sam Fomienko. Umieszczenie w repertuarze dramatu o problemach teraźniejszości, było niejako wyrazem sprzeciwu wobec dotychczasowej tendencji teatrów repertuarowych do sięgania albo po klasykę, albo po zakazane w czasach sowieckich utwory, które — odkrywane w czasach pieriestrojki — traktowano jako „nowe”, nie zostawiając już miejsca dla rzeczywiście najnowszych utworów. Z pewnością jedną z przyczyn popularności sztuki był fakt, że Muchina skonstruowała czas i przestrzeń tak, by nadać utworowi wrażenie ponadczasowości, sprawiając tym samym, że utożsamiać się z postaciami na scenie mogli zarówno ci, którzy w teatrze szukali aktualnego bohatera, jak i ci, którzy nie mieli ambicji by rozmawiać o współczesności. Rezygnacja z języka i tematów popularnej w okresie pieriestrojkowym czernuchy, również rozbudziła sympatię tych widzów, którzy zmęczeni byli dramaturgią opisującą ludzi z marginesu społecznego³.

Po sukcesie dramatu *Tania-Tania*, autorka napisała sztukę *Ю* (Ju, 1996), a następnie na długi czas zamilkła. W 2004 roku opublikowała *Летум* (Leci), a kolejnym jej utworem dramaturgicznym była napisana na zamówienie Pracowni Piotra Fomienki *Олимпия* (Olimpia, 2013). Jeśli wymienimy jeszcze jej pierwsze (niewydane drukiem) utwory: *Печальные танцы Ксаверия Калудского* (Smutne tańce Ksawerego Kałudskiego) z 1989 roku, *Александр Август* (Aleksander August) z 1991 roku i opublikowaną w czasopiśmie „Современная драматургия” *Любовь Карловны* (Miłość Karłowny, 1994) będzie to spis całego dotychczasowego dorobku dramatopisarki⁴. Zatem, zdecydowanie nie w ilości tkwi siła oddziaływania twórczości Muchiny, ale w jakości — dramaty autorki przyciągają specyficzną atmosferą, „melancholijno-ironiczną intonacją”⁵, którą mam na celu pokrótce scharakteryzować w niniejszym artykule.

Ironia w sztukach Muchiny traktowana jest jako „stały, rozmaicie się kształtujący, element ludzkiej egzystencji”⁶. Jest aktem komu-

³ *Ola Muchina: złoty sen z „komunalki”*, „Dialog” 2001, nr 12, s. 198.

⁴ W 2020 roku została wydana antologia sztuk Muchiny zawierająca pięć jej najważniejszych utworów (*Tania-Tania, Ju, Leci, Olimpia, Miłość Karłowny*). Zob. O. Мухина, *Пять пьес*, ГИТИС, Москва 2020.

⁵ П. Руднев, *Драма памяти...*, s. 293. Zob. również: M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją w najnowszej dramaturgii rosyjskiej*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, Szczecin 2021, s. 42–43.

⁶ M. Głowiński, *Ironia jako akt komunikacyjny*, w: M. Głowiński (red.), *Ironia, słowo/obraz terytoria*, Gdańsk 2002, s. 5.

nikacyjnym nie tylko pomiędzy postaciami ze sztuk, ale też pomiędzy autorką a czytelnikami/widzami. Jak zauważa Beda Allemann, u podstaw ironii leży refleksja — dostrzeżenie różnicy pomiędzy tym, co dosłownie zostało powiedziane czy pokazane, a tym, co naprawdę kryje się w danej wypowiedzi czy sytuacji, wymaga namysłu, a często znajomości kontekstu⁷. Wprowadzając pierwiastek ironiczny do swojej twórczości Muchina rozpoczyna — charakterystyczną dla postmodernizmu — rozmowę z odbiorcą, narzuca pewną aktywność, jaką jest dostrzeżenie drugiego dna jej tekstów powiązanego z mniej lub bardziej znanymi kodami kulturowymi. Ironia w twórczości dramatopisarki to nie tylko chwyt literacki, ale może nawet przede wszystkim sposób myślenia człowieka doby postmodernizmu. Marina Możejko, białoruska badaczka tego prądu filozoficzno-literackiego, w ślad za José Ortęgą y Gassetem, pisze:

[...] очень сомнительно, что современного молодого человека может заинтересовать стихотворение, мазок кисти или звук, которые не несут в себе иронической рефлексии⁸.

Wskazuje w ten sposób na ironiczne myślenie jako ogólną (i niejako podstawową) tendencję ponowoczesnego myślenia. Ironia w postmodernizmie przestaje być pojedynczym zjawiskiem czy chwytem retorycznym, lecz staje się światopoglądem, jednym z głównych atrybutów ponowoczesności⁹ lub nawet, jak konstatuje Fiodor Jemieljanow, stanowi jeden z czynników budujących społeczno-kulturową rzeczywistość¹⁰ tych czasów.

Jedną z głównych cech postmodernizmu jest deformowanie rzeczywistości, gra z mitologiami przeszłości czy ze stereotypami kultury masowej, dlatego ironia staje się rodzajem prowokacyjnego gestu wymierzonego przeciwko ustalonemu sposobowi życia i sposobowi

⁷ B. Alleman, *O ironii jako o kategorii literackiej*, przeł. M. Dramińska-Joczowa, w: M. Głowiński (red.), *Ironia...*, s. 22.

⁸ М. Можейко, *Ирония*, w: А. Грицанов, М. Можейко (red.), *Постмодернизм. Энциклопедия*, Интерпрессервис, Книжный Дом, Минск 2001, <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/ironia.html> (17.02.2023).

⁹ Zob. О. Коновалова, *Ирония как атрибут культуры эпохи постмодерна: Философский анализ*, <https://www.dissercat.com/content/ironiya-kak-atribut-kultury-epokhi-postmoderna-filosofskii-analiz> (17.02.2023).

¹⁰ Ф. Емельянов, *Игра и ирония как симулятивная модель постмодерна*, „Современная гелотология” 2015, nr 1, <https://gelotology.paradigma.science/tag/igraizaciya/> (17.02.2023).

myślenia społeczeństwa¹¹. Zdaniem Andrzeja Szahaja ironia jest niezbędnym elementem ponowoczesności, właśnie ze względu na to połączenie z motywem „ogrywania” mitów czy konwencji, jest pewnego rodzaju filtrem „przez który patrzy się na przeszłość i tradycję”¹². Filozof pisze:

Utraciwszy niewinność tego, co czynione po raz pierwszy, sztuka ta [tj. postmodernistyczna — P.Ch-K.] pozwala sobie na jawne cytaty z dzieł przeszłości, aby wdać się w wyrafinowaną grę z własną tradycją¹³.

Wykorzystanie gry jako kategorii estetycznej i wyznacznika poetyki, ułatwiającej literaturze postmodernistycznej m.in. przewyciężenie niemożności tworzenia nowych oryginalnych dzieł¹⁴, jest tendencją nieobcą również rosyjskiej tradycji literackiej drugiej połowy XX wieku. Zarówno ironia, jak i towarzyszące jej pojęcie gry są obecne w twórczości prozatorskiej i dramaturgicznej rosyjskich autorów — często jak konstatuje Wanda Supa, służą one do zobrazowania „relacji między sposobami myślenia a zmieniającą się rzeczywistością”¹⁵. Obecność postmodernistycznej gry i ironii można zauważyć u takich autorów jak Wiktor Pielewin, Wieniedikt Jerofiejew, Ludmiła Pietruszewska, Nikołaj Kolada, Oleg Bogajew, Iwan Wyrpajew, Nina Sadur czy Ola Muchina, której twórczość stanowi przedmiot niniejszej refleksji¹⁶.

¹¹ Zob. В. Пигулевский, *Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму*, Фолиант, Ростов-на-Дону 2002, http://www.urgi.info/urginfofiles/sites/pigulevsky-ironiya/04_paragraf_4-2.htm (27.03.2023).

¹² A. Szahaj, *Co to jest postmodernizm*, „Ethos” 1996, nr 33–34, s. 70.

¹³ Tamże, s. 71.

¹⁴ L. Mięśowska, *Gra-nie w postmodernizm. Dramaturgia rosyjska na przełomie XX i XXI wieku*, Oficyna Wydawnicza, Katowice 2007, s. 26.

¹⁵ W. Supa, *Ironia i jej funkcje w rosyjskiej ‘prozie kobiet’*, w: E. Sadzińska, A. Szymańska (red.), *Świat wartości w literaturze*, Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, Łódź 2009, s. 220.

¹⁶ Na temat tendencji postmodernistycznych w literaturze rosyjskiej zob. И. Скоропанова, *Русская постмодернистская литература*, Флинта, Наука, Москва 2001; М. Липовецкий, *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)*, Урал. гос. пед. ун-т., Екатеринбург 1997; Н. Лихина, *Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм. Учебное пособие*, Калининградский университет, Калининград 1997. Tendencje postmodernistyczne w dramaturgii rosyjskiej badali np. М. Громова, *Русская драматургия конца XX–начала XXI века*, Флинта, Москва 2009; М. Липовецкий, Б. Боймерс, *Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы»*, НЛЮ, Москва 2012; L. Mięśowska, *Gra-nie w postmodernizm...*; М. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją... Oczywiście ta lista nie*

W twórczości Muchiny ironia jako specyficzna forma gry z tradycją ujawnia się już na płaszczyźnie budowy fabuły i konstrukcji postaci. Jej sztuki pełne są bardziej lub mniej czytelnych odniesień do literatury i kultury, wśród których jednym z lepiej widocznych są nawiązania do Czechowa¹⁷, przy czym nie są one wykorzystywane do pogłębionej refleksji o kryzysie duchowym społeczeństwa rosyjskiego jak Czechowowski intertekst w dramaturgii lat 80. XX wieku, ale są częścią gry literackiej¹⁸. Elementy poetyki autora *Mewy*, wykorzystane przez dramatopisarkę to przede wszystkim nastrojowość (Maciej Pieczyński nazywa sztuki dramatopisarki „dramatami nastroju”¹⁹) i komunikacyjny chaos. To w takich utworach jak *Wiśniowy sad* czy *Trzy siostry* czytelnicy po raz pierwszy mogli się zetknąć z dialogami, w których repliki są ze sobą nisko powiązane i podobny zabieg mogą zaobserwować w *Tani-Tani*, *Ju* albo *Leci*. Komunikacja interpersonalna pomiędzy postaciami dramatów Muchiny zawodzi — bohaterowie pogrążają się w masie zdawkowych i przypadkowych słów. Ich dyskusje to nierzadko quasi-dialogi — bardziej przypominają wypowiedziane w tym samym czasie, luźno związane ze słowami współromówców monologi²⁰, co Lidia Mięśowska charakteryzuje w następujący sposób:

Taniec, wino i śpiew wypełniają im życie i prowokują do nazywania stanu, w jakim się w danej chwili znajdują. A zmienność pogody, nastrojów, obiektów miłości powoduje, że rozmowy przez nich prowadzone w ogóle nie przypominają dialogów. Są to raczej zapisywane na żywo przebłyski myśli, jakies „kłaczk” wspomnień wywołanych dźwiękiem, zapachem, gestem²¹.

wyczerpuje wszystkich pozycji i nazwisk badaczy, którzy zajmują się tą tematyką, stanowi jedynie krótki spis podstawowych lektur z tego obszaru.

¹⁷ O związkach intertekstualnych utworów Muchiny (głównie sztuki *Tania-Tania*) z twórczością Czechowa zob. prace Macieja Pieczyńskiego: M. Pieczyński, *Чеховский контекст драмы «Таня-Таня» Оли Мухиной*, „Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica” 2014, nr 7, s. 257–265; M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*

¹⁸ K. Osińska, *Dramaturgia i teatr okresu odwilży i zastoju*, w: A. Drawicz (red.), *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*, PWN, Warszawa 2007, s. 524.

¹⁹ M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*, s. 43.

²⁰ L. Mięśowska, *Gra-nie w postmodernizm...*, s. 152.

²¹ Tamże, s. 157–158. Podobną opinię można znaleźć u Walerii Makarowej, która pisze „[...] реплики цепляются одна за другую, едва скрепляясь возникшими в сознании говорящих ассоциациями”. В. Макарова, *Чеховский интертекст в современной российской драматургии (1980–2010 гг.)*, autoreferat dysertacji, <https://www.dissercat.com/content/chekhovskii-intertekst-v-sovremennoi-rossiiskoi-dramaturgii> (27.03.2023).

Choć *dramatis personae* Muchinowskich utworów zdają się pełne uczuć i emocji, to jednak składane przez nie płomienne deklaracje najczęściej pozostają jedynie deklaracjami, przez co, jak zauważa Pieczyński, poetyka tych sztuk wpisuje się w teorię „milczącego słowa” Michaiła Epsztejna: słowo u Muchiny, podobnie jak u Czechowa, „staje się fikcją, którego jedyną funkcją jest ‘nic nie znaczyć’, ale przy tym ‘brzmieć, akustycznie imitując akt mowy’”²². Ironiczne dialogi Muchiny odsłaniają szczeliny między elementami znaczącymi a znaczonymi²³, ale rozdźwięk można dostrzec także pomiędzy słowem a czynem: np. wzburzony zdradą żony Iwanow (bohater sztuki *Tania-Tania*), idzie do swojego konkurenta, całym sobą pokazując wściekłość i chęć rewanzu, jednak stając oko w oko z Ochłobystinem, zaczyna mówić o pogodzie i zaprasza go do siebie. Ta niezborność zdaje się sugerować pewną nierealność odczuć bohaterów i samych bohaterów, wskazuje na ich symulakryczność²⁴, co wpisuje te postacie w ironiczną strategię postmodernizmu, opartą w znacznym stopniu na imitowaniu, naśladowaniu, przybieraniu masek. Pigulewski, który ironię postmodernistyczną nazywa radykalną i podającą wszystko w wątpliwość, podkreśla, że jednocześnie — na wzór rzeczywistości postmodernistycznej — odznacza się ona iluzyjnością, nieokreślonością, immanentnością, kontekstualnością i karnawalizacją. Badacz, opierając się na koncepcji Ihaba Hassana, konstatuje:

Для иронической игры характерно выражение сложного, полифонического, случайного состояния мира, в котором смех выступает как внутреннее качество беспорядка жизни²⁵.

Dramatopisarka oddaje tę umowność i bezład postmodernistycznego świata z jednej strony poprzez postaci-symulakry, a z drugiej poprzez uczłowieczenie przedmiotów czy zjawisk (np. śmiejące się

²² M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*, s. 58.

²³ Zob. Ф.Г. Емельянов, *Игра и ирония как симулятивная модель пост-модерна...*

²⁴ Maciej Pieczyński, charakteryzując postaci z utworu *Tania-Tania*, nazywa ich właśnie „symulakrami”, a Lidia Mięśowska, omawiając bohaterów ze sztuki *Miłość Karłowny*, pisze: „Zatem na każdym kroku wyczuwalny jest tutaj brak psychologicznego aspektu egzystencji postaci — nic nie wskazuje na ich życiową ‘prawdziwość’, są one odsubstancjalizowane, realizują się jedynie w słowie, w pełni zastępując ludzi/osoby z dramaturgii realistycznej, imitujące według praw iluzji rzeczywistych ludzi”. Zob. M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*, s. 62; L. Mięśowska, *Gra-nie w postmodernizm...*, s. 138.

²⁵ В. Пигулевский, *Ирония и вымысел...*

gałązki brzoskwiń czy zdziwione upadkiem kwiaty z *Tani-Tani*). Muchina konstruuje swoich protagonistów na podobieństwo (de)formowania się współczesnej rzeczywistości: ich osobowości są fragmentaryczne, postrzępione, urywane, pełne skrajnych emocji, co przekłada się na sposób i treść ich wypowiedzi czy na ich zachowania²⁶.

Badając postmodernistyczne sposoby grania z rzeczywistością, Mięowska zauważa, że większość przewijających się przez karty współczesnych utworów dramaturgicznych postaci łączy „[...] jedna zasadnicza cecha osobowościowo-mentalna, jaką jest postawa błazeńska w stosunkach międzyludzkich”²⁷. Muchina przedstawia znany od wieków model błazna w zmodyfikowanej wobec tradycji, ale jednocześnie charakterystycznej dla innych twórców z przełomu XX i XXI wieku, wersji — rezygnuje z akcji oraz działania na rzecz niekończących się dysput, pozornej wymiany myśli i słów. Jak dowodzi Mięowska, miejsce zdarzeniowości:

[...] zajmuje słowo pozbawione dramaturgicznej mocy posuwania akcji do przodu. Słowo, które zawładnęło współczesnym człowiekiem, ubezwłasnowolniło go, sprawiło, że [...] nie jest on w stanie kochać, chce za to jedynie mówić o miłości, nie umie być szczęśliwy, acz potrafi o tym szczęściu nieskończenie rozprawiać. I co najważniejsze, właściwie nigdy nie robi tego wprost, zwykle przywdziewa maskę, coś lub kogoś udaje, odgrywa jakieś role, by ukryć w zakamarkach słów to, co w istocie chce przekazać²⁸.

W twórczości Muchiny postawa błazeńska wyraźnie łączy się z karnawalizacją zachowań — bohaterowie jej sztuk trwają w „nastroju wiecznego święta”²⁹. Dmitrij ze sztuki *Ju* wykrzykuje na przykład:

Я хожу по улицам и ничего не могу с собой поделать — смеюсь! Я люблю этих людей, которые идут мне навстречу, представляете? Я их как-то физически люблю! Хочется целоваться со всеми, хочется подарить им что-нибудь, сделать приятное!³⁰

Atmosferę beztroski potęgują bajkowe okoliczności przyrody — Bibiriewo, w którym dzieje się akcja *Tani-Tani*, czy Moskwa, w której żyją bohaterowie *Ju*, opisywane są jako raj na ziemi. Autorka wykorzystuje topos sadu, przywołując tym samym nie tylko Czechowowski

²⁶ Więcej na ten temat zob. L. Mięowska, *Gra-nie w postmodernizm...*, s. 143–168.

²⁷ Tamże, s. 145.

²⁸ Tamże, s. 152.

²⁹ Tamże, s. 156.

³⁰ О. Мухина, *Ю*, <https://www.theatre.ru/drama/muhina/u11.html> (08.03.2023).

intertekst, ale opierając się na zakorzenione w różnych kulturach (czy to chrześcijańskich, czy muzułmańskich) obrazy sadu jako Edenu — miejsca, w którym człowiek i przyroda trwają w idealnej harmonii³¹. W bibiriewskim sadzie zawsze jest piękna pogoda, a kobiety zawsze się śmieją. W Moskwie na ulicy pachnie deszczem, chlebem i solą, śpiewają Meksykanie, kwitną bzy, niczego nie brakuje, a nad tym wszystkim świeci ogromne słońce. Wrażeniu utopii sprzyja nie tylko konstrukcja przestrzeni, ale także organizacja czasu: akcja sztuk zmienia się, jest chaotyczna, wydarzenia to rozgrywają się chronologicznie, to, w kolejnej scenie, toczą się paralelnie. Muchina, ponownie czerpiąc z poetyk postmodernistycznych, buduje swoje utwory z oddzielnych obrazów: następujące po sobie akty odkrywają nowe oblicza bohaterów, ukazują ich w innych sytuacjach, mieszają czasy, perspektywy, uczucia.

Taka konstrukcja świata przedstawionego uwypukla w tekstach pisarki kolejny wyróżnik ponowoczesności — zagubienie człowieka, który wobec szybko zmieniającej się rzeczywistości odizolowuje się od trudnej codzienności i ucieka w pustkę, niebyt przyobleczone w nieokiełznaną karnawałową wolność. Karnawał rządzi się swoimi prawami, jest niejako poza czasem i ten specyficzny „bezczas” widać w organizacji utworów dramatopisarki. Jak zaznaczyłam wcześniej, bohaterowie *Tani-Tani* i *Ju* znajdują się w temporalnej pustce — nie ma w tekście bezpośrednich sugestii pozwalających dokładnie określić czas akcji, ale pojawiające się na kartach sztuk nawiązania do Moskwy (i Rosji) sprzed lat wskazują na wykorzystany przez autorkę jeszcze jeden tradycyjny w literaturze rosyjskiej motyw — tęsknoty za przeszłością. Przy czym u Muchiny to nie bohaterowie werbalizują chęć powrotu do przeszłości (jak np. czynili to bohaterowie Czechowa), ale motyw ten jest markowany przez wykorzystanie elementów kompozycyjnych nasuwających skojarzenia z przeszłością, głównie z beztroską atmosferą szlacheckiego gniazda. Sami protagoniści sztuk Muchiny są na tyle pogrążeni w świecie własnych emocji i pochłonięci upajaniem się nimi (głównie miłością lub rozpaczą), że nie

³¹ Zob. Д. Лихачев, *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст*, Согласие, ОАО Типография „Новости”, Москва 1998, s. 11. O motywie sadu i występującego często obok toposu domu we współczesnej dramaturgii rosyjskiej zob. np. О. Багдасарян, *Сад/парк как 'театр памяти' в драматургии Павла Пряжко (Сад Афродиты Дубовик, Урожай, Парки и сады)*, „Przeгляд Rusycystyczny” 2015, nr 1, s. 51–63; С. Гончарова-Грабовская, *Топос дома в пространственно-временном континууме русской драматургии XX века*, „Przeгляд Rusycystyczny” 2015, nr 1, s. 23–41.

zwracają uwagi na rzeczywistość wokół siebie³². Emocje są dla bohaterów nadrzędną wartością, a miłość tematem przewodnim twórczości dramatopisarki³³, przy czym najczęściej portretowane są dość skomplikowane relacje międzyludzkie, czego przykładem może być taka charakterystyka bohaterów *Leci*:

Маньякину нравится Снежанна, у Снежанны кругом романы, она просто дружит с Маньякиным, Вьюга слегка влюблен в Апельсину, каждое его слово обращено к ней, она делает вид, что не замечает этого, ей нравится Метель, он сразу всем девушкам нравится, но может быть только потому, что он «новенький», им хочется его покорить, у Леночки муж, он поставил ей сияк под глазом, ей тоже нравится Метель, но она смущена тем, что с сияком не так красива, как могла бы быть³⁴.

Miłosne perypetie i zmieniające się uczuciowe konstelacje Muchinowskich *dramatis personae*, dla których ważniejszy zdaje się sam stan ciągłego zakochania niż osoby obdarzane uczuciem, zbliża ich do Baumanowskiej koncepcji *homo eligens* — „człowieka wybierającego (ale nie człowieka, który wybrał)”, którego wyróżnikiem jest „trwale nietrwale ‘ja’, w pełni niespełnione, ostatecznie nieostateczne i autentycznie nieautentyczne”³⁵. Rzeczywistość społeczna doby ponowoczesności znacząco wymusza budowanie osobistej tożsamości poprzez nieustanne kreowanie własnego obrazu, jak pisze Agata Łuksza „w społeczeństwie konsumpcyjnym sukces w życiu zawodowym i prywatnym zależy od tego, czy wiemy jak się sprzedać, czy wystarczająco atrakcyjnie zaprezentujemy się na rządzącym się zasadą konkurencyjności ‘rynku osobowości’”³⁶. Błędne koło nieustannie podsycanego

³² Zob. П. Руднев, *Драма памяти ...*, s. 295.

³³ Ola Muchina, opowiadając o teatrze lat 90., mówiła: „В этой пьесе всего лишь одна идея. Еще ребенком я пошла в кинотеатр смотреть «Унесенных ветром». Его рекламировали как самый великий фильм о любви. Я вышла потрясенная: Ретт Батлер не любит Скарлетт, он куда-то все время исчезает, идет война. Я не увидела никакой любви. И тогда решила: а вот я напишу только о любви! Смешно, что мне тогда казалось, что то, что происходит в «Тане-Тане», и есть любовь. Сейчас я бы максимум назвала это блюдом: муж заводит любовницу, и она, наивная, думает о том, что ее любят”. Zob. А. Фоломеева, „Общий уровень тусовки был выше, чем сегодня”. *Ольга Мухина, Максим Исаев и другие — о российском театре 90-х*, 13.07.2020, <https://teatralium.com/interviews/devyanostye/> (17.02.2023).

³⁴ О. Мухина, *Летун*, <https://www.theatre.ru/muhina/> (17.02.2023).

³⁵ Cyt. za: А. Łuksza, *Glamour, kobiecość, widowisko. Aktorka jako obiekt pożądania*, Instytut Teatralny im. Zbigniewa Raszewskiego, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, Warszawa 2026, s. 95.

³⁶ Tamże.

pragnienia zaspokajania coraz to nowych potrzeb Muchina pokazuje w sztuce *Leci*. W przeciwieństwie do sztuk *Ju i Tania-Tania*, bohaterowie tego utworu nie tkwią w „bezczasie”, ale zostają osadzeni w konkretnej rzeczywistości — w świecie „техногенного, компьютерного, рэйвового XXI века”³⁷. Pęd ich życia zostaje podkreślony przez dobór wykonywanych przez nich zawodów — są to odnoszący sukcesy ludzie „modnych” profesji: DJ-e, gwiazdy telewizji, projektanci³⁸. Duża epoki oddają nie tylko realia branżowe i zachowania bohaterów, ale i pełen anglicyzmów język, który jest dokładnym zapisem języka ulicy — Muchina napisała *Leci* w technice verbatim³⁹, polegającej na tym, że tekst sztuki w całości oparty zostaje na wypowiedziach realnych osób. W adnotacjach autorka wyjaśnia:

Этот текст сделан по принципу ‘Verbatim’, то есть он совсем документальный. Составленный из пятнадцати интервью, как из сэмплов. Ни одной фразы от себя, м. б. только ремарки, что-то объясняющие⁴⁰.

W ten sposób obraz rzeczywistości, jaki wylania się z kart dramatu, jest taki, jakim go widzą rozmówcy Muchiny. Pieczyński zwraca uwagę, że sztuki pisane w technice verbatim są „[...] wiernym zapisem, ale nie realnych wydarzeń, o których opowiadają ich realni uczestnicy, tylko ich języka”⁴¹, nie przedstawiają świata, ale — jak konstatuje dalej badacz — „[...] cytują język jego bohaterów, czyli tekst ich życia”⁴², tym samym wpisują się w „tekstowy świat” postmodernizmu. A język protagonistów sztuki *Leci* to w dużym stopniu ta sama „jarmarczna,

³⁷ П. Руднев, *Драма памяти...*, s. 301.

³⁸ W 2003 roku, czyli rok przed napisaniem przez Muchinę sztuki *Leci*, w Teatrze.doc, swoistej „ojczyźnie” dramatu dokumentalnego i techniki verbatim w Rosji, na podobny temat i w takiej samej technice powstała sztuka *Большая жарчка* Aleksandra Wartanowa i Rusłana Malikowa, która zszokowała ówczesną publiczność, ale również okazała się dość dużym sukcesem. Zob. *Большая жарчка. 20 лет спектаклю*, <https://teatrdoc.ru/performances/1147/> (20.03.2023).

³⁹ O Teatrze.doc i technice verbatim pisałam już wcześniej: P. Charko-Klebot, *Technika VERBATIM — przyszłość dramatu dokumentalnego? Jelena Isajewa i jej teatr non-fiction*, w: A. Baczewska-Murdek, W. Biegłuk-Leś, E. Pańkowska (red.), *Estetyczne modele literatury rosyjskiej*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2018, s. 181–194; P. Charko-Klebot, *Teatr.doc i dramaty dokumentalny — nowe drogi wolności artystycznej (rys historyczny)*, w: L. Mięśowska, P. Charko-Klebot, A. Tyka (red.), *Maski wolności w dramacie i teatrze XX i XXI wieku*, „Śląsk”, Katowice 2019, s. 325–345.

⁴⁰ О. Мухина, *Летум...*

⁴¹ М. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*, s. 21.

⁴² Tamże.

blazeńska mowa postaci⁴³, jaką czytelnicy znają z poprzednich utworów Muchiny. Atmosfera nieustającego karnawału podszyta jest poczuciem nie do końca sprecyzowanego zagrożenia. Za maską dobrej zabawy bohaterowie próbują ukryć trawiące ich niejasne napięcie i strach. Bohaterowie *Leci* podobnie jak *Ju* czy *Tani-Tani* wkładają wiele starań w to, by odciąć się od nieprzyjemnej rzeczywistości, choć zamiast rajskiej daczy w Bibiriewie, kryją się w nocnych klubach i dyskotekach. Mniej w nich również wesołości, śmiechu i tańca, które przepełniały karty wcześniejszych utworów Muchiny, za to więcej rozpaczy i pustych rozważań, jednak nadal są to ludzie, którzy boją się stanąć ze światem twarzą w twarz:

Это суицидальная атмосфера, когда между восторженностью и депрессией нет никакого внутреннего различия; когда бурный образ жизни не противоречит глубочайшему сплину; когда трагическая опустошенность скрывается за детской наружностью, в которой больше бегства от мира, чем реального незнания жизни⁴⁴.

Mimo przybierania pozy egzystencjalnej beztroski protagonistom sztuk Muchiny dość trudno odnaleźć się w tym „świecie na opak”⁴⁵ — pełnymi frazesów wypowiedziami próbują przekonać siebie nawzajem, że życie to wieczne święto, jednak pozorna sielanka bardziej przypomina szaleństwo końca świata niż idyllę raj. Bohaterowie stale znajdują się w ruchu, nieustannie poszukują najkorzystniejszej opcji, czy to w życiu prywatnym, czy zawodowym: „Чтобы избавиться от одного мужчины, они находят третьего, уходят к нему, а потом уходят от него [...] до лучшего варианта” — mówi Wjuga (ros. Вьюга, „zamieć”), jedna z postaci utworu, i dodaje: „[...] жизнь вообще создана для того, чтобы получать максимум удовольствия. Комфорт — фетиш двадцать первого века”⁴⁶. Rogoń za wygodnym życiem, traktowanym głównie w kategoriach sukcesów materialnych, nie jest jednak w stanie pokonać poczucia jałowości duchowej:

МЕТЕЛЬ

Смотри, у меня все есть. Я всего достиг, всего, чего хотел. [...] Видишь мои глаза? Что в них? Есть в них хотя бы грусть?

АПЕЛЬСИНА

⁴³ L. Mięowska, *Gra-nie w postmodernizm...*, s. 156.

⁴⁴ П. Руднев, *Драма памяти...*, s. 301.

⁴⁵ L. Mięowska, *Gra-nie w postmodernizm...*, s. 160.

⁴⁶ О. Мухина, *Летум...*

PIERWIASTEK IRONICZNY...

Нет, нет в них грусти
МЕТЕЛЬ
А страх?
АПЕЛЬСИНА
Нет, нет в них страха
МЕТЕЛЬ
А любовь?
АПЕЛЬСИНА
Нет [...] **Да нет там ничего**⁴⁷.

Jean Baudrillard pisał, że cechująca współczesną cywilizację nieumiarkowana konsumpcja (obecna na wszelkich płaszczyznach ludzkiej egzystencji) nie przynosi oczekiwanego spokoju i zadowolenia, ponieważ „[...] ucieczka od jednego znaczącego do drugiego jest jedynie powierzchowną rzeczywistością pragnienia, które pozostaje niezaspokojone, gdyż opiera się na braku [...]”⁴⁸. Późnokapitalistyczne społeczeństwo uznało za priorytet kategorię przyjemności, uprzedmiotawiając ciało i je kontrolując — szczęście i zadowolenie stały się powinnością każdego obywatela: „[...] człowiek-konsument uznaje rozkosz za swój obowiązek, a siebie samego za przedsiębiorstwo rozkoszy i zaspokojenia”⁴⁹. W takim podejściu ciało nie tylko konsumuje, ale i jest konsumowane, przy czym realizując płynące z mediów nawoływania do odkrycia swojego prawdziwego „ja”, człowiek sięga po narzucane przez te media modele „bycia sobą” i w efekcie „[b]ycie sobą oznacza w gruncie rzeczy bycie kopią[...]”⁵⁰. Rzekoma prawdziwość ludzi odnoszących sukcesy jest fałszem i iluzją, z czego — z biegiem sztuki — zdają sobie sprawę Muchinowscy bohaterowie. Zachwycają się spotkaną w kawiarni kelnerką, osobą spoza branży telewizyjnej, z którą są związani, właśnie z powodu naturalności dziewczyny: „[...] она естественна, искренна и фотогенична”⁵¹ — mówią o niej. Nieustannie towarzyszące bohaterom przekonanie o niemożliwości osiągnięcia pełni szczęścia i wewnętrznego spokoju, skłania ich do refleksji nad fasadowością wiedzionego życia. Ten sam Wjuga, który początkowo z przekonaniem mówił o słuszności hedonizmu, pod koniec utworu dzieli się następującą refleksją:

⁴⁷ Tamże [podkreślenie moje — P. Ch-K.].

⁴⁸ J. Baudrillard, *Spółczesność konsumpcyjna. Jego mity i struktury*, przeł. S. Królak, Wydawnictwo Sic!, Warszawa 2006, s. 88–89.

⁴⁹ Tamże, s. 92.

⁵⁰ A. Łuksza, *Glamour, kobiecość, widowisko...*, s. 98.

⁵¹ O. Мухина, *Летум...*

[...] я любил только свое тело и не догадывался в том, что любовь в это время пролетала мимо, нам доставались лишь временные телесные наслаждения, ошибочно называемые всеми нами точно таким же словом⁵².

Koncept ciała (zarówno męskiego, jak i kobiecego) jako obiektu pożądania i przedmiotu konsumpcji jest charakterystyczny dla kategorii *glamour*⁵³, z którą Muchina również prowadzi grę. Jej bohaterowie to celebryci i ludzie z show-biznesu, a jedną ze swych bohaterek pisarka wprost nazywa glamourową pięknoscią („Апельсина/ рыжеволосая, гламурная красавица,/ дизайнер”⁵⁴). Pojęcie *glamour*, jak stwierdza Agata Łuksza „[...] wiąże się ze sztucznością — co więcej, ze sztucznością, która zamiast być skrywana, jest eksponowana poprzez konstytuujące *glamour* rozmach, nadmiar i eksces”⁵⁵. Już samo założenie *glamour*, opierające się na koncepcji piękna osiąganego „za pomocą maskarady”⁵⁶, bliskie jest istocie karnawału, zaś Muchina zabiegom karnawalizacji poddaje również samą estetykę *glamour*. Z dużą dozą parodii, błazenady i ośmieszenia Muchina portretuje glamourowy porządek świata. Redaguje i wizualizuje dramat w duchu kolorowego magazynu (ros. глянцевого журнал), podkreślając dążenia współczesnego człowieka do posiadania życia jak z żurnala, jednocześnie obdarzając swoich bohaterów i sytuacje z ich codzienności ironicznym komentarzem.

Charakterystyczna dla postmodernistycznej dramaturgii rosyjskiej tekstocentryczność rozszerzona zostaje w twórczości Muchiny o takie teksty kultury jak zdjęcia, rysunki czy odręczne napisy (będą-

⁵² Tamże.

⁵³ Termin *glamour* charakteryzuje się wieloznacznością. Jak pisze Maria Poprzęcka „*glamour* nie istnieje sam w sobie – ani jako styl, ani przymioty określonej osoby, ani nawet wartość estetyczna. Jego trudno uchwytnie właściwości są zaledwie impulsem wywołującym uczuciowy rezonans. To ów rezonans, owo doznanie tworzy glam. *Glamour* polega na oddziaływaniu, jest pochodną interakcji, subiektywnych odczuć” [...]. *Glamour* podobnie jak mit czy legenda obiecuje nie tyle doświadczenie ideału, ile ewokuje inną rzeczywistość; poprzez obietnicę metamorfozy umożliwia ucieczkę od pospolitości. Jest podniecią dla marzeń. I jak piękne baśnie jest kreowany po to, by uwodzić, pociągać, kusić, urzekać, ale też i koić”. Zob. M. Poprzęcka, *Glamour – uwodzi, kusi, urzeka, koi*, „Książki” 2014, nr 1 (12), s. 34–35. O różnych znaczeniach pojęcia zobacz np. A. Kisielewska, M. Kostaszuk-Romanowska, A. Strawińska (red.), *Glamour – magia czy mistyfikacja? Dawny urok w nowym wymiarze*, Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, Białystok 2016.

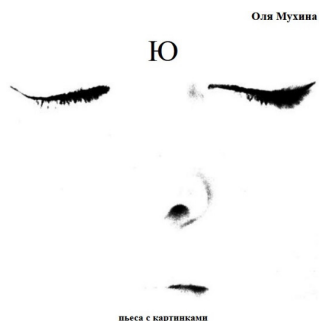
⁵⁴ O. Мухина, *Летум...*

⁵⁵ A. Łuksza, *Glamour, kobiecość, widowisko ...*, s. 88–89.

⁵⁶ Tamże, s. 90.

PIERWIASTEK IRONICZNY...

ce cytataми z jej utworów). Tekstem dla dramatopisarki jest nie tylko słowo pisane, ale również obraz. Sama autorka nazywa swoją twórczość „пьесы с картинками” (taki podtytuł nosi sztuka *Ju*):

Rys. 1. Strona tytułowa sztuki *Ju*.

Źródło: <https://www.theatre.ru/drama/muhina/u.html>

Rys. 2. Strona tytułowa sztuki *Leci*. Źródło: <https://www.theatre.ru/muhina/>

Widoczne w dramaturgii postmodernizmu ciążenie ku literackości tekstu dramatycznego najczęściej polegające na zacieraniu granic między tekstem głównym a didaskaliami Muchina wzbogaca o płaszczyzną wizualną⁵⁷. Wykorzystane obrazy stanowią część autorskich wskazówek i nierzadko ironiczne omówienie zachowania bohaterów czy sytuacji, w których się znajdują:

⁵⁷ O tekstocentryczności współczesnego dramatu rosyjskiego, zob. M. Pieczyński, *Modele dialogu z tradycją...*, s. 7–34.

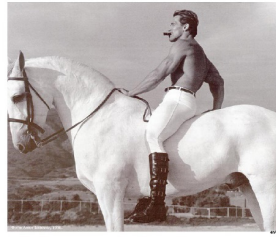
Мухина брала фотографии в основном из журналов 1960–1970-х годов и сопоставляла их с текстом пьесы и надписями от руки, как бы «тегами» сцен. Картинки — это приложение к ремарке, элементы саморежиссуры, так как визуальные образы организуют фантазию читающего, а надписи — как в журналах — выделяют основные мысли⁵⁸.

Созревание Охлобистина

Rysunek 3. Fragment utworu *Tania-Tania*. Źródło: О. Мухина, *Таня-Таня*, w: К. Матвиенко, Е. Ковальская (red.), *Новая драма [пьесы и статьи]*, Сеанс, Амфора, Санкт Петербург 2008, s. 348.

И В ДВАДЦАТЬ,
И В ТРИДЦАТЬ
И В ШЕСТЬДЕСЯТ
ПРИНЦ НА БЕЛОМ КОНЕ
И СВАДЬБА С ФЛЕРДОРАНЖЕМ
ТРЕВОЖАТ ЖЕНСКОЕ
ВООБРАЖЕНИЕ

Rysunek 4. Fragment utworu *Leci*. Źródło: <https://www.theatre.ru/muhina/>

Dramatopisarka nie tylko wchodzi w swoich dramatach w relacje z innymi tekstami literackimi i tekstami kultury, ale również buduje

⁵⁸ П. Руднев, *Драма памяти...*, s. 295. Przez długi czas żadna z dramatopisarek i żaden z dramaturgów nie kontynuowali zapoczątkowanej przez Muchinę tradycji sztuk z obrazkami — były one więc charakterystyczne wyłącznie dla jej twórczości, jednak w ostatnich latach festiwal dramaturgiczny „Lubimowka” posiada specjalną sekcję „fringe”, w której prezentowane utwory znajdują się na pograniczu różnych sztuk i można spotkać utwory, które posiadają warstwę wizualną, np. dramat Poliny Korotycz *Я дома* składa się wyłącznie ze zdjęć i filmików, które autorka robiła ze swojego okna i umieszczała na Instagramie (<https://drive.google.com/drive/folders/1l5woEJgei5nhjIUsmIubgjWCXoegQa1E>).

sieć nawiązań między poszczególnymi fragmentami własnych utworów. Podejmuje dialog niejako sama ze sobą: tworząc tekst, jednocześnie opatruje go komentarzem, podważa pierwotne znaczenie napisanego, tworząc nowe struktury semantyczne. Takie praktyki mnożenia znaczeń i sensów są bliskie dekonstrukcji, której ironia jest jednym ze składników. Jak zauważa Pigulewski „[...] структура текста существует до всякого субъекта как игра против смысла. И двигатель этой игры — ирония. Ирония — это и есть игра со смыслом и против смысла”⁵⁹. Zarówno przy rozszerzaniu lub przemieszczaniu znaczeń w procesie interpretacji, jak i w czasie rozpraszania tychże znaczeń w procesie dekonstrukcji punktem wyjścia jest zrozumienie, że poza danym tekstem, danym horyzontem rozumienia pozostaje coś, co wymaga pewnego zdystansowania, postawy krytycznej lub ironii⁶⁰.

W twórczości Muchiny, ironia, razem z takimi kategoriami jak karnewalizacja czy gra, zdaje się środkiem, który pozwala zneutralizować nieprzystawalność norm do rzeczywistości, ideałów do doświadczenia, tradycji do aktualności. Pierwiastek ironiczny obecny w sztukach dramatopisarki w dużej mierze opiera się na kontraście między tym, co wydaje się bohaterom rzeczywistością, a tym, czym owa rzeczywistość jest w swojej istocie. Nastrój święta, zabawy, tańca, który wypełnia codzienne życie Muchinowskich bohaterów jest specyfiką postmodernistycznego ironicznego sposobu życia, jak konstatuje Pigulewski: „[к]арнавальный понимается [...] как празднично-смеховая стихия с ее радостным видением мира и фамильярным языком”⁶¹. Pod maską wiecznej zabawy, bohaterowie skrywają rezerwę i podejrzliwość wobec otaczającego świata. Ironia u Muchiny

[...] ujawnia się w dziele poprzez programowy dystans autora do jego kreacji, plątanie wątków i postaci w celu obnażenia powikłań świata, wykorzystanie niepowagi i komizmu w celu deziluzji świata przedstawionego⁶².

W powtarzanych niczym mantra przez bohaterów *Tani-Tani* słowach, o tym jak dobrze żyć na świecie („Хорошая жизнь! [...] Хорошо сидим. [...] Живем хорошо”⁶³) pobrzmiewają fałszywe nuty. Drama-

⁵⁹ В. Пигулевский, *Ирония и вымысел...*

⁶⁰ Tamże.

⁶¹ Tamże.

⁶² W. Szturc, *Ironia romantyczna*, PWN, Warszawa 1992, s. 74–75.

⁶³ О. Мухина, *Таня-Таня*, w: К. Матвиенко, Е. Ковальская (red.), *Новая драма [пьесы и статьи]*, Сеанс, Амфора, Санкт Петербург 2008, s. 363.

topisarka uwypukla wrażenie braku stabilizacji ponowoczesnej rzeczywistości — na przełomie wieku XX i XXI nie zostaje już niemal nic, co można przyjąć za pewnik, a zobrazowane zostaje to w utworach między innymi poprzez niespójność między zachowaniem a słowami protagonistów sztuk, a także alogiczne, pozornie nieskładne i ironiczne dialogi.

REFERENCES

- “Ola Muchina: złoty sen z ‘komunalki’.” *Dialog* 2001, no. 12: 198.
- Alleman, Beda. “O ironii jako o kategorii literackiej.” Transl. Dramińska-Joczowa, Maria. *Ironia*. Głowiński, Michał. (Ed.). Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2002: 17–41.
- Bagdasaryan, Ol’ga. “Sad/park kak ‘teatr pamyati’ v dramaturgii Pavla Pryazhko (Sad Afrodyty Dubovik, Urozhay, Parki i sady).” *Przeгляд Rusycystyczny* 2015, no. 1: 51–63 [Багдасарян, Ольга. “Сад/парк как «театр памяти» в драматургии Павла Пряжко (Сад Афродиты Дубовик, Урожай, Парки и сады).” *Przeгляд Rusycystyczny* 2015, no. 1: 51–63].
- Baudrillard, Jean. *Spoleczeństwo konsumpcyjne. Jego mity i struktury*. Transl. Królak, Sławomir. Warszawa: Wydawnictwo Sic!, 2006.
- Boł’shaya zhrachka. 20 let spektaklyu* [Большая жрачка. 20 лет спектаклю] <<https://teatrdoc.ru/performances/1147/>>.
- Charko-Klekot, Paulina. “Teatr.doc i dramat dokumentalny — nowe drogi wolności artystycznej (rys historyczny).” *Maski wolności w dramacie i teatrze XX i XXI wieku*. Mięsovska, Lidia, Charko-Klekot, Paulina, Tyka, Anna. (Eds.). Katowice: Śląsk, 2019: 325–345.
- Charko-Klekot, Paulina. “Technika VERBATIM — przyszłość dramatu dokumentalnego? Jelena Isajewa i jej teatr non-fiction.” *Estetyczne modele literatury rosyjskiej*. Baczewska-Murdzek, Agnieszka, Biegluk-Leś, Weronika, Pańkowska, Ewa. (Eds.). Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2018: 181–194.
- Folomeyeva, Anastasiya, ‘Obshchii uroven’ tusovki byl povyshe, chem segodnya’. *Ol’ga Mukhina, Maksim Isayev i drugiye — o rossiyskom teatre 90-kh*. 13.07.2020. [Фоломеева, Анастасия, ‘Общий уровень тусовки был повыше, чем сегодня’. Ольга Мухина, Максим Исаев и другие — о российском театре 90-х, 13.07.2020] <<https://teatralium.com/interviews/devyanostye/>>.
- Głowiński, Michał. “Ironia jako akt komunikacyjny.” *Ironia*. Głowiński, Michał. (Ed.). Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2002: 5–16.
- Goncharova-Grabovskaya, Svetlana. “Topos doma v prostranstvenno-vremennom kontinuumie russkoy dramaturgii XX veka.” *Przeгляд Rusycystyczny* 2015, no. 1: 23–41 [Гончарова-Грабовская, Светлана. “Топос дома в пространственно-временном континuumie русской драматургии XX века.” *Przeгляд Rusycystyczny* 2015, no. 1: 23–41].
- Gromova, Margarita. *Russkaya dramaturgiya kontsa XX–nachala XXI veka*. Moskva: Flinta, 2009 [Громова, Маргарита. *Русская драматургия конца XX–начала XXI века*. Москва: Флинта, 2009].
- Kisielewska, Alicja, Kostaszuk-Romanowska, Monika, Strawieńska, Anetta. (Eds.). *Glamour — magia czy mistyfikacja? Dawny urok w nowym wymiarze*, Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2016.

- Konovalova, Oksana. *Ironiya kak atribut kul'tury epokhi postmoderna: Filosofskiy analiz*. autoreferat dysertacji [Коновалова, Оксана. *Ирония как атрибут культуры эпохи постмодерна: Философский анализ*. autoreferat dysertacji] <<https://www.dissercat.com/content/ironiya-kak-atribut-kulturny-epokhi-postmoderna-filosofskii-analiz>>.
- Korotych, Polina. *Ya doma* [Коротыч, Полина. *Я дома*] <<https://drive.google.com/drive/folders/1l5woEJgei5nhjIUsmIubgjWCXoegQa1E>>.
- Likhachev, Dmitriy. *Poeziya sadov. K semantike sadovo-parkovykh stiley. Sad kak tekst*. Moskva: Soglasie, ОАО Типография 'Novosti', 1998 [Лихачев, Дмитрий. *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст*. Москва: Согласие, ОАО Типография «Новости», 1998].
- Likhina, Natal'ya. *Aktual'nyye problemy sovremennoy russkoy literatury: Postmodernizm. Uchebnoye posobiye*. Kaliningrad: Kaliningradskiy universitet, 1997 [Лихина, Наталья. *Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм. Учебное пособие*. Калининград: Калининградский университет, 1997].
- Lipovetskiy, Mark, Boymers, Birgit. *Performansy nasiliya: literaturnyye i teatral'nyye eksperimenty 'nouoy dramy'*. Moskva: NLO, 2012 [Липовецкий, Марк, Боймерс, Биргит. *Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «новой драмы»*. Москва: НЛО, 2012].
- Lipovetskiy, Mark. *Russkiy postmodernizm. (Ocherki istoricheskoy poetiki)*. Yekaterinburg: Ural. gos. ped., 1997 [Липовецкий, Марк. *Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики)*. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997].
- Łuksza, Agata. *Glamour, kobiecość, widowisko. Aktorka jako obiekt pożądania*. Warszawa: Instytut Teatralny im. Zbigniewa Raszewskiego, Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.
- Maikarova, Valeriya. *Chekhovskiy intertekst v sovremennoy rossiyskoy dramaturgii (1980–2010gg)*. Autoreferat dysertacji [Макарова, Валерия. *Чеховский интертекст в современной российской драматургии (1980–2010 гг)*. Autoreferat dysertacji] <<https://www.dissercat.com/content/shekhovskii-intertekst-v-sovremennoi-rossiiskoi-dramaturgii>>.
- Mięsowska, Lidia. *Gra-nie w postmodernizm. Dramaturgia rosyjska na przełomie XX i XXI wieku*. Katowice: Oficyna Wydawnicza, 2007.
- Mozheyko, Marina. "Ironiya." *Postmodernizm. Entsiklopediya*. Gritsanov, Aleksandr, Mozheyko, Marina. (Eds). Minsk: Interpresservis, Knizhnyy Dom, 2001 [Можейко, Марина. "Ирония." *Постмодернизм. Энциклопедия*. Грицанов, Александр, Можейко, Марина. Ред. Минск: Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001] <<http://www.infoliolib.info/philos/postmod/ironia.html>>.
- Mukhina, Olya. "Tanya-Tanya." Matviyenko, Kristina, Koval'skaya, Yelena. (Eds). *Novaya drama [p'yesy i stat'i]*. Sankt Peterburg: Seans, Amfora, 2008: 297–364 [Мухина, Оля. "Таня-Таня." Матвиенко, Кристина, Ковальская, Елена. Ред. *Новая драма [пьесы и статьи]*. Санкт Петербург: Сеанс, Амфора, 2008: 297–364].
- Mukhina, Olya. "Zhizn' kak figurnoye kataniye. Besedu vela Yelena Koval'skaya." *Colta* 2.06.2017 [Мухина, Оля. "Жизнь как фигурное катание. Беседу вела Елена Ковальская." *Colta* 2.06.2017] <<https://www.colta.ru/articles/theatre/15018-zhizn-kak-figurnoe-katanie>>.
- Mukhina, Olya. *Letit* [Мухина, Оля. *Летит*] <<https://www.theatre.ru/muhina/>>.
- Mukhina, Olya. *Pyat' p'yes*. Moskva: GITIS, 2020 [Мухина, Оля. *Пять пьес*. Москва: ГИТИС, 2020].

- Mukhina, Olya. Yu [Мухина, Оля. Ю] <<https://www.theatre.ru/drama/muhina/u11.html>>.
- Osińska, Katarzyna. "Dramaturgia i teatr okresu odwilży i zastoju." *Historia literatury rosyjskiej XX wieku*. Drawicz, Andrzej. (Ed.). Warszawa: PWN, 2007: 513–526.
- Pieczynski, Maciej. *Modele dialogu z tradycją w najnowszej dramaturgii rosyjskiej*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego 2021.
- Pieczynski, Maciej. "Чеховский контекст драмы 'Таня-Таня' Оли Мухиной." *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica* 2014, no. 7: 257–265.
- Pigulevskiy, Viktor. *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu*. Rostov-na-Donu: Foliant, 2002 [Пигулевский, Виктор. *Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму*. Ростов-на-Дону: Фолиант, 2002] <<https://www.livelib.ru/book/1002476615-ironiya-i-vymysel-ot-romantizma-k-postmodernizmu-viktor-pigulevskij>>.
- Poprzęcka, Maria. "Glamour – uwodzi, kusi, urzeka, koi." *Książki* 2014, no. 1 (12): 32–35.
- Rudnev, Pavel. *Drama pamyati. Oчерki istorii rossiyskoy dramaturgii. 1950-ye–2010-ye*. Moskva: NLO, 2018 [Руднев, Павел. *Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950-е–2010-е*. Москва: НЛО, 2018].
- Skoropanova, Irina. *Russkaya postmodernistkaya literatura*. Moskva: Flinta, Nauka, 2001 [Скоропанова, Ирина. *Русская постмодернистская литература*. Москва: Флинта, Наука, 2001].
- Supa, Wanda. "Ironia i jej funkcje w rosyjskiej 'prozie kobiet'." *Świat wartości w literaturze*. Sadzińska, Ewa, Szymańska, Aleksandra. (Eds). Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2009: 219–231.
- Szahaj, Adam. "Co to jest postmodernizm." *Ethos* 1996, no. 33–34: 63–78.
- Szturc, Włodzimierz. *Ironia romantyczna*. Warszawa: PWN, 1992.
- Yemel'yanov, Fëdor. "Igra i ironiya kak simulyativnaya model' postmoderna." *Sovremennaya gelotologiya*, 2015, no. 1. [Емельянов, Фёдор. "Игра и ирония как симулятивная модель постмодерна." *Современная гелотология*, 2015, no. 1] <<https://gelotology.paradigma.science/tag/igraizaciya/>>.

GRZEGORZ CZERWIŃSKI

<https://orcid.org/0000-0002-2745-6572>

Uniwersytet w Białymstoku

DOES “CLASSIC” MEAN “OBJECTIVE”? ON EARLY REPORTAGE BY DMITRY SOKOLOV-MITRICH

The aim of this article is to analyze the narrative strategies and techniques present in Dmitry Sokolov-Mitrich's reportage. The author of the article focuses on the relationship between the „objective” genre form of reportage and the ideological message hidden in the text. The study includes objectivizing narrative techniques as well as persuasive forms that are linked to the reader's automatic psychological mechanisms and by „soft” means update the image of the world that Russian state propaganda tries to impose aggressively.

The author of the article comes to the conclusion that the classic form of reportage, based on a system of objectifying strategies and not containing textual determinants of fiction, cannot guarantee the objectivity and truthfulness of the presented facts. Belief in the truthfulness of the story told can only be the result of the „referential pact” and not the formal procedures used by the reporter. The analysis of Sokolov-Mitrich's work shows that the text of a reportage can be used not only to secretly influence the audience, but also to disguise views and ideas criticized in the primary (literal) layer of the text.

Keywords: Dmitry Sokolov-Mitrich, reportage, persuasion, propaganda, narrative

Dmitry Sokolov-Mitrich (b. 1975) for many years was one of the most popular and most recognizable authors of a large press reportage in Russia. His press releases consisted of the following book items: *Нетаджикские девочки. Нечеченские мальчишки* (2007), *Враги народа: от чиновников до олигархов* (2007), *Непоследние времена* (2012) and *Реальный репортёр* (2012). Strictly reporting period of the journalist's work ended in 2014 with the publication of the book *Яндекс.Книга*. From this moment a new stage of Sokolov-Mitrich's creative activity began, which the author himself calls “dependent journalism” or “story management.” This is an activity from the border of journalism and marketing, which the reporter carries out within the company under the name of “Once Upon

a Time” Laboratory (Лаборатория “Однажды”). This article deals only with Sokolov-Mitrich’s early work (2007–2014), i.e. works that appeared earlier than *Яндекс.Книга*.

Sokolov-Mitrich worked in the newspaper “Izvestiya” (2000–2008), and then held the post of deputy editor-in-chief in the magazine “Russkiy reporter” (2008–2015). The owner of the latter was the holding “Expert”, managed by Valery Fadeyev, advisor to the president of Russia (since 2019), and financial support was provided by an oligarch Oleg Deripaska. The main editor of the periodical was Vitaly Leybin, known for his support for the separatists of Donbas.

In my analysis of Sokolov-Mitrich’s reportage, I assume that in the post-truth era any text, especially one that emphasizes its impartiality and professionalism, should also be examined from the point of view of implicit persuasion. This is especially important in the case of texts written by people close to the camp of power in a country where press freedom is restricted by political factors and propaganda activities are carried out not only through aggressive methods of influencing public opinion, but also in a more subtle way, implemented with the participation of scholars, intellectuals, cultural activists, as well as journalists.

I would like to emphasize at the outset of this article that I will be interested not in the political aspects of Sokolov-Mitrich’s writing, but in the narrative strategies and techniques present in his reportage work, in particular, the relations that arise between the “objective” genre form of reportage and the ideological message hidden in the text.¹ The study will include, on the one hand, narrative techniques that objectify, and, on the other hand, persuasive techniques that appeal to the automatic psychological mechanisms of the recipi-

¹ Reportage in both Russian and western European journalistic theory belongs to the information genres with a strongly marked individuality of the author, who reports the events he or she observes, or reconstructs past episodes based on the accounts of his or her informants — eyewitnesses. The most important thing for a reportage text is to create a “presence effect.” It should be added that the presence of the authorial “I” can give the reportage a certain shade of journalism. See for example: С.М. Гуревич, *Репортаж в газете*, Мысль, Москва 1963, pp. 3–32. Some contemporary scholars classify reportage as a journalistic or personal genre, but, as one can see from the examples they cite, they refer rather to reportage in the style of *New Journalism* than to the classical theory of the genre developed in the times of the USSR. See: А.В. Колесниченко, *Практическая журналистика*, Московский государственный университет, Москва 2008, p. 41).

ent,² or refer to the principle of emotional valence, which often manifests itself in the form of affection, update the picture of the world created by Russian state propaganda. It should be noted that despite the cooperation with periodicals with a specific political profile (“Izvestiya”, “Russkiy reporter”), not all reportages of Sokolov-Mitrich contain a direct or hidden ideological message. A substantial number of his works consists of solidly developed and written materials of journalistic nature, in which propaganda intentions cannot be tracked.

A review of research positions on persuasion, manipulation, and propaganda shows that it is difficult to clearly delineate the meaning of these concepts,³ especially since they are understood somewhat differently in psychology, social communication theory, or linguistics.⁴ In my research, I will be interested in implicit persuasion,⁵ treated as a kind of manipulation, which consists of “a hidden communication layer, implicit suggestions, and implications, undisclosed connotational elements, emotional distress.”⁶ Manipulation is carried out without the consent of the recipient, often he does not even realize that he is the object of such actions.⁷ Propaganda — in relation to the system of manipulation present in modern Russia — I see as a more aggressive action, a kind of coercive persuasion⁸ or “invasive action on the subconscious.”⁹ The aim of such propaganda, acting by shaping the views and attitudes of citizens in the aspect of socio-political issues,¹⁰ is the legitimization of any actions of the authorities.

² R. B. Cialdini, *Influence: Science and Practice*, Pearson Education, Boston 2009, pp. 11–12.

³ G. N. Gordon, *Persuasion. The Theory and Practice of Manipulative Communication*, Hastings House, New York 1971; G. S. Jowett, V. O'Donnell, *Propaganda & Persuasion*, Sage Publications, Thousand Oaks 1992; D. J. O'Keefe, *Persuasion. Theory and Research*, Sage Publications, Thousand Oaks 2002, pp. 1–28.

⁴ See R. Garpiel, K. Leszczyńska (eds.), *Sztuka perswazji. Socjologiczne, psychologiczne i lingwistyczne aspekty komunikowania perswazyjnego*, Nomos, Kraków 2004.

⁵ M. Tokarz, *Argumentacja, perswazja, manipulacja. Wykłady z teorii komunikacji*, GWP, Sopot 2006, pp. 294–295.

⁶ J. Warchala, *Formy perswazji*, Wydawnictwo UŚ, Katowice 2019, p. 220.

⁷ *Ibid.*, p. 212.

⁸ E. Hunter, *Brain Washing in Red China. The calculated destruction of men's minds*, The Vanguard Press, New York 1951, pp. 3–11.

⁹ J. Warchala, *Formy perswazji...*, p. 9.

¹⁰ See I. Borkowski, *Świt wolnego słowa. Język propagandy politycznej 1981–1995*, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, Wrocław 2003, p. 16.

CLASSICAL STRUCTURE AND OBJECTIVITY

Sokolov-Mitrich combines the objectivity of the reportage with the formal aspect, disagreeing with the aestheticism of the reportage — the formal “equilibrium” of the text. The author argues that reportage, as a journalistic genre, cannot turn into literature.¹¹

The opposition of reportage to literature is very significant in the case of Sokolov-Mitrich because his work as a reporter differs in formal aspect from the achievements of such masters of Russian literary reportage as, for example, Valery Panyushkin.¹² Sokolov-Mitrich relies on the classical form of press reporting, which, in his opinion, guarantees the objectivity of the message, while Panyushkin is a supporter of the tradition initiated by representatives of the American *New Journalism* and he willingly uses techniques appropriate to narrative prose. In the reportage of Sokolov-Mitrich we will not find such elements.

If we look at the genre distinctions of Sokolov-Mitrich’s texts and refer them to Maksim Kim’s classifications, popular in Russia, we will notice that they usually represent two types of reportage: analytical and special. In Russian typology, ‘special reportage’ is a large-scale reportage on current and widely discussed topics; in turn, ‘analytical reportage’ focuses not only on the description of an event but also on the explanation of its origin.¹³

The structure of the reportage text, in contrast to other genres of the press, allows for individual, authorial modifications of the genre structure, as well as for stylistic innovations.¹⁴ Sokolov-Mitrich makes innovative use of the entire catalogue of journalistic tricks and techniques (including a wide range of means of linguistic expression), however — unlike many masters of world reportage¹⁵ — definitely avoids fictionalizing his message. As noted by Natalia Avdonina and Anna Malakhova, the documentality of the information presented

¹¹ Д.В. Соколов-Митрич, *Реальный репортёр. Почему нас этому не учат на журфаке?!*, Питер, Санкт-Петербург 2012, pp. 22, 27.

¹² See G. Czerwiński, “Memories and Memory in New Russian Literary Journalism (Illustrated with Reference to Reportage Books by Yulia Yuzik and Valery Panyushkin).” *Russian Literature* 2022, vol. 133, pp. 49–77.

¹³ М.Н. Ким, *Основы творческой деятельности журналиста*, Питер, Санкт-Петербург 2011, pp. 336–337.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ E. Żyrek-Horodyska, “Reportaż literacki wobec literatury. Korzenie i teorie.” *Pamiętnik Literacki* 2017, no. 4, pp. 119–131.

is evidenced in the texts of Sokolov-Mitrich by frequent quoting of statements of witnesses and participants of events (with a decisive advantage of direct speech), the presence of analytical elements, references to empirical data, official documents, and statistics.¹⁶ Objectification is also achieved through the deliberate elimination in the text of narrative strategies typical of fiction prose and often used by representatives of *New Journalism* (this includes the internal monologue and the technique of stream of consciousness).

The most important aspect of the manifestation of documentarism is the presence of the authorial “I,” in which we recognize the journalist Sokolov-Mitrich himself. From the first paragraph of the text, we are aware that we are dealing with the account of a reporter who goes to the scene of events to give readers an eyewitness account.

Sokolov-Mitrich strives to clearly separate his own position from the opinions of his informants — the protagonists of the reportage, whose statements play a purely informational role¹⁷ and do not contribute to characterization. This is in line with the requirements of Soviet media coverage.¹⁸

In the texts of Sokolov-Mitrich, the statements of several different people on a given subject are very often cited, including usually opposing positions. This strategy takes a developed form, for example, in the reportage *Сапсаново бешенство* (2010). On the one hand, it cites the arguments of residents and local authorities of the village, through which passes without stopping the express “Sapsan,” running between Moscow and St. Petersburg (the train causes danger on platforms, traffic jams on road crossings over tracks, delays in running local trains, because it runs on the same tracks). On the other hand, a strong position is presented by the regional authorities and the Directorate of Russian State Railways, focusing on the need for the country’s development and technological progress. Although we feel that the author stands on the side of local residents, he does not directly share with the reader information about his attitude to the expressed judgments and does not decide who is right and who

¹⁶ See Н.С. Авдони́на, А.М. Малахова, “Особенности формата «человеческий документ» в публицистике Дмитрия Соколова-Митрича.” *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2019, no. 1, p. 92.

¹⁷ See *ibid.*, p. 91.

¹⁸ Г.Я. Солганик, *Стиль репортажа*, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва 1970, p. 56.

is wrong. If he wants to show which view is reliable, he does it by quoting an additional account from the informant, which confirms what his predecessor said earlier. In this way, the persuasiveness of the text is hidden (at the level of the structure of the text), and the reader should believe that the author's strategy is not to persuade, but to prove, and consequently to search for objective truth. The protagonists of the reportage (parties to the conflict) play the role of adversaries in the "dispute over rations," in which the reporter allegedly does not participate, leaving the reader the opportunity to independently interpret and evaluate the described facts.¹⁹

A similar example of "objectification" of the character's statements can be seen in the reportage *Олимпиада на всю голову* (2008), which addresses the issue of possible expropriation of real estate on the eve of the Winter Olympic Games in Sochi (2014). Residents are full of fears, while the city administration assures that there will be no displacement. The author, wanting to speak in favor of the inhabitants, and at the same time to maintain formal neutrality, uses the technique of confirming one position by another:

— В начале девяностых здесь осели многие беженцы из Абхазии, — рассказывает местная жительница Мария Ивановна Крухт. — [...] Мы все находимся в подвешенном состоянии. Будут нас сносить или нет, а если будут, то что дадут взамен, — пока нам ничего на эту тему не сказали [...].

— Пока все питаются слухами, — подтверждает Эльза Чулукова. — Вот недавно кто-то пустил информацию, что якобы выплаты будут зависеть от количества проживающих семей, — и тут же в поселке началась эпидемия фиктивных разводов.²⁰

In the texts of Sokolov-Mitrich, one can also meet situations in which the author himself becomes a participant in a "dispute over rations." In this case, in contrast to the protagonists of the reportage, who in their disputes often express themselves very emotionally, the author always relies on a "rational Court of justification" in his argument.²¹ In order to "objectively" admit the truth of one of the parties to the conflict, he provides the facts that he has collected in the process of analyzing the problem or presents his own eyewitness testimony. Importantly, the reporter's personal testimony can be easily verified.

¹⁹ Jacek Warchala analyses the concepts of 'persuasion,' 'proof' and 'argumentation' in his book *Formy perswazji...*, pp. 10–11. My own statements in this article are based on the findings of this study.

²⁰ Д. Соколов-Митрич, *Реальный репортёр...*, p. 147.

²¹ See: J. Warchala, *Formy perswazji...*, pp. 10–11.

In the text *Олимпиада на всю голову*, the image of the village of Mirnyi near Adler emerging from the words of the heroes of the reportage is confronted by the journalist with what he himself saw and what could be confirmed in 2008 by each of the readers.

Спускаемся вниз. Поселок Мирный действительно имеет печальный вид. Рядом с более или менее цивилизованной застройкой стоят халупы, которые способны испортить олимпийское настроение любому. Когда-то это была земля совхоза «Россия», но потом он развалился и она стала полигоном партизанского предпринимательства. На самозахваченных участках кто-то уже успел построить гостиницу сарайного типа, кто-то втихаря сеет кукурузу.²²

In Sokolov-Mitrich reports, information about a given problem can also be presented using an author's narrative, and in this case, it is the sum of general knowledge and knowledge based on the experience of the reporter. In the first case, information is given that anyone can get (or confirm its veracity) by opening, for example, an encyclopedia. In the second variant, this is knowledge taken from the site of events — for example, acquired during a trip to the winter Saratov, as described in one of the paragraphs of the reportage *Саратов должен быть разрушен* (2010).²³ In turn, in *Сапсаново бешенство*, the general knowledge presented in the author's narrative is the result of a query made by the author in the archive of newspapers published in the Tver region. The journalist not only does not hide his source of information but with information on this subject begins a paragraph reporting on the history of the conflict between residents and the Directorate of Railways.²⁴

The author's reconstruction of past events, based on information obtained from informants, is relatively rare in the texts of Sokolov-Mitrich. It seems that this technique, very willingly used by other reporters, is not the preferred form of presentation in the case of Sokolov-Mitrich, because it can evoke associations with the narrative of a novel. Sokolov-Mitrich usually uses it when presenting the biographical data of the characters of the reportage (thus summarizing and condensing information about the life of the characters — this information often has no direct connection with the events described). Such a variant can be traced for example in the text *Иран*

²² Д. Соколов-Митрич, *Реальный репортёр...*, p. 146.

²³ Ibid., p. 192–193.

²⁴ Ibid., p. 179.

*устал ждать войны.*²⁵ In situations where we are talking about events to which the author was not an eyewitness, he almost always gives voice to the characters and quotes their statements in the form of a direct speech. This is one of the most important and basic narrative techniques of Sokolov-Mitrich.

If, on the other hand, the author does not cite facts, but expresses his own opinion, he tries not to use any literary means of expression. In this case, he emphasizes the fact of the transition from presentation to the expression of opinion. When voicing a thought of his own, the reporter begins by emphasizing the subjectivity of his statement, stressing that it is only his opinion. One way to separate the “objective” from the “subjective” is, for example, to use humor, and to take the problem lightly. This is how the peripheral areas of the city of Saratov are described.²⁶

Another attempt to objectify the reporter’s statement in the texts of Sokolov-Mitrich is to quote “original” facts which, however, do not affect the overall narrative, without concretizing anything in the factual plane and without enriching the reportage in the cognitive layer. An example can be found even in the reportage *Беслан. Возвращение в август* (2004), where the story of a deaf-mute resident of the city is quoted, who, due to the fact that he wore a beard and did not respond to the commands (shouts) of police officers, was considered a fugitive terrorist. In the plot, this thread can act as a humorous interrupter. However, it seems to play yet another role. He tries to make his readers understand how accurate and meticulous the observation of Sokolov-Mitrich is, as he not only does not repeat the current opinions expressed by journalists who did not bother to visit North Ossetia, nor formulates opinions and analyses of various versions of events from behind his desk, but also sees more than his colleagues who spent the first days of September in Beslan.

**KEEP THE READER INTERESTED,
OR NOT INNOCENT GAMES WITH LANGUAGE AND EMOTIONS**

According to Sokolov-Mitrich, playing with the reader’s emotions is aimed at attracting the recipient, getting his attention, and evoking in the addressee feelings of not only aesthetic but also psychological

²⁵ Ibid., p. 87.

²⁶ Ibid., p. 193.

nature. In the book *Реальный репортер*, we find a passage in which Sokolov-Mitrich shares his experience with novice journalists. To his less experienced colleagues, he addresses the following message:

Вот что я имею в виду. Вы с читателем бежите вместе в одном направлении. Вы точно знаете, что впереди обрыв, а он не знает. Перед пропастью вы прибавляете скорость — читатель думает, что, раз вы ускоряетесь, значит, вам известно, что впереди хорошая прямая дорога. Но вот вы тормозите, а читатель с ходу летит в бездну. У него захватывает дух. Получилось! Это и есть правильная работа с эмоцией. [...]

Когда работаешь с эмоцией, читательские ожидания нужно самым наглым образом обманывать. Выражать эмоцию через контрэмоцию. Если читателю кажется, что сейчас автор начнет хихикать, надо сделать подчеркнуто серьезное выражение лица — получится еще смешнее. Если же он ждет, что сейчас автор будет плакать и ужасаться, надо выразить этот ужас через безразличие, как будто ничего ужасного и не случилось вовсе. Это пробьет его сильнее, чем заламывание рук и прочие дешевые жесты.²⁷

One could say that the reporter uses a technique close to the principle of *catharsis*, only not in Aristotelian terms, but in the sense taken from modern psychoanalysis.²⁸ In this way, the emotion of the message is transferred by the journalist to the sphere of the psychology of art. However, it should not be forgotten that in this way the reader's attention is also detached from other entanglements of emotional transmission. Jacek Warchala noted that the emotionality of statements does not occur either in argumentation or in proof, and therefore in the strategies that Sokolov-Mitrich uses in the process of objectification of the presented facts. It is a typical treatment in messages with the characteristics of implicit persuasion, where the author's actions, aimed at influencing the emotions of the recipient, affect not only the mood of the reader but also his psyche, shaping the desired image of the world by the sender.²⁹

In the previous part of this article, I tried to show how Sokolov-Mitrich hides the persuasiveness of his reports, making a formal transformation of an inciting message into an information message. We deal with a similar situation when it comes to the emotionality of the message. Her persuasive charge is somewhat depreciated. The author consciously emphasizes other aspects related to emotions — those

²⁷ Ibid., p. 21.

²⁸ E. Powell, *Catharsis in Psychology and Beyond: A Historic Overview*, The Primal Psychotherapy Site, <<http://primal-page.com/cathar.htm>> (11.02.2022).

²⁹ See J. Warchala, *Formy perswazji...*, pp. 10–11, 176–203.

that focus the reader's attention on the text, and not on the author's extratextual intentions. In this part of the article, I would like to trace various ways of emotionalization of the message which occurs in the reports of Sokolov-Mitrich. Strategies for evoking emotions, and building relationships between the author and the reader, as well as narrative techniques that appeal to emotions, will be analyzed.

According to psychologists, the most obvious manifestation of the emotionalization of the message is the creation of images that imply strong emotional states.³⁰ Creating expressive scenes allows one to evoke emotions such as fear, anger, or compassion.³¹ In the work of Sokolov-Mitrich, in the text *Беслан. Возвращение в август*, we encounter the following passage:

Я стою у забора зажмурившись и пытаюсь дышать через ворот куртки. Не помогает. Затыкаю нос и дышу ртом. Вечером очень сильно об этом жалею, потому что мясо есть не могу. Видеть свое тело тоже не могу. Очень странно, что оно шевелится. [...] Чтобы справиться со страшным привкусом во рту, напиваюсь водки и засыпаю.³²

The author recalls his visit to the place where the bodies and remains of the victims of the terrorist attack in Beslan were laid, describing the shock he experienced at that time. The reporter not only shares with readers his psychophysical state but also shows his personal, human (and not only professional) face. Thus emphasizing the barbarism and anti-humanist nature of the actions of the Chechen separatists, he tries to influence the reader's assessment of the armed conflict that was then taking place in the North Caucasus. In addition, it seems that the reporter uses the human tendency of readers described by Gerald Clore to the fact that in a situation of emotional arousal, they will habitually treat their own feelings, born as a result of reading, as a source of information.³³ However, it must be admitted that such a way of in-

³⁰ G. L. Clore, D. A. Reinhard, "Emotional Intensity: It's the Thought that Counts." *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*, A.S. Fox, R.C. Lapate, A. J. Shackman, and R.J. Davidson (eds.), Oxford University Press, New York 2018, pp. 162–165.

³¹ On the definition of emotion, see: C. E. Izard, *Human Emotions*, Plenum Publishing, New York 1977, pp. 4–8.

³² Д. Соколов-Митрич, *Реальный репортёр...*, p. 71.

³³ G. L. Clore, "Emotions: Causes and Consequences." *The Nature of Emotion: Fundamental Questions...*, pp. 15–19. To this day, Sokolov-Mitrich holds only the terrorists who attacked the Ossetian school responsible for the deaths of 314 hostages, including 186 children. Independent journalists prove that the blame for

fluencing the audience is relatively rare in the writing of Sokolov-Mitrich. A typical treatment in his work is rather a conscious abandonment of the use of categories of fear and appeal to a rational attitude. It seems that this may be due to the belief that the lack of “typical” emotionalization will not arouse suspicions of manipulative intentions of the author. This perception is reinforced in the context of public statements by Sokolov-Mitrich, in which he expresses the belief that it is the Liberal opposition that is playing a “game of fear” in order to denigrate the current political system in Russia, and therefore its representatives, referring to negative emotions, are trying to manipulate public opinion. In fact, as the researchers of this issue prove, implicit persuasion can also be based on positive emotions or evoke negative emotions in a veiled way.³⁴ In Sokolov-Mitrich, the game with emotions is employed primarily in the plane of text composition and in the plan of stylistic shaping of the language of utterance.

Representatives of linguistics drew attention to the language of Sokolov-Mitrich’s reports. We owe many findings to the research of linguists, which prove to be extremely helpful in critical literary studies. For example, Natalia Vereshchagina and Elina Bulatova³⁵ look for meanings in Sokolov-Mitrich’s texts that function beyond linear linguistic transmission, at the interface between psychology and verbal creativity. Linguists prove that indirect communication plays a key role in the author’s reporting style, which consists in encrypting the message using techniques and strategies such as ellipticity, presupposition, imagery, language play, subtext, irony, etc.³⁶ The main intention of the stylistic features of the text is the desire to attract the attention of the reader. The researchers add, however, that the parallel goal is to program the recipient’s interpretation and direct their attention as desired by the sender.³⁷

In Sokolov-Mitrich’s writing, the encryption of the message is accompanied by efforts to build an appropriate relationship with the

such a large number of victims is equally borne by the Russian special forces, who decided to storm the building filled with hostages.

³⁴ V. Griskevicius, M.N. Shiota, S.L. Neufeld, “Influence of Different Positive Emotions on Persuasion Processing: A Functional Evolutionary Approach.” *Emotion* 2010, vol. 10, no. 2, pp. 190–206.

³⁵ Н.О. Верещагина, Э.В. Булатова, “Языковые средства непрямого коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича.” *Известия Уральского федерального университета. Серия 1*, 2014, vol. 132, no. 4, pp. 19–28.

³⁶ *Ibid.*, pp. 21–26.

³⁷ *Ibid.*, p. 20.

reader. The whole range of linguistic means used by the reporter (personal commitment, emotionalism, optimism, etc.), is aimed not only at getting closer to the reader, and gaining their trust, but also at showing that the reporter is an “ordinary,” “normal” person, not different from his readers also in the linguistic aspect. It also seems that the more the distance between the author and the reader decreases, the more often the reporter uses subtext, irony, allusion, euphemisms, humor, etc., as if he was aware that the recipient will be more easily influenced by a person liked and similar to themselves.³⁸

Based on the elements of indirect communication indicated by linguists in the texts of Sokolov-Mitrich, I would like to discuss the most important strategies of implicit persuasion that occur in the author’s reports. I will be interested, among other things, in allusion, presupposition, subtext, irony and humor, but they are understood much more broadly than in linguistic terms.

The allusion in Sokolov-Mitrich’s works is very often based on a certain presupposition relating to everyday reality and the physical sphere of man and is intended not only to inform about something indirectly but also to certify the truthfulness of the information conveyed. One encounters such a situation in the article *Хомячкам холодно* (2012), which jokingly describes the inhabitants of Moscow, who in winter instead of warm clothes wear clothes that would be better in the summer. The author, describing examples of poorly dressed passers-by, refers to the natural, physiological need of man, striving for the economy of heat in the body, and presents the “fashionable” inhabitants of the capital in an ironic way:

Вот, например, идет девушка, от одного вида которой бросает в дрожь. Между поверхностью ее тела и окружающей агрессивной средой всего лишь черные лосины, рассчитанные на карельское лето. А тоненькая синтепоновая курточка начинается настолько выше пояса, что это скорее топик для летнего отдыха на Баренцевом море. Чисто теоретическая сексуальность этой девушки не вызывает в моем хорошо одетом организме никаких реак-

³⁸ The similarity itself also influences, as psychologists prove, the degree of sympathy that we give to others. See: J.M. Burger, N. Messian, S. Patel, A. del Prado, C. Anderson, “What a Coincidence! The Effects of Incidental Similarity on Compliance.” *Personality and Social Psychology Bulletin* 2004, no. 30 (1), pp. 35–43. Fondness and sympathy is indicated as one of the basic tools of influence. See: R. B. Cialdini, *Influence: Science and Practice...*, pp. 142–173. This strategy is also used by Sokolov-Mitrich to create his chosen (“positive”) heroes of reportage.

DOES “CLASSIC” MEAN “OBJECTIVE?”...

ций: что бы там ни говорили фрейдоманы, простое человеческое сострадание все-таки сильнее первобытного полового инстинкта.³⁹

The logical conclusion that should appear to the reader is that in Russia it is necessary to dress according to the prevailing weather conditions in this country. On the principle of presupposition, there is also a belief that Western European fashion is inadequate in relation to the Russian weather, and therefore people who imitate Western culture, harm their health. Additionally, a suggestion can be triggered in the subtext⁴⁰ guiding the thoughts of the addressee toward a general reflection on the fact that European values are inadequate in relation to “Russian civilization.”

In his works, Sokolov-Mitrich uses subtext⁴¹ in order to imply a vision of the world presented in the official broadcasts of state propaganda. One of the best examples of the use of such a strategy in the author’s work is the text *Люди в черном* (2014), devoted to the events in Ukraine in January 2014. The article was published immediately after the flight of President Viktor Yanukovych to Russia. A reporter goes from the description of the exhibit *Хаотичный маятник*, which he saw in the Moscow Museum “Experimentarium.” In the description, we find a reference to the omnipotent power of mathematics, and therefore science is generally considered one of the most objectives:

Особой популярностью у детей и взрослых пользуется экспонат под названием «Хаотичный маятник». Очень смешная штука. Выводишь ее из равновесия — и она забавно мечется в пространстве, будто какой-то сумасшедший геометрический инвалид, взбунтовавшаяся супрематическая конструкция. [...] Хаотичный маятник (или двойной маятник, поскольку он устроен путем присоединения к обычному маятнику еще одного «плеча») — это наглядное опровержение тезиса о всеилии математики.⁴²

³⁹ Д. Соколов-Митрич, “Хомячкам холодно.” *Русский репортёр* 2012, no. 6.

⁴⁰ H. J. Eysenck, “Personality, Primary and Secondary Suggestibility, and Hypnosis.” *Suggestion and Suggestibility: Theory and Research*, V. A. Gheorghiu, P. Netter, H. J. Eysenck, R. Rosenthal, K. Fiedler, W. E. Edmonston Jr., R. M. Lundy and P. W. Sheehan (eds.), Springer-Verlag Publishing, Berlin 1989, pp. 57–67.

⁴¹ The subtext is introduced with the help of various linguistic and stylistic means (language games, phraseological units, irony, metaphor, expressive syntax, etc.). See Н. О. Верещагина, Э. В. Булатова, “Языковые средства непрямого коммуникации в медиатекстах...”, p. 22.

⁴² Д. Соколов-Митрич, “Люди в черном.” *Православие.ру*, January 27, 2014, <<http://pravoslavie.ru/67885.html>> (15.02.2022).

The chaotic pendulum is described as something interesting and funny, but at the same time it is compared to a cripple, who is referred to as “сумасшедший,” which can be understood either in a humorous sense as “crazy,” “mad,” or in a caricature dimension as “mentally disturbed.” Referring to the laws of mathematics (although it should rather be based on the principles of physics), the author explains that the state of dilation can be stopped by the intervention of an external force or the exhaustion of the energy of the exhibit itself.⁴³ The journalist compares the characteristics of the pendulum (unpredictability, lack of control), as well as the ways to stop the state of swing to the situation in Ukraine, adding that the analogy between the described exhibit and the “dance of war” had been noticed long before and he is not the author of this comparison. The author in a literal layer, in the spirit of love of the neighbor, advocates the internal discharge of chaos (restraint of both sides of the conflict and “demonstration of weakness”), because the “reasonable, passive Ukrainian majority”⁴⁴ is all about stopping the war. In turn, the external intervention is prayed for by “men in Black” — monks from the Kiev-Pechersk Lavra and other monastics, who with a prayer on their lips and icons in their hands stand between the parties of the conflict, separating the protesters and the officers of the “Berkut” Special Forces:

Сменяя друг друга, эти люди в черном предотвращают столкновение уже несколько суток. Рискую отморозить до ампутации промокшие ноги и задохнуться от копоги горящих шин, рискуя получить в голову камень или гранату, рискуя в любой момент оказаться под ногами толпы, они молятся о вмешательстве той самой внешней непреодолимой силы, которая одна может остановить раскачавшийся маятник.⁴⁵

The monks pray not for a military solution to the dispute, but for divine intervention in the fate of Ukraine to stop the bloodshed. By reference to the authority of the clergy, the authority of the sciences, and unnamed authorities⁴⁶ who saw in the image of the pendulum the mechanism of war, the typical non-alternative choice of propa-

⁴³ See: linguistic method of analysis of this report: Н. О. Верещагина, Э.В. Булатова, “Языковые средства непрямой коммуникации в медиатекстах...”, pp. 21–22.

⁴⁴ The very combination of the words “reasonable” and “passive” is an expression of the negation of the patriotic activity of Ukrainians and contains a hidden thesis that the pro-Russian attitude is “reasonable”.

⁴⁵ Д. Соколов-Митрич, *Люди в черном...*

⁴⁶ The strategy of appealing to authority as a method of influencing people was critically analyzed by R. B. Cialdini, *Influence: Science and Practice...*, p. 191.

ganda messages is created, which consists in legitimizing only those solutions that are unfavorable for the Ukrainian process of European integration: either a voluntary end to the protests or a civil war, for the unleashing of which Yanukovych's opponents will be responsible.⁴⁷ The author does not allow the possibility of reconciliation of the Ukrainian people in the spirit of patriotism and the peaceful return of Ukrainians as a whole to western Europe.

The article is enclosed by a composition frame, in which there is a reference to the first sentence of the text: “У вас есть дети? Сходите с ними в московский «Экспериментариум».” At the end, the author addresses the supporters of the protests and, using a kind of emotional blackmail, tries to strengthen the non-alternative choice created on the basis of subtext and suggestion: “Вам не нравится быть слабым? Ну, тогда давайте, меряйтесь силой дальше. У вас есть дети?”

One of Sokolov-Mitrich's most favorite persuasive strategies is laughter but it is not only an aesthetic category. Sometimes it is actually an expression of optimism, cheerful mood, and sense of humor, as, for example, in the following quotes:

На родине Ленина решили ударить наглядной агитацией по грустным демографическим показателям. На днях здесь стартовал агитпоезд под названием «Роди патриота в День России». [...] На реализацию губернаторской идеи брошены лучшие силы, которые в течение года будут [...] возбуждать в местных жителях желание плодиться и размножаться. На днях эти силы побывали в поселке Верхняя Маза Радищевского района. Корреспондент «Известий» Дмитрий Соколов-Митрич решил к ним присоединиться, чтоб хотя бы со свечкой рядом постоять.⁴⁸

Хорошо, если усопший был верующим — хотя бы в церкви полежит, подышит.⁴⁹

In many cases, however, this is only an apparent attempt to create authorial distance. Much depends on the subject of the reportage, and in particular on whether it deals with political or ideological problems. If it concerns, for example, Ukraine, ethnic minorities in Russia, or geopolitics, one could see that humor and irony smoothly

⁴⁷ This is an example of the faulty logic on which aggressive propaganda is based: Н. Т. Conserva, *Propaganda Techniques*, Author House, Bloomington 2003.

⁴⁸ Д. Соколов-Митрич, *Реальный репортёр...*, стр. 127.

⁴⁹ Д. Соколов-Митрич, “Дайте умереть.” *Фома*, April 2, 2013, <<https://foma.ru/dajte-umeret.html>> (15.02.2022).

transform, on the one hand, into an action aimed at ridiculing people, attitudes, or ideas with which the reporter does not agree (for example, the influence of foreign fashion in the article analyzed above *Хомячкам холодно*), and on the other hand, in the creation of negative images of specific individuals or national-ethnic and religious communities. The reporter uses one of the functions of emotion described by Paul Ekman, which consists of an automatic assessment of the situation before a rational assessment is formed in the mind.⁵⁰ Sokolov-Mitrich's dislike of indigenous ethnic minorities in Russia can take the form of, for example, a seemingly innocent joke about the external appearance of a Muslim woman:

Глядим в соседний вагон — там еще двое таких же плюс ярко-выраженная мусульманка с не самой узкой талией.⁵¹

Also, the comparison of protesting Ukrainians who oppose the policy of President Yanukovich to collaborators from the time of the Second World War is supposed to look like an ironic-humorous euphemism.⁵² Instead of the label “Bandera” spread in the pro-government Russian media, the reporter uses the following formula: “духовные потомки тех, кто уничтожал львовских евреев в 1941-м.”⁵³

In the text *Замороженный* (2009), telling the story of the mining operations carried out by the Russians on Spitsbergen, due to the cited negative stereotypes (the carriers of which are not the “objective” reporter, but his heroes), a belief is created about the superiority of the Russians over the Norwegians, who are described as stupid, lazy and prone to alcoholism. The characteristics of the Norwegians, as well as statements about the circumstances of granting Norway the right to the peninsula, are conveyed both through the statement of the main character of the reportage (proclaiming the belief in Russia's right to Spitsbergen), and in the author's narrative, in which it

⁵⁰ P. Ekman, *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*, Henry Holt and Company, New York 2003, pp. 20–22. In the case of Sokolov-Mitrich's reports, such a procedure entails even further consequences: it will be difficult for the audience to take seriously and credibly someone who has been ridiculed, especially since the reader himself has been drawn into the very process of ridicule.

⁵¹ Д. Соколов-Митрич, “Звуки Ме.” *Вечерняя Москва*, October 16, 2013, <<https://vm.ru/opinion/160970-zvuki-me>> (15.02.2022).

⁵² K. Barbe, *Irony in Context*, John Benjamins Publishing, Amsterdam 1995, pp. 112–118.

⁵³ Д. Соколов-Митрич, *Люди в черном...*

is difficult to determine whether he summarizes the worldview of the hero, or expresses his own views.

The blurring of intent does not prevent the author from launching one more method of influence. The statement refers in the subtext to the imperial resentments of the Russians and repeats the conviction of the historical “injustice” that is contained in the “taking away” from Russia its territories and zones of influence by the abstract West. In this way revisionist historical views are conveyed to the reader with the help of social proof of rightness. The “loss” of Spitsbergen is put in the context of events such as the inclusion of Crimea in the Ukrainian Soviet Socialist Republic, the collapse of the USSR, the defeat in Afghanistan, the loss of influence in the Balkans, etc.⁵⁴

This example also shows how an apparently innocent situation, which in itself is not persuasive, is endowed with a persuasive charge when placed in the appropriate context, for example, in the context of common knowledge, television propaganda, etc. After all, we can treat the position of the protagonist of the reportage with a wink, which in a sense is encouraged by the irony of the author himself. However, in the appropriate reference system, a completely different dimension of the presented problem is updated, which makes reporting a way of persuasion that goes beyond its linguistic aspect.⁵⁵ In addition, it can be noted that Sokolov-Mitrich very cleverly protects himself from accusations of practicing propaganda. His text in the language-narrative layer does not have the characteristics of propaganda. The report only “opens” the reader to certain codes of meaning, using the sense of humiliation rooted in the collective consciousness of Russians. Evelin Lindner, describing the problem of humiliation in National, international, and global relations, pointed out a mechanism that fits perfectly with Russia, which consists in the fact that there are certain cycles of humiliation in which the cessation of humiliation of others will be a humiliation of ourselves.⁵⁶ Referring Lindner’s thought to the work of Sokolov-Mitrich, it can be assumed that the fact of humiliation

⁵⁴ See on social proof of rightness: R. B. Cialdini, *Influence: Science and Practice...*, pp. 138–139.

⁵⁵ On the role of context and wider than *strictly* the linguistic dimension of persuasion see: J. Warchala, *Formy perswazji...*, pp. 12–14, 69–70.

⁵⁶ E. Lindner, *Making Enemies: Humiliation and International Conflict*, Foreword by M. Deutsch, Praeger Security International, London 2006, pp. 89–92.

can strengthen susceptibility to manipulation and hate speech in the same way as shame or guilt.⁵⁷

CONCLUSION

Sokolov-Mitrich is a master of reportage, who, adhering to the classic determinants of reportage, is able to interest the reader and keep him in suspense while increasing the level of stimulation of the audience. In a large part of his publications written before 2014, he became known as a reliable and talented reporter. A literary analysis of the author's work, however, allows us to see that in many of his texts, there are certain strategies of ideological transmission, based on techniques of implicit persuasion and other means of psychological influence. In the author's texts, although they bear the characteristics of a traditional reporting form, in addition to the informational and aesthetic function, there is also a hidden propaganda function. For comparison, the persuasiveness of the reports of Valery Panyushkin and Julia Yuzik depends largely on their journalistic character, on the inclusion in the text of a certain position, the correctness of which the authors, on the principle of openness of intentions, want to convince the reader, who is left with freedom of choice. The ability to choose, as Daniel J. O'Keefe writes, is a necessity in the case of overt persuasion.⁵⁸ The narration in Sokolov-Mitrich's reports is often constructed in such a way that the recipient believes that the author's intention is to present "dry facts," and objectification is carried out in the process of reading and consists in forming his own, independent, and uninfluenced opinion. However, the author does not reveal to the reader the ways of processing the material or the rules according to which the text prioritizes presented information. The recipient is offered a finished image, only that it is legitimized by accounts of informants. This tactic is aimed at persuading readers to believe in the truth of the story. In reality, however, the recipient is subject to subtle manipulation based on the specific emotional state evoked by the reporter's message and the hidden purpose of the texts

⁵⁷ J.P. Tangney, "Shame and Guilt in Interpersonal Relationships." *Self-Conscious Emotions: The Psychology of Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride*, J.P. Tangney, K.W. Fischer (eds.), Guilford Press, New York 1995, pp. 114–139.

⁵⁸ D.J. O'Keefe, *Persuasion. Theory and Research...*, p. 17.

of Sokolov-Mitrich seems to be the formation of a worldview among readers that could not be accepted by them as a result of the process of critical analysis of the arguments “for” and “against.”⁵⁹

Reconstruction of the ideological layer of Sokolov-Mitrich’s reportage requires increased analytical effort since the author’s proper intention is hidden behind the curtain of professionalism, optimism, declared sincerity, and a gesture of openness to another person. It is also important that in the stories of the reporter everything is logical and based on common sense, there are no conspiracy theories or aggressive attacks on opponents. Linguists analyzing the ways of expressing indirect communication in the texts of Sokolov-Mitrich see in him the features of a rational-heuristic personality,⁶⁰ which would explain the ability to make hypotheses that do not require proof, but at the same time are consistent and logical, because they are independently confirmed by the reader based on his or her knowledge.

The analysis of topics and issues, in relation to which the reporter uses strategies of secret persuasion, allows to reconstruct of the basis of the ideological message included in the text. The promoted worldview consists of aversion to the broadly understood West and to liberal ideology, belief in the superiority of “Russian civilization,” negative attitude to the idea of cultural autonomy of indigenous people, lack of criticism of the supreme authorities of Russia (with extensive criticism of the lower levels of state power), xenophobia, support for the ideological postulates of the Kremlin, distrust to representatives of the democratic opposition and independent civil movements. It is also significant that the author uses a cultural code that can only affect citizens of the countries created on the ruins of the USSR, and his books, unlike publications by Panyushkin, Yuzik, or Loyko are not translated into western languages.

It turns out, therefore, that the classical form of reportage, based on an extensive system of objectifying strategies and devoid of textual determinants of fiction,⁶¹ cannot guarantee objectivity, and even

⁵⁹ Scholars specializing in language of political propaganda argue that the inability to make a choice is one of the characteristics of propaganda messages, which seek to create a “common sender and receiver of the world and the language they use” (I. Borkowski, *Świt wolnego słowa ...op. cit.*, p. 18). The essence of propaganda is also the “mechanism of nonalternative reception” (ibid., p. 19).

⁶⁰ Н. О. Верещагина, Э. В. Булатова, “Языковые средства непрямо́й коммуникации в медиатекстах...”, p. 20.

⁶¹ See J. Jeziorska-Haładyj, *Tekstowe wykładniki fikcji. Na przykładzie reportażu i powieści autobiograficznej*, IBL PAN, Warszawa 2013, pp. 139–206.

more so the veracity of the facts presented. It also confirms the thesis that belief in the truthfulness of the story told can only be the result of a “reference pact,” and not formal indicators.⁶² Sokolov-Mitrich’s works show that with the help of a reportage text one can not only try to influence the audience in an implicit way but also in a camouflaged way to promote views and ideas, which in the linear layer of the text can even be questioned or criticized. The report, which is by definition a witness account of events, and in this sense a reliable text, may turn out to be a “subtle” way of forming opinions and a tool for creating a picture of the world, which the state propaganda tries to impose on Russian citizens by aggressive means; with the help of psycho-manipulation, it seeks not so much to change the position of its citizens as to change their identity and control over their minds.⁶³

The article was written under a project financed by a grant received from the Polish Ministry of Science and Higher Education under the Regional Initiative of Excellence program for the years 2019–2022 (project number 009/RID/2018/19).

REFERENCES

- Avdonina, Natal’ya S.; Malakhova, Anna M., “Osobennosti formata «chelovecheskiy dokument» v publitsistike Dmitriya Sokolova-Mitricha.” *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2019, no. 1: 89–93. [Авдонова, Наталья С.; Малахова, Анна М. “Особенности формата «человеческий документ» в публицистике Дмитрия Соколова-Митрича.” *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 2019, no. 1: 89–93.]
- Barbe, Katharina. *Irony in Context*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1995.
- Borkowski, Igor. *Świt wolnego słowa. Język propagandy politycznej 1981–1995*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003.
- Burger, Jerry M., Messian, Nicole, Patel, Shebani, del Prado, Alicia, and Anderson, Carmen. “What a Coincidence! The Effects of Incidental Similarity on Compliance.” *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2004, no. 30(1): 35–43.
- Cialdini, Robert B. *Influence: Science and Practice*. 5th ed. Boston: Pearson Education, 2009.
- Clore, Gerald L. “Emotions: Causes and Consequences.” *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. Fox, Andrew S., Lapate, Regina C., Shackman, Alexander J., and Davidson, Richard J. Eds. New York: Oxford University Press, 2018: 15–19.

⁶² P. Zajas, *Jak świat prawdziwy stał się bajką. O literaturze niefikcjonalnej*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 2011, p. 13.

⁶³ See: J. Warchala, *Formy perswazji...*, p. 15.

DOES “CLASSIC” MEAN “OBJECTIVE?”...

- Clore, Gerald L., and Reinhard, David A. “Emotional Intensity: It’s the Thought that Counts”. *The Nature of Emotion: Fundamental Questions*. Fox, Andrew S.; Lapate, Regina C.; Shackman, Alexander J.; Davidson, Richard J. Eds. New York: Oxford University Press, 2018: 162–165.
- Conserva, Henry T. *Propaganda Techniques*. Bloomington: Author House, 2003.
- Czerwiński, Grzegorz. “Memories and Memory in New Russian Literary Journalism (Illustrated with Reference to Reportage Books by Yulia Yuzik and Valery Panyushkin).” *Russian Literature*, 2022, vol. 133: 49–77.
- Ekman, Paul. *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. New York: Henry Holt and Company, 2003.
- Eysenck, Hans J. “Personality, Primary and Secondary Suggestibility, and Hypnosis.” *Suggestion and Suggestibility: Theory and Research*. Gheorghiu, Vladimir A., Netter, Petra, Eysenck, Hans J., and Rosenthal, Robert. Eds. Berlin: Springer-Verlag publishing, 1989: 57–67.
- Gordon, George N. *Persuasion. The Theory and Practice of Manipulative Communication*. New York: Hastings House, 1971.
- Griskevicius, Vladas, Shiota, Michelle N., and Neufeld, Samantha L. “Influence of Different Positive Emotions on Persuasion Processing: A functional Evolutionary Approach.” *Emotion*, 2010, no. 10(2): 190–206.
- Gurevich, Semën M. *Reportazh v gazete*. Moskva: Mysl’, 1963 [Гуревич, Семён М. *Репортаж в газете*, Москва: Мысль, 1963].
- Hunter, Edward. *Brain Washing in Red China. The calculated destruction of men’s minds*. New York: The Vanguard Press, 1951.
- Izard, Carroll E. *Human Emotions*. New York: Plenum Publishing, 1977.
- Jeziorska-Haladyj, Joanna. *Tekstowe wykładniki fikcji. Na przykładzie reportażu i powieści autobiograficznej*. Warszawa: IBL PAN, 2013.
- Jowett Garth S., and O’Donnell Victoria. *Propaganda & Persuasion*. Thousand Oaks: Sage publications, 1992.
- Keyes, Ralph. *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. New York: St. Martin’s Press, 2004.
- Kim, Maksim N. *Osnovy tvorcheskoy deyatel’nosti zhurnalista*. Sankt-Peterburg: Piter, 2011 [Ким, Максим Н., *Основы творческой деятельности журналиста*, Санкт-Петербург: Питер, 2011].
- Kolesnichenko, Aleksandr V. *Prakticheskaja zhurnalistika*. Moskva: MGU, 2008 [Колесниченко, Александр В. *Практическая журналистика*. Москва: МГУ, 2008].
- Lindner, Evelin. *Making Enemies: Humiliation and International Conflict*. London: Praeger Security International, 2006.
- O’Keefe, Daniel J. *Persuasion. Theory and Research*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2002.
- Powell, Esta. “Catharsis in Psychology and Beyond: A Historic Overview.” *The Primal Psychotherapy Site*, 2008 <<http://primal-page.com/cathar.htm>>.
- Sokolov-Mitrich, Dmitriy. “Dayte umeret’.” *Foma*. 2.04.2013 [Соколов-Митрич, Дмитрий. “Дайте умереть.” *Фома*. 2.04.2013, <<https://foma.ru/dajte-umeret.html>>].
- Sokolov-Mitrich, Dmitriy. “Khomiachkam kholodno.” *Russkiy reportër*. 2012, no. 6 [Соколов-Митрич, Дмитрий. “Хомячкам холодно.” *Русский репортёр*. 2012, no. 6 <https://expert.ru/russian_reporter/2012/06/homyachkam-holodno>.

- Sokolov-Mitrich, Dmitriy. "Lyudi v chernom." *Pravoslavie.ru*. 27.01.2014, [Соколов-Митрич, Дмитрий. "Люди в черном." *Православие.ру*, 27.01.2014, <<http://pravoslavie.ru/67885.html>].
- Sokolov-Mitrich, Dmitriy. *Real'nyy reportër. Pochemu nas etomu ne uchut na zhur-fake?! Sankt-Petersburg: Piter*, 2012 [Соколов-Митрич, Дмитрий. *Реальный репортёр. Почему нас этому не учат на журфаке?!*, Санкт-Петербург: Питер, 2012.]
- Sokolov-Mitrich, Dmitriy. "Zvuki Me." *Vecherniaia Moskva*, 16.10.2013, [Соколов-Митрич, Дмитрий. "Звуки Ме." *Вечерняя Москва*, 16.10.2013 <<https://vm.ru/opinion/160970-zvuki-me>>].
- Solganik, Grigoriy Ya. *Stil' reportazha*. Moskva: MGU, 1970 [Солганик, Григорий Я. *Стиль репортажа*. Москва: МГУ, 1970].
- Sztuka perswazji. Socjologiczne, psychologiczne i lingwistyczne aspekty komunikowania perswazyjnego*. Garpieł, Rafał, and Leszczyńska Katarzyna. Eds. Kraków: Nomos, 2004.
- Tangney, June P. "Shame and Guilt in Interpersonal Relationships." *Self-Conscious Emotions: The Psychology of Shame, Guilt, Embarrassment, and Pride*. Tangney, June P., Fischer, and Kurt W. Eds. New York: Guilford Press, 1995: 114–139.
- Tesich, Steve. "A Government of Lies." *The Nation*, 1992, no. 254, January 6.
- Tokarz, Marek. *Argumentacja, perswazja, manipulacja. Wykłady z teorii komunikacji*. Sopot: GWP, 2006.
- Vereshchagina, Natal'ya O., and Bulatova, Elina W. "Yazykovyye sredstva nepryamoy kommunikatsii v mediatekstakh Dm. Sokolova-Mitricha." *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seria 1*, 2014, no. 32(4): 19–28 [Верещагина, Наталья О., and Булатова Элина В. "Языковые средства непрямої коммуникации в медиатекстах Дм. Соколова-Митрича." *Известия Уральского федерального университета. Серия 1*, 2014, no. 132 (4): 19–28].
- Warchala, Jacek. *Formy perswazji*. Katowice: Wydawnictwo UŚ, 2019.
- Zajas, Paweł. *Jak świat prawdziwy stał się bajką. O literaturze niefikcyjnej*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011.
- Żyrek-Horodyska, Edyta. "Reportaż literacki wobec literatury. Korzenie i teorie." *Pamiętnik Literacki*, 2017, no. 4: 119–131.

NATALIIA MALIUTINA

<https://orcid.org/0000-00025787-2753>

Uniwersytet w Białymstoku

АВТОРСКИЙ ГОЛОС В РОМАНЕ ДИНЫ РУБИНОЙ МАНЬЯК ГУРЕВИЧTHE AUTHOR'S VOICE IN DINA RUBINA'S NOVEL *MANIAC GUREVICH*

The polysubjective perception of the world in Dina Rubina's novel allows us to observe the author's voice in the narrator's comments and the characters' remarks. The author coordinates all the subjects of narration, and in his comments, he makes a connection between the time the hero experiences the event and the time the reader comprehends it. The author's commentary includes direct judgments from his own life experience, figures of silence (semantic gaps), as well as incorporated constructions. Through those ploys, it is possible to present the picture of the world in the novel which is largely determined by the phenomenon of transition of the character's internal state and his external displacement (emigration).
Keywords: commentary, novel, auto psychologism, narrator, author

Роман Дины Рубиной *Маньяк Гуревич* (2021) продолжает тему эмиграции в ее творчестве. В нем на многих уровнях поэтики представлен «сюжет перехода» или образ пространственной (эмиграции) и психологической (осознание в себе Другого) трансгрессии. Сюжет реализуется путем взаимодействия категорий Я–Другой, Свой–Чужой, что на материале предыдущих произведений (например, ее известной трилогии *Люди воздуха*) отчасти рассмотрели Татьяна Бреева и Антон Афанасьев, прежде всего, в контексте современной женской прозы¹. Состояние вечной «переходности» связано, по-видимому, и с профессией «маньяка» Семена Гуревича, психиатра, отличавшегося необыкновенной чувствительностью, способностью к состраданию, сентиментальностью². Такую особенность характера связыва-

¹ Т. Бреева, А. Афанасьев, «Сюжет перехода» в современной женской литературе, Флинта, Москва 2018.

² Образ Гуревича навеян общением автора с ее другом, психиатром Владимиром Гамовым.

ем с влиянием на его воспитание отца, также психиатра, члена Пушкинской комиссии в Санкт-Петербурге. Звучащее поэтическое слово, часто продолжающее реплику отца или, как в последней главе, нарратора, не воспринимается как голос «Другого». В сознании героя поэтическое слово закрепляется как элемент самоидентификации. Можно сказать, оно стало почвой для формирования самосознания героя, основой его мышления, способом самовыражения.

Уже в названии романа распознаем манеру ироничного письма Дины Рубиной. Прозу писательницы отличает авторефлексия, ассоциативный способ связи элементов наррации. Можно сказать, что высказывание автора составляет отдельный сюжет во многих ее произведениях. В поэтике романа ощущается постоянное звучание авторского голоса в разных формах. Он распознается в несобственно-прямой речи персонажей, в конструкциях с косвенной речью, в непосредственных комментариях нарратора, вставных предложениях. В характере соединения прямой речи персонажей и описаний нарратора, которые наполняют картину мира романа, также можно отметить взгляд автора...

Под авторским комментарием в романе понимаю художественные (семантические, синтаксические, прагматические) способы выражения авторского видения мира, в котором проявляются различные коммуникативные стратегии. Учитываю суждения Вольфганга Изера об апеллятивной структуре текста, согласно которой в таких комментариях предлагаются определенные указания или подсказки для читателя. Его наделяют большой свободой оценивания и заполнения недосказанностей и, в то же время, как отметил Изер, комментарии позволяют координировать читательские реакции и интерпретации³.

В своих рассуждениях также буду опираться на то различие между имплицитной фигурой автора (когнитивного субъекта наррации) и косвенно представленной фигурой нарратора (вербально-коммуникативного субъекта наррации), которое убедительно обосновал Валерий Тюпа⁴. В соответствии с таким подходом авторская компетенция состоит в создании картины

³ W. Iser, *Apelatywna struktura tekstów*, пер. М. Łukasiewicz, «Pamiętnik Literacki» 1980, №1, с. 270–271.

⁴ В. Тюпа, *Поэтика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»*, «Новый филологический вестник» 2011, № 3(18).

мира, нарративные инстанции же «обеспечивают» смысловое единство разных форм высказывания в тексте. Авторский комментарий «растворяется» в репликах имплицитного нарратора, который часто включается в повествование, уточняя, поясняя, обобщая в своих комментариях происходящее, но не представляет себя непосредственно как персонажа и не вспоминает истории из своей жизни. Опираясь на классификацию Вольфа Шмида, можно отметить, что имплицитный нарратор непосредственно не участвует в событиях и не заявлен в тексте как очевидец событий⁵. Вместе с тем, он является носителем такого взгляда на мир, действительность, героев, которые близки автору и его персонажам. В основном, нарратор сближается с фокусом зрения главного героя (Семена Гуревича) и его окружения. В риторических комментариях, как можно предположить, заложена позиция, объединяющая автора, нарратора и героев романа. В них устанавливаются связи между событиями и повествованием, осуществляется некий «надзор» над хронотопом воспоминаний.

Использование несобственно-прямой речи и реплик героев в виде прямой речи создает в тексте эффект максимального проникновения в образ мыслей и действий доктора Гуревича, кажется, что автор вдохновляется его мировидением настолько, что зачастую следует за ним. Можно предположить, что необычные реакции, необычные ситуации, в которые попадает герой, вызывают у автора потребность высказаться о каких-то важных мыслях, и это проявляется в его комментариях, графически (отступления, курсив) и синтаксически (скобки, запятые, тире, многоточие) обособленных от основного повествовательного текста.

Анализируя повествование, ссылаюсь также на наблюдения ученых над функционированием вставных конструкций в прозе Дины Рубиной. Так, Виктория Клепикова рассмотрела некоторые лингвистические аспекты, связанные с сюжетообразующей, текстообразующей, акцентирующей, диалогически/апеллирующей и транспарентной функциями вставных конструкций в рассказах писательницы. Ее наблюдения над структурно-семантическим наполнением вставных конструкций можно использовать для рассмотрения образно-смысловых характеристик картины мира в романе *Маньяк Гуревич*.

⁵ В. Шмид, *Нарратология, Языки славянской культуры*, Москва 2003.

Используя наблюдения Вольфа Шмида, можно отметить, что фокусы видения нарратора и персонажа характеризуются нестабильным, динамическим характером и обуславливают исторически-продуктивные способы (модусы) перспективизации, которые могут сочетаться⁶. Немецкий исследователь нарратологии называет подобное явление «вариофокальной перспективой»⁷. Речь идет о том, что в тексте в общую канву повествования имплицитного нарратора вкрапляются прямая речь персонажей, суждения нарратора, в которых распознается жизненный опыт автора.

Важно отметить, что писательница в своем видении мира следует за восприятием своего персонажа, как бы «вживаясь» в артистическую роль. Иногда в своих авторефлексиях автор как бы «выходит» за границу сферы мировидения героя, что также станет предметом анализа в статье. Автор предстает перед читателем со своим собственным мировидением, жизненным опытом. Артистичность манеры письма усиливает притягательность образа автора. Кстати, в своих интервью Дина Рубина не раз повторяла, что в интонации писателя до известной степени должна звучать дудка Крысолова. Лучшим подтверждением ее слов стали аудиозаписи книг писательницы, озвученные ее голосом.

Эту особенность творческой манеры Дины Рубиной уже отмечали исследователи. Важной составляющей писательской авторефлексии признают установку на творческую трансформацию своего «Я», что сопоставимо с отражением образа в зеркале⁸. Можно сказать, что в романах писательницы совершается переход от одного фокуса видения (нарратора) к другому (одного из героев). В основном преобладает восприятие, максимально идентичное восприятию Семена Гуревича, главного героя романа, его близких и окружения, но в комментариях, суждениях, оценках нарратора наблюдаем расширение субъективного видения. Читатель занимает при этом позицию воображаемого наблюдателя за сценическим действием, что, согласно представлениям Франца Штанцеля, соответствует нейтральному типу наррации⁹.

⁶ Там жею

⁷ Там жею

⁸ Т. Бреева, А. Афанасьев, «Сюжет перехода» в современной женской литературе..., с. 16.

⁹ F. Stanzel, *Sytuacja narracyjna i epicki czas przeszły*, пер. R. Handke, «Pamiętnik Literacki 1970, z. 4, <https://inlnk.ru/Vo89MV> (4.12.2022).

Свой роман известная писательница назвала *Жизнеописание в картинках*. Тем самым она задала способ наррации и характер коммуникации с читателем. Жизнеописание традиционно составляет основу житийных текстов, биографических и мемуарных произведений, в частности, автобиографии, а также различных повестей о жизни героя. В последних преобладает нравоописательная картина мира, характеризующая социальное окружение героя, его поведение, образ мыслей, соотносимые с принятыми в конкретном обществе представлениями и ценностями.

В повествовании романа распознаются суждения, оценки на основе жизненного опыта автора, которые и станут предметом анализа в данной статье. В этих, часто отделенных от повествования, комментариях отмечается момент или состояние, вызванное внезапными образами, ассоциациями, воспоминаниями... Эти фрагменты наррации посвящены автопрезентации, связанной с нацеленностью сознания повествователя на объекты (факты, события, персонажи).

Попробую представить, как изменяется характер трансляции (воссоздания) авторской картины мира в разных по форме комментариях.

В основе подобных размышлений — представление о том, что повествование романа характеризуется полисубъектным видением мира. Полисубъектность проявляется в полифонизме речи: описание нарратора от третьего лица сменяется внутренними голосами героя. В такой авторской координации регистров и модальности высказывания .проявляется творческая индивидуальность писательницы. Смена регистров отразилась и на языковой картине мира. Не случайно исследователи (Елена Кубрякова, Наталья Гончарова) рассматривают языковую картину мира как часть «общей концептуальной модели мира» человека»¹⁰. Ответственным за смену субъектов повествования является автор, так как в его компетенции находятся представления о взглядах социума или группы людей (к которым он причисляет себя) и тогда появляется форма наррации от лица «мы». Для того, чтобы подчеркнуть уникальность восприятия мира Гуревича используется непосредственное обращение к нему в наррации («ты»). Подобный переход от формы «мы»

¹⁰ Н. Гончарова, *Языковая картина мира как объект лингвистического описания*. «Известия ТулГУ. Гуманитарные науки» 2012, №2, с. 399.

к «ты» встречаем в главе *Начало*. О жителях Ленинграда сообщается: «Люди мы странные и смурные, на свинцовом ходу...»¹¹. В то же время особенность позиции Гуревича по отношению к позиции врача (в жизни и в машине скорой помощи) подчеркнута непосредственным обращением к нему: «А ты-ты позади, в конце, твое дело маленькое. Можно книжку почитать, вздремнуть, позубрить учебник»¹².

Говорить о жизненном опыте автора позволяют рефлексии нарратора, содержащие образ мира и способ видения, присущие Дине Рубиной.

Об этом можно судить на основе анализа ее других произведений, а также на основе многочисленных интервью, выступлений писательницы. Читатель понимает, что комментарии содержат выводы, к которым автор пришел в процессе прожитой им жизни. Более того, образ Дины Рубиной, известной писательницы, эпизодически встречается в сюжете. Именно ей Семен Гуревич подарил во время встречи книгу лирических стихотворений Николая Шелягина, узника психиатрической больницы специального режима.

В характеристике необычного способа мировосприятия Гуревича можем отметить суждения всеведающего нарратора, с позиции которого проявляются взгляд и жизненный опыт автора¹³.

Гуревич пока не знал, что жанр его биографии — буффонада, хотя и грустная; он еще пытался увильнуть от судьбы и, бывало, унывал. Если падал мордой в торт или пытался вырваться из-под града кулаков.

Тут нельзя не отметить крайнее несовпадение внутреннего мира этого мальчика со всеми институтами любого, не только советского, общественного строя...¹⁴

Думаю, в этом фрагменте, авторский голос вторгается в повествование, поскольку автор стремится поделиться своими сформированными взглядами на такой нонконформистский стиль поведения главного героя, напоминающий поведение известных и неизвестных личностей, которые «выламывались» из

¹¹ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич*, <https://www.litres.ru/dina-rubina/manyak-gurevich/> (4.12.2022).

¹² Там же.

¹³ Понятие «всеведающий» автор использует Шмид в книге *Нарратология*. В. Шмид, *Нарратология...*

¹⁴ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич*

социальной среды. Об этом автор непосредственно высказался в эпиграфе к роману, представив своего героя читателю и проявляя заботу о комфорте рецепции: «...не хочу навешивать на своего читателя вериги тяжеловесных трагедий... Пусть читатель вздыхает, смеется и хохочет...»¹⁵.

Различными по содержанию и риторике высказывания комментариями нарратор прерывает несобственно-прямую речь, в которой зачастую содержатся указания на предполагаемого субъекта речи (папа, мама, Катя, Гуревич). Эти указания позволяют считать, что в высказывании отчетливо представлена сфера мышления героя, которая распознается в более объемной сфере авторского сознания¹⁶. Повествователь, осведомленный во всем, что было и будет в жизни этой семьи и ее окружения, предлагает читателю обратить внимание на какой-то случай из жизни, дополняя свой рассказ суждениями, оценками, риторическими вопросами и восклицаниями. Безусловно, его субъективное видение связано с тем, как воспринимает мир и себя сам герой.

Возвращаясь к авторскому определению *Жизнеописание в картинках*, хочу подчеркнуть, что случайный выбор эпизодов из жизни Гуревича и его близких, свободный характер их размещения по временной оси сюжета побуждает читателя домысливать, достраивать изложенное. Можно предположить, что спонтанная событийность и «окказиональная картина мира» в романе Дины Рубиной могут быть сопоставимы с основанной на случайностях и неизбежностях картиной мира романа Бориса Пастернака *Доктор Живаго*. Не останавливаясь на сходстве и различиях нарративных стратегий в этих романах, примем во внимание анализ повествовательной организации романа *Доктор Живаго* Валерием Тюпой, который отметил, что нарратору присуще частное сознание на основе понимания случайных событий, совпадений и переплетений судеб героев романа. Но лишь автор обладает всей полнотой знаний о повествуемом мире¹⁷.

¹⁵ Там же

¹⁶ Об особенностях соединения сферы представлений персонажа и автора в несобственно-прямой речи писала Оксана Омелькина, *Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория, Автореферат диссертации... канд. филологич. наук*, издательство, Самара 2007.

¹⁷ В. Тюпа, *Поэтика романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»...*, с. 14.

Нарратор в романе Дины Рубиной также постоянно переключается с изображения прошлого (детства, юности, периода взросления) героя к изображению настоящего (время проживания в Израиле после эмиграции) и будущего.

Так, в главе *Куриная тема рока*, посвященной описанию детской травмы Сени Гуревича, который случайно зажарил в духовке живых цыплят, нарратор во вставных эпизодах или суждениях рассуждает об особенностях «пограничной» психики героя, так и не преодолевшего во взрослые годы эту травму.

Приведу комментарий нарратора в форме риторических вопросительных конструкций.

Может, папа и не зря называл его психику «пограничной»? Ведь это и вправду не совсем нормально, что из-за одного досадного случая в детстве человек на всю жизнь разлюбил жарко протопленные помещения, вроде бань или саун?

Этот комментарий неотделим от несобственно-прямой речи, тем более что содержится указание на субъекта речи (папу). Ассоциативные представления переносят нарратора из воспоминаний о прошлом в пространство настоящего времени — в его сознании возникает образ неприятия местными жителями жары в Иерусалиме. Колоритное сравнение изнемогающих от жары людей эмоционально насыщено оценочной лексикой.

Между тем летом в Беэр-Шеве случаются особо жаркие дни. Когда буквально нечем дышать, а ты думаешь: да это настоящая чертова духовка, угораздило же выбрать климат! — даже на работе расстегиваешь вторую, а то и третью пуговицу на рубашке¹⁸.

В следующем вставном комментарии из трех небольших предложений также распознается образ авторского мира и, по видимому, он вытесняет образ Гуревича, формируемый определенными языковыми средствами. Нарратор в этом случае сохраняет роль координатора повествования. Приведем его.

Да нет, не единственный то был куриный случай! Была еще жуткая двойная казнь на даче, в Вырице. Анна Каренина в перьях; куриная тема рока...¹⁹

¹⁸ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич...*

¹⁹ Там же.

В зависимости от образа, ситуации, фразы, вызвавшей вставной комментарий, он наполняется эмотивными, психологическими, когнитивными характеристиками. В высказывании нарратора отмечены некоторые процессы восприятия (органами чувств) исходного материала. Фразеологический окказионализм «куриный случай» эмоционально окрашен. Думаю, что языковое (точнее, речевое) образное явление может служить побуждением или мотивацией по отношению к дальнейшим комментариям. Язык, возможно, определяет эмоциональный характер дальнейшего суждения, риторического пассажа, появившегося в сознании автора как цепная реакция на слово. Художественное сознание писателя позволяет также представить процессы физиологии восприятия и побуждает к мыслям о законах существования человека в мире.

В повествовании романа Дины Рубиной *Маньяк Гуревич* распознаются некоторые закономерности или характеристики «подключения» авторского голоса во вставных комментариях. В определенной степени это связано с проявлением модальности высказывания, с художественным явлением актерского «вживания» автора в образ персонажа и условного отделения от него на какое-то время. Могу предположить, что автора захлестывают собственные воспоминания, эмоции и ему не терпится непосредственно выплеснуть их. Тогда-то и прослеживаем авторский голос в ткани повествования, часто в форме вставных конструкций.

Ольга Глухова на материале современной русской прозы (в частности, Бориса Екимова, Сергея Есина, Юрия Полякова) проследила, как в несобственно-прямой речи проявляется авторская модальность. Объектом ее наблюдения стали как раз вставные конструкции в прозе этих писателей. По ее мнению, вставные конструкции позволяют соотнести авторское присутствие и внутренний мир персонажа посредством следующих факторов: эмоциональность, часто окрашенная авторской иронией, оценочность, скептический комментарий, интенсивность сообщаемой информации²⁰.

Комментарий, в котором распознается обобщенное представление о некотором явлении: например, об эмиграции и чувствах

²⁰ О. Глухова, *Несобственно-прямая речь как способ выражения авторской модальности в современной прозе*, «В мире научных открытий» 2013, № 11(47).

эмигрантов («Сады божественной деменции»), о российской неотложке и скорой помощи (*Неотложные годы. Начало*), встречаем в начале главы, в середине, после описания какого-то события или в конце, в виде философского заключения.

Эти комментарии предваряются вводной конструкцией, свидетельствующей о переключении повествования на план компетенции автора-нарратора, в котором, конечно, распознается авторский багаж знаний и представлений. Так, описание станции скорой помощи в Петербурге прерывается следующим пояснением: «Тут неплохо пояснить, чем отличается неотложка от скорой»²¹.

Глава *Богатый и здоровый* начинается вводным комментарием из риторических вопросов:

В какие только авантюры не пускались творчески активные выходцы из Руси великой! Какой только шухер не наводили на страну и коренное население! Каких только не затевали революций! Впечатление возникало такое, что все они поголовно — и московско-питерские интеллигенты, и прощецкий люд из украинской и молдавской глубинки, — несут в себе гены не местечковых хасидов, а Стеньки Разина да Емели Пугачева²².

Лирический пафос этих риторических вопросительных и восклицательных предложений напоминает лирические отступления повествователя в прозе Гоголя. Они создают характерный тон высказывания и особенности стиля в его поэме *Мертвые души*.

На вставные конструкции в форме риторических предложений обратила внимание Вероника Клепикова. Она рассмотрела их диалогическую/апеллирующую функцию, которая позволяет автору в форме вставной конструкции обращаться к читателю, вести с ним диалог или задавать риторические вопросы. В таких конструкциях автор при посредничестве нарратора апеллирует к сознанию/подсознанию читателя, а также к собственному «языковому сознанию»²³.

Вставные комментарии создают тот второй план повествования, который можно назвать автопсихологическим. С помощью таких риторических конструкций автор побуждает читателя к ди-

²¹ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич...*

²² Там же.

²³ В. Клепикова, *Вставные конструкции в рассказах Д. Рубиной: особенности функционирования*, «Язык. Культура. Коммуникация» 2017, № 1.

алогу, актуализирует его эмоционально-образную память и ресурс литературных, культурно-исторических отсылок. Думаю, это «оживляет» восприятие читателя и динамизирует повествование, связанное с основной историей главного героя романа.

Вставной комментарий, как правило, выделен в тексте романа курсивом и отделен от последующего фрагмента повествования тремя звездочками. Автор стремится обратить наше внимание на риторику этого фрагмента, содержащего не только реакцию на событие, но и когнитивно-эмоциональное отношение субъекта к способу высказывания о мире. В некоторых случаях всеведущий нарратор отмечает, что, в данном случае, передается языковая точка зрения, отличающаяся от нарративной. Так, описывая, как мама объясняла в свое время Гуревичу-студенту, в чем состоят различия немецкой и французской психиатрической школы, нарратор характеризует манеру изложения мысли героини (она говорила кратко, категорично, жестко, не подбирая выражений). Сразу же после сцены, в которой нарратор как актер передает речь персонажа, следует утверждение, в котором улавливаем и багаж знаний автора: «Советская психиатрическая школа по традиции была немецкой».

В подобных вводных комментариях, выделенных курсивом и отделенных от повествования звездочками, содержатся некоторые жизненные наблюдения, являющиеся сферой компетенции как главного персонажа (Гуревича), так и нарратора, высказывающегося при помощи несобственно-прямой речи, и, судя по риторике, стремление автора «достучаться» до каждого читателя. В разделе *Оздоровительный месяц в Друскениках* воспоминания Гуревича про закаливающие купания во время летнего отдыха с мамой в литовских Друскениках прерываются комментарием, в котором выражена распространенная позиция, что детей непременно нужно увозить летом куда-то для оздоровливания. В одной из реплик этого комментария, заканчивающейся риторическим вопросительным знаком, обнаруживаем авторскую иронию: «Видимо, у родителей, внутри находится тот же навигационный инстинкт, какой заставляет птиц лететь на юг, потом возвращаться на север?..»²⁴. В комментарии представлен вневременной взгляд, выразивший личное отношение к выезду на эмиграцию как к до конца не проработанной

²⁴ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич...*

травме. Эмоциональный всплеск проявляется в некоторых особенностях стилистики: существительное и наречия связываются между собой тире, что добавляет экспрессии. Также трудно не обратить внимание на правописание: «[...] и лететь в самолете со своими птенцами в неизвестную страну — окончательно — навсегда, с разрывающимся сердцем и навеки застрявшим в диафрагме немым воплем: ‘Что я делаю?!’»²⁵. Риторичность высказывания усиливают вопросительный и восклицательный знаки. Этот фрагмент отделен от основного повествования звездочками. Авторская оценочность передается путем соединения разных частей речи при помощи дефиса (в неизвестную страну-окончательно-навсегда), что усиливает выразительность.

В повествовании нарратора часто встречаем короткие вставные реплики в скобках, в которых содержится дополнительная информация про внешний вид и характер того или иного персонажа. Видимо, автору хочется подробнее представить того или иного персонажа, важного для повествования. При помощи таких коротких реплик автор отчетливо передает свою манеру портретного описания:

[...] классной руководительнице Нине Анатольевне исполнилось сорок три года (она скрывала возраст, очень за собой следила...)²⁶.

Такие вставные конструкции, как отмечают исследователи, позволяют выделить особо важные, с точки зрения автора, детали образа героя²⁷. Часто это замечания, позволяющие проявить женскую наблюдательность.

В несобственно-прямой речи и суждениях нарратора привлекают внимание также смысловые лакуны, которые графически передаются при помощи трех звездочек. Их можно рассматривать как пространство для обозначения недосказанных автором мыслей, дополнения образной сферы. Продуктивность таких смысловых «остановок» в наррации связывается с читательской активностью: обозначается пространство для личностного опыта. После эпизода с вручением открытки

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Об этом пишет В. Клепикова, *Вставные конструкции как элемент синтаксической организации текста*, <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/9590/2/Klepikova.pdf> (4.12.2022).

классному руководителю и выговора директора следует комментарий нарратора:

...В общем, с первого класса обнаружилось, что Гуревича при первой же возможности будут бить, — такое вот общественное предназначение, учебная программа такая на ближайшие лет десять, — если не поумнеет. Впрочем, сам он считал себя достаточно умным и вполне положительным человеком²⁸.

После суждения про опыт познания человеческой природы, следуют три звездочки, обозначающие своеобразную остановку в тексте. Возможно, в этом месте автору важно было осуществить контроль за повествованием, установить связь между временем проживания некоего события героем и временем его осмысления читателем, предоставить читателю пространство для самоидентификации, осмысления своего опыта в прошлом и настоящем. В определенном смысле такие лакуны выполняют ту же знаковую роль, что и словесный комментарий. Автор в таких местах отмечает переключение нарратора на воспроизводство личностных ассоциаций каждым из реципиентов.

В дальнейшем повествовании развивается та же тема: нарратор, возвращаясь в воспоминаниях в школьные годы Гуревича, сообщает, почему герою оказалось не пути с представителями школьного «мейнстрима».

Эмоциональные прерывания смысловых фрагментов наблюдаются в романе как на уровне больших повествовательных фрагментов, так и на уровне отдельных предложений. Графически это передается троеточием в начале или (чаще) в конце предложения. Такая синтаксическая организация высказывания, несомненно, служит авторской стратегией, позволяющей вместо дополнительных суждений, комментариев, оставить место для домысливания и эмоционального сопереживания читателю. Много таких незаконченных или начатых как бы с опозданием предложений в главе *Иосиф Флаевич*. Автор создает возможность для актуализации читательского воображения, направляя его в нужное русло. Например, перечисляя те области знания, информация из которых оседала в памяти Гуревича, автор условно обрывает этот перечень («...химические формулы, исторические даты...»). Затем с новой строки дано предложение

²⁸ Д. Рубина, *Маньяк Гуревич...*

с (условно) отсутствующим началом. Читатель может домыслить, что еще могло сохраниться в памяти неординарного подростка: «...ну и погонные метры стихов»²⁹.

Форма умолчания, обрыва повествования или недосказанности также может рассматриваться как авторский комментарий, способ эмоциональной активизации восприятия читателя.

Комментарий автора соединяется с другими формами высказывания по принципу свободной ассоциации. Можно предположить, что тем самым автор представляет своеобразную наррацию про свой опыт постижения и координации тех изображенных явлений, о которых идет речь в романе. Авторский комментарий координирует все представленные в тексте голоса, формы речи. Его можно рассматривать как фиксацию в поэтике текста тех скреп, которые создают целостную картину мира в романе. Проведенный анализ убеждает в том, что выделение авторской интенции в тексте возможно не столько в сфере изучения повествования, сколько образно-смысловых характеристик текста.

REFERENCES

- Breeva, Tatiana, and Afanassiev, Aleksandr. "Syuzhet perehoda" v sovremennoy zhenskoy literature. Moskva: Flinta, 2018 [Бреева, Татьяна, and Афанасьев, Александр. /Сюжет перехода" в современной женской литературе. Москва: Флинта, 2018].
- Glukhova, Olga. "Nesobstvenno-pryamaya rech kak sposob vyrazheniya avtorskoy modalnosti v sovremennoy proze." V mire nauchnykh otkrytiy, 2013, no. 11 [Ольга, Глухова. "Несобственно-прямая речь как способ выражения авторской модальности в современной прозе." В мире научных открытий, 2013, no. 11].
- Goncharova, Nataliya. "Yazykovaya kartina mira kak obyekt lingvisticheskogo opisaniya." Izvestiya Tul.TU. Gumanitarnyye nauki, 2012, no. 2 [Гончарова, Наталия. "Языковая картина мира как объект лингвистического описания." Известия ТулТУ. Гуманитарные науки, 2012, no 2].
- Iser, Wolfgang. "Apelatywna struktura tekstow." Transl. Łukasiewicz, Małgorzata. Pamiętnik Literacki, 1980, no. 1.
- Klepikova, Veronika. "Vstavnyye konstruksii v rasskazakh D. Rubinoy: osobennosti funktsionirovaniya." Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya, 2017, no 1 [Клепикова, Вероника. "Вставные конструкции в рассказах Д. Рубиной: особенности функционирования." Язык. Культура. Коммуникация, 2017, no. 1].
- Omelkina, Oksana. Nesobstvenno-pryamaya rech kak lingvopragmaticheskaya kategoriya. Avtoreferat dissertatsyi kand. Filolog. Nauk. Samarskiy gosudar-

²⁹ Там же.

АВТОРСКИЙ ГОЛОС...

- stvennyj universytet, Samara, 2007 [Омелькина, Оксана. *Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы). Автореферат диссертации канд. филологич. наук.* Самара: Самарский государственный университет, 2007].
- Rubina, Dina. *Maniak Gurevich* [Рубина, Дина. *Маньяк Гуревич*] <<https://www.litres.ru/dina-rubina/manyak-gurevich/>>.
- Schmid, Volf. *Narratologiya*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury, 2003 [Шмид, Вольф. *Нарратология.* Москва: Языки славянской культуры, 2003].
- Stanzel, Franz. "Sytuacja narracyjna i epicki czas przeszly." Transl. Handke, Ryszard. *Pamiętnik Literacki*, 1970, no. 4.
- Туупа, Валерий. "Поэтика романа В. Л. Пастернака 'Доктор Живаго'." *Novyy filologicheskyy vestnik*, 2012, no. 4 [Тюпа, Валерий. "Поэтика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»." *Новый филологический вестник*, 2012, no. 4].

ANATOLII ZAHNITKO (АНАТОЛИЙ ЗАГНИТКО)

<https://orcid.org/0000-0001-7398-6091>

Doniecki Uniwersytet Narodowy im. Wasyla Stusa

ОЛНА ВОЙКО (ОЛЬГА БОЙКО)

<https://orcid.org/0000-0001-5250-6538>

Uniwersytet Atatürka, Erzurum, Turcja

КОНЦЕПТ СВЕТА В РУССКОЯЗЫЧНОМ ФЭНТЕЗИЙНОМ ДИСКУРСЕ МАКСА ФРАЯ

CONCEPT LIGHT IN RUSSIAN FANTASY DISCOURSE OF MAX FREI

The main attention is focused on the structural components of LIGHT with a consistent consideration of quantitative and qualitative characteristics, as well as constructions that verbalize the concept, different in part-speech and linear length. It has been established that Light can be a characteristic of 'living reality', sometimes it is associated with the existential experiences of the characters and is accompanied by religious allusions. As a property of reality (the world), light can come from the sky, water, architectural buildings, or constitute the nature of cities. The variety of lexemes used to denote the process of luminescence, the characteristics of light, serves to create a three-dimensional picture of the magical process. The most informative are constructions of 3, 4 or more components, which, with the help of comparisons or homogeneous constructions, allow the reader to more fully present what is happening in the text.

Keywords: concept LIGHT, Max Frei, fantasy, structural analysis

Введение. Одной из задач когнитивной лингвистики является установление особенностей национально-когнитивной картины мира с диагностированием ее компонентов, что позволяет определить, как обустроено национально-когнитивное пространство и национально-когнитивная картина мира. Этому способствует применение концептуального (Элла Гусева¹), концептуально-

¹ Э. Гусева, *Концептуальный анализ как метод лингвистических исследований*, «Интеллект. Инновации. Инвестиции» 2012, № 2 (спецвыпуск), с. 24–26.

репрезентативного (Елена Беляевская², Наталия Беседина³), фреймового (Жанна Никонова⁴), прототипического (Валерий Демьянков⁵, Джордж Лакофф⁶, Элеонора Рош⁷) методов, а также метода когнитивного моделирования (Оксана Федотова⁸) и других методов и методик. Исследование концепта, анализ его структуры позволяет определить актуальность его вербальных реализаторов, установить их взаимодействие, а шире — концептуальное устройство языка. Одним из этапов представляется попытка составить антологию концептов⁹, что позволяет определить уровень и качество используемых практик анализа концептов, их квалификации, установления структуры и проч. Каждый концепт является уникальным по качеству вербализации, взаимосвязей с подобными ему структурами, реализации в когнитивно-речевых практиках, путем исследования которых можно диагностировать особенности авторского мировосприятия.

Обзор литературы. На современном этапе существует множество исследований, посвященных концепту СВЕТ. Ряд ученых анализирует его в тесной связи с концептом ТЪМА (Татьяна Гри-

² Е. Беляевская, *Воспроизводимы ли результаты концептуализации? (к вопросу о методике когнитивного анализа)*, «Вопросы когнитивной лингвистики» 2005, № 1, с. 5–14.

³ Н. Беседина, *Морфологически передаваемые концепты*, Издательство Белгородского университета, Издательство Тамбовского университета, Москва–Тамбов 2006; Н. Беседина, *Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка*, «Принципы и методы когнитивных исследований языка», Издательство Тамбовского университета, Тамбов 2008, с. 61–72.

⁴ Ж. Никонова, *Теория фреймов в лингвистических исследованиях*, Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург 2006.

⁵ В. Демьянков, *Прототипический подход* // Е. Кубрякова, В. Демьянков, Ю. Панкрац, Л. Лузина (ред.), *Краткий словарь когнитивных терминов*, Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва 1996, с. 140–145.

⁶ Дж. Лакофф, М. Джонсон, *Метафоры, которыми мы живем*, Едиториал УРСС, Москва 2004, с. 98–102.

⁷ E. Rosch, C. Mervis, W. D. Gray, D. M. Johnson, P. Boyes-Braem, *Basic objects in natural categories* «Cognitive Psychology» 1976, v. 7, с. 382–439.

⁸ О. Федотова, *Когнитивное моделирование как метод познания и изучения объекта в научных исследованиях*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2015, 4, ч. 2, с. 199–202.

⁹ *Антология концептов*, Парадигма, Волгоград 2005–2012, т. 1–7.

горьева¹⁰, Лусине Гюлумян¹¹, Татьяна Пономарева¹², Анна Родионова¹³). Концепт или идея света рассмотрены не только с точки зрения чисто концептуального анализа (Николай Максименко¹⁴, Татьяна Тимонина¹⁵), но и в аспекте русской языковой картины мира (Жанна Полежаева¹⁶), и в контексте рекламного дискурса (Халина Кудлинська¹⁷). Кроме того, в упомянутых исследованиях раскрыты этимологические (Т. Григорьева) и религиозно-духовные (Т. Пономарева) аспекты концепта СВЕТА.

Актуальность представленного исследования состоит в том, что в настоящее время полностью отсутствуют работы, посвященные анализу концепта СВЕТА в фэнтезийном дискурсе, в котором данный концепт является текстообразующим. О физике магии как процессе, специфических особенностях магии написано немного научных работ. В частности, интерес представляет статья¹⁸, в которой рассмотрены особенности происхождения

¹⁰ Т. Григорьева, *Языковая жизнь концептов «свет» и «тьма» (на материале русского языка)*, «Вестник МГЛУ», вып. 570, с. 62–75.

¹¹ Л. Гюлумян, *Языковая объективация концептов СВЕТА и ТЬМА в документальных и художественных текстах Л. Н. Андреева*: монография, РИО АГПУ, Армавир 2018.

¹² Т. Пономарева, *Концепты «свет» и «тьма» в поэзии раннего Н. Клюева // Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец)*, Череповецкий гос. ун-т Череповец 2015, с. 97–103.

¹³ А. Родионова, *Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» концепта света и тьмы в русском и английском языках*, 2011, <https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyschennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsept-a-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (21.08.2022).

¹⁴ Н. Максименко, *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта «СВЕТА» Б. Л. Пастернаком*, <https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individualno-avtorskogo-osmysleniya-kontsept-a-svet-b-l-pasternakom/viewer> (21.08.2022).

¹⁵ Т. Тимонина, *Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира А. Мердок*, «Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме», 2014, с. 142–151.

¹⁶ Ж. Полежаева, *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*, Автореф. дисс. на соиск. уч. степени канд. филол. наук, Кемерово 2008.

¹⁷ Х. Кудлинська, *Моделирующий концепт «СВЕТА» в современном русском и польском рекламном дискурсе*, «Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки», 2006, т. 148, кн. 3.

¹⁸ S. D. Vander Ploeg, K. Phillips, *Playing with Power: The Science of Magic in Interactive Fantasy* // «Journal of the Fantastic in the Arts» 1998, Vol. 9, № 2 (34).

КОНЦЕПТ СВЕТ...

магии, ее свойств в фэнтезийных интерактивных видеоиграх. Авторы говорят о том, что все больше внимания уделяется механизму, стоящему за магией, и анализируют создание персонажей игроков, атрибуты игры, характеристики персонажей и т.д. Тем не менее, все еще наблюдается недостаток исследований, посвященных анализу физических свойств магии в фэнтезийных текстах, особенно в русскоязычном секторе.

Новизна исследования заключается в том, что мы впервые подошли к вопросу физических свойств магии, в частности, реализации концепта СВЕТ, как текстообразующего концепта в русскоязычном фэнтезийном дискурсе. Рамки осуществляемого анализа позволяют поставить целью лексико-синтаксическое исследование рассматриваемого концепта, для чего необходимо выполнить ряд задач: создать выборку фрагментов текста, в которых упоминается свет или процесс свечения; вычленив из объемных фрагментов автономные синтаксические конструкции, непосредственно описывающие свет/свечение; классифицировать такие конструкции по количеству компонентов от 1-, 2-, 3-, 4- до n-компонентных; проанализировать синтаксический, лексический и семантический аспект конструкций; на основании проведенного анализа сделать выводы о частотности и цели использования автором тех или иных лексем и конструкций для создания полноценного фэнтезийного текста. Представим решение предложенных задач в схеме (рис. 1)

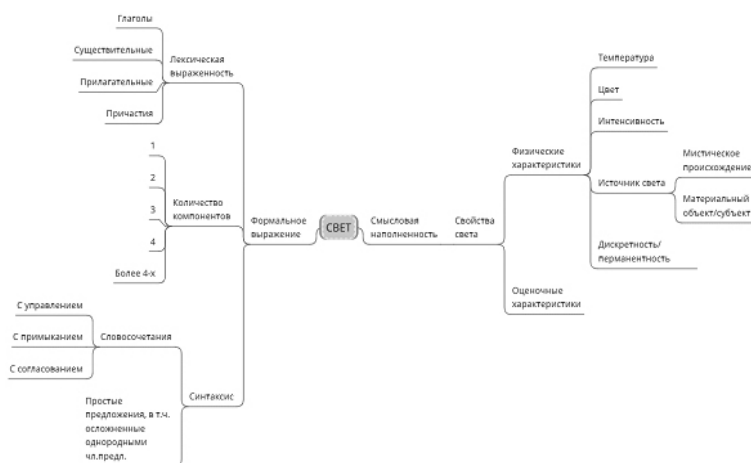

Рис. 1

Материалом анализа служит выборка (мини-корпус) из 83 фрагментов текста, включающих в себя 132 синтаксические конструкции разного типа. Для создания выборки мы использовали метод поиска ключевых слов в электронных текстах, дальнейшей их группировки, классификации и обработки, а также создания непосредственно текста в текстовом процессоре Scrivener (рис. 2)

Рис. 2

Также были использованы методы компонентного, синтаксического и количественного анализа.

Изложение основного материала. Рассмотрим лексико-синтаксические особенности конструкций, содержащих упоминание процесса свечения. Согласно точке зрения Жанны Полежаевой,

[...] глаголы-светообозначения [...] имеют разную номинативную природу — помимо глагольной еще и субстантивную, адъективную и адverbальную (ср.: сияние, блеск, светлый, сверкающий, светло), — отражают приоритетные для любого национального коллектива [...] представления о феномене света¹⁹.

В исследовании Полежаевой детально рассмотрены свойства содержательной структуры глаголов-светообозначений, семантического комплекса характерных сем светового признака:

¹⁹ Ж. Полежаева, *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*, Изд-во Кемеров. ун-та, Кемерово 2008, с. 3.

КОНЦЕПТ СВЕТА...

[...] специфичных — свет, блеск, излучаемость, видимость (зрение), абстрактных — бытийность и становление, квалифицирующих — светоотражаемость, светопроницаемость, светопропускаемость и др. Сочетания указанных сем образуют в своей тесной спаянности семантические комплексы, которые в зависимости от градации по шкале от + до -, квалифицируются как наличие или отсутствие светового признака²⁰.

Опираясь на исследования лингвистов, изучающих концепт СВЕТА, мы анализируем компонентный состав конструкций, а также их синтаксическую и лексическую составляющую, с целью определить частотность используемых лексем и их текстообразующую роль в фантазийном дискурсе Макса Фрая.

1- И 2- КОМПОНЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Однокомпонентные конструкции являются наименее частотными: в выборке представлены два варианта без уточняющих элементов: «сияние» и «светится».

2-компонентные конструкции (24) могут быть словосочетаниями с **согласованием** (13) и **примыканием** (9). Среди первых актуальными представляются конструкции, в которых:

А) прилагательное или причастие обозначает **процесс свечения** объекта (субъекта) либо **источник** такого свечения (9). Изредка может быть указана интенсивность свечения, постоянная: «яркое небо»²¹; или переменная, с использованием синонимичных причастий: «сияющие стволы»²²; «Блистающая бездна»²³; «блесну, сияющую»²⁴; «светящимися границами»²⁵; «сияющей каше»²⁶; «светящимися руками»²⁷. В отдельных случаях акцентирован источник света: «огненные тени»²⁸; «солнечный ветер»²⁹;

²⁰ Там же, с. 7.

²¹ М. Фрай, *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018. В дальнейшем все цитирования иллюстративного характера взяты из текстов этого автора, упоминания будут сопровождаться названием произведения.

²² Там же, с. 214.

²³ Там же, с. 167.

²⁴ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

²⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

²⁶ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

²⁷ *Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса*, т. 5, АСТ, Москва 2015.

²⁸ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

²⁹ *На сдачу // Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

Б) прилагательное обозначает **свойства света**, реже — его **цветовые характеристики** (4): «синего света»³⁰; интенсивность: «ослепительный свет»³¹; или субъективное, в приведенных примерах — негативное отношение героя к свету: «нехорошее сияние»³², «чертова иллюминация»³³.

Словосочетания с **управлением** (1) обозначают концентрированность света: «сгустков света»³⁴; с **падежным и собственно примыканием** маркируют место процесса свечения: «дОма не гаснет»³⁵; «сияет черт знает где»³⁶ или его фазовость: «стало светло»³⁷.

Из **предикативных частей** в составе сложных предложений мы выбирали элементы, непосредственно относящиеся к свету (7). Такие части могут характеризовать:

— начало процесса свечения, обозначаемое приставкой: «**за**-светилась паутина»³⁸ или глаголом: «**начинают** светиться»³⁹; «**начал** светиться»⁴⁰; «**начинает** светиться»⁴¹;

— течение процесса. Свет может представляться признаком объекта: «светятся руки»⁴² или субъектом, выполняющим действие, напр. по аналогии с водой — «льется свет»⁴³.

Один пример из выборки представлен **однородными членами предложения**, обозначающими парадоксальную постоянность и дискретность процесса свечения: «сверкал и светился»⁴⁴.

Таким образом, двухкомпонентные конструкции наиболее часто выражены словосочетанием с **согласованием**. Такое словосочетание может обозначать цвет, качество, интенсив-

³⁰ Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

³¹ Сундук мертвеца, АСТ, Москва 2017.

³² Магахонские лисы // Волонтёры вечности, АСТ, Москва 2007.

³³ Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

³⁴ Сладкие грезы Гравви // Наваждения, АСТ, Москва 2005.

³⁵ Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

³⁶ Там же, с. 129.

³⁷ Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося, АСТ, Москва 2005.

³⁸ Дебют в Ехо // Чужак, АСТ, Москва 2007.

³⁹ “Король Банджи” // Чужак, АСТ, Москва 2007.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018; Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

⁴² Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса, т. 5, АСТ, Москва 2015.

⁴³ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018.

⁴⁴ Мертвый ноль, АСТ, Москва 2018.

ность самого света, процесс свечения разнообразных субъектов. Частотными являются причастия, характеризующие интенсивность свечения: «сияющий» (4), и глаголы, указывающие на перманентность света: «светить(ся)» (5).

3-КОМПОНЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Конструкции из трех компонентов многочисленны (44) и их можно классифицировать по нескольким признакам.

Наиболее частотны (16) **словосочетания**, содержащие **два однородных определения**. Они могут:

— иметь отношение к свету как объекту и обозначать ‘размер + физическую характеристику’: «крошечная шаровая молния»⁴⁵; ‘цвет + физическую характеристику’: «белоснежная шаровая молния»⁴⁶; ‘оценочную + физическую характеристики’: «невозможным небесным огнем»⁴⁷; «сладкий холодный свет»⁴⁸; ‘интенсивность свечения + цвет’: «ослепительный белый свет»⁴⁹; «ослепительно белая искра»⁵⁰; «огненно-синюю вечность»⁵¹;

— относиться к субъекту свечения и маркировать ‘качество/цвет + обозначение свечения’: «твердым сияющим небом»⁵²; «сияющим полупрозрачным языком»⁵³; «сияющего белоснежного камня»⁵⁴; «тело было... огромным и сияющим»⁵⁵; ‘оценочную характеристику + обозначение свечения’: «отличные сияющие чуваки»⁵⁶; «великолепной сверкающей башне»⁵⁷;

⁴⁵ *Магахонские лисы // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁴⁶ *Путешествие в Кеттари // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁴⁷ *Тяжелый свет Куртейна. Желтый*, АСТ, Москва 2019.

⁴⁸ *Отдай мое сердце*, АСТ, Москва 2017.

⁴⁹ *Сундук мертвеца*, Москва 2017.

⁵⁰ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁵¹ *Тяжелый свет Куртейна. Синий*, АСТ, Москва 2018.

⁵² *Отдай мое сердце*, АСТ, Москва 2017.

⁵³ *Очки Багги Бугвина // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁵⁴ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*. АСТ, Москва 2005.

⁵⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

⁵⁶ *Белый ключ // Сказки Старого Вильнюса*, т. 6, АСТ, Москва 2017.

⁵⁷ *Много прекрасных дорог // Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

«странное светящееся существо»⁵⁸; «нарядный сверкающий пояс»⁵⁹; ‘характеристику состояния + обозначение свечения’: «дрожащее сияющее пространство»⁶⁰.

Шесть типичных конструкций представляют собой **простые предложения**, включающие подлежащее, определение и сказуемое. Определение может выражать цветовую характеристику света, сказуемое — свойства процесса свечения: «вспыхнула белая молния»⁶¹; «желтый свет окутал»⁶². Иногда определение вербализует физическую характеристику света, при этом глагол может характеризовать интенсивность свечения, а прилагательное — его природу: «дневной свет ослепляет»⁶³; в некоторых примерах глагол обозначает окончание процесса: «бенгальский огонь погас»⁶⁴. В примере «смертоносные перчатки сверкнули»⁶⁵ определение относится к подлежащему (субъекту свечения), маркируя его магические (=физические) свойства. Конструкция может быть простым предложением ‘подлежащее + обстоятельство времени + сказуемое’, где сказуемое с обстоятельством времени обозначают скорость затухания: «огоньки быстро гасли»⁶⁶.

Используются словосочетания (5), обозначающие форму света, его концентрацию, и выраженные словосочетаниями с **управлением**, конструкция — ‘существительное + прилагательное/причастие + существительное’ в родительном падеже: «озера бледного света»⁶⁷; «кокон светящихся нитей»⁶⁸; «миллионы сверкающих пузырьков»⁶⁹; «мире живого света»⁷⁰; «брызгами желтого света»⁷¹. В данных примерах свет характеризуется по интенсивности (блед-

⁵⁸ *Очки Багги Бугвина // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007, 554 с.

⁵⁹ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтеры вечности*, Москва 2007.

⁶⁰ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁶¹ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

⁶² *Дебют в Ехо // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁶³ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

⁶⁴ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁶⁵ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁶⁶ *Дебют в Ехо // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018.

⁶⁹ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷⁰ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷¹ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

ного), дискретности свечения (сверкающих) или его постоянству (светящихся), цвету (желтого) и биоморфизму (живого). О биоморфизме света писал Николай Максименко, анализируя концепт СВЕТА у Бориса Пастернака. Он упоминал о трех сегментах биоморфического компонента концепта, относя этот компонент к индивидуально-авторской составляющей концепта: «В первый сегмент входят признаки, общие для всех живых существ. Второй сегмент состоит из антропоморфных признаков, третий включает зооморфные признаки»⁷².

В конструкциях типа ‘определение + обстоятельство способа действия’ (4), выраженных **словосочетаниями с управлением**, глагольная форма выражает начало или течение процесса свечения, прилагательное — интенсивность либо цветовую (физическую) характеристику света, существительное — форму свечения: «озаряется разноцветными сполохами»⁷³; «мерцали бледным светом»⁷⁴; «вспыхнула бледным светом»⁷⁵; в примере «мерцающие [...] хрустальным холодом»⁷⁶ существительное, обозначающее свет, заменено на температурную характеристику «холод», кроме того, использована метафора по сходству с материалом: «хрустальным».

В качестве описания свечения субъекта используются конструкции ‘глагол + прилагательное/причастие + существительное’ (3). Прилагательное может обозначать небольшую насыщенность оттенка. Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» проанализировала Анна Родионова, выделив два аспекта цветового значения концепта света и тьмы:

Эта сема может передаваться сложными прилагательными, которые состоят из двух частей, первая из которых содержит сему «меньшей или большей степени насыщенности основного тона цвета» (светло-, темно-), а вторая часть передает сему «основной тон цвета» (светло-зеленый, темно-зеленый), т.е. первая часть сложного прилагательного модифицирует степень насыщенности основного тона цвета, выраженного второй частью⁷⁷.

⁷² Н. Максименко, *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта «СВЕТА» Б.Л. Пастернаком*, <https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individualno-avtorskogo-osmysleniya-kontseptsa-svet-b-l-pasternakom/viewer> (21.08.2022).

⁷³ *Тяжелый свет Куртейна. Желтый*, АСТ, Москва 2019.

⁷⁴ *Магахонские лисы // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁵ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

⁷⁶ *Дебют в Echo // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁷ А. Родионова, *Средства выражения семы «насыщенность основного тона цвета» концепта света и тьмы в русском и английском языках*,

В текстах Макса Фрая невысокая насыщенность тона цвета выражается с помощью суффикса -оват-: «сверкнула зеленоватым светом»⁷⁸; «сияли голубоватым светом»⁷⁹. Насыщенность, яркость в некоторых случаях подчеркивается прилагательным: «сияющая пронзительной белизной»⁸⁰. Используются лексемы для обозначения однократности вспышки (сверкнула) или длительности процесса (сияли, сияющая).

В трех случаях наблюдаем введение однородных членов предложения в сочетании с глаголом, обозначающим начало или процесс свечения:

Тело Джуффина казалось мне огромным и сияющим. Чем дольше я смотрел на него, тем больше и ярче становился его силуэт. Поблизости тускло мерцал какой-то невнятный комок. ...он, скорее всего, уже мертв. Только мертвец мог оставаться таким маленьким и тусклым в этом [...] месте⁸¹.

В рассматриваемом примере «маленький и тусклый», а также «тускло мерцал» противопоставляются характеристике «был огромным и сияющим», «больше и ярче», что указывает на корреляцию интенсивности свечения и размера субъекта, как признаков жизни. Однородные сказуемые могут относиться к субъекту свечения: «тротуар дрожал и переливался»⁸², где глагол «переливался» обозначает быструю смену цветов. Заметим, что в похожей конструкции «начинает дрожать и мерцать»⁸³ глагольная лексема свечения также связана с глаголом движения «дрожать», что подчеркивает дискретность потока света в сочетании с синонимическими лексемами «переливался», «мерцать».

В текстах присутствуют и причастные обороты, содержащие обстоятельство места действия: «свет, льющийся отовсюду»⁸⁴; «сверкающий в солнечных лучах»⁸⁵.

<https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyschennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsepta-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer> (21.08.2022).

⁷⁸ *Магахонские лисы // Волонтеры вечности*, АСТ, Москва 2007.

⁷⁹ *Чужак // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁸⁰ *Камера №25 хох-ау // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁸¹ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

⁸² *Черный ветер // Сказки Старого Вильнюса*, т. 2, АСТ, Москва 2013.

⁸³ *Отдай мое сердце*, АСТ, Москва 2017.

⁸⁴ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

⁸⁵ *...вымышленных существ // Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

В некоторых конструкциях акцентирована магическая составляющая текста с помощью описания процесса, физически невозможного в «реальном» мире, ср: «камни сияют как фонари»⁸⁶: использовано сравнение «как фонари» для обозначения интенсивности свечения объекта, которому традиционно не свойственно излучать свет. Предложение «девочки взрывались фейерверками»⁸⁷ также состоит из подлежащего, сказуемого и обстоятельства способа действия, и так же подчеркивает фантастическую природу процесса.

Особую группу составляют предложения «И будет свет; везде будет свет; мы будем свет» из рассказа *Жили в шатрах, умывались бисером*⁸⁸. Расположенные в таком порядке, они указывают на градацию и трансформацию свечения в будущем: вначале свет «будет», после он «будет везде», и в конце «мы будем свет», что означает переход живых субъектов в качественно иную форму существования.

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что наиболее часто в текстах встречаются трехкомпонентные конструкции с однородными определениями, характеризующими процесс свечения, физические и цветовые характеристики света и объекта свечения.

4-КОМПОНЕНТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Группа 4-компонентных конструкций состоит из выборки в 28 единиц, среди которых наиболее частотными (14) являются конструкции, актуализирующие процесс свечения (его начало, течение или завершение), физические или цветовые характеристики и собственно свет, обозначенный в тексте синонимическими лексемами.

Начало процесса выражается глаголами «вспыхнуть», «озариться», «засветиться»: «вспыхнули ослепительно белым огнем»⁸⁹; «вспыхнуло ослепительно-белое пламя»⁹⁰ — в обеих

⁸⁶ Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

⁸⁷ Черный ветер // Сказки Старого Вильнюса, т. 2, АСТ, Москва 2013.

⁸⁸ Жили в шатрах, умывались бисером // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.

⁸⁹ Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося, АСТ, Москва 2005.

⁹⁰ Зеленые воды Ишмы // Наваждения, АСТ, Москва 2005.

конструкциях свет сопоставляется с огнем, и в обоих случаях использованы сочетания 'интенсивность света + цвет': «ослепительно-белый», «ослепительно белый». Характерно, что наличие или отсутствие дефиса меняет семантическую характеристику наречия: при наличии дефиса наречие «ослепительно» означает яркость цвета, при отсутствии — физическое, зрительное восприятие интенсивности цвета. В конструкциях «озарилась холодным бледным светом»⁹¹; «засветился тусклым сиреневым светом»⁹² использованы прилагательные, обозначающие слабую интенсивность света: «бледным», «тусклым», актуализирован цвет: «сиреневым» или физическая характеристика: «холодным».

Продолжительность, непрерывность процесса свечения актуализирована в восьми примерах. Такие конструкции указывают на характер свечения, а также содержат физическую и цветовую гамму света, выражаемые прилагательными: «светился теплым оранжевым светом»⁹³; «сияющий ярким зеленым светом»⁹⁴; «мерцающие бледным красноватым светом»⁹⁵; «сияющие ослепительным синим светом»⁹⁶. В других случаях оба определения указывают на физические характеристики света: «ясным холодным лучам, льющимся [...]»⁹⁷; «мерцает тусклым холодным светом»⁹⁸. В конструкции «сияющий изнутри теплым светом»⁹⁹ наблюдаем наречие «изнутри», реализующее локативную функцию, прилагательное же актуализирует физическую характеристику света — «теплый».

Особого внимания заслуживает конструкция-оксюморон, характерная для текстов Макса Фрая: «как бы светятся густой темнотой»¹⁰⁰. В данном случае модальная частица «как бы» подчеркивает своеобразие описываемого явления, ведь темнота изначально воспринимается как отсутствие света, а здесь темнота становится синонимом света. Описание подобного процесса наблюдаем в романе *Тубурская игра*:

⁹¹ *Гнезда Химер. Хроники Хугайды*, АСТ, Москва 2015.

⁹² *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

⁹³ «Король Банджи» // *Чужак*, АСТ, Москва 2007.

⁹⁴ *Болтливый мертвец // Болтливый мертвец*, АСТ, Москва 2006.

⁹⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

⁹⁶ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

⁹⁷ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

⁹⁸ *Я иду искать*, АСТ, Москва 2016.

⁹⁹ *Чужак // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹⁰⁰ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

КОНЦЕПТ СВЕТА...

Все вы [...] видели, как светит, рассеивая мрак, очень большой, мощный фонарь. Теперь представьте себе, что на дворе белый день, а от фонаря исходит тьма...¹⁰¹.

Пять конструкций указывают на источник света и описывают физические и/или цветовые характеристики свечения. Так, в сочетаниях «оранжевый свет сердитых грибов»¹⁰²; «шары с голубоватым светящимся газом»¹⁰³ каузаторами света являются светильники, однако «сердитые грибы» светятся сами «оранжевым светом», в то время как шары наполнены «голубоватым светящимся газом». Свет может исходить от иных волшебных объектов, отражаясь от них: «сверкают обрывки золотых волокон»¹⁰⁴.

В двух случаях источник света — солнце. В конструкции «яркий свет предзакатного солнца»¹⁰⁵ определение источника света указывает на время происходящего и одновременно является физической квалификацией, относящейся к «яркому свету». В предложении «сияют целых два солнца»¹⁰⁶ нет характеристики ни света, ни его источника, однако количество — два — конкретизирует интенсивность свечения. Заключительный в этой группе пример — «светом неведомой новой жизни»¹⁰⁷ — переводит значение физического света в экзистенциальную плоскость.

Четыре конструкции выделяем по признаку оценочности характеристики качества света. Так, в позитивном ключе построены сочетания: «изумительными переливами прозрачного света»¹⁰⁸; «зареву такого удивительного оттенка»¹⁰⁹, где синонимы «изумительный», «удивительный» в комплексе с существительными «переливы», «зареву» выполняют суггестивную функцию для создания атмосферы сказочности, волшебства. В конструкции «непереносимо яркого изумрудно-зеленого сияния»¹¹⁰ сочетание слов «непереносимо яркого» является

¹⁰¹ *Тубурская игра*, Амфора, Москва 2013.

¹⁰² «Король Банджи» // *Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ *После того, как всё* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹⁰⁵ *Голова и лира плыли по Гебру* // *Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

¹⁰⁶ *На дачу* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 1, АСТ, Москва 2012.

¹⁰⁷ *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

¹⁰⁸ *Возвращение Угурбадо* // *Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

¹⁰⁹ *Тяжелый свет Куртейна. Синий*, АСТ, Москва 2018.

¹¹⁰ *Тень Гугимагона* // *Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

нейтральным, объективным, в отличие от синонимичного «невыносимо», однако указывает на повышенную интенсивность, недоступную для человеческого восприятия. Кроме того, использовано редкое для текстов Макса Фрая цветочное определение «изумрудно-зеленый». В негативном ключе построена конструкция «каким-то неприятным бледным светом»¹¹¹, где оценочность выражена сочетанием местоимения «каким-то» и прилагательных «неприятным» и «бледным».

Всего два примера, указывающих на окончание процесса свечения. В одном случае — в связи с исчезновением субъекта свечения: «неправдоподобный сияющий мир исчез»¹¹²; в этом предложении конструкция включает компоненты, указывающие на нереалистичность субъекта: «неправдоподобный»; на процесс свечения: «сияющий»; и собственно на природу субъекта: «мир». Другое словосочетание обозначает физическую и цветовую характеристику света, который перестает светить: «теплый желтый свет угас»¹¹³.

В двух сочетаниях объекты свечения характеризуются по их качеству или количеству. В примере «тоненький лучик бледного света»¹¹⁴ очевидной становится слабая интенсивность свечения: использованы уменьшительно-ласкательные суффиксы и специфическая семантика прилагательного: «тоненький лучик», а также охарактеризована интенсивность света: «бледного». В конструкции «миллионы крошечных сияющих пылинок»¹¹⁵ лексема «пылинки» указывает на незначительность размеров светящегося субъекта, что усиливается определением «крошечных», однако незначительность размеров компенсируется и даже доминирует через количество объектов: «миллионы», что указывает на повышенную интенсивность свечения.

Интерес представляют две конструкции, указывающие на биоморфизм света или субъекта свечения. В текстах Макса Фрая встречаются сочетания, которые мы можем отнести ко второму сегменту биоморфизма света (по Максименко), включающему антропоморфные признаки: «огненный шар, веселый

¹¹¹ *Путешествие в Кеттари // Чужак*, АСТ, Москва 2007.

¹¹² *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹¹³ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹¹⁴ *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

¹¹⁵ *Тень Гугимагона // Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

и сердитый»¹¹⁶; «золотой ручей, веселый и звонкий»¹¹⁷. Определение «веселый» в одном случае создает контраст, многогранность «характера»: огненный шар «веселый и сердитый», а в другом случае — гармонично сочетается с определением «звонкий» и дополняется цвето-материальной характеристикой субъекта: «золотой» ручей.

Как и в блоке с 3-компонентными конструкциями, наиболее частотными являются сочетания с характеристикой света, однако 4-компонентные в этом случае более точно выражают свойства света благодаря однородным определениям, указывающим на цветовую и физическую (иногда — оценочную) характеристики.

РАЗВЕРНУТЫЕ, МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ

Большой интерес для лингвистического анализа представляют конструкции, состоящие из более чем четырех компонентов. Эту выборку (32 ед.) можно разделить на несколько групп.

1. Конструкции-сравнения (9).

1.1. Сравнение магического света с бытовым (6). В трех случаях наблюдаем сравнение со светильниками, выраженное союзами «как», «словно», и уточнение физических, в т.ч. цветовых характеристик, интенсивности свечения: «засияла тусклым светом, словно под нею была спрятана настольная лампа»¹¹⁸. В данном примере тусклость света без уточнения его цветового оттенка аргументируется тем, что источник скрыт. Кроме того, конструкция выражает начало процесса свечения: «засияла». В примере «вспыхнул изнутри теплым желтым светом, как зажженная керосиновая лампа»¹¹⁹ наблюдаем глагол начала свечения: «вспыхнул», указание на характеристики света: «теплый желтый», а также сравнение с лампой, но не настольной, а керосиновой, и в этом случае акцентировано внимание на том, что лампа «зажжена». Еще одно сравнение со светильником от-

¹¹⁶ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.*

¹¹⁷ *Оплата по договоренности // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.*

¹¹⁸ *Две горсти гороха, одна — морского песка // Сказки Старого Вильнюса, т. 3, АСТ, Москва 2014.*

¹¹⁹ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения, АСТ, Москва 2005.*

сылает к осветительным приборам мира Ехо: «Мерцал [...] как старый грибной фонарь, — тусклым светом насыщенного оранжевого оттенка»¹²⁰. Свечение находится в процессе, свет дискретный: «мерцал»; указание на возраст грибного фонаря — старый — апеллирует к размерам (старые грибы большого размера) и цвету. Характерно, что оттенок «насыщенный оранжевый», но при этом свет «тусклый». Конструкции такого рода создают образ, который легче вообразить читателю, в том числе и хорошо знакомому с бытом мира Ехо.

1.2. Отсылка к солнечному свету (2). «Руки мои сияют, как два бледных северных солнца»¹²¹; «сверкает так, словно воды его освещает как минимум дюжина солнц»¹²². В обоих примерах обнаруживаем указание на интенсивность света, благодаря гиперболическому увеличению количества источников: два, дюжина. Однако в первом примере солнца хоть и два, но свет их не интенсивен и, вероятнее всего, имеет белый оттенок: «бледных северных». Также присутствуют глаголы-синонимы, обозначающие непрерывность процесса: «сияют», «сверкает».

1.3. Метафорическое сравнение (1). В конструкции «сияющему тусклым, но теплым оранжевым светом, как оживший янтарь»¹²³ акцент смещен на теплоту света, несмотря на его тусклость, что подчеркивается сравнением с ожившим янтarem.

Итак, свет может быть сравнен с бытовыми предметами (светильниками), с сиянием большого количества солнц, в некоторых случаях использованы поэтические сравнения типа «оживший янтарь».

2. Нанизывание однородных определений (23).

2.1. Два однородных определения (3). В данной группе конструкции схожи с теми, что используются в 3- и 4-компонентных сочетаниях: 'объект света + характеристика (физическая, в т.ч. цветовая, магическая, оценочная) + глагол начала, продолжения или окончания процесса свечения', с вариатив-

¹²⁰ *Я иду искать*, АСТ, Москва 2016.

¹²¹ *Я или ночь // Сказки Старого Вильнюса*, т. 5, АСТ, Москва 2015.

¹²² *Оплата по договоренности // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹²³ «Книга огненных страниц» // *Болтливый мертвец*, АСТ, Москва 2006.

ным добавлением обстоятельств, ср.: «засияли изнутри холодным синеватым светом»¹²⁴. Указанная конструкция, типичная для текстов Фрая, содержит характеристику света по температуре: «холодный», по цвету: «синеватый» (интенсивность оттенка снижается с помощью суффикса «-еват-») с локализацией «изнутри», указывающей на субъектность, глагол актуализирует начало свечения: «засияли». В примере: «слегка светилось [...] печальным голубоватым сиянием»¹²⁵ присутствует двойное указание на низкую интенсивность свечения: наречие «слегка» и суффикс «-оват-» в определении «голубоватым». Кроме того, наблюдаем оценочную характеристику сияния: «печальным», и глагол, указывающий на непрерывность процесса: «светилось». Подобную оценочную характеристику, но в позитивном ключе, наблюдаем в конструкции «засверкали какие-то симпатичные голубые искорки»¹²⁶. Определение «какие-то симпатичные» и уменьшительно-ласкательный суффикс «-к-» способствуют позитивному суггестивному эффекту в комбинации с глаголом начала свечения «засверкали», который к тому же создает внутреннюю аллитерацию: «засверкали искорки».

Конструкции с двумя однородными определениями схожи с 3-компонентными сочетаниями, однако расширены различными обстоятельствами, и позволяют вообразить читателю процесс в сочетании с движением, изменениями субъекта свечения, характеристиками света, как физическими, так и оценочными, обозначающими отношение героя к свету или его источнику.

2.2. Более двух однородных определений (10). Подобные конструкции определяют особое внимание автора к описанию света. Чаще всего такие сочетания встречаются в текстах из цикла «Тяжелый свет Куртейна», в котором свет и его физические и другие характеристики являются сюжетообразующими. Выделим небольшую подгруппу, где однородные определения выражают различные характеристики света.

«[...]белым, тусклым, жутким, прельстительным, обманчиво ясным светом[...]»¹²⁷. Пять определений содержат физические

¹²⁴ *Возвращение Угурбадо // Власть несбывшегося*, АСТ, Москва 2005.

¹²⁵ *Очки Багги Бугвина // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

¹²⁶ *Корабль из Арвароха и другие неприятности // Волонтёры вечности*, АСТ, Москва 2007.

¹²⁷ *Голова и лира плыли по Гебру // Неизвестным для меня способом*, АСТ, Москва 2019.

характеристики света, как то, цвет: «белый», интенсивность: «тусклый», контрастные оценки: «жуткий, прельстительный»; в некоторой степени биоморфизм: «обманчиво ясный».

«[...]озаряется невыносимо тяжелым, прельстительно синим, ярким, невидимым, то есть не всякому глазу зримым сиянием, светом его маяка»¹²⁸. В приведенном примере из четырех определений два несут оценочную характеристику, выраженную наречием и прилагательным: «невыносимо тяжелым» (оценка выражена обоими компонентами); «прельстительно синим» ('оценка+цвет'). Определение «невидимым» указывает на мистическую природу сияния, поскольку материальный свет, согласно словарям, является видимым: так, в словаре Дмитрия Ушакова первое значение указывает на видимость излучения: «Лучистая энергия, воспринимаемая глазом и делающая окружающий мир доступным зрению, видимым»¹²⁹, так же и в *Русском толковом словаре* Владимира Лопатина свет имеет первое значение «Электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее видимым окружающий мир»¹³⁰. Таким образом, «невидимый свет» явно противоречит природе привычной для читателя реальности, его источник выходит за пределы обычного зрительного восприятия: «невидимым, то есть не всякому глазу зримым». Обратим внимание на уточнение: «видимым не всякому глазу», то есть увидеть его могут избранные. Важен порядок нанизывания определений: оценка восприятия, оценка цвета, интенсивность, мистическая природа, что способствует градационному эффекту. Указан объект свечения: «свет его маяка». Синонимичная конструкция: «восхитительный, невыносимый, яркий, холодный синий невидимый свет маяка»¹³¹; наблюдаем иной порядок нанизывания определений: 'оценка восприятия, в данном случае парадоксальная («восхитительный», «невыносимый»), интенсивность, температура, цвет, мистическая природа, объект свечения'.

Подобное сочетание находим в другом примере с противопоставлением цветовой характеристики света: «свет был не синим,

¹²⁸Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

¹²⁹Д. Ушаков, Толковый словарь современного русского языка, Альта-принт, Москва 2005, 852.

¹³⁰В. Лопатин, Толковый словарь современного русского языка, Эксмо, Москва 2013, 531.

¹³¹Тяжелый свет Куртейна. Синий, АСТ, Москва 2018.

а желтым. Но таким же холодным и невыносимо ярким»¹³². Речь идет о наблюдении света наяву (синий) — холодный и во сне (желтый) — теплый. Идентичность характеристик температуры («холодный»), восприятия («невыносимо») и интенсивности («яркий») подчеркивается конструкцией «таким же».

Синонимичной и одновременно антонимичной предыдущим считаем конструкцию «невидимый глазу, упоительный, почти непереносимый для человека свет»¹³³. Синонимичность выражается в указании на мистическую природу света и восприятие его человеком: «невидимый глазу», «непереносимый для человека». Антонимичность — в оценочности: если в предыдущем примере свет «прельстительный», что несет негативную коннотацию, то здесь он «упоительный».

Сложность восприятия синего света маяка для человека доведена до крайней точки в сочетании «ядовитый неоновый, практически бьющийся в судорогах ультрамарин»¹³⁴, где использованы лексемы с негативной коннотацией «ядовитый» в сочетании с «неоновый [...] бьющийся в судорогах», и название яркого оттенка синего «ультрамарин».

В цикле «Тяжелый свет Куртейна» развернутые описания содержат множественные и многогранные характеристики света маяка. Подобные конструкции встречаются и в других текстах, они акцентируют мистическую природу света и его оценочные характеристики. Однако в тексте *Каждый хотел бы так* речь идет о Венеции как специфическом месте, где невидимое, мистическое проявление света становится видимым для всех: «сияющие нити, протянутые между небом и землей, видные тут невооруженным глазом»¹³⁵.

Небольшую группу представляют собой конструкции со **множественными однородными определениями** (10), выражающими чередование одного признака — цветового: «пестрые квадраты прозрачного света: желтого, розового, зеленого, фиолетового»¹³⁶; здесь указана форма света и его плотность: «квадраты», «прозрачного». Обратим внимание на характеристику «прозрачного»: Кудлинська, анализируя моделирующий кон-

¹³²Тяжелый свет // Сказки Старого Вильнюса, т. 4, АСТ, Москва 2015.

¹³³Слишком много кошмаров, АСТ, Москва 2015.

¹³⁴Тяжелый свет Куртейна. Синий. АСТ, Москва 2018.

¹³⁵Каждый хотел бы так // Ветры, ангелы и люди, АСТ, Москва 2014.

¹³⁶Дебют в Echo // Чужак. АСТ, Москва 2007.

цепт СВЕТ в современном русском и польском рекламных дискурсах, указывает со ссылкой на Монику Бакке:

С символикой света неразрывно связана категория прозрачности, понимаемая как форма восприятия. Прозрачность, детерминированная созидательной силой света как источника космического излучения, является метафизической реализацией человеческого стремления видеть больше («сквозь, через» что-л.), а также видеть по-другому (через образ, несущий / излучающий свет)¹³⁷.

Похожий пример нанизывания однородных определений: «вспыхнул свет — изумрудно-зелёный, розовый, оранжевый, снова зелёный, красный, голубой»¹³⁸. В наличии глагол начала свечения; в примере «из какого-то неизвестного материала, сверкающего, полупрозрачного, текучего»¹³⁹ однородные определения относятся не непосредственно к свету, а к объекту свечения, характеризуя его по характеру свечения — «сверкающего»; плотности — «полупрозрачного» и сближению с водой по физическим свойствам — «текучего». Однородные определения обособлены двоеточием, тире или запятой в постпозиции главного слова.

Два примера демонстрируют признаки биоморфизма света, указывая на присущие ему, словно человеку, черты характера: «потоки света [...] казались живыми и какими-то сердитыми»¹⁴⁰; субъективность одушевления света и осознание этой субъективности героем акцентируют лексемы «казались» и «какими-то». В примере «застывший фонтан черного света, скорее угрожающий, чем дружелюбный»¹⁴¹ использован оксюморон «черный свет», субъективность восприятия выражена через лексему «скорее», а также описан «характер» света: «скорее угрожающий, чем дружелюбный». Отсутствие черного света в «реальной» повседневности (см. примеры выше о «светящейся тьме»), его неестественность логично аргументируют такой его «характер».

¹³⁷Х. Кудлинська, *Моделирующий концепт «СВЕТ» в современном русском и польском рекламном дискурсе*, «Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки» 2006, том 148, кн. 3. См.: М. Bakke, *Efemeryczne i przezroczyste* // А. Jamrozakowa (ред.), *Rewizje — kontynuacje. Sztuka i estetyka w czasach transformacji*, Humaniora, Poznań 1996, с. 89–100.

¹³⁸*Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

¹³⁹*Strange love* // *Сказки Старого Вильнюса*, т. 4, АСТ, Москва 2015.

¹⁴⁰*Тень Гугимагона* // *Простые волшебные вещи*, АСТ, Москва 2005.

¹⁴¹*Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

В трех примерах свет возводится в экзистенциальную плоскость, в некоторых случаях он ассоциируется с миром: «свет, который пронизывает весь Мир»¹⁴²; наблюдаем позитивную коннотацию слова «пронизывает». В других примерах свет соотносится с религиозными исканиями: «свет — то ли сам бог, то ли кратчайший путь к нему»¹⁴³; а также может быть присущ реальности в процессе ее изменений: «реальность зазвенела, заискрилась, пошла в пляс»¹⁴⁴ — в качестве однородных сказуемых выступает звуковая характеристика: «зазвенела»; световая — «заискрилась», описание движения — «пошла в пляс». Все глаголы обозначают начало процесса звучания, движения, свечения.

Три конструкции описывают природу света, ситуацию его возникновения: «к небу взмыл настоящий фейерверк, образованный причудливым переплетением оживших струй воды и огня»¹⁴⁵. Своеобразная природа фейерверка, как формы света, охарактеризована с помощью лексем «причудливым», «переплетением», а также метафоры «оживших струй воды». Световые эффекты могут сопровождать распад формы: «пляску нескольких тысяч крошечных клочков сияющего тумана, на которые... рассыпался призрак Иосиф»¹⁴⁶. Как и в рассмотренном выше примере с «крошечными пылинками», очень маленький размер световых элементов — «крошечных клочков сияющего тумана» — уравнивается их количеством («нескольких тысяч»), и движением («пляску»).

Наблюдаем описание трансформации света магического происхождения и последствия его использования: «сгусток ослепительно-зеленого сияния стал огромным и взорвался, распоров мерцающее пространство»¹⁴⁷. В данном случае происходит некое противостояние света разной природы: «сгусток ослепительно-зеленого сияния» (шаровая молния), охарактеризованный по плотности («сгусток») и цвету («ослепительно-зеленого») увеличивается в размерах, что ему обычно не свойственно. Такая трансформация вызвана тем, что магическая молния была вы-

¹⁴² *Вся правда о нас*, АСТ, Москва 2015.

¹⁴³ *Сундук мертвеца*, АСТ, Москва 2017.

¹⁴⁴ *Например, позавчера // Сказки Старого Вильнюса*, т. 2, АСТ, Москва 2013.

¹⁴⁵ *Зеленые воды Ишмы // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹⁴⁶ *Только начало // Сказки Старого Вильнюса*, т. 3, АСТ, Москва 2014.

¹⁴⁷ *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

пущена не в человека/животное, а в одушевленное пространство города Черхавла, вследствие чего «сгусток» «взорвался, распоров мерцающее пространство». Световая природа города-наваждения Черхавла описана в нескольких текстах из разных циклов, посвященных городу Ехо. В зависимости от сюжетной ситуации, меняются коннотации описания ее природы. Так, конструкция «безумным скоплением мельтешащих ярких пятен» встречается в тексте *Сладкие грезы Гравви*¹⁴⁸, в котором город впервые выступает участником коммуникативной ситуации и пытается взять в плен главного героя. Поскольку повествование ведется от имени этого героя, использованы слова с негативной коннотацией «безумным», «мельтешащих», «пятен». При последующих упоминаниях города встречаем более нейтральные конструкции, указывающие на световую, непостоянную, иллюзорную природу города-наваждения: «лоскутное одеяло, сотканное из бликов света всех мыслимых цветов»¹⁴⁹; «лоскутное одеяло, сотканное из пестрых дрожащих бликов света»¹⁵⁰; обратим внимание на почти полную синонимичность описаний. Однако во втором случае переменчивость, дискретность свечения, выраженная с помощью лексемы «бликов», усилена причастием «дрожащих». Наконец, в примере «Кофа иногда еще и истинную природу Черхавлы прозревал. Которая — чистый свет. Зато разноцветный»¹⁵¹, наблюдаем некоторую ироничность в последующем воспоминании героя о путешествии в город-наваждение, выраженной с помощью инверсии, парцелляции и лексем «зато», «прозревал».

Многокомпонентные конструкции позволяют использовать сравнения, метафоры, включать множественные однородные определения, характеризующие оценочную, физическую (в т.ч. цветовую), мистическую характеристики света. С их помощью создаются многогранные визуализации процесса магического свечения, расшифровывается природа реальности множественных миров.

Выводы. Свет является важной составляющей концепта МАГИЯ в мирах Макса Фрая. Наиболее широко его можно по-

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ М. Фрай, *Мертвый ноль*, АСТ, Москва 2018.

¹⁵⁰ М. Фрай, *Сладкие грезы Гравви // Наваждения*, АСТ, Москва 2005.

¹⁵¹ М. Фрай, *Слишком много кошмаров*, АСТ, Москва 2015.

нимать как характеристику 'живого мира/живой реальности', свет может быть связан с экзистенциальными переживаниями персонажей и сопровождаться религиозными аллюзиями. Как свойство реальности (мира), свет может исходить от неба, воды, архитектурных сооружений или составлять природу городов. Помимо «видимой» реальности, в мире Ехо, как и в некоторых других мирах, присутствует «изнанка» мира (Темная Сторона), характеризующаяся инвертированием света или его нестандартными для видимой реальности свойствами.

Наиболее частотными являются лексемы, обозначающие **свет как физическое явление** (62): свет (52), сияние (7), огонь (3); **процесс свечения** (51), выраженный причастиями (26), обозначающими дискретность света: сияющий (17), сверкающий (5), мерцающий (3), блистающий (1) а также глаголами (11): мерцать (5), сиять (3), сверкать (2), искриться (1); перманентность свечения (14): светить(ся) (11), сиять (3); **цветовые характеристики** (48): желтый (11), белый (11), зеленый (9), синий (9), розовый (2), лиловый (2), синеватый (1), сиреневый (1), красный (1), черный (1); **физические характеристики** (45): интенсивность и температура (33) — яркий (12), холодный (9), бледный (8), теплый (4); форма / концентрация (12) — молния (4), нити (2), искра (2), сгусток (2), поток (1), фонтан (1); **«мистические» и субъективные характеристики** (17): невыносимый (5), невидимый (3), прельстительный (3), непереносимый (2), упоительный (1), изумительный (1), неприятный (1), печальный (1).

Разнообразие используемых лексем для обозначения процесса свечения, характеристик света, служит для создания объемной картины магического процесса. Наиболее информативными являются конструкции из 3-х, 4-х и более компонентов, которые с помощью сравнений или однородных конструкций позволяют более полно представить читателю происходящее в тексте. Почти полное отсутствие однокомпонентных конструкций свидетельствует о важной роли света в создании фэнтезийного дискурса.

Между цветообозначением света и непосредственно магическими действиями не наблюдается постоянной связи, за исключением заранее установленных обозначений, как то: цвет Смертного шара Макса всегда зеленый, цвет молний Лонли-Локли — белый. Свет маяка наяву, проводящий заблудившихся

на Другой стороне через маяк — синий (неприятный, отталкивающий); свет маяка во сне, опасный полным забытием Этой стороны — желтый, также неприятный. В иных случаях интенсивность, температура и цвет света могут различаться без корреляции с процессом. Наличие в объекте магических свойств или способности к магии субъекта чаще всего выражается глаголами/причастиями «светить(ся)» и «сиять/сияющий».

Перспективы исследования. В данном исследовании мы рассмотрели только синтаксические и лексические особенности описания концепта СВЕТ в фэнтезийном дискурсе Макса Фрая. Перспектива данного анализа состоит в том, чтобы уделить внимание детальному изучению взаимосвязи света с магией: так, свет может являться свойством самой магии или реальности, быть признаком наличия в объекте магических свойств или потентности субъекта к магии; свет может проявляться в результате колдовства и т.д. Кроме того, нераскрытой осталась тесная взаимосвязь концептов СВЕТ и ТЬМА, представленных в фэнтезийных текстах Макса Фрая в нетрадиционной интерпретации.

REFERENCES

- Bakke, Monika. “Efemeryczne i przezroczyście.” *Rewizje — kontynuacje*. Jamrozia-kowa, Anna. Ed. Poznań: Humaniora, 1996: 89–100.
- Fray, Maks. “Belyy klyuch.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 6. Moskva: AST, 2017: 7–21 [Фрай, Макс. “Белый ключ.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 6. Москва: АСТ, 2017: 7–21].
- Fray, Maks. “Boltlivyy mertvets.” *Boltlivyy mertvets*. Moskva: AST, 2006: 151–266 [Фрай, Макс. “Болтливый мертвец.” *Болтливый мертвец*. Москва: АСТ, 2006. 151–266].
- Fray, Maks. “Chernyy veter.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 2. Moskva: AST, 2013: 140–160 [Фрай, Макс. “Черный ветер.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 2, Москва: АСТ, 2013: 140–160].
- Fray, Maks. *Gnezda Khimer. Khroniki Khugaydy*. Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Гнезда Химер. Хроники Хугайды*. Москва: АСТ, 2015].
- Fray, Maks. “Golova i lira plyli po Gebru.” *Neizvestnym dlya menya sposobom*. Moskva: AST, 2019: 262–279 [Фрай, Макс. “Голова и лира плыли по Гебру.” *Неизвестным для меня способом*. Москва: АСТ, 2019. 262–279].
- Fray, Maks. “Debyut v Ekho.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 9–82 [Фрай, Макс. “Дебют в Эхо.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 9–82].
- Fray, Maks. “Dve gorsti gorokha, odna — morskogo peska: *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 371–412 [Фрай, Макс. “Две горсти гороха, одна

КОНЦЕПТ СВЕТА...

- морского песка.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 371–412].
- Fray, Maks. “Kamera №5 khokh-au.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 165–218 [Фрай, Макс. “Камера №5 хох-ау.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 165–218].
- Fray, Maks. “Kazhdyy khotel by tak.” *Vetry, angely i lyudi*. Moskva: AST, 2014: 302–345 [Фрай, Макс. “Каждый хотел бы так.” *Ветры, ангелы и люди*. Москва: АСТ, 2014: 302–345].
- Fray, Maks. “Kniga ognennykh stranits.” *Boltlivyy mertvets*, Moskva: AST, 2006: 479–532 [Фрай, Макс. “Книга огненных страниц.” *Болтливый мертвец*, Москва: АСТ, 2006: 479–532].
- Fray, Maks. “Korabl’ iz Arvarokha i drugie nepriyatnosti.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 165–362 [Фрай, Макс. “Корабль из Арвароха и другие неприятности.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 165–362].
- Fray, Maks. “Korol’ Bandyzhi.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 299–370 [Фрай, Макс. “Король Банджи.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 299–370].
- Fray, Maks. “Magakhonskie lisy.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 5–164 [Фрай, Макс. “Магахонские лисы.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 5–164].
- Fray, Maks. *Master vetrov i zakatov*. Moskva: AST, 2014 [Фрай, Макс. *Мастер ветров и закатов*. Москва: АСТ, 2014].
- Fray, Maks. *Mertvyy nol’*. Moskva: AST, 2018 [Фрай, Макс. *Мертвый ноль*. Москва: АСТ, 2018].
- Fray, Maks. “Mnogo prekrasnykh dorog.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 176–187 [Фрай, Макс. “Много прекрасных дорог.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 176–187].
- Fray, Maks. “Naprimere, pozavchera.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 2. Moskva: AST, 2013: 108–139 [Фрай, Макс. “Например, позавчера.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 2. Москва: АСТ, 2013: 108–139].
- Fray, Maks. “Na sdachu.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 7–14 [Фрай, Макс. “На сдачу.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 7–14].
- Fray, Maks. “Ochki Baggi Bugvina.” *Volonteryy vechnosti*. Moskva: AST, 2007: 363–450 [Фрай, Макс. “Очки Багги Бугвина.” *Волонтеры вечности*. Москва: АСТ, 2007: 363–450].
- Fray, Maks. “Oplata po dogovorennosti.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 15–30 [Фрай, Макс. “Оплата по договоренности.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 15–30].
- Fray, Maks. *Otday moe serdtse*. Moskva: AST, 2017 [Фрай, Макс. *Отдай мое сердце*. Москва: АСТ, 2017].
- Fray, Maks. “Posle togo, kak vse.” *Skazki Starogo Vil’nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 7–14 [Фрай, Макс. “После того, как всё.” *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 7–14].
- Fray, Maks. “Puteshestvie v Kettari.” *Chuzhak*. Moskva: AST, 2007: 471–581 [Фрай, Макс. “Путешествие в Кеттари.” *Чужак*. Москва: АСТ, 2007: 471–581].
- Fray, Maks. “Sladkie grezy Gravvi.” *Navazhdeniya*. Moskva: AST, 2005: 169–343 [Фрай, Макс. “Сладкие грезы Гравви.” *Наваждения*. Москва: АСТ, 2005: 169–343].
- Fray, Maks. *Slishkom mnogo кошмаров*. Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Слишком много кошмаров*. Москва: АСТ, 2015].

- Fray, Maks. "Strange love." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 4. Moskva: AST, 2015: 52–86 [Фрай, Макс. "Strange love." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 4. Москва: АСТ, 2015: 52–86].
- Fray, Maks. *Sunduk mertvetsa*. Moskva: AST, 2017 [Фрай, Макс. *Сундук мертвеца*. Москва: АСТ, 2017].
- Fray, Maks. "Ten' Gugimagona." *Prostye volshebnye veshchi*. Moskva: AST, 2005: 5–170 [Фрай, Макс. "Тень Гугимагона." *Простые волшебные вещи*. Москва: АСТ, 2005: 5–170].
- Fray, Maks. "Tol'ko nachalo." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 37–100 [Фрай, Макс. "Только начало." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3: Москва: АСТ, 2014: 37–100].
- Fray, Maks. *Tuburskaya igra*. Amfora, Moskva: 2013 [Фрай, Макс. *Тубурская игра*, Амфора, Москва 2013].
- Fray, Maks. "Tyazhelyy svet." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 4. Moskva: AST, 2015: 214–253 [Фрай, Макс. "Тяжелый свет." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 4. Москва: АСТ, 2015: 214–253].
- Fray, Maks. *Tyazhelyy svet Kurteyna. Zheltyy*. Moskva: AST, 2019 [Фрай, Макс. *Тяжелый свет Куртейна. Желтый*. Москва: АСТ, 2019].
- Fray, Maks. *Tyazhelyy svet Kurteyna. Siniiy*. Moskva: AST, 2018 [Фрай, Макс. *Тяжелый свет Куртейна. Синий*. Москва: АСТ, 2018].
- Fray, Maks. "Vozvrashchenie Ugurbado." *Vlast' nesbyvshegosya*. Moskva: AST, 2005: 5–192. [Фрай, Макс. "Возвращение Угурбадо." *Власть несбывшегося*. Москва: АСТ, 2005: 5–192].
- Fray, Maks. *Vsya pravda o nas*, Moskva: AST, 2015 [Фрай, Макс. *Вся правда о нас*, Москва: АСТ, 2015].
- Fray, Maks. "...vumyshlennyykh sushchestv." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 1. Moskva: AST, 2012: 188–195 [Фрай, Макс. "...вымышленных существ." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 1. Москва: АСТ, 2012: 188–195].
- Fray, Maks. *Ya idu iskat'*. Moskva: AST, 2016 [Фрай, Макс. *Я иду искать*. Москва: АСТ, 2016].
- Fray, Maks. "Ya ili noch'." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 5. Moskva: AST, 2015: 98–111 [Фрай, Макс. "Я или ночь." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 5. Москва: АСТ, 2015: 98–111].
- Fray, Maks. "Zelenye vody Ishmy." *Navazhdeniya*. Moskva: AST, 2005: 5–192 [Фрай, Макс. "Зеленые воды Ишмы." *Наваждения*. Москва: АСТ, 2005: 5–192].
- Fray, Maks. "Zhili v shatrakh, umyvalis' biserom." *Skazki Starogo Vil'nyusa*. Т. 3. Moskva: AST, 2014: 175–180 [Фрай, Макс. "Жили в шатрах, умывались бисером." *Сказки Старого Вильнюса*. Т. 3. Москва: АСТ, 2014: 175–180].
- Grigor'eva, Tat'yana. "Yazykovaya zhizn' kontseptov 'svet' i 't'ma' (na materiale russkogo yazyka)." *Vestnik MGLU*, вып. 570: 62–75 [Григорьева, Татьяна. "Языковая жизнь концептов 'свет' и 'тьма' (на материале русского языка)." *Вестник МГЛУ*, вып. 570: 62–75].
- Gyulumyan, Lusine. *Yazykovaya ob"ektivatsiya kontseptov SVET i T'MA v dokumental'nykh i khudozhestvennykh tekstakh L.N. Andreeva*. Monografiya. Armavir: RIO AGPU, 2018 [Гюлумян, Лусине. *Языковая объективация концептов СВЕТ и ТЬМА в документальных и художественных текстах Л.Н. Андреева*. Монография. Армавир: РИО АГПУ, 2018].

- Kudlins'ka, Halina. "Modeliruyushchiy kontsept 'SVET' v sovremennom russkom i pol'skom reklamnom diskurse." *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. Т. 148, кн. 3. 2006 [Кудлинська, Халина. "Моделирующий концепт 'СВЕТ' в современном русском и польском рекламном дискурсе." *Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки*. Т. 148, кн. 3. 2006].
- Lopatin, Vladimir. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Eksmo, 2013 [Лопатин, Владимир. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Эксмо, 2013].
- Maksimenko, Nikolay. *Biomorfizm kak komponent individual'no-avtorskogo osmysleniya kontsepta "SVET" B.L. Pasternakom* [Максименко, Николай. *Биоморфизм как компонент индивидуально-авторского осмысления концепта "СВЕТ" Б.Л. Пастернаком*].
- <<https://cyberleninka.ru/article/n/biomorfizm-kak-komponent-individual-no-avtorskogo-osmysleniya-kontsepta-svet-b-l-pasternakom/viewer>>.
- Pløeg, Scott D. Vander, and Phillips, Kenneth. "Playing With Power: The Science of Magic in Interactive Fantasy." *Journal of the Fantastic in the Arts*, 1998, Vol. 9, no. 2 (34).
- Polezhaeva, Zhanna. *Ideya sveta v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale glagol'noy leksiki)*. Avtoref. [...] kand. Filol. Nauk. Kemerovo, 2008 [Полежаева, Жанна. *Идея света в русской языковой картине мира (на материале глагольной лексики)*. Автореф. [...] канд. филол. наук. Кемерово, 2008].
- Ponomareva, Tat'yana. "Kontsepty 'svet' i 't'ma' v poezii rannego N. Klyueva." *Pamyat' kak mekhanizm kul'tury v russkom literaturnom protsesse (pamyati Rimmy Mikhaylovny Lazarchuk): Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (12–14 marta 2014 g., Cherepovets)*. Cherepovets: Cherepovetskiy gos. un-t, 2015: 97–103 [Пономарева, Татьяна. "Концепты 'свет' и 'тьма' в поэзии раннего Н. Клюева. Память как механизм культуры в русском литературном процессе (памяти Риммы Михайловны Лазарчук): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (12–14 марта 2014 г., Череповец). Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2015: 97–103].
- Rodionova, Anna. "Sredstva vyrazheniya semy "nasyshchennost' osnovnogo tona tsveta" kontsepta sveta i t'my v russkom i angliyskom yazykakh" [Родионова, Анна. "Средства выражения семы 'насыщенность основного тона цвета' концепта света и тьмы в русском и английском языках"] <<https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-vyrazheniya-semy-nasyshchennost-osnovnogo-tona-tsveta-kontsepta-sveta-i-tmy-v-russkom-i-angliyskom-yazykah/viewer>>.
- Timonina, Tat'yana. "Kontseptualizatsiya sveta i t'my v yazykovoy kartine mira A. Merdok." *Yazyk i kommunikatsiya v sovremennom polikul'turnom sotsiume*, 2014: 142–151 [Тимонина, Татьяна. "Концептуализация света и тьмы в языковой картине мира А. Мердок." *Язык и коммуникация в современном поликультурном социуме*, 2014: 142–151].
- Ushakov, Dmitriy. *Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka*. Moskva: Al'ta-print, 2005. 852 [Ушаков, Дмитрий. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Альта-принт, 2005. 852].

PIOTR ZEMSAŁ

<https://orcid.org/0000-0002-0822-8937>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Toruń

JĘZYKOWE SPOSOBY DEPRECJACJI UKRAINY JAKO NIEZALEŻNEGO PAŃSTWA I JEJ DELEGITYMIZACJI W DYSKURSIE ROSYJSKIEGO RADYKALNEGO PRAWOSŁAWIA

LINGUISTIC MODES OF DEPRECIATION OF UKRAINE AS AN INDEPENDENT STATE
AND ITS DELEGITIMIZATION IN THE DISCOURSE OF RUSSIAN RADICAL ORTHODOXY

The article is devoted to the linguistic ways of the depreciation of Ukraine as an independent state. The analyzed material allows us to conclude that the linguistic plane of the studied discourse reflects several ways of depreciation and delegitimization of Ukraine as an independent state. In addition to the almost mechanical replacement of the name Украина with Манопроссия, which is derived from a simple denial of Ukraine's right to independent existence, there appear such units that express certain arguments characteristic of imperial discourse: about the lack of real independence of the state (e.g. филиал, укрпроект), about the illegality of the procedures for the election of its authorities (государственный переворот), their illegal, violent character (e.g. хунта, диктатура), about the chaos prevailing on the territory of Ukraine (мазепинская самостийность, самостихийность). A characteristic feature of the Orthodox variety of imperial discourse, on the other hand, is even an indirect reference to the essentially medieval religious argumentation by pointing to the non-Christian character of the Ukrainian authorities (безбожная власть).

Keywords: discourse, Ukraine, Russia, Russian language, manipulation

W ciągu ostatniego półrocza kwestia odrębności Ukrainy i Ukraińców od Rosji i szerzej — od tego, co określa się pojęciem русский мир stała się boleśnie aktualna. Jednak podważanie odrębności Ukrainy i narodu ukraińskiego nie jest zjawiskiem nowym w rosyjskim dyskursie ideologicznym i politycznym. To zakorzenienie dotyczy zwłaszcza kwestii narodowościowej, bowiem status odrębnego państwa Ukraina zyskała stosunkowo niedawno. Dyskusja na temat statusu „ukraińskości” trwa właściwie nieprzerwanie od czasu początków współczesnej formy świadomości narodowej Ukraińców. Jako aktualną kwestię pokazywał ją choćby Iwan Turgieniew w powieści *Rudin*, wkładając w usta dość niesympatycznej postaci Pigasowa wie-

le kwestii charakteryzujących szowinistyczny, wielkoruski stosunek do Ukrainy (określanej przez Pigasowa jako Хохландия) i Ukraińców, ich kultury i języka:

- В Полтавской губернии, мой милейший, — подхватил Пигасов, — в самой Хохландии [tu i dalej podkreślenia moje — P.Z.]. (Он обрадовался случаю переменить разговор.) — Вот мы толковали о литературе, — продолжал он, — если б у меня были лишние деньги, я бы сейчас сделался малороссийским поэтом.
- Может быть, а хохол все-таки заплачет. Вы говорите: язык... Да разве существует малороссийский¹ язык? Я попросил раз одного хохла перевести следующую, первую попавшуюся мне фразу: «Грамматика есть искусство правильно читать и писать». Знаете, как он это перевел: «Храматика е выкусьтво правыльно чытаты ы пысаты... «Что ж, это язык, по-вашему? самостоятельный язык? Да скорей, чем с этим согласиться, я готов позволить лучшего своего друга истолочь в ступе...»².

Początki dążenia do opanowania Ukrainy sięgają czasów, gdy podstawowym elementem świadomości zbiorowej była religia. Prawosławne wyznanie tamtejszej ludności było, poza koncepcją zbierania ziem ruskich, znaczącym czynnikiem „uzasadniającym” pretensje Moskwy do władania tym obszarem. Od XVIII wieku Ukraina staje się nieodzowną częścią Imperium. Imperium to formalnie powstaje zresztą po wojnie północnej, której przełomowym momentem była bitwa pod Połtawą w 1709 roku. Szwedzka klęska w tej bitwie była związana nie tylko z obniżeniem statusu Szwecji jako mocarstwa, ale również z upadkiem projektu możliwie niezależnego hetmanatu Iwana Mazepy. Imperialna koncepcja Rosji i niezależna Ukraina wykluczają się zatem od samego początku istnienia Imperium, a koncepcja ta jest w różnych formach kontynuowana od czasów piotrowych do dzisiaj. Jak pisze Wołodymyr Wasylenko:

¹ Kwestię określeń Малороссия и малороссийский na razie pomijam, w połowie XIX wieku ich użycie nie musiało oznaczać negowania ukraińskości jako takiej, ponieważ sama nazwa У к р а и н а jako nazwa pewnego odrębnego narodowościowo obszaru upowszechniła się dopiero z rozwojem ukraińskiej świadomości narodowej (W.A. Serczyk, *Historia Ukrainy*, Ossolineum, Wrocław 1990, s. 10). Potwierdzenie znajdujemy zresztą w samej powieści Turgieniewa, ponieważ przychylny Ukraińcom i uznający ich odrębność oponent Pigasowa również posługuje się określeniem Малороссия.

² И. С. Тургенев, *Рудин*, w: tegoż, *Собрание сочинений в двенадцати томах*, том II, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1954, s. 24.

W przeszłości to właśnie Ukraina była bodźcem do przekształcenia się Księstwa Moskiewskiego w imperium, będąc przy tym zapleczem kapitału ludzkiego oraz zasobów duchowych i kulturowych. Włączając w swoje terytorium Ukrainę, Księstwo Moskiewskie przesunęło granice do granic Europy Wschodniej, proklamując przy tym powstanie imperium oraz przywłaszczając sobie historyczną nazwę Ukrainy — Ruś wraz z całą jej historią, a zwłaszcza historią państwowości Rusi. Wskutek tak znaczącej roli Ukrainy w historii Rosji odzyskanie niepodległości przez Ukrainę w sierpniu 1991 roku stało się wyzwaniem dla rosyjskiej świadomości imperialnej i psychologiczną traumą dla współczesnych imperialnych szowinistów³.

Interesujący jest również bardzo skomplikowany splot kwestii politycznych, narodowościowych, ale również religijnych, który uwidacznia się w tym konflikcie. Co ciekawe, choć antyukraińska propaganda prowadzona jest w rosyjskich mediach z różnym natężeniem od czasów pomarańczowej rewolucji, to dopiero w ostatnim półroczu daje się w niej zaobserwować znaczący wzrost obecności pseudoargumentacji⁴ religijnej. Bezwzględne poparcie dla inwazji ogłosił moskiewski patriarcha Cyryl, który jeszcze w 2014 roku próbował zachować przynajmniej deklaratywną neutralność wobec agresywnych kroków Rosji przeciwko Ukrainie⁵, ale po uzyskaniu autokefalii przez ukraińską cerkiew w 2018 roku zrezygnował z tej taktyki. Walczących z inwazją Ukraińców oskarża się za pośrednictwem oficjalnych serwisów o praktyki satanistyczne⁶, według doniesień „Meduzy” na Kremlu opracowano nawet wskazówki dla putinowskich propagandzistów, gdzie szczególnie podkreśla się istotność tematyki religijnej w antyukraińskiej propagandzie⁷.

³ W. Wasyleńko, *Przyczyna, charakter i cel zbrojnej agresji Rosji przeciwko Ukrainie*, „Pomiędzy. Polonistyczno-Ukrainoznawcze Studia Naukowe” 2017, vol. 3, s. 22.

⁴ Pseudoargumentacji, gdyż nie mowa tu o argumentach wywiedzionych z prawd wiary, ale o zwykłym etykietowaniu przeciwników, np. jako wyznawców Szatana.

⁵ K. Jarzyńska, *Ukraińska gra patriarchy Cyryla*, „Komentarze Ośrodka Studiów Wschodnich” 2014, nr 144, s. 1, https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/komentarze_144.pdf (22.09.2022).

⁶ A. Казаков, *Козья Морда. Сатанизм и оккультизм стали идеологией украинских нацбатов*, „РИА НОВОСТИ”, <https://ria.ru/20220603/satanizm-1792956737.html> (16.09.2022).

⁷ A. Перцев, *В Кремле подготовили новую методичку о том, как пропаганда должна рассказывать о войне. Мы ее прочитали «Спецоперацию» нужно сравнивать с крещением Руси, а Путина — с Александром Невским*, „Meduza” 01.08.2022, <https://meduza.io/feature/2022/08/01/v-kremle-podgotovili-novuyu-metodichku-o-tom-kak-propaganda-dolzha-rasskazyvat-o-voynemy-ee-prochitali>.(22.09.2022).

Świadczy to o wyraźnym zbliżeniu dyskursu oficjalnej kremłowskiej propagandy z dyskursem prawosławnych ultranacjonalistów, przynajmniej w kwestii ukraińskiej. Co więcej, badany przeze mnie dyskurs radykalnego prawosławia⁸ w tej sprawie wyprzedzał oficjalną rosyjską propagandę. Dlatego wydaje się, że warto przyrzeć się temu dyskursowi również pod kątem politycznego zaangażowania w tematykę ukraińską. Ogólne założenia w kwestii ukraińskiej, które dają się odczytać z badanych tekstów, są całkowicie zgodne z oficjalnie promowaną perspektywą Kremla, którą w punktach charakteryzuje Wasylenko:

- Rosjanie i Ukraińcy są jednym narodem, a połączenie ich w jednym państwie ma być ostatnim etapem kształtowania „nadnarodu” i „ruskiego miru” z jedną Cerkwią, jednym językiem i kulturą;
- Ukraina jest częścią Rosji i nie powinna istnieć poza nią;
- Ukraina ponosi winę za upadek imperium sowieckiego i wywołane przez to niepowodzenia Rosji;
- istnienie niezależnego państwa ukraińskiego pozostaje geopolityczną anomalią i stanowi zagrożenie strategiczne dla Rosji;
- Rosja bez Ukrainy jest geopolitycznie niepełna i nie może odrodzić się jako „nadpaństwo” na arenie międzynarodowej⁹.

Celem niniejszego artykułu jest omówienie językowych sposobów wyrażania wybranych elementów tego zespołu idei w badanym dyskursie, które bezpośrednio dotyczą ukraińskiej państwowości.

Źródłem materiału analitycznego stał się agregator informacji *Москва — Третий Рим*¹⁰, który zbiera i republikuje materiały ze źródeł wybieranych pod kątem promowanej przez portal orientacji ideologicznej. Do źródeł tych należą m.in. internetowe i papierowe wydawnictwa: *Семья и вера*¹¹, *Оптина пустынь, живая летопись*¹², *Русь-Фронт*¹³, *Институт высокого коммуни-*

⁸ Jako radykalne środowiska prawosławne określam wspólnoty o głęboko konserwatywnych poglądach, oparte na przyjęciu dominującej perspektywy prawosławnej przy jednoczesnym kontestowaniu innych sposobów widzenia świata. Ze względu na to, że organizacje tego typu działają w Rosji nie do końca legalnie (np. *Христианское государство — Святая Русь*) trudno jest określić liczebność tych środowisk, ale mają one znaczący wpływ na kształt dyskursu politycznego w Rosji i swoich przedstawicieli w parlamencie (np. Witalij Miłonow).

⁹ W. Wasylenko, *Przyczyna, charakter i cel zbrojnej agresji...*, s. 22.

¹⁰ <https://3rm.info> (22.09.2022).

¹¹ <https://semyaivera.ru> (22.09.2022).

¹² <http://www.optina-pustin.ru/> (22.09.2022).

¹³ <https://www.rusfront.ru> (22.09.2022).

таризма¹⁴, *Культуролог*¹⁵, *Газета Православный Крест*¹⁶, *Православный воин*¹⁷, *Православие.Ru*¹⁸. Jeśli do statystyki odwiedzin samego portalu (według serwisu similarweb.com¹⁹ w lipcu 2022 roku stronę odwiedzono ponad 845 tys. razy) doliczyć również liczbę czytelników tych mediów (np. według tego samego serwisu analitycznego dla analogicznego okresu: *Семья и вера* — 94 tys., ale już *Православие.Ru* — 5,1 mln i miesięczny wzrost popularności o niemal 10%), wyłania nam się dość pokaźna grupa odbiorców, której głos jest coraz wyraźniej słyszalny w oficjalnych narracjach. Analizie poddano niemal 800 tekstów opublikowanych przez agregator w latach 2016–2018²⁰, a więc w okresie po względnym osłabieniu euforii spowodowanej aneksją Krymu, ale długo przed kolejną eskalacją związaną z inwazją na Ukrainę 24 lutego 2022 roku. Chodziło o to, by zbadać taki wycinek dyskursu, który reprezentuje pewną jego konstantę w okresie działań wojennych ograniczonych do Donbasu. Podczas kwerendy pomijałem teksty nieistotne ze światopoglądowego punktu widzenia (dotyczące np. sposobów przechowywania grzybów) oraz poświęcone wierze *sensu stricto* (teksty modlitw itp.).

W badanych tekstach można dostrzec wiele sposobów deprecjacji Ukrainy jako niezależnego państwa. Należą do nich różne chwytły dyskursywne — od odpowiedniego doboru nazw własnych poprzez ich zniekształcenie, kreacje słowotwórcze itd.

NAZWA PAŃSTWA/ NAZWA KRAINY HISTORYCZNEJ

Ukraina jako niepodległe państwo istnieje w sposób trwały (do trwałych bytów państwowych trudno zaliczyć URL i ZURL) od rozpadu ZSRS. Oficjalna nazwa państwa w oryginalnym brzmieniu to

¹⁴ <https://communitarian.ru> (22.09.2022).

¹⁵ <https://culturolog.ru> (22.09.2022).

¹⁶ <http://www.pkrest.ru> (22.09.2022).

¹⁷ <https://pravoslav-voin.info> (22.09.2022).

¹⁸ <http://pravoslavie.ru> (22.09.2022).

¹⁹ <https://www.similarweb.com/ru/website/3rm.info/#traffic> (12.09.2022).

²⁰ Duża część badanych materiałów została opublikowana anonimowo, zdarzało się, że teksty znikwały z zasobów agregatora, by następnie pojawić się ponownie w związku z aktualizacją tematu Ukrainy, można je również zlokalizować na innych stronach z tego kręgu ideowego (tekst zawiera odsyłacze do najbardziej aktualnych wersji dostępnych w Internecie, stąd daty publikacji wykraczają poza zakres 2016–2018).

Україна²¹, ros. Украина. Nazwę tę odnotowano już w kopii *Latopisu kijowskiego* (XV w.) we fragmentach odnoszących się do wydarzeń XII w. oraz w *Latopisie halicko-wołyńskim*. Pierwszym źródłem kartograficznym, gdzie pojawia się nazwa Ukraina jest mapa Tomasa Makowskiego z 1613 roku: *Volynia ulterior que tum Ukraina tum Nis*. Nazwa ta dotyczy prawobrzeża Dniepru²². Przez setki lat jednak nazwa ta wiązana była z oczywistych powodów nie z państwem, a jedynie z regionem, obszarem geograficznym lub etniczno-kulturowym, prowincją tego czy innego państwa. Co interesujące, sama etymologia słowa Україна wiązana jest najczęściej z semantyką obszaru pogranicznego²³, tj. granicznej części jakiegoś większego arealu²⁴. W ostatnim okresie dość aktywnie sprzeciwia się takiej interpretacji publicystyka ukraińska²⁵, ale nie brak też naukowej dyskusji na ten temat²⁶. Ziemie etnicznie ukraińskie przez setki lat były dzielone między Polskę, Litwę, Węgry, Moskwę, Rosję i Austrię. Wyjaśnia to wielość nazw dotyczących różnych ziem określanych pierwotnie jako Ruś (halicka, wołyńska, kijowska itd.), które wchodziły w skład współczesnej Ukrainy: Малороссия, Galizien, Małopolska Wschodnia itd. Wspólną cechą tych nazw było to, że każda z nich w jakimś stopniu przypisywała nazywanemu obszarowi przynależność do większego organizmu państwowego sprawującego kontrolę nad tym terytorium (Малороссия — do Rosji, Małopolska Wschodnia — do Polski, Königreich Galizien und Lodomerien — do węgierskiego dziedzictwa Habsburgów²⁷. Nic zatem dziwnego, że spośród wielu

²¹ Конституція України, <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1143222355067739#Text> (12.09.2022).

²² W. A. Serczyk, *Historia ...*, s. 9.

²³ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. III, Прогресс, Москва 1987, s. 156; M. Łesiów, *Ukraina wczoraj i dziś*, Wydawnictwo UMCS, Lublin 1995, s. 7.

²⁴ Jest to zresztą podnoszone w badanym dyskursie, np.: [...] в сознании многих украинцев, с готовностью отвергавших свое русское имя в силу того что оно МАЛЮ-русское, и принявших себе национальное имя в честь Украины — окраины Руси [IV].

²⁵ М. Крижанівська, *Україна — это не забитое приграничье: историки развенчали миф об окраине Российской империи*, https://24tv.ua/ru/istoriki-razvenchali-mif-chto-ukraina-novosti-rossii-i-ukrainy_n1576849 (12.09.2022).

²⁶ Г. Півторак, *Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі «спільної коліски»*, Академія, Київ 2001, s. 115–120.

²⁷ K. Hibel, *Od „Małopolski Wschodniej” do „Ukrainy Zachodniej”. Geneza, rozwój oraz zakres funkcjonowania w języku polskim nazw geograficznych odnoszących się do „Galicji Wschodniej” w latach 1918–1939*, „Slavia Orientalis” 2012, nr 4, s. 476.

nazw w epoce odrodzenia narodowego wybrano nazwę *Украина*, co prawdopodobnie związane było z dziesięciotomową pracą Mychajła Hruszewskiego *Historia Ukrainy-Rusy*²⁸. Choć etymologia nazwy (w interpretacji rosyjskiej) nie predestynuje jej do pełnienia funkcji nazwy samodzielnego państwa, to przynajmniej nie wiąże się z ideą przynależności do określonej obcej państwowości. Jest to też nazwa historycznie utrwalona i wydaje się, że ten walor przeważał nad tą etymologiczną „skazą”²⁹.

Choć w związku z tym, że z tych samych powodów, dla których Ukraińcy odrzucili wiele innych wariantów nazwy na rzecz formy *Украина*, rosyjscy przeciwnicy niezależności tego państwa winni z uporem używać wariantu *Малороссия*, to w analizowanym dyskursie, który jest zdecydowanie antyukraiński, przeważa nazwa *Украина* (362 wystąpienia w badanym materiale vs 64 użycie nazwy *Малороссия*). Dzieje się tak dlatego, że nazwa ta była używana na długo przed ukonstytuowaniem się samodzielnego państwa ukraińskiego i określała po prostu obszar częściowo należący do imperium w obu jego (romanowskim i bolszewickim) wcieleniach, np.:

- (1) Какое нам дело до того, что к поэзии, природе и людям своей родной Украины поэт относится нежнее, чем к поэзии, природе и людям того города, где проживает Акакий Акакиевич, — Украина тоже Россия, и, воспевая ее прелесть, Гоголь выказывается человеком любящим, поэтом всесторонним [А. В. Дружинин, *Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения* (1856)].
- (2) Стыд и срам сказать, Украина тридцать лет русская область, а русский язык там словно татарская грамота [А. О. Корнилович, *Письмо М. О. Корниловичу* (1832)]
- (3) Но и Россия, как целое, и Украина, как ее часть, равно как и другие части, вызывали в нем последовательно критическое отношение и нередко являлись для него предметом скорбного раздумья и негодующих суждений [Д. Н. Овсянко-Куликовский, *Из Истории русской интеллигенции* (1911)].
- (4) Украина стоит в ряду крупнейших житниц Советского Союза [В. Шумов, *Полмиллиарда пудов зерна*, „Огонек” 1956, nr 34].
- (5) Украина — была просто одним из многочисленных лиц огромной многоплеменной России, одной из неразрывных ее частей, как Волга, как Крым, как Урал, как Сибирь... [В. М. Зензинов, *Пережитое* (1953)]

²⁸ J. Hrycak, *Historia Ukrainy 1772–1999. Narodziny nowoczesnego narodu*, przeł. K. Kotyńska, Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, Lublin 2000, s. 97.

²⁹ Która jest bezwzględnie wykorzystywana przez rosyjską propagandę neoimperialną, w niesławnym tekście pisał o tym również podszywający się pod historyka Putin: В. Путин, *Об историческом единстве русских и украинцев*, <http://kremlin.ru/events/president/news/66181> (12.09.2022).

- (6) Почти вся Украина, Молдавия, Крым, Ленинградская и Калининская области, значительная часть Белоруссии очищены от немецких захватчиков [И. В. Сталин, *Приказ Верховного Главнокомандующего 1 мая 1944 года* (1944)].

Co więcej, ślad takiej konceptualizacji nazwy Украина współcześnie również znajdujemy w badanym materiale, gdy Ukraina zostaje pośrednio zakwalifikowana nie jako kraj, a jako region:

- (7) На примере населения Украины и других регионов мы видим, как применение стандартных алгоритмов манипуляции сознанием, суггестивных техник и НЛП-программирования через СМИ дало высочайшие степени ментально-духовного повреждения и упадка осознанности [I].

Ponadto zauważalna część odnotowanych użyć pojawia się w kontekstach otwarcie negujących możliwość istnienia niezależnego państwa ukraińskiego, np.:

- (8) Его слова: «Нет отдельно Украины и России, а есть единая Святая Русь» [II].
- (9) И если бы меня теперь спросили: отныне имя Украины должно быть стёрто с лица земли и с географической карты? Отвечу — да, должно быть стёрто, а на этом месте должно возникнуть славное имя Малороссия, как знак возвращения к началам, истокам русского мира [III].
- (10) Но эта обида, как заразная болезнь, прочно укоренилась в сознании многих украинцев, с готовностью отвергавших свое русское имя в силу того что оно МАЛО-русское, и принявших себе национальное имя в честь Украины — окраины Руси [IV].

Zdarza się, że nazwa Украина brana jest w cudzysłów, co wyraża co najmniej zdystansowany stosunek autorów do państwowości ukraińskiej jako takiej, np.:

- (11) По этой мерзкой «доктрине» Чечня есть Россия, а Донбасс и вся Новороссия — это якобы «Украина» [V].

Jako wariant zdecydowanie podkreślający przynależność Ukrainy do Rosji występuje (64 razy) nazwa Малороссия, np.:

- (12) Верю, Малороссия с Тавридой, лучший цветок в ожерелье русской государственности, распустится снова лишь под тяжёлой, ласковой лапой русского медведя [III].
- (13) Представлялось, что Малороссия прежняя, имперская, а потом советская — преkrасное и капризное чорнобрівое дитя с очами волошковыми

и длинной русой косой, внезапно занедужившее неопасной, но прилипчивой хворобой вроде ветрянки [III].

- (14) Этой весной к нам на Курщину, на самую границу с Малороссией, рано прилетели жаворонки [III].
- (15) Возвращение русских земель Малороссии в состав России оплачивались не только русской кровью, но и русским золотом [VI].

Przy czym dostrzeżenie tego, który obszar w dychotomii Малороссиа (Малая Россия³⁰) – Великороссиа (Великая Россия³¹) jest obszarem dominującym jest sprawą oczywistą. W ślad za wariantami nazwy idą adiektwy украинский (245 użyć), малорусский (6 manifestacji) i малороссийский (4 wystąpienia). Co interesujące, dwa ostatnie określenia poza jednym wyjątkiem (малорусский вопрос) występują jedynie w kontekstach związanych z „lingwistyczną” argumentacją na rzecz tezy o niedostatecznym umotywowaniu narodowej odrębności Ukraińców, tj. w kolokacjach typu малорусское /малороссийское наречие, które to argumenty są właściwie identyczne z tym, czego próbuje dowieść Pigasow w cytowanym już fragmencie powieści *Rudin*.

W jednym z badanych tekstów [III] występuje też wariant nazwy bezpośrednio nawiązujący do jej etymologii, tj. Окраина. Autor używa tej nazwy aż 12 razy, jakby jego celem była jak najmocniejsza jej aktualizacja. Semantyka i łączliwość tego rzeczownika (о к р а и н а ч е г о ?) nie pozostawia złudzeń co do konceptualizacji ziem ukraińskich jako części większej całości:

- (16) Но Украиной, Окраиной называю эту сторону света по установившейся привычке - как псевдоним, как ложное имя некогда цветущей русской волости, обобщённо зовомой Малороссией, то есть Малой, главной, истоковой Россией. Куда входит и Слобожанщина, и Новороссия и Таврида, которую недорезанный троцкист, украинец Хрущёв, осуществляя мечту Гитлера, передал Окраине, дабы она была вечным яблоком раздора между славянами.
- (17) [...] государственное недообразование под ущербным именем Окраина появилось на карте мира.
- (18) И почему украинцы, в их представлении, не составляют единый народ с русскими, как составляли его на территории нынешней Окраины малороссы, южная их ветвь?
- (19) Не все памятники русской культуры свергнуты на Окраине [...].

³⁰ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, т. II, Прогресс, Москва 1986, s. 564.

³¹ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка...*, т. I, s. 289.

Aktualizację idei integralności terytorialnej Rosji i Ukrainy sygnalizuje też powrót do historycznego określenia Русь, w tej koncepcji ziemie ukraińskie określane są jako Южная Русь, np.:

- (20) Но создатели «катаклизмов» еще до конца не решили своей главной стратегической задачи, которая заключается в зачистке Южной Руси от «лишних» людей [VII].

Interesującym zjawiskiem jest substantywizacja zapożyczonego ukraińskiego przymiotnika незалежна (pisane również przez э, co podkreśla ukraińską wymowę, ukr. незалежна). Przymiotnika nie odnotowuje ani słownik Kuzniecowa³², ani Ożegowa i Szwedowej³³, ani wydanie słownika Uszakowa z 2013 roku³⁴, za to pojawił się on już w rosyjskiej wersji *Wikisłownika* z następującą definicją i kwalifikatorami: „разг., пренебр. независимый (об Украине); относящийся к Украине после распада СССР, связанный с ней”³⁵. NKRJ odnotowuje go kilkakrotnie w tekstach ostatnich lat. Słowo to używane jest w zdecydowanie ironicznym kluczu (często w cudzysłowie) i wykorzystywane jako synonim nazwy własnej, czasem pisany jest wielką literą, np.:

- (21) Как известно, президент «незалежной» обратился к Константинопольскому патриарху Варфоломею с просьбой о даровании автокефалии в апреле этого года [VIII].
- (22) Моравецкий уверен, что российская армия незамедлительно будет наступать вглубь территории Незалежной, и вообще «может произойти все, что угодно» [IX].
- (23) Однако он вовсе не «пионер» в области создания таких кошунственных игр на «незалежной» [X].

Z kwestią nazwy Украина związane jest zagadnienie stosowanych z nią przyimków — „в” i „на”. Normatywnym przyimkiem stosowanym w połączeniu z nazwą Украина w języku rosyjskim jest на. W 1993 roku władze ukraińskie wysunęły jednak postulat, by za prawidłowe uznać połączenie в Украине, ponieważ odpowiada ono niezawisłemu statusowi tego państwa. Ta wariantowość ma jawnie ideologiczny

³² С.А. Кузнецов (ред.), *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург 2000.

³³ С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, *Толковый словарь русского языка*, «А ТЕМП», Москва 2006.

³⁴ Д. Н. Ушаков, *Толковый словарь современного русского языка*, Аделант, Москва 2013.

³⁵ *Викисловарь*, <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%BD%D0%B5%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9> (22.09.2022).

charakter³⁶, a problem zaktualizował się w ostatnim czasie również w języku polskim, o czym świadczy stanowisko RJP PAN w tej sprawie³⁷. Tymczasem w badanym, podkreślmy to jeszcze raz, otwarcie antyukraińskim dyskursie spotykamy oba warianty (w analizowanym materiale: на Украине — 71, на Украину 3, в Украине — 22). Choć dysproporcja jest zauważalna, to jednak sam fakt nieincydentalnego pojawiania się połączenia в Украине wskazywałby na to, że kwestia przyimka nie jest aż tak wyraźna nawet w środowisku zdecydowanie wrogim wobec ukraińskiej państwowości.

W analizowanym materiale znalazło się jeszcze jedno określenie Ukrainy, które trudno interpretować inaczej niż jako ironiczną nominację wskazującą na jedną z głównych tez neoimperialnej propagandy dotyczącą rzekomego zaprzędania się Ukrainy Zachodowi. Chodzi o fonetyczny zapis angielskiej wymowy nazwy państwa:

(24) Словом, согодится всё, даже самое малое, даже самое робкое одобрямс — дыхание в сторону Вэльской Юкрэйн! [XI].

PAŃSTWO I JEGO STRUKTURA

Do określeń związanych z pojęciem państwa i jego struktury zaliczam inne niż nazwa własna określenia państwa, nazwy organów władz, urzędów i instytucji państwowych. Badany materiał charakteryzuje się w tym obszarze szerokim stosowaniem nominacji charakterystycznych dla dyskursu delegitymizującego. Znajdziemy w nich klasyczne dla tego typu wypowiedzi jednostki wskazujące na nielegalny, przemocowy bądź z innych względów nieodpowiadający standardom charakter władzy panującej w Kijowie bądź z Kijowa (częściej mowa właśnie o Kijowie, niżli o Ukrainie), takie jak: режим, хунта, клика, диктатура, пр.:

(25) [...] митрополит-«пан Швець» сразу же перекарасился, сходу отпихнув от себя всех неудобных протеже, ещё вчера находившихся у него в авангарде созданной им промайдановской клики [XII].

³⁶ Н. П. Перфильева, *Коммуникативно-прагматический потенциал предлогов*, „Вестник Новосибирского государственного университета”, Серия: История. Филология 2012, т. 11, вып. 11, s. 135.

³⁷ Opinia Rady Języka Polskiego w sprawie wyrażen w Ukrainie/do Ukrainy i na Ukrainie/na Ukrainę, <https://rjp.pan.pl/?view=article&id=2099:opinia-rady-jezyka-polskiego-w-sprawie-wyrazen-w-ukrainie-do-ukrainy-i-na-ukrainie-na-ukraine&catid=98> (12.09.2022).

- (26) Ополченцы убеждены, что и львовяне, и — шире — многие жители галицийских областей включатся в борьбу против киевской хунты [XIII].
- (27) И вести себя надо, как граждане Народной Республики, оплатившей своё существование кровью, а не местные чиновники киевского режима [XIV].
- (28) Именно поэтому эти «пророссийские» политики столь последовательны в своём стремлении сохранить Украину (независимо от того работают они над этим в составе киевского парламента, легитимируя, таким образом, нацистскую диктатуру, или в эмиграции в Москве, вроде бы как с этой диктатурой сражаясь) [XV].

Przymiotnik киевский ма за zadanie podkreślać izolację tej grupy rządzącej, która w optyce analizowanego dyskursu opanowała jedynie stolicę, ma wpływy również w zachodnich regionach kraju, ale w żadnym przypadku nie sprawuje kontroli i nie jest wspierana przez większość mieszkańców „Małorosji”³⁸. Wiele towarzyszących tym rzeczownikom określeń to również negatywnie waloryzujące adiektwy, które wspierają ich delegitymizujący wydzźwięk. Podkreśla się przemocowy charakter władzy (skoro władza oparta jest na przemocy, to jest bezprawna — кровавый), jego obcość (оккупационный) i nieakceptowalny wymiar ideologiczny (нацистский, неонацистский, бандеровский), np.:

- (29) Каждый житель Украины, который своим молчаливым неучастием соглашается с этим кровавым режимом, с арестами, мобилизацией, гонениями на Церковь или просто отсиживается дома, сочувствуя единокрутинству, он соучастник этой кровавой трагедии [XVI].
- (30) А заявления, обвиняющие простых граждан оккупированной Украины в том, что они не могут «сами-все-сами» освободиться от хунты, обладающей сильнейшим аппаратом насилия, объективно ведут к укреплению оккупационного майданного режима [XVII].
- (31) Предводитель прозападной бандеровской хунты Порошенко (Вальцман) в 2015 году наградил осуждённых в России за организацию терактов в Крыму боевиков неонацистской группировки «Правый сектор» Сенцова и Кольченко орденами «За мужество» [XVIII].
- (32) Нацистский режим добился изменения отношения Европы к Украине [XV].
- (33) Верно заметил игумен Агафангел (Белых), нередко появляющийся в соцсетях Интернета: «Какой-то иррациональный символизм во всей этой топонимике нынешней войны, развязанной украинской неонацистской хунтой против собственного народа [XIX].

³⁸ Przymiotnik ten występuje również z rzeczownikiem армия, podkreślając jej oderwanie od Ukrainy jako całości, np.: „[...] в Одессе народ сожгли на Куликовом поле, а сейчас все силы киевской армии направлены на то, чтобы уничтожить маленький город с названием Славянск” [XIX].

Szczególne miejsce wśród określeń władz Ukrainy zajmują formuły fundowane na pojęciu oligarchii, które odwołuje się do potępionego w oficjalnej propagandzie rosyjskiej (jest jasne, że jedynie w propagandzie) modelu sprawowania władzy przez wyłonionych na podstawie niejasnych kryteriów, dysponujących nieograniczonymi, w potocznym pojęciu często bezprawnie zdobytymi, wpływami i zasobami ludzi. Oligarchat konceptualizowany jest w języku rosyjskim zdecydowanie negatywnie, co można wywnioskować z analizy funkcjonowania konceptu олигарх:

Создается яркий образ деспотичного человека, наделенного властью, обладающего богатством, который на пути к достижению своих целей не остановится ни перед чем, готового увеличить свое богатство или расширить влияние за счет других, человека, деятельность которого вызывает раздражение и неприятие общества³⁹.

Nic zatem dziwnego, że władza sprawowana przez takich ludzi, a więc олигархия, олигархическая головка/верхушка, олигархат nie może być władzą uprawnioną.

- (34) Правящий класс нынешней Украины олигархия со своими зарубежными хозяевами, напрасно пренебрегли простым народом Донбасса, вследствие чего их планы на данный момент потерпели крах [XX].
- (35) Но предпочтительнее всего и для киевских «оппозиционеров», и для московских «спасателей» договориться с системной, олигархической головкой украинского режима, разделить с ними власть и чтобы всё было как прежде [XV].
- (36) Конечно, Симоненко ассоциировал себя не с бедными и верующими в свою идею рядовыми коммунистами, а был частью олигархической верхушки Украины [XXI].
- (37) Стремительная победа не нужна ни киевскому олигархату, ни московской сырьевой клептократии [V].

Określenia te brzmią bardzo groźnie, jednak w dyskursie delegitymizującym istotne jest działanie dwukierunkowe. Z jednej strony przedstawia się wroga jako groźnego, ale z drugiej niemal zawsze usiłuje się go ośmieszyć i zbagatelizować. W tym właśnie celu od rzeczownika хунта derywowano stawiający władze Ukrainy w komicznym świetle rzeczownik w liczbie mnogiej хунтята:

- (38) В самой же «властной» среде постоянно происходят склоки вокруг дележа тех материально-финансовых крох, которые хунтятам еще позволено делить [VII].

³⁹ Л. Горбунова, *Концепт „олигарх“: опыт корпусного анализа*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2021, vol. XLVI, nr 1, s. 79.

Być może leksem ten motywowany jest rzeczownikiem *ребята*, który oznacza jakąś grupę niedojrzałych osób, może wzbudzać skojarzenia z beztróską, brakiem rozważliwosci itd. W określonych kontekstach (np. wobec grupy przyjaciół) miewa bardzo pozytywny, przyjazny wydźwięk, ale w odniesieniu do wysokich funkcjonariuszy państwa byłoby określeniem ironicznym. Forma *хунтята* użyta w przytoczonym kontekście może też podkreślać niesamodzielność władz Ukrainy, ich nieporadność (na zasadzie asocjacji z nazwami młodych zwierząt typu *котятa*, *щенятa*), tym bardziej że mowa w nim jest o tym, że na coś im się pozwala, a zatem wymagają kontroli, kurateli (*хунтятам позволено*).

Dążenie do przedstawienia władz współczesnej Ukrainy w groteskowym świetle nie jest, zresztą, w szczególności sposób ukrywane, np.:

- (39) России же нужно четко осознать, что мир с Украиной, все более превращающейся по всем параметрам, пусть в пародийное, но подобие нацистского «рейха», может быть только ситуативным и временным [XXII].

Poza adiektywami *кровавый*, *оккупационный*, *нацистский*, *неонацистский*, *бандеровский* pojawiają się też takie określenia władz Ukrainy, które należą do sakralnego pola semantycznego i aktualizują średniowieczny stereotyp władzy sprawiedliwej, tj. takiej, która pochodzi od Boga i działa zgodnie z jego wolą i niesprawiedliwej, bezprawnej, tj. bezbożnej, np.:

- (40) Эту еретическую группировку будет поддерживать безбожная власть [XXIII].

Obok przymiotnika *безбожный* pojawiają się bardziej zdecydowane określenia, takie jak *сатанинский* czy nacechowane antysemitcko *жидосатанинский*:

- (41) Все свои зверства, обстрелы и прорывы сатанинская хунта, засевшая в Киеве, заморочившая голову людям, совершает на двенадцатые святыне праздники [XVI].
- (42) Уже практически ни у кого не остается сомнений в том, что жидосатанинские власти Украины окончательно свихнулись в борьбе с ненавистным им Русским народом, проживающим на своей исконно Русской земле по обе стороны границ [XXIV].

Prezydent Poroszenko w jednym z tekstów określony został po prostu jako *жидосатанист*:

- (43) Жидосатанист Порошенко отдал приказ на открытые репрессии против православия на Украине [XXV].

W badanym dyskursie bardzo aktualna jest zasada, że każda władza pochodzi od Boga, dlatego tego typu określenia należy zakwalifikować jako chwytły delegitymizujące. W prezentowanym sposobie widzenia świata prawowitość władzy wciąż powiązana jest z chrześcijaństwem, np.:

- (44) Мы говорили уже, что, согласно учению святых отцов, удерживающим пришествие антихриста является не только благодать Святого Духа, но и законная государственная власть. После устранения Помазанника Божия — власти, основанной на христианских началах — происходит стремительная дехристианизация власти во всем мире со все большей утратой признаков законности власти [XXVI].

Wobec takiego postawienia kwestii legitymacji władzy za delegitymizujące należy również uznać kilka określeń państwa, jego konstytucyjnej symboliki i władz ukraińskich, które odnoszą się do pozachrześcijańskiego kręgu cywilizacyjnego, np.:

- (45) Да, разровнять и построить Новую Хазарию на подобие той, что на Украине [XXVII].
 (46) Жидосатанисты [...], которые убивают друг друга, очищая землю для Нового Хазарского каганата, выстраиваемого богоубийцами на Русской земле. Через эту призму и нужно рассматривать все проблемы Крыма, Донбасса, России и Украины [XXVIII].
 (47) И еще этот татарский меджлис⁴⁰ на Украине сегодня формирует батальоны «для освобождения Крыма»... [XXIX].
 (48) Нельзя же теперь называть страной угол бывшей России, самоназвавшийся Окраиной, насадившей на двухполосный флаг языческую вилку-тризуб [...] [III].

Jest to dość czytelne odwołanie do idei czegoś, co można by nazwać ideą rosyjskiej rekonkwisty, którą po zrzuceniu formalnej zależności od tataro-mongolskich najeźdźców rozpoczął Iwan Groźny, którego postać cieszy się wśród autorów tekstów badanego dyskursu wielkim poważaniem, a zdarza się, że jest on uznawany za świętego⁴¹. W tej

⁴⁰ „В Иране, Турции и некоторых других азиатских странах: законодательный орган страны”. С. А. Кузнецов (ред.), *Большой толковый ...*, s. 528.

⁴¹ «Имя ему Иоанн»... *Святой Царь Иоанн Грозный*, <https://zrm.info/main/88068-imja-emu-ioann-svjatoj-car-ioann-groznyj-5-serij-video.html> (12.09.2022).

optyce system sprawowania władzy na Ukrainie, określane również jako *демонократія*⁴² (czyli władza demonów), nie może być w żaden sposób legitymizowany.

Samo pojęcie państwa wraz z jego władzami w odniesieniu do Ukrainy jest w analizowanych tekstach podawane w wątpliwość. Służą temu dość obficie stosowane cudzysłowy, w których pojawia się nazwa *Украина* (patrz wyżej), jej hiperonim *государство*, jak i nazwy funkcji państwowych oraz procedur związanych z funkcjonowaniem państwa, np.:

- (49) К нему и двигалась история этого « государства », в полную силу развившегося последние двадцать лет [III].
- (50) [...] Ярош, утверждающий на закопчённой, провонявшей горелыми крышками улице указы « правительства » — это ваши герои? [III].
- (51) Украинцы так же «избрали» Порошенко в 2014 году, как дорогие россияне «избрали» Ельцина в 1996-м [XVII].

Z ostatnim przykładem, który poprzez zastosowanie cudzysłowu podaje w wątpliwość ważność, prawdziwość wyboru prezydenta Ukrainy (nieuczciwość, a zatem nielegalność wyborów prezydenckich w Rosji w 1996 roku, do których porównywane są wybory na Ukrainie w 2014 roku jest w badanym dyskursie kwestią bezsporną) wiąże się także sposób przedstawiania procesu zmiany władzy po prostu jako przewrotu państwowego. Semantyka związana z nielegalnym charakterem zmiany władzy oraz z jej gwałtownością i siłową specyfiką zawarta w kolokacji *государственный переворот* wzmocniana bywa adiektywami w rodzaju *вооруженный* lub *кровавый*:

- (52) В результате вооруженного государственного переворота к власти на Украине пришли псевдопатриоты во главе с Порошенко [XXX].
- (53) «Выдвижение» униатов на Восток — туда, где их никогда не было, — началось одновременно с февральским государственным переворотом на Украине [XXXI].
- (54) Трезвый взгляд на кровавый государственный переворот на Украине и растущая социальная напряжённость внутри российского общества позволяют нам прогнозировать аналогичное развитие событий и в России [...] [XXXII].

⁴² *Достижения украинской демократии... С сайта Порошенко исчезла петиция о запрете пропаганды гомосексуализма*, <https://3rm.info/main/70856-dostizheniya-ukrainskoy-demonokratii-s-sayta-poroshenko-ischezla-peticiya-o-zaprete-propagandy-gomoseksualizma.html> (12.09.2022).

Ponadto zdarzają się celowe przeinaczenia nazw instytucji państwowych, które mają za zadanie ich ośmieszenie oraz podkreślenie ich roli (rzecz jasna destruktywnej), np.:

- (55) Украинский институт национальной памяти, академии принудительной бандеровщины, университеты кастрированного сознания — вся эта лукавая шайка бросилась сегодня кромсать своими «открытиями» историю своего народа [XXXIII].
- (56) 1 мая на майдане Незалежности опыты над детьми ставили замглавы администрации президента Ростислав Павленко, глава Украинского института национального беспамягства Владимир Вятрович, а также замминистра образования Павел Полянский [XXXIV].

W optyce badanego dyskursu państwo ukraińskie nie tyle nie powinno istnieć, co po prostu nie istnieje, jest pewną anomalią, nie jest zorganizowane na takim poziomie, by być samodzielnym państwem, stąd zdecydowanie pogardliwe określenia typu недообразование, полугосударство czy остатки Украины. O ile dwa pierwsze opisują państwo, które z jakichś powodów nie zdążyło należycie się zorganizować, to ostatnie określenie odnosi się do tego, że Ukraina została zniszczona, zdeorganizowana lub rozkradziona, np.:

- (57) Когда неразумные люди, облечённые властью, поставили предательские закорючки под договором о разделении великой страны и государственное недообразование под ущербным именем Окраина появилось на карте мира [III].
- (58) Но критический момент, за которым сияет уже полный «развод» и как его следствие — окончательный распад «еле дышущего» полугосударства и гражданская войной всех против всех, все ж не наступает [VII].
- (59) Проект Савченко — могильщик остатков Украины [VII].

BRAK SUWERENNOŚCI JAKO CZYNNIK DELEGITYMIZUJĄCY

Delegitymizacji Ukrainy jako samodzielnego państwa służy też ciągle wskazywanie na niesamodzielną jej władz. W tekstach stale aktualizuje się relacja podporządkowania ich jakimś obcym (zachodnim) siłom i dokonuje się to zarówno w dosłownej warstwie dyskursu (władz управляемых извне поводырей, кураторы, покровители, там решили), jak i poprzez standardową dla takich sytuacji metaforykę (филиал, хозяева, кукловоды, укпроект), np.:

- (60) Не следует также забывать, что Минобороны Украины фактически является филиалом Пентагона и ЦРУ [...] [XVIII].
- (61) Украинские нацисты развязали недавною агрессию против России в Крыму не в собственных местечковых, но в глобальных целях — в интересах своих западных хозяев, которые осуществляют управление бывшей Украиной практически в ручном режиме [XXXV].
- (62) Думается, Тимошенко уже получила от глобальных кукловодов «мандат» на будущее управление центральными областями, которые после всех «перемого-зрад» и останутся в качестве Украины [VII].
- (63) Власть управляемых извне поводырей «геволюции» держится на обмане масс и терроре со стороны радикальных боевиков [VII].
- (64) Митрополит Антоний, по всей видимости, рассчитывает, что с бандеровцами и их западными покровителями все еще можно «полюбовно» договориться о прекращении вражды и гонений на православных [XXXVI].
- (65) Правящий класс нынешней Украины олигархия со своими зарубежными хозяевами, напрасно пренебрегли простым народом Донбасса, вследствие чего их планы на данный момент потерпели крах [XX].
- (66) И результаты опроса отнюдь не радужны для западных кураторов режима Порошенко [XVII].
- (67) Потому сегодня, в январские дни присяги на Переяславской раде, православные люди, малороссы, русские должны понять — пришло время Малороссии, Новороссии вместо нынешнего «укрпроекта» насаждаемого ляхами [VI].
- (68) Запад не даст Украине в нынешнем ее виде свернуть с пути, ведущем к военной конфронтации с Россией. Там твердо решили на Россию напасть, и сделать это руками Украины [XXII].

Nominacja укрпроект w ostatnim przykładzie wskazuje ponadto na pewną sztuczność państwowej konstrukcji współczesnej Ukrainy, jej efemeryczny charakter. Zdarza się, że relacja podporządkowania nie dotyczy całego państwa ani jego kolegialnych organów, lecz pojedynczych osób, które zajmują istotne stanowiska w aparacie władzy. W poniższym przykładzie dotyczy to premiera Jaceniuka, przy czym określenie go dotyczące (шестерка — человек, прислуживающий кому-н., выполняющий мелкие поручения, помощник [уничиж.]; человек на побегушках⁴³) nie tylko podkreśla podległość, ale w związku z tym, że należy do żargonu przestępczego⁴⁴ również bezprawność zajmowanej przez niego pozycji oraz całego systemu władzy:

⁴³ О. П. Ермакова, Б. А. Земская, Р. И. Розина, *Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона*, Азбуковник, Москва 1999, s. 54.

⁴⁴ Ю. П. Дубягин, А. Г. Бронников (ред.), *Толковый словарь уголовных жаргонов*, Интер-ОМНИС, Москва 1991, s. 200.

- (69) [...] их предки победили Гитлера, а не какую-то там американскую шестерку с забавной фамилией Яценюк... [XXXIII].

Niezależność, suwerenność jest w dyskursie o Ukrainie pojęciem pierwszorzędnym. Świadczy o tym choćby to, że przymiotnik *незалежная* uległ substantywizacji i pojawia się w badanym materiale, choćby nawet jako wyraz ironii, jako funkcjonalny synonim nazwy własnej *Украина* (patrz wyżej). Co istotne, badany dyskurs wyraźnie preferuje ukraińskie bądź pochodzące z ukraińskiego przymiotniki *незалежный*, *самостийный* oraz rzeczowniki *незалежність*, *самостийність*. W odróżnieniu od rosyjskich *независимый*, *суверенный* nie są one tak silnie sprzężone dla rosyjskojęzycznego odbiorcy z całym zespołem pozytywnych konotacji i asocjacji. Wybór ukraińskiego wariantu sam w sobie oznacza pewne zdystansowanie rosyjskojęzycznego nadawcy, które bywa dublowane przez użycie cudzośłowu, np.:

- (70) [...] украинская «незалежність» может лишь послушно поставлять своих славянских детей на мировой рынок, так как для экспорта у нее уже больше практически ничего не осталось [XXXVII].
- (71) В самостийной Украине данные события преподносятся чуть ли не как геноцид украинского народа [XXXVIII].
- (72) упорно распространялась по всей «незалежной Украине» самая настоящая сплошная самоубийственная ложь, замешанная на ненависти чужебесия [XXXIX].

SEMANTYKA ANARCHII I CHAOSU JAKO CZYNNIK DELEGITYMIZUJĄCY

Omawiane wyżej jednostki dość często interpretowane są w negatywnym kluczu, tj. nie jako ekwiwalenty polskich pojęć wolności czy niezależności, a jako pojęcia zmierzające w kierunku semantyki samowoli czy wręcz chaosu. Definicja w słowniku Kuzniecowa wyraźnie wskazuje na możliwą negatywną interpretację pojęcia kryjącego się za przymiotnikiem *самостийный*: „[укр.]. 1. Независимый (о государстве, органах власти). С-ая республика. С-ая рада. Своенравный. С. хулиганский дух”⁴⁵. Ten sposób interpretacji pojęcia bywa dodatkowo podkreślany odpowiednio dobranymi adiektywami, np.:

⁴⁵ С. А. Кузнецов (ред.), *Большой толковый ...*, s. 1146.

- (73) Озверелая самостийность не имеет никакого отношения к истинному и святому чувству любви к своему народу и отчизне [XXXIX].
- (74) На земли Малороссии пришла украинская мазепинская самостийность. Пришла страшная нравственная разруха, дошедшая до одичания, до гражданской войны, прозываемой АТО [XL].

Przymiotnik *мазепинский* przywołuje postać Iwana Mazepy, który przez Ukraińców traktowany jest jako jeden z wielu bohaterów narodowych utożsamianych z nieustającą walką o niezależność Ukrainy. Dla Rosjan pozostaje on symbolem buntu i zdrady. Określenie to znajduje asocjacyjne rozszerzenie w dalszej części tekstu, *мазепинская самостийность* kojarzona jest bowiem z kompletnym upadkiem moralnym, zapaścią cywilizacyjną i wojną domową (нравственная разруха, дошедшая до одичания, до гражданской войны). Interpretacja pojęcia *самостийность* w tym właśnie duchu najbardziej uwidacznia się jednak w adiektywnej kontaminacji *самостикийный* (*самостийный + стихийный*):

- (75) Украинцы самостикийные, нравные, обречённые на вечный майдан и махновщину во власти, поскольку презираете всякую власть и организующие начала жизни [...] [III].

Przymiotnik ten wiąże wiele znaczeń, które autorzy badanych tekstów przypisują Ukrainie i Ukraińcom — chaotyczność i anarchię, bezład, które podkreślają dodatkowo jednostki i kolokacje *нравный*, *махновщина*, *вечный майдан* (*майдан* należy traktować jako pojęcie mające wywoływać skojarzenia z żywiołowością, brakiem kontroli czy po prostu buntem, centrum tego, co doprowadziło do zmiany politycznego paradygmatu na Ukrainie znajdowało się na Placu Niepodległości w Kijowie — *майдан Незалежності*). Ten sam zestaw znaczeń odnajdujemy w kolokacjach *самостийное безвременье* i *самостийная смута* w poniższym przykładzie:

- (76) Наконец «руководящей» политической силой, скрытой от глаз наивного обывателя, является еврейский «сионистский олигархат», уже скупивший всё, что можно было скупить, на Украине в период «самостийного безвременья», глубоко равнодушный ко всему, кроме своих корыстных денежных и политических интересов, жаждущий сохранить и умножить награбленное и окончательно утвердиться во власти на Украине в продолжающейся «самостийной» смуте [XXXIX].

Chaos, na który usiłują zwrócić uwagę autorzy analizowanych tekstów, również należy traktować jako czynnik delegitymizujący w du-

chu politycznego darwinizmu charakterystycznego dla tego typu dyskursów. W tej optyce jeśli Ukraina pogrążona jest w chaosie, to znaczy, że jest słaba, jej władze nie panują nad nią, a to prowadzi do wniosku, że ani państwo, ani jego władze nie mają racji bytu.

Przeanalizowany materiał pozwala stwierdzić, że płaszczyzna językowa badanego dyskursu odzwierciedla kilka sposobów deprecjacji i delegitymizacji Ukrainy jako samodzielnego państwa. Obok mechanicznej wręcz zamiany nazwy Украина nazwą Малороссиа, która jest pochodną prostego zaprzeczenia prawa Ukrainy do samodzielnej egzystencji pojawiają się takie jednostki językowe, które wyrażają pewne charakterystyczne dla dyskursu imperialnego argumentacje: o braku rzeczywistej niezależności państwa (np. филиал, укрпроект), o nielegalności procedur wyłaniania jego władz (государственный переворот), ich nielegalnym, przemocowym charakterze (np. хунта, диктатура), o chaosie panującym na terytorium Ukrainy (мазепинская самостийность, самостихийность). Charakterystyczną cechą prawosławnej odmiany dyskursu imperialnego jest zaś choćby pośrednie odwoływanie się do średniowiecznej w istocie argumentacji religijnej poprzez wskazywanie na niechrześcijański charakter władz Ukrainy (безбожная власть, сатанинская хунта). Warto przy tym zauważyć, że taki syntetyczny sposób podawania tych idei w dyskursie, umieszczanie ich poza asercją, pozbawia odbiorcę możliwości podjęcia jakiegokolwiek dyskusji, co pozwala nazwać badany dyskurs autorytarnym.

REFERENCES

- “Dostizheniya ukrainskoy demonokratii... S sayta Poroshenko ischezla petitsiya o zaprete propagandy gomoseksualizma.” 12 september 2022 [“Достижения украинской демонократии... С сайта Порошенко исчезла петиция о запрете пропаганды гомосексуализма.” 12.09.2022 <<https://3rm.info/main/70856-dostizheniya-ukrainskoy-demonokratii-s-sayta-poroshenko-ischezla-petitsiya-o-zaprete-propagandy-gomoseksualizma.html>>].
- Dubyagin, Yuriy P., and Bronnikov A. G. Ed. *Tolkovyyslovar' ugolovnykh zhargonov*. Moskva: Inter-OMNIS, 1991 [Дубягин, Юрий П., and Бронников А. Г. Ed. *Толковый словарь уголовных жаргонов*. Москва: Интер-ОМНИС, 1991].
- Fasmer, Maks. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. t. I, Moskva: Progress, 1986 [Фасмер, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. т. I, Москва: Прогресс, 1986].
- Fasmer, Maks. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. t. II, Moskva: Progress, 1986 [Фасмер, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. т. II, Москва: Прогресс, 1986].

- Fasmer, Maks. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. t. III, Moskva: Progress, 1987 [Фасмер, Макс. *Этимологический словарь русского языка*. т. III, Москва: Прогресс, 1987].
- Gorbunova, Lyudmila. "Kontsept 'oligarkh': opyt korpusnogo analiza." 71–83. *Studia Rossica Posnaniensia* 2021, vol. XLVI, nr 1 [Горбунова, Людмила. "Концепт 'олигарх': опыт корпусного анализа." 71–83. *Studia Rossica Posnaniensia* 2021, vol. XLVI, nr 1].
- Hibel, Katarzyna. "Od 'Małopolski Wschodniej' do 'Ukrainy Zachodniej'". Geneza, rozwój oraz zakres funkcjonowania w języku polskim nazw geograficznych odnoszących się do 'Galicii Wschodniej' w latach 1918–1939." *Slavia Orientalis* 2012, no. 4: 475–510.
- Hrycak, Jarosław. *Historia Ukrainy 1772–1999. Narodziny nowoczesnego narodu*. Trans. Koryńska, Katarzyna. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000.
- "Imya yemu Ioann'... Svyatoy Tsar' Ioann Groznyy." 12 september 2022 ["Имя ему Иоанн'... Святой Царь Иоанн Грозный." 12.09.2022] <<https://3rm.info/main/88068-imja-emu-ioann-svjatoj-car-ioann-groznyj-5-serij-video.html>>.
- Jarzyńska, Katarzyna. "Ukraińska gra patriarchy Cyryla." *Komentarze Ośrodka Studiów Wschodnich* 2014, no. 144 <https://www.osw.waw.pl/sites/default/files/komentarze_144.pdf>.
- Kas'yanova, Zinaida, Martiros'yan, Yekaterina. "Predlogi v sotsiokul'turnom prostanstve yazyka." *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya* 2019, no. 3: 220–226 [Касьянова, Зинаида, Мартиросьян, Екатерина. „Предлоги в социокультурном пространстве языка.” *Гуманитарные и юридические исследования* 2019, no. 3: 220–226].
- Kazakov, Andrey. "Koz'ya Morda. Satanizm i okkul'tizm stali ideologiyey-ukrainskikh natsbatov." *RIA Novosti*. 16 september 2022 [Казакow, Андрей. "Козья Морда. Сатанизм и оккультизм стали идеологией украинских нацбатов." *РИА Новости*. 16.09.2022. <https://ria.ru/20220603/satanizm-1792956737.html>].
- "Konstytutsiya Ukrainy". 12 september 2022. ["Конституція України." 12.09.2022] <<https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%Do%BA%96-%Do%B2%D1%80/print1143222355067739#Text>>.
- Kryzhanivs'ka, Marichka. "Ukraina — eto ne zabitye prigranich'ye: istoriki razvenchali mif ob okraïne Rossiyskoj imperii." *24 kanal*. 16 september 2022 [Крижанівська, Марічка. "Україна — это не забытое приграничье: историки развенчали миф об окраине Российской империи." *24 канал*. 16.09.2022 <https://24tv.ua/ru/istoriki-razvenchali-mif-chto-ukraina-novosti-rossii-i-ukrainy_n1576849>].
- Kuznetsov, Sergey A. Ed. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Norint, 2000 [Кузнецов, Сергей А. Ed. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 2000].
- Łesiów, Michał. *Ukraina wczoraj i dziś*. Lublin: Wydawnictwo UMCS, 1995.
- "nezalezhnyy". *Vikislovar'*. 15 september 2022 ["незалежний". *Вукисловарь*. 15.09.2022 <<https://ru.wiktionary.org/wiki/%Do%BD%Do%B5%Do%B7%Do%Bo%Do%BB%Do%B5%Do%B6%Do%BD%D1%8B%Do%B9>>].
- Opinia Rady Języka Polskiego w sprawie wyrażenia w Ukrainie / do Ukrainy i na Ukrainie / na Ukrainę*. 12.09.2022 <<https://rjp.pan.pl/?view=article&id=2099:opinia-rady-jezyka-polskiego-w-sprawie-wyrazen-w-ukrainie-do-ukrainy-i-na-ukrainie-na-ukraine&catid=98> (12.09.2022)>.

- Ozhegov, Sergey I., Shvedova, Nataliya Yu. Ed. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: «А ТЕМП», 2006 [Ожегов, Сергей И., Шведова, Наталия Ю. Ed. *Толковый словарь русского языка*. Москва: «А ТЕМП», 2006].
- Perfil'yeva, Nataliya P. "Kommunikativno-pragmatischenkiy potentsial predloгов." *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya: *Istoriya. Filologiya* 2012, t. 11, vур. 11: 132–136 [Перфильева, Наталия П. "Коммуникативно-прагматический потенциал предлогов." *Вестник Новосибирского государственного университета*, Серия: *История. Филология* 2012, т. 11, вып. 11: 132–136].
- Pertsev, Andrey. "V Kremle podgotovili novuyu metodichku o tom, kak propaganda dolzhna rasskazyvat' o voyne. My yeye prochitali. 'Spetsoperatsiyu' nuzhno sravnivat' s kreshcheniyem Rusi, a Putina — s Aleksandrom Nevskim." *Meduza*. 09 september 2022 [Перцев, Андрей. "В Кремле подготовили новую методичку о том, как пропаганда должна рассказывать о войне. Мы ее прочитали 'Спецоперацию' нужно сравнивать с крещением Руси, а Путина — с Александром Невским." *Meduza*. 09.09.2022] <<https://meduza.io/feature/2022/08/01/v-kremle-podgotovili-novuyu-metodichku-o-tom-kak-propaganda-dolzhna-rasskazyvat-o-voyne-my-ee-prochitali>>].
- Pivtorak, Hryhoriy. *Pokhodzhennya ukrajintsiiv, rosiyan, bilorusiv ta yikhnikh mov: Mify i pravda pro tr'okh brativ slov'yans'kykh zi 'spil'noyi kolysky*. Kyiv: Akademiya, 2001 [Півторак, Григорій. *Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов: Міфи і правда про трьох братів слов'янських зі 'спільної колыски*. Київ: Академія, 2001].
- Putin, Vladimir. "Ob istoricheskom yedinstve russkikh i ukraintsev." 12 september 2022 [Путин, Владимир. "Об историческом единстве русских и украинцев." 12.09.2022] <<http://kremlin.ru/events/president/news/66181>>.
- Serczyk, Władysław A. *Historia Ukrainy*. Wrocław: Ossolineum, 1990.
- Turgenev, Ivan. *Rudin*. Turgenev, Ivan. *Sobraniye sochineniy v dvenadtsati tomakh*. T. II. Moskva: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1954: 7–138 [Тургенев, Иван. *Рудин*. Тургенев, Иван. *Собрание сочинений в двенадцати томах*. Т. II. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1954: 7–138].
- Ushakov, Dmitriy N. Ed. *Tolkovyy slovar' sovremennogorusskogo yazyka*. Moskva: Adelant, 2013 [Ушаков, Дмитрий Н. Ed. *Толковый словарь современного русского языка*. Москва: Аделант, 2013].
- Wasylenko, Wolodymyr. "Przyczyna, charakter i cel zbrojnej agresji Rosji przeciwko Ukrainie." *Pomiedzy. Polonistyczno-Ukrainoznawcze Studia Naukowe* 2017, vol. 3: 21–26.
- Yermakova Ol'ga P., Zemskaya Yelena A., and Rozina Raisa I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'*. *Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona*. Moskva: Azbukovnik, 1999 [Ермакова Ольга П., Земская Елена А., и Розина Раиса И. *Слова, с которыми мы все встречались*. *Толковый словарь русского общего жаргона*. Москва: Азбуковник, 1999].

ŹRÓDŁA CYTATÓW

- I. Polyakov, Georgiy. "Biometricheskiye dannnyye — klyuch dlya vzloma iperepodchineniya lichnosti tekhnikami chernoy magii." 22 september 2022 [Поляков,

- Георгий. “Биометрические данные — ключ для взлома и переподчинения личности техниками черной магии.” 22.09.2022 <<https://3rm.info/publications/54334-biometricheskie-dannye-klyuch-dlya-vzloma-i-perepodchineniya-lichnosti-tehnikami-chernoy-magii.html>>.
- II. “Kitay napadet Narossiyu... Pravoslavnyye startsy o Tret'eyey mirovoy voyne.” 22 september 2022 [“Китай нападет на Россию... Православные старцы о Третьей мировой войне.” 22.09.2022. <<https://3rm.info/main/58250-pravoslavnyye-startsy-o-tretey-mirovoy-voyne-kitay-napadet-na-rossiyu-i-doydet-do-urala.html>>.
- III. Ageyev, Boris. “Slomannyy magnit. Ukrainstvo kak dukhovnaya porcha russkogo mira...” 22 september 2022 [Агеев, Борис. “Сломанный магнит. Украинство как духовная порча русского мира...” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/44243-slomannyy-magnit-ukrainstvo-kak-duhovnaya-porcha-russkogo-mira.html>>.
- IV. Mironova, Tat'yana. “Russkiye, ukraintsy, belorusy: odin yazyk, odin rod, odna krov'.” 22 september 2022 [Миронова, Татьяна. “Русские, украинцы, белорусы: один язык, один род, одна кровь.” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/3972-russkiye-ukraincy-belorusy-odin-yazyk-odin-rod.html>>.
- V. Kalashnikov, Maksim. “Yesli eto — snova vojna.” 22 september 2022 [Калашников, Максим. “Если это — снова война.” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/63867-esli-eto-snova-voyna.html>>.
- VI. Yaremenko, Nikolay. “Ugovor dorozhe zhizni.” 22 september 2022 [Яременко, Николай. “Уговор дороже жизни.” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/19440-100-v-goru.html>>.
- VII. Bilyayev, Vladimir. “Mneniye i prognoz o budushchem Rossii i Ukrainy. Proyekt Savchenko — mogil'shchik ostatkov Ukrainy.” 22 september 2022. [Биляев, Владимир. “Мнение и прогноз о будущем России и Украины. Проект Савченко — могильщик остатков Украины.” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/62510-mneniye-i-prognoz-o-budushchem-rossii-i-ukrainy-proyekt-savchenko-mogilschik-ostatkov-ukrainy.html>>.
- VIII. “Avtokefaliya — operatsiya Khabada!” 22 september 2022 [“Автокефалия — операция Хабада!” 22.09.2022] <<https://3rm.info/main/72536-avtokefaliya-operatsiya-habada-za-resheniem-konstantinopolskogo-patriarhata-stojat-ljudi-i-dengi-oligarha-habadca-kolomojskogo.html>>.
- IX. “Podgotovka obshchestvennogo mneniya k voyne...” 22 september 2022 [“Подготовка общественного мнения к войне...” 22.09.2022] <<https://3rm.info/main/70238-podgotovka-obschestvennogo-mneniya-k-voyne-polsha-prizvala-vseh-ozhidat-vtorzheniya-rossii-na-ukrainu.html>>.
- X. “Zhidofashisty nasazhdayut natsizm...” 22 september 2022 [“Жидофашисты насаждают нацизм...” 22.09.2022] <<https://3rm.info/main/73095-zhidofashisty-nasazhdajut-nacizm-na-ukraine-sozdali-dlja-detej-shokirujushchuyu-kompjuternuju-igru.html>>.
- XI. Mirnyy, Aleksandr. “«...Ekh, malysh! Kak zhe mnogo...».” Pamyati Detey Donbassa posvyashchayetsya.” 22 september 2022 [Мирный, Александр. “«... Эх, малыш! Как же много...».” Памяти Детей Донбасса посвящается.” 22.09.2022] <<https://3rm.info/publications/62799-eh-malysh-kak-zhe-mnogo-na-edinicu-dobra-chernoy-nenavisti-v-trotilovom-ekvivalente-pamyati-detey-donbassa-posvyaschaetsya.html>>.

- XII. "Tikhushniki v zasade... Krymskiye arkhiverei vtikhuyu podderzhivayut ukro-fashistskikh karateley." 22 september 2022 ["Тихушники в засаде... Крымские архиереи втихую поддерживают укрофашистских карателей." 22.09.2022] <<https://zrm.info/main/72031-tihushniki-v-zasade-krymskie-arhierei-vti-huyu-podderzhivayut-ukrofashistskih-karateley.html>>.
- XIII. "Kak byl osvobozhden L'vov..." 22 september 2022 ["Как был освобожден Львов..." 22.09.2022] <<https://zrm.info/publications/49465-k-70-letiyu-os-vobozhdeniya-lvova.html>>.

YEROL TURASHBEK

 <https://orcid.org/0000-0002-6631-77941>

Al Farabi Kazakh National University

THE AXIOLOGICAL POTENTIAL OF ASTROLOGICAL TERMINOLOGY

Axiological aspects may be a prism shedding more light on the phenomena associated not only with semantics but also with pragmatics and linguistic-cultural factors. Such lexical units as horoscope and astrology have similar dynamics in terms of increasing or falling in popularity. In addition, at the present time, including the period between the late 20th and early 21st century, there is a predominance of negative emotions related to these concepts. This fact can be considered as evidence of an ironic attitude to the lexical units (LU) *horoscope* and *astrology*, as well as to this lexical and semantic group in general. The author used the data from the National Corpus of the Russian Language extracted by means of a continuous sampling technique, to study the estimated potential of the lexical units astrology and horoscope. The research methodology is based on a comparative analysis of data provided by the Language corpora.

Keywords: astrology, horoscope, National Corpus of the Russian Language, emotive meaning.

INTRODUCTION

Astrological terminology as an object of study is ambiguous and multifaceted. So, Saodat R. Sultanova notes that “astrology, which has thousands of years of history, is an ambiguous epistemological space in which there is room for various interpretations of the content of its ideas.”¹ Based on this, it can be argued that the axiological component of the meanings of astrological terms is also distinguished by a high degree of complexity. As Valentina Avramova points out, “the evaluative interpretation of ontological categories undoubtedly assigns the status of a universal category to evaluation, penetrating all spheres of human existence.”² Even at the level of everyday ideas, the

¹ Султанова, Саодат. *Семантико-этимологический анализ терминов зодиака (на материале английского и русского языков)*. Кандидатская диссертация. Душанбе, 2014, р. 4.

² Аврамова, Валетина. “Концептосфера оценочности в национальной языковой картине мира.” *Проблемы когнитивного и функционального описания*

object of evaluation are the qualities, actions and states of people, the characteristics of objects or situations. Evaluation “turns,” the world to a person and consists in limiting its use to the already mastered part of the Universe and the part being mastered now. It concerns the fruits of human hands and thoughts, programs of life, and the transformation of the world. The inseparable property of evaluation is the person himself in his or her static and dynamic aspects. Everything that lies outside this circle is not subject to evaluation. An evaluative statement seeks to influence the addressee and through him the course of practical life. Evaluation belongs to the realm of responses, as well as to the realm of incentives. It is as elusive as it is omnipresent.³

Modern linguistics considers evaluativeness as a property of a linguistic/speech unit associated with the establishment of a valued relationship (evaluation) of the subject of speech to an object in a broad sense (material or spiritual phenomenon). That is why modern linguistic literature presents various definitions of evaluation from the standpoint of logic, theory of knowledge, and linguistics itself. These are: 1) “the judgment of the speaker, his attitude — approval or disapproval, desire, encouragement, etc. — as one of the main parts of stylistic connotation;”⁴ 2) “an act of human consciousness, which consists in comparing objects, comparing their properties, determining the role in the life of the subject, and its results, fixed in the mind and language in the form of positive, negative or neutral attitude;”⁵ 3) “transmission of the subjective plan of speech;”⁶ 4) “the attitude of the speaker, his approval or disapproval as a component of the lexical meaning of the word, the meaning of the statement, the content of the text;”⁷ 5) “a set of multi-level linguistic units united by evaluative semantics and expressing the

русского и болгарского языков. Выпуск 2. Митев, Д., and Николова, А. Eds. Шумен: Университет. изд-во “Еп. К. Преславски” 2003, p. 12.

³ В. Телия, *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва: Наука, 1986, p. 7.

⁴ *Оценочная категория. Стилистический энциклопедический словарь русского языка.* Vazhenova, E name??? at all. Eds. Москва: Флинта, 2003, p. 305.

⁵ Ивин, Александр. *Основания логики оценок.* Москва, Изд-во Московского ун-та, 1970, p. 223.

⁶ Матвеева, Тамара. *Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика.* Москва: Флинта–Наука, 2003, p. 312.

⁷ Клушина, Наталья. “Языковые механизмы формирования оценки в СМИ.” *Публицистика и информация в современном обществе: сб. науч. тр.* Москва: Изд. МГУ, 2000, p. 214.

author's positive or negative content of speech;"⁸ 6) "positive or negative characterization of an object or phenomenon given to it on the basis of its specific features."⁹

Within the framework of the linguistic approach, Aryutunova¹⁰ singled out axiological general appraisal values associated with the characteristics of the object as whole and private appraisal values which give an assessment of a single property of the object. .

The concepts of "estimation" and "modality" are quite often combined in modern linguistics. Thus, Veronica N. Teliya notes that

the evaluative attitude is usually considered as one of the types of modality that accompanies linguistic expressions. Evaluative modality is a connection established between the value orientation of the speaker/listener and the designated reality (more precisely, some property or aspect of considering this reality), evaluated positively or negatively on any basis (emotional, ethical, utilitarian, etc.) in accordance with the "standard" of the existence of things or the state of affairs in some pictures of the world, which underlies the norms of evaluation.¹¹

In this study, such concepts as appraisal, emotivity, evaluation scale, and positive/negative evaluation are applied and one adheres to the idea put forward by Teliya: "Evaluative and emotive connotations can be the result of correlation with cultural attitudes (rules of behavior), stereotypes, background knowledge."¹² Hence, evaluation can be considered as a universal category, and its universal character manifests primarily in the structure of linguistic evaluation: a person forms an evaluation attitude to certain objects of reality in accordance with a certain scale of values, which is not explicated in the language but serves intrinsic procedure of assessment of the basis of the language. The rating scale, in turn, is a rather complex phenomenon. For example, it can be individual or reflect the evaluation ideas typical of a whole language community.

⁸ Казарцева, Ольга. *Культура речевого общения: теория и практика обучения. Учебное пособие.* Москва: Флинта–Наука, 1998, р. 139.

⁹ Клушина. "Языковые механизмы формирования оценки в СМИ" ..., р. 127.

¹⁰ Арутюнова, Нина. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт.* Москва: Наука, 1989, р. 112.

¹¹ Телия. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц..., р. 23.

¹² Телия, Вероника. "О различии рациональной и эмотивной/эмоциональной оценки," *Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность.* In *теория Е. М. Вольф.* Москва: Институт языкознания РАН, 1996, р. 58.

MATERIALS AND METHODS

The formulation of the problem described above shows that the purpose of this study is to consider the estimated potential of the lexical units astrology and horoscope. This purpose involves solving the following objectives: (1) to analyze text fragments containing the above lexical units; (2) to identify their correlation with the positive/negative/neutral parts of the rating scale.

To achieve this purpose, one studied the data from the National Corpus of the Russian Language; text fragments were extracted from the corpus using continuous sampling. Thus, it was possible to objectify the study and to use elements of a statistical analysis based on the acquired quantitative data. The following research questions were posed related to the characteristics of the approach to the material under consideration:

- 1) What assessment (positive, negative, neutral) is predominant in the number of word usages of LU *horoscope* and *astrology*?
- 2) What are the trends in the frequency of word usage, recorded by the National Corpus of the Russian Language, in relation to the LU *horoscope* and *astrology*?

RESULTS

As Teliya notes, there are different points of view on the ratio of rational and emotional assessments. Therefore, motivism “integrates all the psychological states of the subject, which are possible when they are expressed in a statement/text, and postulates the position that the emotional side in speech is primary, and the rational side is secondary.”¹³ On the contrary, Nina D. Arutyunova, Елена М. Wolf, А. N. Baranov, and others argue that there is a priority of rational assessment over emotional assessment: the latter is considered either as a type of psychological assessment, or, in general, as one of the signs of rational assessment capable of actualization in speech. According to the third opinion, these two types of assessments in language mapping clearly correlate with different aspects of the semantics of words: rational assessment refers to the descriptive aspect of meaning, and emotive assessment is associated with the

¹³ Ibid., p. 87.

“internal form” included in the linguistic entity (word, phraseological unit, text).”¹⁴

The variety of approaches to the linguistic interpretation of the category of evaluation, and, consequently, the concept of evaluation demonstrate the complexity of the phenomenon under consideration. Nevertheless, “the position that emotive vocabulary includes an evaluative component in its meaning and that the evaluative structure of different classes of emotive vocabulary is not the same”¹⁵ is more or less accepted. Thus, the concepts of appraisal and emotionality (emotivity) are hardly identical but still closely related. Rational assessment is based on a logical principle associated with an intellectualized analysis, which is performed by the subject of assessment in relation to the assessed object from the standpoint of “good/bad” and considering the norms developed by society in its historical development. In other words, “a rational assessment is based on social stereotypes and is expressed by a value judgment: *I think it's good; According to the general opinion, he acted badly*, etc.”¹⁶ Emotional evaluation (in more recent studies, one can find the term “emotive”, designed to distinguish between emotions and their “names” in language and evaluation of the type that opposes the rational) “manifests itself not as a logical judgment, but as a sensation, feeling, emotion of the speaker.”¹⁷

The theoretical background described above is fully applicable to the concepts of astrology put under scrutiny, in this study. The LU horoscope can be endowed with both positive and negative evaluation and express an ambivalent attitude towards the concepts included in this sphere. At the same time, LU can be used as a statement of fact, confirmation of the existence of a phenomenon; in this case, it corresponds to zero on the evaluation scale. The National Corpus of the Russian Language records 161 usages of the word. According to my observations, the positive assessment was noted in 27 cases, the negative one — in 89, and the rest of the usages were neutral. In general, it shows that is very typical to express irony using this particular concept:

¹⁴ Вольф, Елена. *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука, 1985, р. 32.

¹⁵ Мирзоева, Лейля. “Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике,” *Вестник Карагандинского университета*, 2012. по. 2, р. 10.

¹⁶ Клушина. “Языковые механизмы формирования оценки в СМИ” ..., р. 140.

¹⁷ Ивин, Александр. *Основания логики оценок...*, р. 45.

Этот метафорический образ схематичен в спектакле, как астрологический **гороскоп** [“Спасительная эстафета игры.” *Экран и сцена*, 2004.05.06]. This metaphorical image is schematic in the performance, like an astrological horoscope [“Rescue relay race of the game.” *Screen and Stage*, 2004.05.06].

А здесь и сейчас не пронесло — значит, такой получился **гороскоп** [Павлов, Олег. “Карагандинские девятины, или Повесть последних дней.” *Октябрь*, 2001].

But here and now it didn't pass — it means that the **horoscope** turned out like that [Pavlov, Oleg. “Karaganda deviatiny, or the Tale of the last days.” *October*, 2001].

Только этот переворот и представляет для нас интерес в данном случае. Какой **гороскоп** можно поставить ему? В интеллигенции началось уже глубокое брожение, зародились новые идеи, а старые идейные основы поколеблены и скомпрометированы [Струве, Павел. *Интеллигенция и революция* (1909)].

Only this revolution is of interest to us in this case. What **horoscope** can be given to him? Deep fermentation has already begun in the intelligentsia, new ideas have been born, and the old ideological foundations have been shaken and compromised [Struve, Pavel. *Intelligentsia and Revolution* (1909)].

Подколотная составляла **гороскоп** ее нарядов и настроений: серый джемпер — снисходительная, красная блузка — нервная, черный жакет — требовательная, только держись [Зеленина, Галина. “Куриная Слепота и ее обитательницы.” *Волга*, 2014].

Podkolodnaya made a **horoscope** of her outfits and moods: a gray jumper — indulgent, a red blouse — nervous, a black jacket — demanding, just hold on [Zelenina, Galina. “Night Blindness and its inhabitants.” *Volga*, 2014].

Irony is actualized mainly through interaction with the contextual environment; in addition, a negative assessment is associated with another type of modality, namely, reliability/unreliability, i.e. the unreliable and unconfirmed is rationally comprehended ironically.

Situational discrepancy also generates irony, and, consequently, a negative assessment of the phenomenon under consideration:

В том и другом случае — глядя в **гороскоп** или взирая на уравнение — мы хотим видеть то, что эти формулы обещают нам. [Александр Волков. Мир наших законов // “Знание — сила”, 2008]; **Гороскоп** Кока-колы, созданный одним из основателей школы, Сергеем Дмитриевичем Безбородным, — потрясающее чтение. [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // “Русская Жизнь”, 2008]; Поручкой тому “домашний **гороскоп**” из журнала “Лиза” (журналы “Лиза” и “Отдохни” каждый год выпускают по специальному нарядному приложению с **гороскопами**; хлопотунья Лиза не отдыхает): “Если при обустройстве дома вы будете учитывать законы астрологии, вы создадите по-настоящему уютное гнездышко”. [Евгения

Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // “Русская Жизнь”, 2008]; Астрологи работают как лайф-коучи (профессиональные советчики) и считают себя более успешными работниками, нежели “простые” психологи, ибо могут составить астральные карты всех членов коллектива, астрологическую карту офиса, **гороскоп** конфликта — и осветить перспективу [Пищикова, Евгения. “Пятиэтажная Россия.” *Русская жизнь*, 2008].

In both cases — looking at the **horoscope** or looking at the equation — we want to see what these formulas promise us. [Alexander Volkov. The world of our laws // “Knowledge is power”, 2008]; The **horoscope** of Coca-Cola, created by one of the founders of the school, Sergey Dmitrievich Bezborodny, is an amazing read. [Evgenia Pishchikova. “Five-storied Russia” (2007) // *Russian Life*, 2008]; Guarantee this “home **horoscope**” from the magazine “Lisa” (the magazines “Lisa” and “Relax” are released every year with a special elegant supplement with **horoscopes**; busy Lisa does not rest): “If you consider the laws of astrology when decorating your home, you will create according to “A real cozy nest.” [Evgenia Pishchikova. “Five-storied Russia” (2007) // “Russian Life,” 2008]; Astrologers work as life coaches (professional advisers) and consider themselves more successful workers than “simple” psychologists, because they can draw up astral maps of all team members, an astrological office map, a conflict **horoscope** — and illuminate the perspective [Pishchikova, Evgenia. “Five-story Russia.” *Russian life*, 2008].

Neutral contexts are also quite frequent; in this case, the LU *horoscope* simply states the fact of the existence of this phenomenon:

Я просчитала резонансный **гороскоп** на них обоих — безрезультатно [Завершнева, Екатерина. *Высота* (2012)]; Узнав, что я астролог, она попросила меня составить ей **гороскоп** [Кючарьянц, Владимир. “Тайна графа Сергея Вронского.” *Наука и религия*, 2010].

Как, собственно, и его личный **гороскоп**, в котором трагический конец можно было предотвратить лишь резкой сменой обстановки [Кючарьянц, Владимир. “Тайна графа Сергея Вронского.” *Наука и религия*, 2010]. Он понимал, и его **гороскоп** подтверждал это, что оставаться в Берлине дальше нельзя [Кючарьянц, Владимир. “Тайна графа Сергея Вронского.” *Наука и религия*, 2010].

I calculated the resonant **horoscope** for both of them — to no avail [Zavershneva, Ekaterina. *Skyscraper* (2012)];

When she found out that I was an astrologer, she asked me to make her a **horoscope** [Kucharyants, Vladimir. “The Secret of Count Sergei Vronsky.” *Science and Religion*, 2010];

Like, in fact, his personal **horoscope**, in which the tragic end could only be prevented by a sharp change of scenery [Kucharyants, Vladimir. “The secret of Count Sergei Vronsky.” *Science and Religion*, 2010]; He understood, and his **horoscope** confirmed it, that he could no longer remain in Berlin [Kucharyants, Vladimir. “The Secret of Count Sergei Vronsky.” *Science and Religion*, 2010].

As mentioned above, positive evaluation can also be updated in the process of using the LU *horoscope*; however, it tends to be neutral:

Гороскоп здоровья на август Берегите сердце и сосуды, не расстраивайтесь по пустякам, старайтесь философски относиться к сложностям жизни [“Гороскоп здоровья на август.” *Наука и религия*, 2007]; Ведь индивидуальный **гороскоп** человека, составленный по месту и времени его рождения, может повториться только через 25 тысяч лет [Предложение астрологического прогноза (2004)].

Health **horoscope** for August Take care of your heart and blood vessels, do not get upset over trifles, try to be philosophical about the complexities of life [“Health horoscope for August.” *Science and Religion*, 2007]; After all, an individual **horoscope** of a person, compiled according to the place and time of his birth, can be repeated only after 25 thousand years [Suggestion of astrological forecast (2004)].

In many respects, the situation with the use of LU *astrology* is similar. In this case, the negative evaluation has a much greater intensity:

По мнению автора, расцвет мракобесия во всех его проявлениях — **астрология**, магия, целительство, колдовство — результат астрономической безграмотности подрастающего поколения. [З. Короткова. “Школьник и Вселенная.” *Наука и жизнь*, 2007]; Владимир, почему Вы всегда муссируете модель астрологии, ведь сама **астрология** никакого отношения не имеет к науке, ибо НАУКА ВСЁ ОБЪЯСНИЛА. [коллективный. Форум: О “научности” и “тонкоматериальности” астрологии. Что такое астрология (2007)]] А наука ВСЁ ОБЪЯСНИЛА, для неё нет никаких тонких энергий. Значит **Астрология** — НЕНАУКА [Vladimir, муж].

According to the author, the flowering of obscurantism in all its manifestations — **astrology**, magic, healing, sorcery — is the result of the astronomical illiteracy of the younger generation [Korotkova, Z. “Schoolboy and the Universe.” *Science and Life*, 2007].

Vladimir, why do you always exaggerate the model of **astrology**, because *astrology* itself has nothing to do with science, because *SCIENCE EXPLAINED EVERYTHING* [collective. Forum: About “scientific” and “subtle” astrology. What is Astrology (2007)]

And science EXPLAINED EVERYTHING, for it there are no subtle energies. So, **Astrology** is NOT SCIENCE [Vladimir, masculine].

In some cases, a negative assessment is also closely related to the unreliability of the phenomenon itself:

Астрология сама является метафорой, поэтому создавать объяснение Астрологии сродни трактовке библии [коллективный. Форум: О “научности” и “тонкоматериальности” астрологии. Что такое астрология (2007)]; Я не говорю конкретно о Вас, я просто именно хочу, чтобы Вы

поняли: **АСТРОЛОГИЯ** – это ЯЗЫК [коллективный. Форум: О “научности” и “тонкоматериальности” астрологии. Что такое астрология (2007) [delytant, муж]; Мы можем выучить грамматику, а можем, конечно, создать новый язык, но тогда это будет не **Астрология**, а модель использующая элементы астрономии [коллективный. Форум: О “научности” и “тонкоматериальности” астрологии. Что такое астрология (2007)] [Vladimir, муж]; Если конечно не считать жар и холод вместе с сухостью и влагой великими таинствами. :)) Такова традиционная **астрология**. Обыкновенное единство человека и природы, объединенное в циклах и природных состояниях [коллективный. Форум: О “научности” и “тонкоматериальности” астрологии. Что такое астрология (2007)].

Astrology itself is a metaphor, so creating an explanation of Astrology is akin to interpreting the Bible [collective. Forum: About “scientific” and “subtle” astrology. What is Astrology (2007)]; I’m not talking about you specifically, I just want you to understand: **ASTROLOGY** is a LANGUAGE [collective. Forum: About “scientific” and “subtle” astrology. What is astrology (2007)] [delytant, husband]. We can learn grammar, or, of course, we can create a new language, but then it will not be **Astrology**, but a model using elements of astronomy. [collective. Forum: About “scientific” and “subtle” astrology. What is astrology (2007)] [Vladimir, husband] :); Unless, of course, heat and cold, along with dryness and moisture, are considered great mysteries. :)) This is traditional **astrology**. The ordinary unity of man and nature, united in cycles and natural states [collective. Forum: About “scientific” and “subtle” astrology. What is astrology (2007)] Vladimir, masculine].

In general, the National Corpus of the Russian Language records 86 word usages, of which, according to our calculations, 53 have a negative evaluative flavor, 21 are neutral, 12 are positively evaluative.

Thus, it can be argued that both axiological orientations and the process of falling popularity of lexical units reflect certain shifts of a linguistic-cultural nature (see the example above).

DISCUSSION

When analyzing the dynamics of the use of LUs “horoscope” and “astrology”, it seems necessary to refer to the statistical data provided by the National Corpus of the Russian Language. So, the dynamics of the frequency of using the word *horoscope* (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language) is shown in Figure 1:

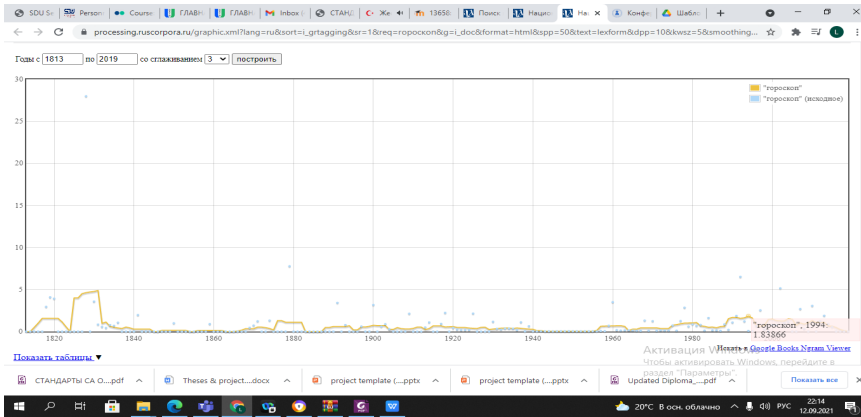

Fig. 1. Dynamics of the frequency of using LU *horoscope*¹⁸

As can be seen in the graph, the peaks of the popularity of LE fall on the 1840s, as well as in the 1990s (for example, in the 20th century, the frequency of use reached 1.8 word usages per 1 million). There is currently a decline; perhaps this is due to a reassessment of the concept expressed by this word. It is in the 21st century, as the fragments of texts cited above confirm, that a negative assessment of an ironic nature prevails.

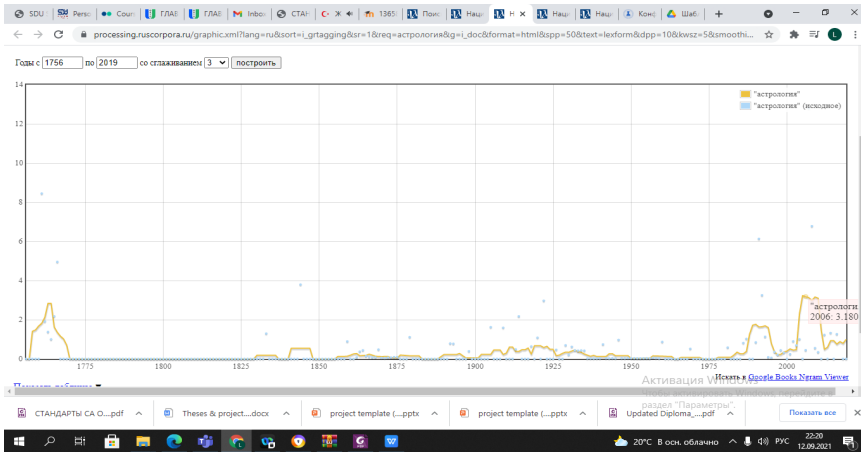

Fig. 2. Dynamics of the frequency of using LU *astrology*¹⁹

¹⁸ Национальный корпус русского языка, <<https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>>.

¹⁹ Ibid.

The graph reflects two peaks of popularity, the first of which falls on the 18th century, the second – on the 2010s (when the frequency of use reaches 3.1 words per 1 million). At present, there is also a decline in popularity and the predominance of a negative assessment, which can be considered a general trend in relation to the two analyzed concepts from the field of astrology.

CONCLUSION

The axiological aspect is a reflection of phenomena that are associated not only with semantics, but also with pragmatics and linguistic and cultural factors. Judging from the materials presented in the work, the LU *horoscope* and *astrology* have similar dynamics in terms of increasing/decreasing popularity. In addition, at present, covering the period of the late 20th – early 21st century, there is a predominance of a negative assessment that accompanies these concepts, which is also evidence of the predominance of an ironic attitude to LU *horoscope* and *astrology*, as well as to this lexical-semantic group in general.

Acknowledgments

This work was carried out at the expense of the grant of the rector of Abai Kazakh National Pedagogical University for the implementation of research work, Agreement No. 4 on the basis of the Order of Abai Kazakh National Pedagogical University No. 03 – 05/21 dated January 29, 2021.

REFERENCES

- Akhmanova, Ol'ga. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva: Sovet-skaya Entsiklopediya, 1966 [Ахманова, Ольга. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская Энциклопедия, 1966].
- Arutyunova, Nina. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt*. Moskva: Nauka, 1989 [Арутюнова, Нина. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука, 1989].
- Avramova, Valentina. "Kontseptosfera otsenochnosti v natsional'noy yazykovoy kartine mira." *Problemy kognitivnogo i funktsional'nogo opisaniyarusskogo i bolgarskogo yazykov*. Mitev, Damyan and Nikolova, Anna. Eds. Shumen: Universitet. izd-vo "Yep. K. Preslavski", 2003: 109–117 [Аврамова, Валентина.

- “Концептосфера оценочности в национальной языковой картине мира.” *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*. Митев, Дамян и Николова, Анна (ред.). Шумен: Университет. изд-во “Еп. К. Преславски”, 2003: 109–117].
- Vazhenova, Yelena A. “Kategoriya otsenki.” *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar’ russkogo yazyka*. Alekseyeva, Larisa M. et al. Eds. Moskva: Flint, 2003: 139–146 [Баженова, Елена А. “Категория оценки.” *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Алексеева, Лариса М. и др. (ред.). Москва: Флинт, 2003: 139–146].
- Bochkarev, Andrey. *Semanticheskiy slovar’*. Nizhniy Novgorod, 2003 [Бочкарев, Андрей. *Семантический словарь*. Нижний Новгород, 2003].
- Brandes, Margarita. *Stilisticheskiy analiz: na materiale nemetskogo yazyka*. Moskva: Progress-Traditsiya, Infra-M, 2010 [Брандес, Маргарита. *Стилистический анализ: на материале немецкого языка*. Москва: Прогресс-Традиция, Инфра-М, 2010].
- Ivanov, Leonid. *Tekst nauchnoy diskussii: deyxsis i otsenka*. Moskva: NIP 2-R, 2003 [Иванов, Леонид. *Текст научной дискуссии: дейксис и оценка*. Москва: НИП 2-Р, 2003].
- Ivin, Aleksandr. *Osnovaniya logiki otsenok*. Moskva: Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, 1970 [Ивин, Александр. *Основания логики оценок*. Москва: Издательство Московского университета, 1970].
- Kazartseva, Ol’ga. *Kul’tura rechevogo obshcheniya: teoriya i praktika obucheniya. Uchebnoye posobiye*. Moskva: Flinta, Nauka, 1998 [Казарцева, Ольга. *Культура речевого общения: теория и практика обучения. Учебное пособие*. Москва: Флинта, Наука, 1998].
- Klushina, Natal’ya. “Yazykovyye mekhanizmyformirovaniya otsenki v SMI.” *Publitsistika i informatsiya v sovremennoy obshchestve: sobraniye nauchnykh trudov*. Moskva: Izdatel’stvo MGU, 2000: 94–106 [Клушина, Наталья. “Языковые механизмы формирования оценки в СМИ.” *Публицистика и информация в современном обществе: собрание научных трудов*. Москва: Издательство МГУ, 2000: 94–106].
- Matveyeva, Tamara. *Uchebnyy slovar’*. *Russkiy yazyk. Kul’tura rechi. Kul’tura rechi. Stilistika. Ritorika*. Moskva: Flinta, Nauka, 2003 [Матвеева, Тамара. *Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика*. Москва: Флинта, Наука, 2003].
- Mirzoyeva, Leyla. “Kategorial’nyye osobennosti otsenki i ikh predstavleniye v sovremennoy lingvistike.” *Vestnik Karagandinskogo universiteta*, 2012, no. 2: 4–9 [Мирзоева, Лейла. “Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике.” *Вестник Карагандинского университета* 2012, no. 2: 4–9].
- Natsional’nyy korpus russkogo yazyka* [Национальный корпус русского языка] <<https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>> .
- Plotnikov, Vladimir. “Otsenka.” *Sovremennyy filosofskiy slovar’*. Kemerov, Vyacheslav. Ye. Ed. London, Frankfurt-na-Mayne, Parizh, Lyuksemburg, Moskva, Minsk: Panprint, 2011 [Плотников, Владимир. “Оценка.” *Современный философский словарь*. Кемеров, Вячеслав. Е. (ред.). Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: Панпринт, 2011].
- Prishchepchuk, Svetlana. “Strukturno-semanticheskiye i funktsional’nyye osobennosti kategorii otsenki v aspekte yeye realizatsii pri perevode politicheskogo di-

AXIOLOGICAL POTENTIAL...

- skursa." *Sbornik nauchnykh trudov SevKavGTU. Gumanitarnyye nauki*, 2008, no. 6: 6–10 [Прищепчук, Светлана. "Структурно-семантические и функциональные особенности категории оценки в аспекте ее реализации при переводе политического дискурса." *Сборник научных трудов СевКавГТУ. Гуманитарные науки*, 2008, no. 6: 6–10].
- Sultanova, Saodat. *Semantiko-etimologicheskij analiz terminov zodiaka (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov)*. Kandidat-skaya dissertatsiya. Dushanbe, 2014 [Султанова, Саодат. *Семантико-этимологический анализ терминов зодиака (на материале английского и русского языков)*. Кандидатская диссертация. Душанбе, 2014].
- Teliya, Veronika. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh yedinit*. Moskva: Nauka, 1986 [Телия, Вероника. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986].
- Teliya, Veronika. "O razlichii ratsional'noy i emotivnoy/emotsional'noy otsenki." *Funktsional'naya semantika: Otsenka, ekspressivnost', modal'nost'*. In *metoriam Ye.M. Vol'f*. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN, 1996: 31–38 [Телия, Вероника. "О различии рациональной и эмотивной/эмоциональной оценки." *Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность*. In *metoriam E.M. Vol'f*. Москва: Институт языкознания РАН, 1996: 31–38].
- Tokarev, Grioriy. "K voprosu o tipologii kul'turnykh konnotatsiy." *Filologicheskije nauki*, 2003, no. 3: 56–60 [Токарев, Григорий. "К вопросу о типологии культурных коннотаций." *Филологические науки*, 2003, no. 3: 56–60].
- Vol'f, Yelena. *Funktsional'naya semantika otsenki*. Moskva: Nauka, 1985 [Вольф, Елена. *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука, 1985].
- Zheltukhina, Marina. *Tropologicheskayasuggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI*. Moskva: IYA RAN; Volgograd: Izdatel'stvo VF MUPK, 2003 [Желтухина, Марина. *Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ*. Москва: ИЯ РАН; Волгоград: Издательство ВФ МУПК, 2003].

RECENZJE

KAZIMIERZ PRUS

<https://orcid.org/0000-0002-2644-5089>

Uniwersytet Rzeszowski

Марк Теплинский: „Делать как должно...”: *Исповедь. Глазами другого*, автор-сост., ред. И. В. Козлик; предисл., коммент., прим. и послесл. И. В. Козлик, Симфония форте, Ивано-Франковск 2021, 156 с. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)

Jest to interesujące opracowanie pozwalające poznać życie, osobowość i działalność człowieka uczciwego, zasłużonego dla nauki i środowiska naukowego. Przypada ono na 100-lecie urodzin Marka Beniaminowicza Tieplinskiego (1924–2012).

W strukturze tomu dominują dwie części: *Spowiedź* i *Oczami Innego*. W konfesyjnej części pierwszej sam bohater ujawnia i naświetla najważniejsze momenty swojej biografii, stopnie kariery naukowej, meandry życia rodzinnego. Książka została bowiem stworzona na podstawie filmów dokumentalnych Ihora Kozłyka *Mark Tieplinski — nauczyciel, uczony, człowiek* (2012) i *Oczami Innego: Mark Tieplinski i Włodzimierz Matwiiszyn* (2013), odpowiednio rozszerzonych, uzupełnionych i skomentowanych. Wszechstronnie ukazuje drogę życiową i twórczą wybitnego ukraińskiego literaturoznawcy, profesora Przykarpackiego Uniwersytetu Narodowego im. Wasyla Stefanyka w Iwano-Frankowsku.

W okolicznościowej edycji nie zabrakło słów wdzięczności wobec zasłużonego uczonego, zamieszczonych przez rektora uniwersytetu, w części inicjalnej, i ucznia cenionego badacza — w części wstępnej i finalnej (*Posłowie, Przedmowa, Postskriptum*). Informują oni o tym, że Tieplinski był pierwszym doktorem habilitowanym i profesorem Uniwersytetu Przykarpackiego, znaczącym autorytetem moralnym środowiska naukowego uczelni, w której przepracował 42 lata (1970–2012). Poświęcono mu już w Iwano-Frankowsku je-

denaście książek i artykułów publicystycznych oraz dwa filmy dokumentalne.

Jak już odnotowałem, esencją publikacji są konfesyjne wyznania uczonego związane z dzieciństwem w Połtawie, studiami w przeniesionym podczas wojny do Saratowa Uniwersytecie Leningradzkim, informacje o „otarciu się” o intelektualistów i uczonych typu Eichenbaum, Tomaszewski, Biały, Gukowski, Tronski, Jewgieniew-Maksimow i in. W 1951 roku autor obronił w Leningradzie pracę doktorską *Historia twórcza poematu Nikołaja Niekrasowa „Współcześni”*. Z powodu żydowskiego pochodzenia nie otrzymał aspirantury w macierzystej uczelni, został skierowany do pracy w Pietrozawodsku (Karelia), a później siedemnaście lat kierował katedrą literatury w stolicy Sachalinu. Pozbawiono go jej z powodu „słabej pracy ideologicznej”. Unikając wyrzucenia z partii, uciekł z wyspy, aby służyć nauce w Iwanofrankowsku, gdzie został ciepło przyjęty, mimo że miał opinię „faszysty”. W 1967 roku, na podstawie dysertacji *„Zapiski Ojczyźniane” (1868–1884). Historia czasopisma. Krytyka literacka*, obronionej w Akademii Nauk w Leningradzie uzyskał stopień doktora habilitowanego, zatwierdzony w 1970 roku.

Druga część opracowania *Oczami Innego* zawiera, pogrupowane według kategorii tematycznych, uwagi o uczonego jego uczniów, przyjaciół i znajomych. Zwarte wypowiedzi siedemnastu osób koncentrują się na osobowości badacza i człowieka, jego powiązaniach z Połtawą, osiągnięciach literaturoznawczych (zwłaszcza w badaniach nowatorstwa poetyckiego Niekrasowa i związków Czechowa z Sachalinem), dydaktycznych, kierowniczych, promotorskich, recenzenckich. Akcentowane są takie cechy uczonego jak nieprzeciętna inteligencja, wyrozumiałość i dobroć wobec ludzi, humanizm, mądrość życiowa i miłosierdzie. Podnoszone są jego umiejętności konwersacyjne, profesjonalizm nauczycielski, gościnność (wydawał obiad domowy dla członków katedry przed każdą inauguracją nowego roku akademickiego), błyskotliwość wystąpień naukowych, ale zarazem umiejętność cieszenia się życiem i świetne poczucie humoru. Wybitny literaturoznawca był wspaniałym doradcą, szlachetnym człowiekiem z dużym talentem i charyzmą. Wszyscy wspominający profesora Tieplinskiego są pełni zachwyty nad jego życiem i działalnością, a opracowany przez jego ucznia Ihora Kozłyka tom jubileuszowy jest wdzięcznym upominkiem i przypomnieniem kolei losu i dzieła uczonego.

Tę popularnonaukową edycja czyta się wspaniale, przybliży bowiem zasłużonego człowieka na tle znanych ludzi nauki i życia środo-

wiska filologicznego. Czytając memuary, poznajemy dzieje rusycystyki wschodniosłowiańskiej i jej wybitnych reprezentantów ostatnich osiemdziesięciu lat. Ogromną zaletą tej publikacji są liczne ilustracje, głównie fotografie miejsc i osób towarzyszących pracy uczonego. Odnotować też trzeba bardzo instruktywne adresy bibliograficzne, w sposób zwarty informujące o dokonaniach naukowych osób, sugestywnie wyjaśniające istotne wydarzenia. Najślabiej wyeksponowano, jak sądzę, dorobek naukowy profesora; wspomniano, że specjalizował się w badaniach Czechowa, Niekrasowa, Korolenki, pisał o Czernyszewskim i Ostrowskim, tworzył historie literatury rosyjskiej XIX wieku dla szkół, ale brak w tej książce wyraźnie pogłębionej analizy dorobku, aspektu aksjologicznego jego dokonań. Może dlatego, że jest to książka okolicznościowa, wypełniona wyrazami wdzięczności — co przecież wiele tłumaczy. Prezentowane tutaj wspomnieniowe opracowanie zasługuje na uwagę literaturoznawców, nauczycieli i studentów zainteresowanych rozwojem wschodniosłowiańskiej nauki o literaturze w XX i XXI wieku.

VARIA

JAKUB WALCZAK

<https://orcid.org/0000-0002-4714-1762>

Uniwersytet Wrocławski

BŁĄDZIĆ JEST RZECZĄ LUDZKĄ

Sięgając po artykuł recenzyjny, czytelnik periodyku naukowego spodziewa się otrzymać sprawiedliwą i rzetelną ocenę publikacji, która była przedmiotem pogłębionej lektury wypowiadającego się na jej temat specjalisty. Zakłada, że recenzent kieruje się potrzebą zapoznania odbiorcy z założeniami autora i ich realizacją w postaci gotowej publikacji.

Kiedy zaś recenzja staje się pretekstem do uogólnionych refleksji na temat jakiegoś środowiska naukowego, pretekstem do wyrażenia osobistych preferencji autora, krytyką tendencji i tradycji naukowych czy dydaktycznych, to czytelnikowi powinna zaświecić się czerwona lampka. Takiego „zaświecenia” (nie mylić z oświeceniem) doznałem czytając tekst w „Przełęczach Rusycystycznym” 2023, nr 1 (181), poświęcony mojej książce *Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami* (PWN, Warszawa 2018), która powstała z potrzeby opracowania kursu prawidłowej wymowy rosyjskiej. Autorka recenzji – polska bałkanistka, Pani Profesor Irena Sawicka – już w pierwszym akapicie podważa zasadność użytego tytułu książki. Trudno zgodzić się z takim stanowiskiem, jeśli spojrzeć na fonetykę jako na ten dział lingwistyki stosowanej, który skoncentrowany jest na praktycznych zagadnieniach glottodydaktycznych związanych z poprawną wymową. Terminu *fonetyka*, rozumianego także jako praktyka artykulacyjna, użyła większość polskich autorów publikacji tego typu, by wymienić tylko kilka z nich: *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (M. Marciszewska, Ż. Śładkiewicz, Gdańsk 2014); *Fonetyka rosyjska w ćwiczeniach* (L. Jurkin,

A. Rodak, Łódź 2009); *Praktyczna fonetyka języka rosyjskiego. Głoski. Rytmika. Intonacja. Akcenty* (I. Januszkiewicz, Wrocław 1989); *Ćwiczenia z fonetyki i intonacji języka rosyjskiego* (Z. Kuroczycka, T. Kuroczycki, Poznań 1975). Nie pozostaję zatem w odosobnieniu i nie podzielam wyrażonych względem tytułu wątpliwości. Ale błędzić jest rzeczą ludzką.

W recenzji czytamy pełne sprzeczności stwierdzenia, takie jak: „żadnych objaśnień fonetycznych w niej nie ma. Autor wybrał te rosyjskie konteksty fonetyczne, których wymowa, jego zdaniem, jest inna niż w polskim, i nie wdając się nadmiernie w objaśnienia artykulacyjne, wskazał, jak je należy wymawiać (s. 225)”. Tymczasem we wstępie do omawianej publikacji możemy przeczytać:

Ze względu na praktyczny charakter opracowania zrezygnowano z modeli teoretycznych i obszernych informacji z zakresu fonetyki i fonologii. Wprowadzono za to przed prezentacją danych zjawisk fonetycznych krótki wstęp metodyczny, który może być pomocny zarówno dla uczącego się, jak i dla prowadzącego zajęcia (s. 10).

Jeśli chodzi o objaśnienia artykulacyjne, to stanowią one integralną część każdej jednostki, w której wprowadzana jest wymowa nowej głoski lub trudność fonetyczna. Przytoczę dla przykładu tylko trzy fragmenty z mojej książki:

Chodzi przede wszystkim o sposób artykulacji: rosyjskie **л** wymawiane jest – w odróżnieniu od polskiego *l* – bez udziału warg. Również polskie *l* to głoska inna pod względem miejsca artykulacji. Rosyjskie przedniojęzykowo-zębowe **л** powstaje przy styku końca języka z górnymi zębami, inaczej niż polskie przedniojęzykowo-dziąsłowe *l* (s. 23).

Rosyjska spółgłoska **ч** różni się od polskiego zwarto-szczelinowego **cz** pod względem miejsca artykulacji i miękkości, co wyraźnie słyhać, kiedy porównamy dwa słowa: **час** (godzina) – **czas**. W czasie artykulacji polskiej spółgłoski przednia część języka zwiera się z dziąsłami. Miękkość spółgłoski **ч** pojawia się, gdy przy jej wymawianiu środkowa część języka unosi się w kierunku podniebienia twardego. Rosyjskie **ч** nie jest tożsame z polskim **ć** (s. 29).

Przedniojęzykowe zwarte głoski **т, д** artykułowane są przy zwarciu czubka języka z górnymi zębami i dziąsłami, a miękkie powstają przy dodatkowym wzniesieniu środkowej części języka ku podniebieniu twardemu. [...] Wypowiedz trzy razy sylabę *ti* – jak w wyrazie *tik-tak*. Następnie przy artykulacji postaraj się, aby nie tylko czubek języka tworzył zwarcie z dziąsłami, ale również, by w tym samym momencie środek języka zetknął się z podniebieniem twardym (s. 33).

Czymże są te komentarze, jeśli nie objaśnieniami artykulacyjnymi? Zarzut recenzentki jest nietrafiony, szczególnie, że książka jest pomyślana jako *Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji*, a więc stanowi zestaw ćwiczeń do wykorzystania przez lektora języka rosyjskiego, a także przez studenta do pracy własnej. Ale błędzić jest rzeczą ludzką.

Recenzentka niestety kilkakrotnie mija się z prawdą, wprowadzając jednocześnie czytelnika w błąd, co uznaję za główny zarzut. Można złożyć to na karb mało pogłębionej lektury, bo nie chcę wierzyć w złą wolę lub celową chęć zdyskredytowania mojej pracy. Poniżej zaprezentuję pewne fragmenty recenzji, a zaraz potem miejsca z publikacji, które świadczą o czymś zupełnie innym, niż twierdzi Pani Profesor.

W recenzji, w części poświęconej stosowanej terminologii, czytamy: „Na przykład termin ‘syntagma’ stosuje się tu w znaczeniu ‘zdanie’” (s. 226). To nieprawda. W mojej książce odnajdziemy diametralnie inne rozumienie tego pojęcia:

Poszczególne części wypowiedzenia domknięte pod względem semantyczno-syntaktycznym i fonetycznym to **syntagmy**. Innymi słowy, syntagma to słowo (lub grupa słów), stanowiące pewną intonacyjną całość i wyrażające skończoną myśl. Syntagma może się składać z jednego słowa bądź grupy słów czy stanowić całe zdanie. Zdania mogą się składać z wielu syntagm lub tylko z jednej syntagmy. Na pograniczu syntagm może powstać akustyczne wrażenie pauzy, które tworzy intonacyjny kontrast (s. 50).

Recenzentka ponownie udowadnia, że nie zapoznała się dokładnie z publikacją, uważając, że

Reguły udźwięcznień i ubezdźwięcznień są omówione tylko częściowo, ponieważ, jak twierdzi autor są (z wyjątkiem jednego kontekstu), takie same jak w polskim. Otóż niekoniecznie. Najwyraźniej autor pochodzi z Polski północno-wschodniej i nie jest świadom tego, że tam, gdzie mieszka mówi się inaczej (s. 228).

To nieprawda. Te zagadnienia pojawiają się w podręczniku w kilku miejscach (s. 47, 85–87, 122–123), przy czym omawiane są, wraz z przykładami i ćwiczeniami, zasady udźwięcznienia spółgłosek, ubezdźwięcznienia wstecznego czy zachowania bezdźwięczności przed niektórymi spółgłoskami oraz samogłoskami. Mylna jest także diagnoza o moim pochodzeniu. Ale błędzić jest rzeczą ludzką.

Kolejny fragment, w którym autorka czyni uogólniony zarzut, wymaga mojej riposty. W recenzji czytamy:

Kilka kontrastywnych problemów rosyjskiej fonetyki autorowi umknęło. Znalazłam też parę nieścisłości. Tak więc, realizacja rosyjskiego akcentu jest inna niż polskiego. O tym, ani słowa (s. 227).

Owszem, nie ma w książce rozbudowanych informacji i ćwiczeń związanych z akcentem, ale zadeklarowałem to już we wstępie, podkreślając, że koncentruję się na zagadnieniach związanych z artykulacją i prezentacją procesów i zjawisk fonetycznych, nie chcąc konkurować z kompleksowym opracowaniem Doroty Dziewanowskiej *Akcent w języku rosyjskim. Ćwiczenia praktyczne* (Warszawa 2000), które może być uzupełnieniem kursu, zwłaszcza na późniejszym etapie nauki, przede wszystkim na studiach filologicznych.

Pani Profesor pisze: „O tym ani słowa”, co wzbudziło moje prawdziwe poirytowanie. Zacytuję więc wprost z mojej książki kilka fragmentów, gdzie jest więcej niż tylko jedno słowo na temat akcentu. Nie rozumiem, jak można być tak nieuczciwym w recenzji naukowej. Oto tylko kilka cytatów na dowód, że recenzentka nie ma racji:

W przeciwieństwie do języka polskiego, w którym przeważa akcent paroksytoniczny, w języku rosyjskim nie ma akcentu stałego. Akcent jest ruchomy, co oznacza, że podczas nauki należy zachować czujność [...] Akcent w języku rosyjskim odgrywa dużą rolę, ponieważ wpływa nie tylko na wymowę, ale również na znaczenie wyrazu czy rozróżnienie form gramatycznych (s. 18).

Jednym z podstawowych zjawisk w systemie fonetycznym języka rosyjskiego jest redukcja samogłosek. Zjawisko to wiąże się nierozzerwalnie z akcentem wyrazowym [...]. Zasadnicze znaczenie ma też miejsce danej sylaby nieakcentowanej w wyrazie względem akcentu. Należy zatem wyróżnić sylabę przedakcentową i poakcentową (s. 19).

Pomiędzy językiem rosyjskim i polskim istnieją różnice w akcentowaniu niektórych wyrazów przyimkowych. W połączeniach: przyimek + jednosylabowy zaimek w języku polskim akcent musi padać na przyimek, w języku rosyjskim – na zaimek (s. 73).

We wszystkich formach tych przymiotników (bez względu na rodzaj, liczbę, przypadki zależne) akcent jest stały, czyli pada na sylabę akcentowaną w formie podstawowej (mianownik liczby pojedynczej, rodzaj męski) (s. 81).

Na stronie 228 recenzentka pisze: „Nie jest prawdą, że rosyjski kontekst *ри* wymawiany jest tak samo jak polskie *ri*”. W moim podręczniku nigdzie nie pada stwierdzenie, że te konteksty wymawiane są tak samo. Zacytuję więc znów fragment z książki:

Odpowiedników polskich nie mają też miękkie *п* i *м* [...]. Zwróć uwagę na wymowę miękkiej spółgłoski *п* przed samogłoskami jotowanymi. W języku polskim podobna głoska występuje np. w wyrazach *riwier*, *ring*, *riposta* (s. 45-46).

Jednocześnie pomija się w recenzji te fragmenty, które wyróżniają książkę na tle podobnych. Nieprawdą jest też, że w książce „dołą-

czono kilka ćwiczeń, polegających głównie na powtarzaniu trudnych kontekstów” (s. 225). Książka obfituje w liczne ćwiczenia: od tych najprostszych — stosowanych na początkowym etapie nauki — polegających na powtarzaniu za lektorem, po ćwiczenia komunikacyjne zawierające zadane trudności fonetyczne, te związane z akcentuacją, a także te oparte na „łamańcach językowych”, piosenkach i tekstach rymowanych. Nie znajdziemy w wydanych w ostatnich latach podręcznikach wymowy rosyjskiej zagadnień związanych np. z wymową skrótowców, wymową zapożyczeń, wymową rosyjskich imion odojcowskich, imion i nazwisk obcych i in. Te zagadnienia znalazły się w omawianej *Fonetyce rosyjskiej*.

W innym fragmencie recenzentka pisze: „Autor wspomina o wymowie nieakcentowanych samogłosek, ale ani słowa nie poświęcił tylnym samogłoskom akcentowanym, których wymowa diametralnie różni się od polskiej” (s. 228). Tymczasem we wprowadzeniu do samogłosek rosyjskich pisze: „Różnią się one swoim brzmieniem od samogłosek języka polskiego” (s. 16), podając następnie przykłady, z których powinien skorzystać lektor, ćwicząc ze studentami artykulację poszczególnych samogłosek. Nie wiem skąd u recenzentki przekonanie, że „[...] liczne sformułowania utrwalają u studentów przekonanie, że litery się wymawia i że „głoska” to to samo co „litera”” (s. 227). Absolutnie nie znajduje to odzwierciedlenia w podręczniku. Wszędzie, w każdym miejscu poświęconym artykulacji, w poleceniach do ćwiczeń oraz komentarzach dydaktycznych, jest mowa o wymowie głosek. Nie mam w tym względzie żadnych wątpliwości.

W moim podręczniku definiuję także termin *akcent logiczny/zdaniowy*, ale już samo przywołanie *akcentu logicznego* budzi dezaprobatę recenzentki, która uznaje go za termin „szkolny” (s. 226). Nie zdołałbym tu nawet na kilkunastu stronach wymienić artykułów, gramatyk akademickich, encyklopedii i wpisów w *Poradach językowych* na stronie Rady Języka Polskiego, w których to pojęcie jest używane. Nie podzielam też twierdzenia recenzentki, że *rytmika* to „rodzaj ćwiczeń fizycznych” (s. 226) i nie należy używać tego pojęcia w opisie zagadnień akcentowo-prozodycznych. Rytmika to nie „ćwiczenia fizyczne”, a umuzykalniające, mające na celu kształcenie kultury muzycznej i słuchu uczniów (przede wszystkim szkół muzycznych, ale nie tylko), zwracające szczególną uwagę na ten aspekt utworu muzycznego, jakim jest przebieg rytmiczny, a co za tym idzie także metrum i tempo. Rytmika to wreszcie w teorii muzyki termin określający przebieg miarowy utworu, a jej rodzaj ma zasadniczy wpływ

na jego charakter (m.in. rytmika miarowa, zmienna, ale też taneczna czy marszowa rytmika). Glottodydaktyka rosyjska przejęła to pojęcie, posługując się nim w kontekście akcentu słownego, kiedy mówimy o iloczasiu i cechach prozodycznych.

W kolejnych częściach recenzji pada stwierdzenie:

Autor kontynuuje notoryczne praktyki rusycystyczne, stosowane w procesie nauczania języka rosyjskiego. [...] Rusycyści na świecie stanowią ogromne, potężne środowisko naukowe, ale bardzo hermetyczne – właśnie dlatego, że kiszą się głównie we własnym sosie i zwykle w kręgu bardzo wąskiej tematyki (s. 225–226).

Ponieważ odczuwam w tej opinii nie tyle chęć merytorycznej oceny dokonań rusycystyki ostatnich lat, co raczej wyraz osobistej antypatii autorki do środowiska, ograniczę się do stwierdzenia, że wtręty te niewiele mają wspólnego z oceną mojej książki, która – potwierdzam – kontynuuje pewne tradycje i dokonania glottodydaktyki rusycystycznej. Stanowi jednak przełamanie pewnych tendencji i nie-trafionych założeń. Od dwunastu lat pracuję ze studentami podczas zajęciach praktycznych. Poszukiwania publikacji do nauki wymowy rosyjskiej, mimo sporego dość wyboru takich książek, skończyły się niepowodzeniem – żadnej nie da się potraktować jako kompleksowego kursu i zastosować na zajęciach, jakie znajdziemy w programie studiów większości ośrodków rusycystycznych w Polsce. Należy dodać, że studia te podejmują przede wszystkim osoby uczące się języka rosyjskiego od podstaw. W wielu podręcznikach do fonetyki nie ma niestety stopniowania trudności, w pierwszym rozdziale zawierają one często w zasadzie już zaawansowane ćwiczenia i trudności fonetyczne, kiedy na zajęciach w sali wykładowej nauczyciel ma przed sobą studenta, który nie zna cyrylicy. Nie twierdzę, że jest to podręcznik idealny, ale od 2018 roku sprawdza się na zajęciach w tej formie, w jakiej został wydany po rzetelnym procesie wydawniczym, we współpracy z doświadczoną redaktorką panią Jadwigą Hass. Co rok, po zakończeniu kursu, otrzymuję od studentów informację zwrotną z podziękowaniami za czytelne wyjaśnienie problemów wymowy, jakie odnajdują w tej książce i na zajęciach. Stanowi ona zresztą bazę – w trakcie zajęć często ćwiczenia są modyfikowane, a materiał, który jest dobrany w sposób przemyślany i – co pragnę powtórzyć – wynika z praktyki dydaktycznej, daje możliwość wykorzystania go do gier językowych, ćwiczeń rozgrzewkowych, powtórkowych. Podkreśla to także w recenzji wydawniczej dr hab. Krzysztof Kusal, twierdząc, że „autor jest nie tylko teoretykiem, ale przede wszystkim doświadczonym praktykiem, który potrafi prognozować trudności oraz potrzeby

uczących się i odpowiednio na nie zareagować”. Recenzent dodaje, że „uniwersalizm podręcznika polega także na tym, że z powodzeniem może on być wykorzystany w odwrotnym kierunku, a mianowicie na zajęciach z praktycznej fonetyki języka polskiego w środowisku rosyjskojęzycznym”. Potwierdzam, że tak się właśnie dzieje.

Po lekturze recenzji odnosi się graniczące z pewnością wrażenie, że autorka nie pracowała z książką podczas zajęć z wymowy języka rosyjskiego. Trudno nie zgodzić się ze stwierdzeniem, że przydatność dydaktyczną podręcznika można ocenić głównie podczas ćwiczeń praktycznych.

Praktyka dydaktyczna pozwala mi odpowiedzieć Pani Profesor w jeszcze jednej kwestii. W kontekście problemów z wymową rosyjskiego przedniojęzykowo-zębowego л recenzentka twierdzi: „Otóż nie, rosyjską literę л (oczywiście nie głoskę) polscy uczniowie wymawiają zwykle jako [w] ([ɯ])” (s. 227). Otóż nie. Podeprę się statystyką - w bieżącym roku akademickim, w grupie dwudziestu osób, u jedynie dwóch obserwuję interferencję, powodującą realizację [ɯ]. Jeśli występuje nieprawidłowa wymowa, to przeważa przedniojęzykowo-działłowa artykulacja. Zapraszam Panią Profesor do sali wykładowej na zajęcia — będzie się można przekonać, jak dzisiejsi studenci wypowiadają rosyjskie л. W recenzji nie ma też odniesień do konstrukcji książki, pomyślanej jako całościowy kurs, którego kolejne jednostki zajęciowe oparte są na zasadzie koncentracji miejsc trudnych, implikujących błędy w wymowie. Układ materiału polega tu na izolowaniu trudności przy stopniowym wprowadzaniu nowych zjawisk fonetycznych. Poszedłem w tym przypadku tropem wcześniej już wyznaczonym, którym podążali też autorzy podręczników do fonetyki i moi nauczyciele (Irena Januskiewicz, Danuta Misiąg, Henryk Suszko i in.). Staralem się także przestrzegać zasady niewprowadzania wyrazów, w których występowałyby nowe, nieomawiane wcześniej zagadnienia i problemy z zakresu wymowy.

Ponieważ mylić się jest rzeczą ludzką, to przyznam się do kilku usterek i błędów w druku, np. błędna forma fleksyjna w dialogu na stronie 63 (jest: Николаевной / powinno być: Николаевне) czy też niepotrzebny miękki znak w przykładzie na stronie 119 (jest: врач / powinno być: врач) oraz literówka jabłoko zamiast jabłko (s. 21).

Autorka kończy recenzję mojej (jak sama ją nazywa) „książeczki” słowami: „PWN wydawało kiedyś lepsze książki” (s. 229.). Zapewne tak. Gdybym był uszczypliwy, odpowiedziałbym: „czytywałem kiedyś lepsze recenzje”. Ale nie jestem — i nie odpowiem w ten sposób.

NOTY O AUTORACH

NEL BIELNIAK

Dr, literaturoznawczyni, adiunkt w Zakładzie Rusycystyki Instytutu Neofilologii Uniwersytetu Zielonogórskiego. Zainteresowania badawcze: rosyjska literatura i kultura końca XIX i początku XX wieku, twórczość pierwszej fali emigracji rosyjskiej, egodokumenty. Autorka monografii *Historia a jednostka w twórczości Siergieja Siergiejewa-Censkiego* (2007), współredaktorka kilku monografii oraz kilkudziesięciu artykułów wydanych w Polsce i zagranicą.

Kontakt: n.bielniak@in.uz.zgora.pl

OLGA BOJKO

Dr, wykładowca w Katedrze Języka Rosyjskiego i Literatury na Uniwersytecie Atatürka (Erzurum, Turcja). Zainteresowania badawcze: lingwistyka stosowana, intertekstualność, teoria dyskursu, literatura fantasy. Autorka rozprawy *Интертекстуальность в художественном дискурсе фэнтези* (2021).

Kontakt: boiko.olga.onu@gmail.com

PAULINA CHARKO-KLEKOT

Mgr, asystentka w Instytucie Literaturoznawstwa Wydziału Humanistycznego UŚ. Zainteresowania i badania naukowe: najnowsza dramaturgia rosyjska, feminizm, *gender studies*, polityczność teatru i dramatu.

Kontakt: paulina.charko-klekot@us.edu.pl

JAN CICHOCKI

Dziennikarz, tłumacz literatury, filolog rusycysta. Absolwent MGU (1969). Pracował w PAP, w zespole rosyjskim, był stałym korespondentem tygodnika „Przyjaźń w Moskwie” oraz kierownikiem redakcji rosyjskiej w PA Interpress. Od 2010 roku zajmuje się wyłącznie tłumaczeniami literatur słowiańskich, przede wszystkim rosyjskiej. Wydał 25 książkowych tłumaczeń, m.in.: Wołodymyr Jaworiwski *Wilcza farma* (z ukraińskiego), Nikołaj Petew *Latarnia morska, jej strażnik i wiatr* (z bułgarskiego) oraz z rosyjskiego – trylogia Aleksandra Buszkowa *Antykwariusz, Ostatnia Wielkanoc imperatora, Skarb antykwariusza*, Michaił Bułhakow *Mistrz i Małgorzata*, Lew Tołstoj *Anna Karenina*, Michaił Kurajew *Sprawa Kukujewa* (książka nominowana do Grand Prix V Międzynarodowego Kongresu Tłumaczy w Moskwie), *Tajemnice walizki generała Sierowa. Dzien-*

NOTY O AUTORACH

niki pierwszego szefa KGB (współ z Aleksandrem Janowskim, książka maja 2019 – nagroda czasopisma *Książki Magazyn Literacki*). Członek Związku Literatów Polskich.

Kontakt: cichocki.janek@gmail.com

MARIA CYMBORSKA-LEBODA

Prof. dr hab., UMCS (wolontariat), autorka pięciu książek, 170 artykułów, współredaktorka ośmiu monografii zbiorowych. Prace najnowsze: „*Благоухающая прелесть слов поцелуйных*”: „*соблазны тела*” и „*очарования чувств*” — *земной рай и блаженное строительство в поэзии Федора Сологуба*, „*Rusistica Latviensis 7*” 2018; *Между билингвизмом и интертекстуальностью (чужое слово как подтекст). От Бердяева до Газданова*, w: *Emigrantica et cetera*, Moskwa 2019; „*Я semper idem*” и/или „*времяобъемлющее единство личности*”: *личность и время у Вячеслава Иванова и Семена Франка*, „*Slavia Orientalis*” 2019, nr 4; *Viatcheslav Ivanov et Paul Claudel: métaphysique de l'âme et du symbolisme sacré — pour une lecture analogique/anagogique*, w: „*L'avènement d'un art nouveau*”: *Essai image esthétique et spirituel de l'œuvre de Paul Claudel*, Comté 2021; „*Забота об Anima*” — Вячеслав Иванов как соучастник диалога с современностью, w: *Загадка модернизма: Вячеслав Иванов: Материалы XI Международной Ивановской конференции „Viatcheslav Ivanov: the Enigma of Modernism”. The Hebrew University of Jerusalem*, Moskwa 2021; *Концепт „нежность” и „нежная идея” в творчестве Зинаиды Гиппиус — контексты понимания*, w: *Modernizm(y) słowiański(e) w anturazhu czulości*, Wrocław 2021; *Etyka (nie)gościnności a Twarz Innego w emigracyjnym opowiadaniu Zinaidy Gippius „Так случилось”*, w: *Motyw inności w literaturach i kulturach słowiańskich*, Białystok 2022.

Kontakt: mcymborska-leboda@o2.pl

GRZEGORZ CZERWIŃSKI

Dr hab., adiunkt na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu w Białymstoku. Wcześniej pracował jako *postdoctoral researcher* na Uniwersytecie w Gandawie w Belgii. W latach 2013–2016 kierownik projektu badawczego NCN *Literatura polsko-tatarska po 1918 roku*. Autor monografii „*Jam z rodu Nomadów*”. *Literatura polsko-tatarska po 1918 roku* (2017). Obecnie zajmuje się literaturami rdzennych narodów rosyjskiej Syberii, Arktyki i Dalekiego Wschodu oraz literaturą fikcyjną ze szczególnym uwzględnieniem reportażu. Publikował w czasopismach: „*Russian Literature*”, „*Zeitschrift für Slavische Philologie*”, „*Pamiętnik Literacki*”, „*Rocznik Komparatystyczny*”, „*Ruch Literacki*” i „*Slavia Orientalis*”.

Kontakt: g.czerwinski@hotmail.com

MONIKA KNUROWSKA

Dr, adiunkt w Katedrze Literatury Rosyjskiej w Instytucie Neofilologii Uniwersytetu Pedagogicznego im. KEN w Krakowie. Autorka monografii „*На обочине*”. *Герой рассказов Людмилы Улицкой*, Kraków 2015.

Kontakt: monika.knurowska@up.krakow.pl

NATALIIA MALIUTINA

Dr hab., prof. UwB, rusycystka, ukrainistka, komparatystka, badaczka dramatu XIX–XXI stulecia, nowych zjawisk w aspekcie identyfikacji kulturowej. Autorka sześciu monografii, m.in. *Проблема культурной (само)идентификации героя в новейшей постсоветской драме: перформативность* (we współautorstwie z A. Maroń, Kraków 2019), *Українська драматургія кінця XIX і початку XX століття* (Toruń 2020). Współorganizator pięciu międzynarodowych konferencji naukowych z cyklu *Odessa i Morze Czarne. Polsko-Ukraińskie związki kulturowe* (Białystok–Odessa, 2013–2019), trzech międzynarodowych konferencji naukowych *Współczesna драма російська* (Rzeszów, 2013–2015). Współredaktor tomów *Dramat w nowych ujęciach teoretycznych* (Białystok–Odessa 2014), *Odessa i Morze Czarne jako przestrzeń literacka* (Białystok 2016, 2018, 2019) *Перформативізація сучасної російської драми: славянський літературний контекст* (Rzeszów 2019), autorka studiów w „Świat i Słowo”, „Slavica Wratislaviensia”, „Studia Wschodniosłowiańskie”. Staż naukowy Justus–Liebig Universität Giessen (Niemcy) 2019–2020.

Kontakt: malutina2002@wp.pl

WŁODZIMIERZ OSADCZY

Dr hab., teolog, historyk, politolog. W latach 1998–2009 pracownik Instytutu Badań nad Polonią i Duszpasterstwem Polonijnym Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, w latach 2006–2009 również Instytutu Historii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Od 2009 do 2014 roku Kierownik Katedry Historii Rodziny w Instytut Nauk o Rodzinie i Pracy Socjalnej KUL, a potem pracownik Instytutu Historii Kościoła i Patrologii KUL. W latach 2006–2009 kanclerz Europejskiego Kolegium Polskich i Ukraińskich Uniwersytetów. Od 2011 do 2019 roku dyrektor Ośrodka Badań Wschodnioeuropejskich Centrum Ucrainicum. W latach 2016–2023 prezes Stowarzyszenia Instytut Pamięci i Dziedzictwa Kresowego. Członek Komisji Europy Wschodniej PAU. Główne obszary zainteresowań badawczych: Kościół katolicki na Kresach, stosunki polsko-ukraińskie, Kościół na terenach post-sowieckich, Kościół unicki. Najważniejsze publikacje książkowe: *Kościół i Cerkiew na wspólnej drodze. Concordia 1863* (1999); *Święta Ruś. Rozwój i oddziaływanie idei prawosławia w Galicji* (2007) oraz kilka tomów redagowanych.

Kontakt: wlodos@yahoo.com

NOTY O AUTORACH

MACIEJ PIECZYŃSKI

Dr literaturoznawstwa; pracownik naukowo-dydaktyczny Instytutu Literatury i Nowych Mediów Uniwersytetu Szczecińskiego. Rusycysta, ukrainista. Zajmuje się głównie współczesną dramaturgią rosyjską, ale również publicystyką rosyjską, ukraińską oraz białoruską. Publikuje na łamach rosyjskojęzycznego portalu „Nowaja Polska”. Autor książek *Jak nas piszą cyrylicą. Białorusini, Rosjanie i Ukraińcy o Polakach*, *Modele dialogu z tradycją w najnowszej dramaturgii rosyjskiej* oraz *Granica propagandy. Łukaszenka i Putin na wojnie hybrydowej z Polską*.

Kontakt: maciej.pieczynski@usz.edu.pl

KAZIMIERZ PRUS

Prof. UR, literaturoznawca. Autor 100 publikacji naukowych oraz książek: *Kazimierz Andrzej Jaworski – tłumacz, wydawca i popularyzator literatury rosyjskiej*, Słupsk 1981; *Liryka Fiodora Tiutczewa. Charakterystyka gatunków*, Rzeszów 1990; *Liryka Władimira Bieniediktowa*, Rzeszów 1998; *Rosyjska liryka romantyczna. Gatunki nietradycyjne*, Rzeszów 2009; *O współczesnej rosyjskiej modlitwie poetyckiej. Od Mariny Cwietajewej do najnowszej modlitwy internetowej*, Rzeszów 2014.

Kontakt: kprus@ur.edu.pl

YEROL TURASHBEK

Doktorant na Kazachskim Narodowym Uniwersytecie Pedagogicznym im. Abaja, starszy wykładowca na Kazachskim Narodowym im. Al-Farabiego. Zainteresowania naukowe: semantyka leksykalna (w szczególności ewolucja słownictwa z grupy leksykalno-semantycznej „astrologia”), zapożyczenia leksykalne (anglicyzmy w języku rosyjskim).

Kontakt: turashbek.kaznu@bk.ru

JAKUB WALCZAK

Dr, rusycysta, pracownik badawczo-dydaktyczny w Instytucie Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego. Prowadzi zajęcia z praktycznej nauki języka rosyjskiego. Jego zainteresowania naukowe skupione są wokół komparatystyki literackiej, semiotyki kultury, przekładoznawstwa, a także glottodydaktyki. Swój warsztat kształcił na stażach na uniwersytetach w Petersburgu, Tomsku, Kaliningradzie. Autor książek *Kiedy literatura staje się muzyką* oraz *Ну, ладно! Minimum leksykalne języka rosyjskiego dla poziomu średnio zaawansowanego* (współautorka Dorota Drużyłowska), a także *Fonetyka rosyjska. Praktyczny przewodnik po wymowie i intonacji z ćwiczeniami*. Publikował m.in. w czasopismach „Slavia Orientalis”, „Przestrzenie Teorii”, „Slavica Wratislaviensia”, „Języki Obce w Szkole”, „Przeгляд Rusycystyczny”, „Studia Rossica Posnaniensia”.

Kontakt: jakub.walczak@uwr.edu.pl

PAULINA WÓJCIKOWSKA-WANTUCH

Dr, adiunkt w Katedrze Literatury Rosyjskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu Pedagogicznego w Krakowie. Autorka monografii *Rosyjska bajka literacka na przełomie XX i XXI wieku*. Zainteresowania badawcze: relacje literatury końca XX i początku XXI wieku z gatunkami folkloru oraz nawiązania do mitologii słowiańskiej, duchowość prawosławna, bajki i baśnie, literatura dziecięca polska i rosyjska.

Kontakt: paulina.wojcikowska.wantuch@gmail.com

ANATOLIJ ZAHNITKO

Dr hab. nauk filologicznych, profesor Wydziału Lingwistyki Ogólnej i Stosowanej oraz Filologii Słowiańskiej Donieckiego Uniwersytetu Narodowego imienia Wasyla Stusa (Winnica). Główny pracownik naukowy Ukraińskiej Fundacji Językowo-Informacyjnej NAN Ukrainy, członek korespondent NAN Ukrainy. Zainteresowania naukowe: językoznawstwo teoretyczne, ogólne, porównawczo-historyczne i słowiańskie, funkcjonalne, komunikacyjne, tekstowe, korpusowe, stosowane; teoria systemów językowych; gramatyka przypadkowa, analityczna, formalna. Monografie: *Teorija linhwopersonolohiji* (2017); *Mownyj prostir hramatyky* (2018); *Delineation of Linguopersonology and Linguoaxiology* (we współautorstwie, 2019); *Teorii linhwistycznych uczeń*. (2019); *Współczesny słownik lingwistyczny* (2020).

Kontakt: a.zagnitko@donnu.edu.ua

PIOTR ZEMSZAL

Dr hab., zatrudniony w Katedrze Języków Słowiańskich Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, absolwent historii i filologii rosyjskiej, badacz pragmatyki tzw. nowomowy radzieckiej, tłumacz. Zainteresowania naukowe: manifestacje ideologii w dyskursie, relacje między dyskursem ideologicznym a kulturą, sposoby językowego oddziaływania na odbiorcę. Autor licznych prac poświęconych tzw. nowomowie, m.in. *Rytualność i pragmatyzm sowieckiego dyskursu totalitarnego. O pragmatycznej zasadzie kompetencji nadawcy i nominacjach dotyczących Stalina* („Socjolingwistyka” 2012), *Ojciec, wódz, nauczyciel. Nominacje językowe dotyczące Stalina w sowieckim dyskursie ideologicznym w okresie powojennym* (Toruń 2016), *Kultura – ideologia – metafora* (Toruń 2018).

Kontakt: pietruszka@wp.pl